

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ.

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 22, 2019

Владикавказ 2019

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
З. В. Канукова

Редакционная коллегия:

Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Е. Б. Бесолова, Е. Б. Дзапарова, Ф.О. Абаева

Спецвыпуск журнала издан в рамках Государственной программы
Республики Северная Осетия – Алания «Национально-культурное
развитие осетинского народа» на 2018-2020 гг.

Учредитель:

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

*Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов
и не всегда совпадают с точкой зрения редколлегии
и редакции журнала*

ISSN 2310-578X

© СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

I. МАСТЕР-КЛАССЫ

Айларова С.А. Отечественное алановедение в постсоветское время	5
Беляев О.И. Корпусные методы в изучении осетинского языка	18
Кузьминов П.А. Объективная субъективность в исторических исследованиях кавказоведения	30
Кулумбегов Р.П. Историческая наука. Традиции, инновации, инструментарий	40
Бетанов В.Т., Киреев Ф.С. Состав городской управы Владикавказа в середине XIX – начале XX вв.	49
Рахно К.Ю. Мотив потопа в осетинском нартовском эпосе: миф и историческая поэтика	59
Кобахидзе Е.И. Административная и образовательная практики на Центральном Кавказе в объединительной политике позднеимперской России	64

II. ИСТОРИЯ

Кануков З.Т. Алано-персидские внешнеполитические связи в эпоху раннего средневековья.....	74
Дидем Чатал Кылыч – Социально-экономическая жизнь казаков Северо-Восточного Кавказа (с XVI по XIX вв.)	80
Дохова З.Р. Роль М.Т. Лорис-Меликова в решении крестьянского вопроса в Кабарде.....	101
Абаева М.Ш. Проблемы строительства колесной дороги в Балкарское Общество во второй половине XIX века	108
Баззаев Н.А. Состояние сельского хозяйства Юго-Осетинской автономной области в 1922-1928 гг.	117
Гуртуев Р.С. Обсуждение проекта строительства Баксанской ГЭС на заседании Президиума Кабардино-Балкарского облисполкома 27 февраля 1927 года	124
Техова Д.Р. Осетины участники Советско-Финской войны 1939-1940 гг.	134

III. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Сокурова С.С., Коновалов А.А. Образ другого и социокультурный диалог: Кавказская война в русской литературе XIX в.	139
Тахушева И.С. Исследование истории народов Северного Кавказа в либерально-демократической печати России XIX в.: опыт применения системного метода	146

IV. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Багаев А.Б. Хозяин диких животных в осетинской охотничьей субкультуре.....	155
Дауева Т.Т. Правовой статус осетинки в традиционном обществе	164

Битиев Б.А. Ныхас – народное собрание у осетин	169
Битиев Д.В. Ордали в системе обычного права в древне-германской и осетинской традициях: сравнительный анализ	181
Мехробиддин С.Н. «Мясо для сильных», или еда как фактор культурогенеза: германско-осетинские параллели	187
Лазарова О.М. Представления о страшном суде и посмертном существовании: осетинско-германские параллели по данным иконографии и письменных нарративных источников	196

V. ФИЛОЛОГИЯ

Цориты Э.Ш. Категория определенности в осетинском языке	203
Дзапарова Е.Б. Осетинская поэзия в художественном переводе русских писателей (50-80-е гг. XX в.)	209
Моргоева Л.Б. Структурно-семантические особенности звукоизобразительных единиц в языке и тексте	223
Бритаева А.Б. Поэтика повести Ч. Айларова «Маленький Микро из рода Ангинаевых»: культурно-просветительский аспект	233
Цаллагова И.Н. Композит как элемент словообразовательной системы дигорского диалекта осетинского языка	240
Абаева Ф.О. О доминанте синонимической парадигмы слов осетинского языка со значением «корыто»	246
Кодзати И.А. Об устойчивых сочетаниях осетинского языка, обусловленных национальными реалиями	255
Æлборты Т.А. эпосы фæлгонцтæ æмæ сюжетон мотивтæ хугаты сергейы роман «Нарты фарнæг»-ы	265

VI. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Синанов Б.А. Актуальные аспекты языковой политики в Республике Северная Осетия-Алания	270
Хапсаева Д.В. Бассейн реки Терек: социально-политический аспект региональной экологической политики	278
Баликоева Л.М., Гутиев А.Э. Местное самоуправление как форма местной публичной власти	286
Габараева М.Р. Отношение жителей Дагестана к власти по материалам контент-анализа социальных сетей (в первом полугодии 2019 года)	294
Янадамов А.М. Государственно-конституционное строительство в Чеченской Республике на рубеже XX – XXI вв.	300
Дедюлина А.М. Трансформация регионов СКФО в индустрию 4.0	304
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	310

I. МАСТЕР-КЛАССЫ

С.А. Айларова

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ АЛАНОВЕДЕНИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

В статье, имеющей обзорный характер, рассматривается развитие алановедения (осетиноведения) в конце XX – начале XXI в., т.е. в постсоветский период. Особо акцентируется роль постсоветской алановедческой историографии в определении преемственности осетинской истории и культуры как наследницы скифо-сармато-аланской культуры Кавказа, и шире – Евразии. Материал, сгруппированный по проблемно-тематическому принципу, свидетельствует о глубине, оригинальности, масштабности мышления многих авторов, о полнокровности развития этого направления кавказоведения и мировой гуманитарной науки в последние десятилетия. Этногенез, социо- и политогенез, культурная и экономическая история ранних и средневековых алан анализируется в работах Ф.Х. Гутнова, А.А. Цуциева, Н.Н. Лысенко, А.А. Дзарасова и др. Язык, фольклор, религия, традиции и обычаи, материальная культура осетин, сохранившие пласты древнеиранского наследия, послужили источником для научных суждений и выводов авторов, изучающих историю и социально-культурные феномены алан, сармат, скифов и других народов Евразии. В исследованиях В.А. Кузнецова, Р.Г. Дзаттиаты, Р.С. Бзарова, А.А. Туаллагова, А.В. Дарчиева, А.Х. Хадиковой содержатся широкие сравнительные параллели, весомые научные аргументы о преемственности и непрерывности древнеиранских социальных и культурных традиций, реконструируются феномены исторического бытия осетинского народа и его предков. Проблемы историзма осетинского Нартовского эпоса, его мифологического ядра, связанности с духовной историей индоиранского ареала народов – в центре внимания исследователей Л.А. Чибирова, Э.Б. Сатцаева, А.Е. Иванеско, Р.Ф. Фидарова и др. Авторы констатируют поразительную устойчивость информации об отдельных этносах, событиях, эпизодах, исторических деятелях скифо-сармато-аланской истории; вслед за ос-

новополагающими трудами Ж. Дюмезиля и В.И. Абаева подтверждают мнения о зарождении и формировании первоначального ядра Нартиады в скифо-аланской среде. Блестящая военная культура мира скифо-сармато-аланских племен, ставшая истоком военного искусства средневековой Осетии, послужила темой исследований А.А. Сланова и А.Б. Багаева. Изучению аланской православной традиции, послужившей основой осетинской христианской истории Нового времени, посвящены монографии В.А. Кузнецова, М.М. Мамиева, С.Н. Малахова, А.Ю. Виноградова, Д.В. Белецкого. В статье содержится вывод, что постсоветская история алановедения (осетиноведения) позволяет еще раз подтвердить, что это самостоятельное, признанное направление мировой гуманитарной науки, характеризующееся комплексным характером, междисциплинарностью, включающее археологические, исторические, лингвистические, этнологические, фольклорные и др. исследования.

Ключевые слова: алановедение, осетиноведение, постсоветская историография, древнеиранское наследие, аланская культура, осетинская культура, историко-культурная преемственность.

The article, which has a review character, examines the development of Alanology (Ossetian studies) at the end of the 20th - beginning of the 21st centuries, i.e. in the post-Soviet period. Particularly emphasized is the role of post-Soviet Alanological historiography in determining the continuity of Ossetian history and culture as the heir to the Scythian-Sarmatian-Alanian culture of the Caucasus, and more broadly - Eurasia. The material, grouped according to the problem-thematic principle, testifies to the depth, originality, scale of thinking of many authors, to the full-blooded development of this area of Caucasian studies and world humanitarian science in recent decades. Ethnogenesis, socio-and political genesis, the cultural and economic history of the early and medieval Alans are analyzed in the works of F.Kh. Gutnova, A.A. Tsutsieva, N.N. Lysenko, A.A. Dzarasova et al. Language, folklore, religion, traditions and customs, the material culture of Ossetians, who have preserved the layers of the ancient Iranian heritage, served as a source for scientific judgments and conclusions of authors studying the history and socio-cultural phenomena of the Alans, Sarmatians, Scythians and other peoples of Eurasia. In the research of V.A. Kuznetsova, R.G. Dzattiaty, R.S. Bzarova, A.A. Tuallagova, A.V. Darchieva, A.Kh. Khadikova contains broad comparative parallels, weighty scientific arguments about the continuity and continuity of ancient Iranian social and cultural traditions, reconstructed the phenomena of the historical life of the Ossetian people and their ancestors. The problems of the historicism of the Ossetian Nart epic, its mythological core, its connection with the spiritual history of the Indo-Iranian range of peoples are in the center of attention of researchers L.A. Chibirova, E.B. Sattsaeva A.E. Ivanenco, R.F. Fidarova et al. The authors note the amazing stability of information about individual ethnic groups, events, episodes, historical figures of Scythian-Sarmatian-Alanian history; following the fundamental works of J. Dumézil and V.I. Abaev is supported by opinions on the origin and formation of the original core of Nartiada in the Scythian-Alanian environment. The brilliant military

culture of the world of Scythian-Sarmatian-Alan tribes, which became the source of the military art of medieval Ossetia, served as the subject of A.A. Slanova and A.B. Bagaev. The monographs of V.A. Kuznetsova, M.M. Mamiev, S.N. Malakhova, A.Yu. Vinogradova, D.V. Beletsky. The article concludes that the post-Soviet history of Alanology (Ossetian studies) allows us to confirm once again that this is an independent, recognized direction of the world humanities, characterized by a complex nature, interdisciplinarity, including archaeological, historical, linguistic, ethnological, folklore and other studies.

Keywords: *Alanian studies, Ossetian studies, post-soviet historiography, ancient Iranian heritage, Alanian culture, Ossetian culture, historical and cultural continuity.*

В постсоветское время алано-осетиноведение вступает в новый период. Уже со второй половины 80-х гг. XX в. в отечественной науке происходит процесс раскрепощения исторического сознания, отказа от привычки к устоявшимся схемам и директивным оценкам, от страха «ошибиться» и не попасть в «общую струю». С этого же времени резко возрастает интерес к ранним этапам истории народов. Алановедческие штудии обретают в это время новое дыхание.

С 1990-х гг. плодотворно работает в аланской тематике **Ф.Х. Гутнов**. Специалист по социальной и политической истории средневековой Алании, он выступает в эти годы с рядом исследований, предлагающих оригинальное концептуальное видение процессов классогенеза и политогенеза в аланском обществе. Ученый полагает, что новая система управления у алан формировалась не через «разложение общины», а посредством узурпации функций (военного) управления. Новая парадигма алановедения развивается в фундаментальных трудах ученого: «Средневековая Осетия» (1993); «Ранние аланы: проблемы этносоциальной истории» (1993); «Аристократия алан» (2005); «Горский феодализм» (в трех томах 1997, 1998, 2014); «Аланы» (2011); «Скифы и аланы» (2014); «Осетинские фамилии» (2015) и др. [1-9]. Автор доказывает, что эволюция общественного строя народов северокавказского региона представляет значительный интерес для выявления специфики политогенеза у народов Евразии. Подчеркивается, что кавказский материал важен для понимания общей проблемы генезиса феодализма. Выводы, к которым пришел ученый, чрезвычайно важны и для понимания процессов феодализации у позднейших осетин – ведь тенденции классовообразования и социогенеза у осетин имели исток аналогичные процессы в аланском социуме.

Проблемы этногенеза, социо- и политогенеза, культурной и экономической истории ранних и средневековых алан рассматриваются в целом ряде работ, появившихся в постсоветское время.

В диссертации **А.А. Цуциева**, посвященной среднеазиатским аланам, впервые в алановедении данный регион рассматривался столь

объемно. Автором привлечена масштабная информация о среднеазиатских аланах, необходимая для разрешения такой сложной и дискуссионной проблемы, как ранний этап этногенеза алан. В частности, среди активно используемых материалов – известия китайских династийных хроник, интересного и на тот момент мало используемого круга источников [10].

Феномен этнического становления и последующей военно-политической экспансии алан, как в Азии, так и в Европе, рассматривается в трудах **Н.Н. Лысенко** [11; 12]. При этом автор представляет ранние аланские племена – асиан, языгов, роксолан и аорсов – в качестве политически самодостаточных субэтнотипов складывающегося на евразийском пространстве единого аланского этноса. При таком концептуальном подходе сама история алан осознается как последовательный и целостный процесс становления, развития и конечной аннигиляции конкретного этноса.

Алания – как часть скифо-сарматского мира, сформировавшаяся во взаимодействии народами Кавказа, – в центре внимания диссертационного исследования **А.А. Дзарасова** [13]. Значимость аланского компонента в историко-культурном обмене и взаимодействии с другими этносоциальными организмами Кавказа особо рельефно выявляется в торгово-экономических взаимосвязях горских народов как наименее исследованных и дискуссионных в историографии Северного Кавказа. Роль торговли (контроля над важнейшими магистралями международной и региональной торговли) выразилась в усилении позиций военной аристократии алан и эволюции социальных процессов. Автор подчеркивает активную включенность алан в мировую торговлю на северокавказских участках трасс Великого шелкового пути как важнейшего феномена экономической жизни Кавказского региона, обусловившего активный культурный обмен и интеграцию народов и цивилизаций Евразии.

Анализ потестарных структур алан, начиная с самого раннего периода их истории до формирования раннеклассового общества, содержится в монографии **К.М. Кодзаева** [14]. В центре внимания исследователя – становление и функционирование аланской элиты, обладавшей определенной долей публичной власти, а также формирование в аланском социуме во второй половине I тыс. протогосударственных образований (вожеств) с усложнением иерархической надлокальной системы управления.

Изучению социальных процессов в аланском обществе эпохи ранне-средневековья посвящена монография **Д.С. Коробова** [15]. Выделяются социальные ранги (страты, группы) среди аланского населения разных регионов Северного Кавказа, в эпоху, предшествующую образованию государства. Социальная реконструкция аланского общества IV–IX вв. проведена при опоре на большой комплекс источников, прежде всего археологических.

При всей сложности этнической истории, включавшей в себя массовые передвижения народов, процессы ассимиляции, интеграции, этнокультурного взаимодействия, для всех авторов несомненна историческая, социокультурная, генетическая диахронная преемственность осетин от алан, сарматов, скифов, точнее говоря – от древней североиранской среды, безраздельно господствовавшей в Великом поясе степей от Средней Азии до Дуная, вплоть до гуннского нашествия V в. н.э., а затем сосредоточившейся на обширных пространствах Северного Кавказа.

Язык, фольклор, религия, традиции и обычаи, материальная культура осетин сохранили такие пласты древнеиранского наследия, которые являются важными, а подчас единственными источниками для научных суждений и выводов при исследовании древних иранцев в Евразии, а также истории и социально-культурных феноменов других народов континента.

В постсоветский период продолжал свои алановедческие исследования **В.А. Кузнецов**. В труде «Алано-осетинские этюды» [16], состоящим из самостоятельных частей-этюдов, один из сюжетов построен на сравнении археологических фактов и живых этнографических параллелей из быта осетин, проливающих новый свет на этнографические связи алан и осетин. Не менее интересны и другие части труда, связанные причастностью к истории и культуре осетинского народа. В части-этюде «Великий шелковый путь и Северный Кавказ» подробно рассматривается трасса этого крупного пути международной торговли и обмена культурными ценностями через Северный Кавказ и Западную Аланию, что стимулировало ее экономическое, социальное и культурное развитие. В части «Аланы-ясы в Венгрии» освещена историческая судьба группы алан, трагическими событиями XIII в. заброшенной в среднее Подунавье и образовавшей там этнический анклав венгерских ясов.

Проблемы истории и культуры ранних алан исследуются в многочисленных трудах **А.А. Туаллагова** [17-22]. Они основываются на анализе археологических данных, включающих полученные в ходе непосредственного участия автора в работе археологических экспедиций, а также сведений письменных и эпиграфических источников. Часть полученных в ходе научных исследований результатов привлечена в процессе изучения аланского этапа в этногенезе осетин и интерпретации материалов с позиций преемственности и отражения в различных областях материальной и духовной культуры осетин. Особый интерес представляет монография «Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин)», посвященная анализу гипотезы о влиянии истории и культурных традиций сарматов и алан на сложение Артурианы. Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола традиционно интерпретировались в рамках языческих традиций кельтского мира. Новое направление исследований, предложившее на-

блюдения о возможном влиянии на сложение популярных средневековых легенд со стороны истории и традиций ираноязычных народов Евразии, предложенное **К. Скотт Литтлтон и Линдой А. Малкор** [23], получило в монографии Туаллагова весомые аргументы.

Труды **Р.Г. Дзаттиаты** [24; 25] вводят в научный оборот богатейшие археологические материалы. Оборонительные и бытовые сооружения, разнообразие погребальных и культовых памятники, различные категории предметов вооружения и обихода, культа и украшений дают неоценимые факты для реконструкции исторического бытия осетинского народа и его предков. Автор отмечает многочисленные элементы скифо-сармато-аланской культуры, проявившиеся в изобразительных сюжетах и мотивах, других элементах декора, орнаментике, а также языке, быте, фольклоре осетин. Археологические памятники говорят о преемственности и непрерывности традиций, свидетельствуют о неизбывности и неисчерпаемости народного творчества.

Скифо-аланскую модель социальной организации выявляет в общественном строе традиционного осетинского общества **Р.С. Бзаров** [26; 27]. Французский ученый Ж. Дюмезиль считал эту социальную модель обще-индоевропейской, характеризовавшейся троичной социальной структурой (жрецы, воины, земледельцы-производители), которой соответствовала иерархия социальных функций в идеологии. Ту же концепцию трех социальных функций он обнаружил в скифской генеалогической легенде и нарттовском эпосе осетин, сохранившем соответствующие сюжеты и яркую функциональную окраску трех нарттовских родов. Свою реконструкцию древней индоиранской традиции в рамках осетинской гражданской общины Бзаров основывает на солидном документальном материале – историческом и фольклорном. Архетипическая гражданская модель, включающая три колена с равными социальными статусами, определила в Осетии формы дальнейшего политического развития. Как подчеркивает автор, «самозащитный консерватизм гражданской общины оказался спасительным для этнического единства и этнокультурного континуитета горной Алании-Осетии XV–XVIII вв.».

Блестящая военная культура мира скифо-сармато-аланских племен, ставшая истоком военного искусства средневековой Осетии, послужила темой исследований **А.А. Сланова** [28; 29] и **А.Б. Багаева**. [31; 32] В работах Сланова «Военное дело алан I-XV вв.» и «Древнеарийская военная культура» утверждается, что иранская военная культура, поступательно развиваясь на протяжении тысячелетий под влиянием технических достижений, совершенствуясь в контактах с народами окружающего мира, стойко сохранила преемственность как духовных, так и материальных составляющих своей традиции. Комплексный анализ различных исторических источников позволил автору проследить единство, преемственность

и внутреннюю системную неразрывность военной культуры иранских народов древности и средневековья.

А.Б. Багаев в монографии «Военное дело осетин XV-XIX вв.» проследживает позитивную динамику в формировании военной культуры Осетии, которая сочетала традиции ираноязычного мира с кавказскими и активно реагировала на новации в военном деле, заимствованные из других культурно-военных систем (Закавказье, России, Европа). Автор продолжил свои исследования военной культуры традиционного осетинского общества в монографии «Верховая лошадь в этнокультурной традиции осетин». Конница являлась традиционным родом войск у осетин и их предков на протяжении всей их истории. Проведенное автором исследование позволяет говорить о непрерывности традиции воевать конным строем у северо-иранских народов с древнейших времен до начала XX в. Образ воина-всадника является символикой военной культуры ираноязычных племен Евразии. То, что осетины не утратили традиции воевать верхом даже после ухода в горы, является свидетельством устойчивости всаднической культуры в их военном деле.

В монографии **А.Х. Хадиковой** «Этнические образы и традиционные модели поведения осетин» [33] автор приходит к выводу, что базовые этнические ценности, нормативные установки, кодексы общения и модели социального управления поведением, исторически сложившиеся у осетин, синтезированы с уникальными индоиранскими скифо-сармато-аланскими древностями. Соответственно, и традиционная культура общения, и многие аспекты общественного и семейного быта, вплоть до социо-экономических навыков и пр., сформированы под воздействием двух важнейших составляющих компонентов их этнической истории. Это быт и мировоззрение индоевропейцев-алан со свойственным им господством воинской идеологии и более поздний образ жизни в разрозненных и замкнутых ущельях Центрального Кавказа, уже после разгрома средневековой Алании. Собранный и систематизированный в монографии этнографический материал предоставляет возможности отслеживания не только конкретных воплощений древнейшего пласта этногенеза осетин, но и единства самого североиранского мира, в недрах которого шел межпоколенный и многовековой отбор ценностей специфического воинского содержания и складывался соответствующий тип культуры. Культуры, в которой ведущая социальная роль принадлежала воину-всаднику с соответствующим мировоззрением, поведенческими стереотипами и специфической эстетикой. В целом именно всаднический цикл как реликт эпохи военной демократии алан и предопределил базу для формирования основных контуров морально-нравственных ценностей, а также норм и стереотипов, составляющих основу поведенческой культуры большинства этнических общностей Северного Кавказа. Осетины же, как прямые пре-

емники аланской культуры, сохранили нормы всаднического обхождения не только в среде высших сословий. Для осетин стереотипы указанного происхождения не были аристократическим антуражем «лучших», напротив, они обеспечивали традиционное общение всего этноса без особых сословных вариаций.

Т.Т. Камболов исследовал социально-исторические обстоятельства формирования осетинского языка и особенности развития его структуры на различных исторических этапах. В его монографии «Очерк истории осетинского языка» приводится скифский, сарматский и аланский языковой материал, производится обобщение и критический анализ научных гипотез и теорий, выработанных за два столетия изучения истории осетинского языка; выдвигается оригинальная трактовка концептуальной модели и новые аргументы в пользу скифо-сармато-алано-осетинской языковой преемственности [34].

В постсоветское время один из первых обратился к изучению христианской истории Северного Кавказа **В.А. Кузнецов**. В монографии «Христианство на Северном Кавказе до XV века» [35], где христианским сюжетом средневековой Алании уделено значительное место, автор ставит и пытается решить ряд проблем этого актуального направления исследований. Это и основные источники проникновения христианства на север Кавказа (греко-византийское православие, грузинская церковь, римско-католическое миссионерство); церковные организации, функционировавшие в регионе; культурно-цивилизационное влияние христианства на северокавказские общества. Одно из концептуальных положений автора – «христианизация для народов Северного Кавказа была в значительной степени актом внешним и формальным» и «христианизация в массах не была связана с духовным переворотом», нельзя говорить о внедрении в аланскую среду «евангельского учения и христианского сознания на уровне богословской веры» [35, 155]. Христианизацию и «несостоявшуюся» евангелизацию населения средневековой Алании четко разделял и **А.Ю. Погребной**, автор диссертационного исследования «Особенности христианизации Западной Алании во второй половине VII–XIV вв.» [36].

Другие акценты в изучении аланской православной традиции, послужившей основой осетинской христианской истории Нового времени, можно отметить в диссертации и последующей монографии **М.Э. Мамиева** «Аланское православие: история и традиции» [37]. В монографии в нескольких тематически связанных между собой очерках реконструируются различные аспекты истории и внутреннего содержания аланского ортодоксального христианства, принявшего и сохранившего в себе древнюю народную культуру. Исторические свидетельства IX–XV вв. о распространении христианства среди алан сопоставляются с данными археологии, фольклора и архитектуры. Комплексный подход позволил сделать вывод

о «динамичном и достаточно гармоничном взаимопроникновении и взаимодействии» трех компонентов религиозного мировоззрения осетин – христианского, иранского и кавказского. Автор приходит к закономерному выводу о создании аланами собственной православной культурной традиции. Исследование является важным этапом в изучении широкого комплекса проблем, связанных с духовной культурой осетин – наследников Аланской державы, одиннадцать веков назад сделавшей исторический выбор в пользу православия.

Малоисследованные аспекты политических, церковных и этнокультурных связей Алании и Византийской империи в контексте распространения христианства среди населения Западной Алании с X до середины XV в. представлены в книге **С.Н. Малахова** «Алания и Византия: Историко-ведческие аспекты политических и церковных связей» [38]. На материале разнотипных письменных источников, памятников церковной археологии уточняются реалии и особенности процесса христианизации, этапы формирования Аланской митрополии, причины ослабления влияния Константинопольского патриархата на Северном Кавказе в позднем средневековье. Затрагиваются дискуссионные проблемы аланской этнонимии и средневековой этногеографии Восточной Европы, дается анализ реликтовых феноменов христианства, сохранившихся у осетин и других народов Северного Кавказа вплоть до начала нового времени как результат аланского культурного наследия.

Монография **А.Ю. Виноградова и Д.В. Белецкого** «Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа», посвященная самым древним храмам, сохранившимся на территории России, является фундаментальным исследованием аланского церковного искусства. Тщательное изучение самих памятников, архивных и реставрационных материалов, как и сравнение их с другими образцами архитектуры в христианской ойкумене, позволили выявить самобытность и глубину аланского религиозного искусства, его международный характер, связи с Абхазией, Византией и Закавказьем [39].

Можно говорить об особом направлении в осетиноведении – сравнительном изучении нартовского эпоса и скифо-сармато-аланской культуры и этнографии, известной по сочинениям древних и средневековых авторов. В 2008 г. вышла монография **А.В. Дарчиева** «Скифский военный культ и его следы в осетинской Нартиаде» [40]. В книге сделаны выводы о социальном оформлении военного культа, пронизывающего религиозную историю северокавказских народов; предпринята попытка реконструкции мифологических сюжетов, связанных со скифским богом войны Аресом. В монографии **Ю.А. Дзиццойты** «Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе» территорией эпосотвор-

чества провозглашается верхнекубанская Западная Алания, границы которой соответствуют ареалу эпической Страны нартов [41].

По проблеме историзма осетинского нартовского эпоса, его связанности с духовной историей индоиранского ареала народов проведено немало исследований [42—45]. Авторы – **А.Е. Иванеско, Р.Ф. Фидаров, Г.Б. Романова** и др. – констатируют, что осетинский нартовский эпос, восходящий к архаичному скифскому «ядру», демонстрирует поразительную устойчивость информации об отдельных этносах, событиях, эпизодах, исторических деятелях скифо-сармато-аланской истории, и эта информация подлежит тщательному учету и изучению.

Мифологические истоки осетинской Нартиады, уходящие в глубь истории скифо-сарматского и аланского мира, исследуются в монографии **Л.А. Чибирова** «Осетинская Нартиада» [46]. Ученый проводит сравнительно-эпические параллели нартовских сказаний осетин с эпическим творчеством широкого круга народов Евразии, в результате чего вслед за основополагающими трудами Ж. Дюмезиля и В.И. Абаева подтверждает мнение о зарождении и формировании первоначального ядра Нартиады в скифо-аланской среде.

Сравнительному анализу сюжетных мотивов нартовского эпоса и эпической поэмы «Шахнаме» великого персидского поэта Фирдоуси посвящена монография **Э.Б. Сатцаева** [47]. Сопоставительный анализ дает оригинальные аргументы в пользу иранских истоков нартовского эпоса, имеющего широкое распространение у многих народов Кавказа. Богатая иранская эпическая традиция наиболее ярко представлена у осетин и персов. Как отмечает автор, в древнейшей части Нартовского эпоса восстанавливается быт, мировоззрение и идеалы архаичного арийского общества, в среде которого складывалась основа Нартиады. Эта же среда послужила основой формирования мифоэпического мировоззрения иранцев, на основе которого была написана эпическая поэма Фирдоуси.

Изучением жанра осетинской сказки с точки зрения ее архаических индоевропейских основ, являющихся для нее структуро- и семантико-образующими, – занимается **Д.В. Сокаева** [48-51]. В ряде исследований были представлены значимые параллели и выводы: девушка-птица осетинской сказочной прозы и Дзерасса Нартиады происходят от мифолого-религиозного образа скифской трехсферной богини Апи; иранского образа собаки-птицы Сенмурв. Автор не только выявляет индоевропейские истоки осетинского фольклора, но и показывает, как складывалась общая смысловая (семантическая) система индоевропейской мифологии.

Таким образом, более чем двухсотлетняя история алановедения (осетиноведения) позволяет признать его самостоятельным, признанным направлением мировой гуманитарной науки. Мы рассматриваем это направление как комплексное, междисциплинарное, включающее археоло-

гические, исторические, лингвистические, этнологические, фольклорные и др. исследования.

Перспективы развития алановедения современная наука связывает с созданием комплексных исследовательских программ, объединяющих ученых разных стран, занимающихся изучением скифо-алан-осетинской истории и культуры. В интересах сохранения и изучения культурного наследия необходима координация международного сотрудничества, организация научных экспедиций в страны Европы и Азии, работа по поиску, переводу, комментированию и изданию письменных и иконографических источников.

-
1. Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе: Ир, 1989. 174 с.
 2. Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия. Владикавказ: Ир, 1993. 228 с.
 3. Гутнов Ф.Х. Ранние аланы: проблемы этносоциальной истории. Владикавказ: Ир, 2001. 254 с.
 4. Гутнов Ф.Х. Аристократия алан. Владикавказ: Ир, 1995. 141 с.
 5. Гутнов Ф.Х. Ранние скифы: очерки социальной истории. Владикавказ: Ин-т цивилизации, 2006. 206 с.
 6. Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Т. I–III. Владикавказ: Ир, 2007. Т. I. 319 с.; Владикавказ: Ир, 2008. Т. II. 287 с.; Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2014. Т. III. 494 с.
 7. Гутнов Ф.Х. Аланы: научно-популярные очерки истории. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 208 с.
 8. Гутнов Ф.Х. Скифы и аланы. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. 319 с.
 9. Гутнов Ф.Х. Осетинские фамилии. Владикавказ: Респект, 2012. 534 с.
 10. Цуциев А.А. Аланы Средней Азии (I–VI вв. н.э.): проблема этногенеза: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 1999. 27 с.
 11. Лысенко Н.Н. Асы-аланы в Восточной Скифии. Ранний этногенез алан в Центральной Азии: реконструкция военно-политических событий IV в. до н.э. – I в. н.э. по материалам археологии и сведениям нарративных источников. СПб: Искусство России, 2002. 541 с.
 12. Лысенко Н.Н. Этногенез и военная история иранских кочевников Еразии в период II в. до н.э. – II в. н.э.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Владикавказ, 2007. 71 с.
 13. Дзарасов А.А. Аланы в историко-культурном и экономическом пространстве Кавказа в I–XV вв.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Владикавказ, 2004. 34 с.
 14. Кодзаев К.М. Верховная власть алан (I–X вв.) Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2008. 145 с.

15. Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV-IX вв. н.э. СПб: Алетейя, 2003. 379 с.
16. Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гум. иссл., 1993. 184 с.
17. Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ: СОГУ, 2001. 315 с.
18. Туаллагов А.А. Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и РСО-А, 2007. 399 с.
19. Туаллагов А.А. Всеволод Федорович Миллер и осетиноведение. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 436 с.
20. Туаллагов А.А. Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин). Владикавказ: Ир, 2011. 271 с.
21. Туаллагов А.А. Ранние аланы. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2014. 464 с.
22. Туаллагов А.А. Зеленчукская надпись. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН РСО-А, 2015. 429 с.
23. Литтлтон К. Скотт, Малкор Линда А. От Скифии до Камелота / Пер. с англ. С. Никольский. Владикавказ: Проект-Пресс, 2007. 304 с.
24. Дзаттиаты Р.Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ: Ир, 2002. 434 с.
25. Дзаттиаты Р.Г. Аланские древности Даргавса. Владикавказ: Ир, 2014. 243 с.
26. Бзаров Р.С. Древняя традиция в общественном строе осетин-алагирцев в первой половине XIX в. // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе: Республиканская книжная типография. 1987. С. 11–34.
27. Бзаров Р.С. Из истории аланской культуры. М.: СЕМ, 2014. 400 с.
28. Сланов А.А. Военное дело алан I-XV вв. Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН РСО-А, 2007. 400 с.
29. Сланов А.А. Древнеарийская военная культура. Владикавказ: СО-ГПИ, 2008. 165 с.
30. Сланов А.А. Истоки военной культуры североиранских народов древности (II-I тыс. до н.э.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Владикавказ, 2013. 32 с.
31. Багаев А.Б. Военное дело осетин XV-XIX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009. 22 с.
32. Багаев А.Б. Верховая лошадь в этнокультурной традиции осетин. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН РСО-А, 2015. 167 с.
33. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2015. 441 с.
34. Камболов Т.Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ: Ир, 2006. 463 с.

35. Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ: Ир, 2002. 159 с.
36. Погребной А.Ю. Особенности христианизации Западной Алании во второй половине VII–XIV вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Ростов н/Д, 2009. 34 с.
37. Мамиев М.Э. Аланское православие: история и традиция. М.: СЕМ, 2014. 264 с.
38. Малахов С.Н. Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. М.: СЕМ, 2015. 370 с.
39. Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. М.: Индрик, 2011. 392 с.
40. Дарчиев А.В. Скифский военный культ и его следы в осетинской Нартиаде. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2008. 306 с.
41. Дзиццойты Ю.А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ: Алания, 1992. 278 с.
42. Иванеско А.Е. Историческая информативность осетинского нартовского эпоса: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2000. 26 с.
43. Козаев П.К. Нартовский эпос как исторический источник: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2011. 22 с.
44. Фидаров Р.Ф. Традиционная идеология и мировые религии в средневековой Алании: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2011. 22 с.
45. Романова Г.Б. Нартский эпос и история осетинского народа: исторический аспект: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2015. 34 с.
46. Чибиров Л.А. Осетинская Нартиада: мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ: Ир, 2016. 463 с.
47. Сатцаев Э.Б. Нартовский эпос и иранская поэма «Шахнаме» (Сходные сюжетные мотивы). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 159 с.
48. Сокаева Д.В. Сюжет волшебной сказки. Владикавказ: Олимп, 2004. 126 с.
49. Сокаева Д.В. Указатель осетинских волшебных сказок (по системе Аарне-Андреева). Владикавказ: СОГУ, 2004. 105 с.
50. Сокаева Д.В. Легенды и предания осетин в историко-функциональном и системном освещении. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 532 с.
51. Сокаева Д.В. Легенды и предания осетин: контекст традиций. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 278 с.

**О.И. Беляев,
кфн, МГУ им. М.В. Ломоносова
(г. Москва)**

КОРПУСНЫЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Одним из важнейших достижений современной лингвистики за последние десятилетия, в значительной степени расширившим её эмпирическую базу и способ работы с материалом, стало развитие корпусных методов. В самом первом приближении корпусом является «ограниченный по объёму набор электронных текстов, собранных с целью максимально точно представлять исследуемый вариант языка» [McEnery, Wilson 1996: 24] (в изложении М. Копотева [Копотев 2014, гл. 1]). В печатном или рукописном виде подобные собрания текстов, конечно, составлялись и использовались задолго до появления электронных форматов передачи данным. Однако возможности таких «корпусов» были существенно ограниченными. Современные корпуса от их предшественников отличают два ключевых свойства. Во-первых, это возможность автоматизированного поиска по электронным текстам, что значительно упрощает поиск нужных слов и выражений в корпусах объёма заведомо большего, чем тот, который может вручную просмотреть исследователь. Во-вторых, это наличие *аннотации*: дополнительной информации, связанной с текстами или входящими в них словами и значительно расширяющей возможности поиска в корпусе словоформ, относящихся к какой-либо лексеме либо обладающих конкретным набором морфологических признаков.

Крупные репрезентативные корпуса изначально создавались для языков крупных государств с большим числом носителей. Эталоном современного корпуса стал Британский национальный корпус (BNC, <https://www.english-corpora.org/bnc/>), включающий 100 миллионов словоупотреблений. В число крупнейших и наиболее качественных корпусов также входит Национальный корпус русского языка (НКРЯ, <http://ruscorpora.ru/new/>). При этом до недавнего времени корпусов для языков со сравнительно небольшим числом носителей практически не существовало, что, во-первых, означало заведомую ограниченность применения современных компьютерных методов к материалу таких языков, во-вторых, снижало ценность корпусов для общетеоретических и типологических исследований, т.к. подобные исследования должны учитывать данные как можно большего числа языков мира.

Лишь в последние годы, по мере осознания лингвистами важности поддержки малых и средних языков, положение начало меняться, и для таких языков был создан ряд высококачественных корпусов. Особенно активно такая работа ведётся для языков России. В числе первых корпусов языков коренных народов нашей страны был разработан Осетинский национальный корпус, работа над которым велась коллективом учёных из Москвы, Санкт-Петербурга и Владикавказа в 2011–2014 гг. С самого создания этот корпус является одним из наиболее крупных и качественных среди всех корпусов малых языков, несмотря на сравнительно небольшое число носителей осетинского языка.

Задачей настоящей статьи, написанной по итогам мастер-класса, проведённого мною в рамках Международной школы-конференции молодых учёных «Современные проблемы гуманитарной науки» (г. Владикавказ, СОИГСИ им. В. И. Абаева, 26 июня 2019 г.)¹, является общая презентация Осетинского национального корпуса и исследовательских возможностей, которые открывает его использование. В разделе 2 содержится общая характеристика корпуса; в разделе 3 в качестве примера приводится явление осетинской грамматики – ассоциативная связь между вершинами коррелятивной конструкции – обнаружение которого без использование корпуса было бы затруднительно. В разделе 4 содержится заключение и описание перспектив для дальнейшей работы.

Осетинский национальный корпус (ОНК) создан в 2011–2014 гг. при поддержке РФФИ (проект № 11-06-00512а, руководитель М. А. Даниэль) и Президиума РАН (программа «Корпусная лингвистика», руководители проектов А. П. Выдрин, Ю. В. Мазурова и З.К. Кусаева). Основные разработчики корпуса – А. П. Выдрин и О. И. Беляев; программная поддержка была предоставлена Т. А. Архангельским. Большую помощь в оцифровке осетинских текстов также оказали сотрудники Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева, в особенности М. В. Дарчиева и И. М. Мирикова. Благодаря поддержке издательства «Ир» и редакций журналов «Мах дуг» и «Ногдзау», предоставивших нам свои тексты, в корпус удалось включить достаточно представительный объём литературы на иронском диалекте осетинского языка. На момент своего создания корпус включал около 5 миллионов словоупотреблений, в дальнейшем объём был расширен примерно до 12 миллионов словоупотреблений, что делает осетинский корпус одним из крупнейших корпусов малых языков не только в России, но и в мире.

¹ Выступить на этой конференции было для меня большой честью. Я хотел бы выразить глубокую благодарность директору СОИГСИ имени В.И. Абаева З.В. Кануковой за всестороннюю поддержку и Э.Ш. Гутиева за приглашение провести мастер-класс и блестящую организацию школы молодых учёных.

Изначально корпус охватывал только иронский диалект, как имеющий наибольшее число носителей и созданных на нём текстов. В 2014 г. А. П. Выдриным был также разработан корпус дигорского диалекта несколько меньшего объёма (2,3 миллиона словоупотреблений).

Помимо объёма, осетинский корпус отличается от многих других корпусов также достаточно высоким качеством морфологической аннотации. Все тексты корпуса снабжены автоматической морфологической разметкой; разборы приписаны 84% слов, причём в число неразобранных слов входят в основном не осетинские слова, а попавшие в корпус слова на русском и других языках: в осетинских текстах, особенно в периодике, нередко встречаются большие цитаты и фрагменты на русском языке. Точность разбора осетинских слов значительно выше.

Морфологическая аннотация включает в себя как лемматизацию (определение лексемы, к которой относится та или иная отдельная словоформа) и информацию о частях речи, так и сведения о морфосинтаксических признаках конкретных словоформ: например, число и падеж имён, вид и время глаголов. Это позволяет производить поиск не только конкретных словоформ, но и всех форм, относящихся к какой-либо лексеме или лемме, а также всех слов, имеющих определённый набор грамматических признаков. Так, на Рис. 1 представлен поисковый запрос, отображающий все вхождения форм слова *скаънын* 'сделать', в том числе формы, образованные от основы прошедшего времени (например, *скодта*).

На Рис. 2 представлены результаты поискового запроса по грамматическим признакам «3 лицо единственного числа прошедшего времени» (набор признаков $\langle \text{pst}, 3, \text{sg} \rangle$ в правом верхнем углу). Как видно, отображаются формы различных глаголов как с переходным (*ныккодта*), так и с непереходным (*марди*) спряжением, причём, как и в случае с поиском по лемме, учитывается основа прошедшего времени (так что, например, *цыд* корректно идентифицируется как форма прошедшего времени глагола *цауын* 'идти', в отличие от императива *цау*, несмотря на нулевое окончание обоих).

Из этих иллюстраций видно, что корпус предоставляет исследователям осетинского языка богатые возможности поиска примеров употребления тех или иных слов, форм и синтаксических конструкций. Это делает его незаменимым инструментом при составлении словарей и описании грамматических явлений, поскольку он существенно упрощает и ускоряет поиск примеров из естественных текстов.

Корпус имеет ряд функций, упрощающих работу с ним для людей, не владеющих осетинским языком свободно. Для каждого слова при наведении мыши отображается морфологическая аннотация, которая содержит информацию о лексеме, к которой относится данная словоформа, её грамматические характеристики, а также русский или английский перевод лексемы (в зависимости от выбранного языка интерфейса).

Осетинский корпус x +
corpus.ossetic-studies.org/search Поиск

ОНС
Ossetic National Corpus
ГЛАВНАЯ

Найдено: **15 059** вхождений, **912** документов

1. , **12.2002** Мах дуг 2002 [Расширить контекст](#)
Хæлæг æм кæндæг Баццæмæ, æмæ йæ амонд ссарыныл нырма хъуыды дæр кувæ никæд акодта, йæ фæсонхæджы дæр нæма ис мой **скаэнын**. æнæхуыссаг æхсæвы фæстæ, бон кувæдæр дæр-дæр кæнын райдыдта, афтæ фæстад цырдгомау Лæза æмæ февналдта йæ кæнинагæтæм, изæрмагæ йын конд кувæд фæстадæнкой, афтæ, æмæ йæ кувæд афтæгæ дæр бакодта.
2. , **10.1997** Мах дуг 1997 [Расширить контекст](#)
Æмæ уæд кувæтæтæй иу чидæр загъта: — Хуыцауы кувæ фæнда, уæд нæ алыварс быру **скаэндыстæм** уæ мæрдтæй æмæ уæ уый аууонай цагъдзыстæм.
3. **Вечерняя звезда** Биццов Г.Х. 2003 [Расширить контекст](#)
Чынгъдзæны кувæтæй кæмæ дæрдытæ, уый кой не **скодта**, фæлæг дзы раппæлыди, сæрджын лæг, дам, у, йæ кувæд бирæ хорз чынгътæ рацыди.
4. - Кайтов С.Т. 1900–2011 [Расширить контекст](#)
Ацы пьесæйы цаутæм тынг хæстæг чи лæууы, ахæм æцæг хабарыл **скодтой** цагъд.

Страница: Первая 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 ...
Версия для печати/MSWord | Сохранить в файл

powered by Corpus Technologies Точный Неточный Быстрый поиск

Рис. 1. Поисковый запрос форм леммы скаэнын ‘сделать’

Осетинский корпус x +
corpus.ossetic-studies.org/search Поиск

ОНС
Ossetic National Corpus
ГЛАВНАЯ

Найдено: **653 012** вхождений, **3 414** документов

1. , **5.2003** Мах дуг 2003 [Расширить контекст](#)
Лезгоры хъæуыгæй иугъыцыл кувæ **ауадис** хъæдырдæм, уæд æрфистæг ис судоны раз.
2. , **7.1997** Мах дуг 1997 [Расширить контекст](#)
Зыг ын цы сыхæг нæ радта, уый мæгуыры хæдзары рух кувæ фæдта, уæд бацъд æмæ фæрсæгæй бакæст, кæддæра цы ми кæнын: тæары хъусы сызгæрин хуылтæ фæдта, дисæй **марди**, бацъд хæдзармæ æмæ бафарста мæгуыры, кæм ын уыд уыйбæрц сызгæринтæ?
3. - - - [Расширить контекст](#)
Майл æхсыгон улæфт **ныккодта**.
– Алцъдæр хорз у, – загъта уый ризгæ хъæлæсæй. – Уый æдзуддæр, цы фæдзуры, уый фæкæны. – Æмæ иуфарс азылд.
– Майл, кæуæгæ кæныс? – бафарста йæ Джейн.
4. - - - [Расширить контекст](#)
Уцы расæгæтæ мæм мæ æрдыгæ **сдзырдта**: ма йæ ауадз афтæ зæгъ ын дæ ном, дæ мыттаг.

Страница: Первая 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 ...
Версия для печати/MSWord | Сохранить в файл

powered by Corpus Technologies Точный Неточный Быстрый поиск

Рис. 2. Поисковый запрос форм прошедшего времени 3 лица единственного числа

В связи с автоматическим характером аннотации предложения целиком не переводятся, однако имеющихся данных в большинстве случаев достаточно для получения общего представления о смысле найденного примера. Кроме того, выдача корпуса доступна как в кириллической записи, так и в латинской транскрипции, что облегчает его использование людьми, не владеющими кириллическим алфавитом.

Следует признать, что корпус не лишён ряда недостатков, некоторые из которых следуют из принципиальных ограничений выбранных решений при составлении корпуса. Так, морфологический разбор приписывается словам автоматическим анализатором, основанным на правилах и словаре; таким образом, с одной стороны, слова, не отсутствующие в словаре (например, редкие имена собственные, неосвоенные заимствования, отдельные этнографические термины и т.д.), не анализируются, даже если с точки зрения носителя языка имеют прозрачную форму; с другой стороны, при наличии нескольких омонимичных разборов одного и того же слова система не может выбрать между ними, так как не учитывает контекст. Например, все существительные с окончанием *-ы* получают как минимум два разбора: с инэссивом (местным падежом) и родительным падежом; при поиске и выдаче отображаются оба разбора. В некоторых случаях число разборов может достигать пяти, включая заведомо маловероятные (хотя и теоретически возможные) варианты анализа. Решение этой проблемы требовало бы отдельного снятия омонимии либо вручную, либо при помощи автоматического алгоритма. Следует заметить, что первый вариант решения – ручная обработка текстов – на практике, по-видимому, малореалистичен. Это косвенно следует из того, что в НКРЯ, где проект по ручному снятию омонимии осуществляется уже более десяти лет, он осуществлён только для 6 млн. словоупотреблений из общих 364 млн. Более реалистичным вариантом, таким образом, представляется создание автоматического алгоритма снятия омонимии.

Другой недостаток состоит в том, что, как было указано выше, тексты, входящие в иронский корпус (т.е. в основную часть ОНК), имеют большое число фрагментов на русском языке, а также на дигорском диалекте. Многие из этих фрагментов удалось исключить автоматически, однако многие присутствуют в корпусе до сих пор; они иногда попадают в результаты поиска, снижая тем самым репрезентативность результатов. Сами тексты также имеют ряд опечаток и проблем с форматированием; орфографическая запись осетинских слов в них часто непоследовательна. Жанры текстов в корпусе не размечаются, в результате нет возможности отдельно рассматривать, например, поэтические, прозаические и публицистические тексты. Номера журнала «Мах дуг» и других периодических изданий

включены в корпус целиком, без разделения на отдельные подтексты, что затрудняет соотнесение найденных фрагментов с их авторами и годами публикации. Последнее особенно существенно, так как корпус в настоящем виде не позволяет систематически учитывать динамику развития языка. Единственный способ надёжного решения – ручная разметка всех входящих в корпус текстов.

Наконец, поскольку в ОНК включались все тексты, к которым удалось получить доступ, он не отличаются *сбалансированностью*, то есть различные жанры текстов не представлены в нём в равной степени; о критериях сбалансированности подробнее см. [Atkins et al. 1992]. Во-первых, ОНК включает исключительно тексты, опубликованные в печатной форме¹, то есть в основном письменный регистр языка. Некоторыми исключениями, входящими в корпус, являются записи устного фольклора (прежде всего Нартовский эпос), а также отдельные примеры имитации устной речи в художественной литературе. Однако общая доля таких текстов и фрагментов невелика, к тому же фольклорные тексты сильно отличаются от других устных жанров (свободных нарративов, диалогов и т.д.), тогда как устная речь в художественных произведениях является осознанной стилизацией и не может отражать всех особенностей живого дискурса. Во-вторых, из письменных текстов ОНК в основном включает художественную литературу: книги издательства «Ир» и журнал «Мах дуг». Журналистские и научные жанры представлены значительно меньше. Среди журналистских текстов преобладают информационные (в основном материалы сайта «Sputnik Южная Осетия», <https://sputnik-ossetia.ru/>); публицистика представлена значительно меньше. Научная литература практически отсутствует, за исключением некоторых работ по литературной критике и фольклористике. Отчасти такое соотношение отражает сравнительную представленность этих жанров в осетинской письменной речи в целом. По-видимому, при создании корпусов малых языков достижение общепринятых стандартов сбалансированности практически невозможно, так как приоритетом, учитывая общую ограниченность материала, является включение как можно большего числа текстов. Для отдельных целей, однако, возможно создание сбалансированных подкорпусов меньшего объёма.

Несмотря на указанные недостатки, Осетинский национальный корпус, как представляется, является важным и полезным инструментом для исследования осетинского языка. Он может использоваться не только для фундаментальных научных исследований, но и для более практических

¹ Разработан также отдельный устный корпус осетинского языка (<http://www.ossetic-studies.org/ru/texts>), включающий, однако, существенно меньшее количество словоупотреблений. В этом корпусе большинство текстов являются нарративными, т. е. он также не вполне репрезентативен.

целей, например, для создания словарей и получения иллюстративных примеров при составлении учебных пособий. Если прежде составитель словаря вынужден был вручную составлять огромную картотеку – процесс, нередко занимавший годы, если не десятилетия – то сегодня гораздо больший по объёму набор примеров может быть получен при помощи нескольких простых поисковых запросов в корпусе. В то же время осетинский корпус по ряду параметров всё же отстаёт от эталонных корпусов, таких как Британский национальный корпус, Чешский национальный корпус или НКРЯ; его развитие и поддержка представляется важной задачей на ближайшие годы.

В настоящем разделе я приведу пример, на мой взгляд, наглядно показывающий ценность корпусных методов для установления новых фактов о грамматике осетинского языка. Речь пойдёт об ограничениях на внутреннюю и внешнюю вершину осетинских относительных конструкций. Эти ограничения были впервые описаны мною в диссертации [Беляев 2014]. Здесь я кратко перескажу установленные закономерности и покажу, почему ключевую роль в их обнаружении сыграло наличие представительного корпуса.

Как известно, в осетинском языке большинство типов сложного предложения, в том числе относительного, строятся с использованием парных сочетаний группы союза и соотносительной группы; на эту особенность указал ещё А. М. Шёгрэн [Шёгрень 1844], обсуждается она и в работах К. Е. Гагкаева [Гагкаев 1956] и многих других исследователей осетинского языка. Так, в примере (1) существительное *чызг* не присоединяет к себе придаточного предложения с относительным местоимением, как в русском языке, но находится внутри зависимого предложения в сочетании с показателем относительного предложения *цы* (омонимичен вопросительному местоимению ‘что’); в главном предложении ему соответствует указательное местоимение *уый* ‘тот’. Существенно, что два эти элемента стоят раздельно и, по-видимому, не составляют единой именной группы.

(1) [Дидинджытæ *цы чызгæн балæвар кодтай*], *уый фæдтон*.

‘Я видел девушку, которой ты подарил цветы.’

(букв.: ‘Цветы **которой девушке** ты подарил, я её видел.’)

Даже буквальный перевод примера (1) на русский язык показывает, что относительное предложение в осетинском языке строится по принципиально иной модели, чем в русском. С точки зрения типологии такие предложения относятся к классу *коррелятивных* (или, пользуясь терминологией, принятой в русскоязычной традиции, *местоименно-соотносительных*) конструкций [Lipták 2009]. Они демонстрируют все черты, характерные для коррелятивов: придаточное, как правило, примыкает к главному предложению слева; внутри придаточного предложения стоит союзное слово или сочетание показателя *цы* и существительного (можно

назвать этот элемент *относительной группой*), соответствующее указательному местоимению в главном предложении (*корреляту*).

Это наблюдение важно не только для типологической классификации осетинского языка, но и для изучения его истории. Дело в том, что конструкции подобного рода характерны для древнейших засвидетельствованных индоевропейских языков, в том числе хеттского и санскрита; именно поэтому, вероятно, А. А. Зализняк и Е. В. Падучева назвали данный тип *архаическим* [Зализняк, Падучева 1975]. Существовали они и в древнеиранских языках, однако впоследствии были вытеснены другими типами относительных предложений. Среди современных индоевропейских языков в целом коррелятивы как маргинальный тип встречаются довольно часто (ср. хотя бы русские предложения вида *Кто не работает, тот не ест*), но в качестве основной стратегии представлены только в индоарийских языках. Таким образом, осетинский – один из немногих индоевропейских и единственный иранский язык, сохранивший данный тип оформления относительной конструкции.

Как и во многих других языках, коррелятивы в осетинском в принципе допускают наличие существительного как внутри придаточного, так и в главном предложении; может она присутствовать и в обеих позициях, см. допустимые модификации примера (1):

(2) а. [Дидинджытæ кæмæн балæвар кодтай], уыцы чызджы федтон.
(букв.: 'Цветы кому ты подарил, я ту девушку видел.')

б. [Дидинджытæ цы чызгæн балæвар кодтай], уыцы чызджы федтон.
(букв.: 'Цветы которой девушке ты подарил, я ту девушку видел.')

'Я видел девушку, которой ты подарил цветы.'

Наличие в языке таких примеров, как (2б), вызывает закономерный вопрос: является ли повтор существительного в подобных случаях единственной возможностью, или доступны также другие варианты? В литературе представлены случаи, когда допустима замена на синоним, гипоним или гипероним [McCawley 2004] (букв., например, *Который мальчик пришёл, я видел этого человека*); в других случаях допустим только повтор вершины либо замена на экспрессив, то есть оценочное выражение [Potts et al. 2009] (*Который мальчик пришёл, я видел этого глупца*). Какими бы ни были ограничения в отдельном языке, при их описании исследователи всегда принимают как данность, что обе группы относятся к одному и тому же объекту.

Подобные ограничения для осетинского языка могут быть установлены путём использования простого корпусного запроса на сочетание «цы + существительное + глагол + уыцы + существительное». Пример результата такого запроса показан на Рис. 4.

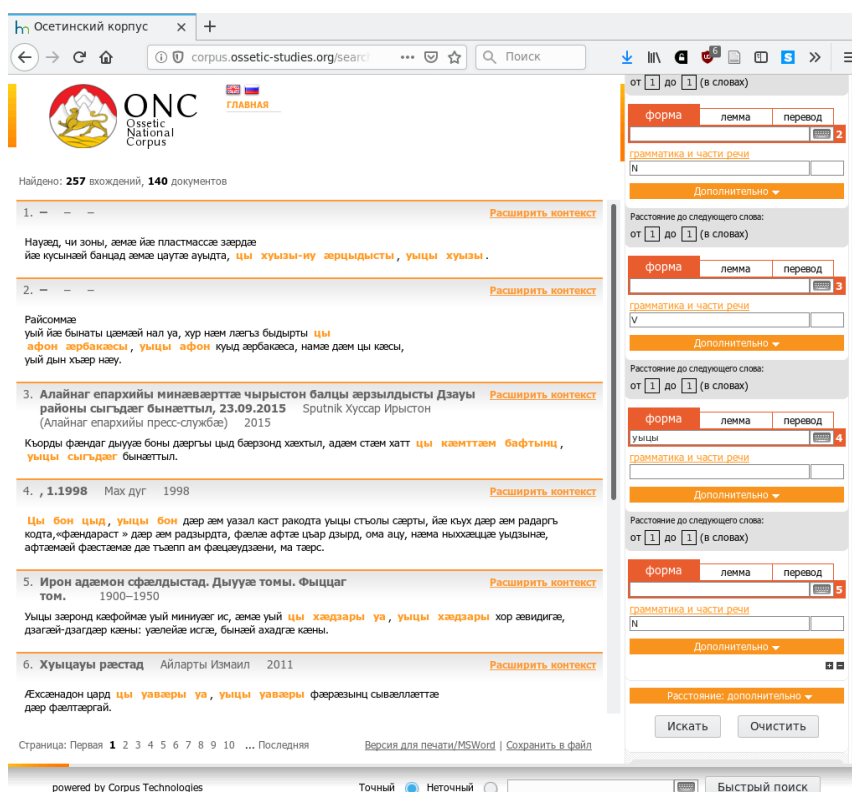

Рис. 4. Поиск относительных конструкций с двумя вершинами в ОНК

Поиск по корпусу показал, что в большинстве примеров, действительно, повторяется; это видно даже на Рис. 4, где большинство помещившихся на экране примеров относятся к этому типу. Также весьма распространены примеры с синонимами, гипонимами и гиперонимами, что также довольно ожидаемо. Однако наряду с этими примерами в некотором количестве встретились также на первый взгляд достаточно странные примеры, аналогичные (3)–(5).

(3) Данел, [фæстагмæ йæ хотæм **цы къам арвыста**], **уыцы костюмы**, урс хæдон æмæ тар галстучы лæууыд.

(букв.: 'Данел, в последний раз своим сёстрам **которую** фотографию прислал, **в том костюме**, в белой рубашке и в тёмном галстук стоял.)

(4) [Афæдзæй-афæдзмæ сæ **цы кæндтæ хъæуы**], **уыцы хæрдзтæ** мæ-химæ исын.

(букв.: 'Из года в год им **которые** поминки нужны, **те расходы** на себя я беру.)

(5) [Адæймаг хуыздæр **цы 'взагыл дзура**], **уыцы адæмыхаттæй** у.

(букв.: 'Человек лучше **на котором** языке говорит, **из того народа** он есть.)

Точный перевод подобных примеров на русский язык затруднителен. По смыслу (3) означает, что Данел стоял в том костюме, в котором он был на присланной фотографии, однако какие-либо языковые выражения, обозначающие связь между костюмом и этой фотографией, отсутствуют; синтаксическое отношение устанавливается напрямую между группами *цы къам* 'которая фотография' и *уыцы костюмы* 'в том костюме'. Аналогично построены предложения (4) и (5), означающие соответственно 'Я беру на себя **расходы**, (связанные с) **поминками, которые** нужны им из года в год' и 'Человек (происходит) **из того народа**, (который использует) **язык, на котором** он говорит'.

Таким образом, с формальной точки зрения оказывается, что в осетинском относительном предложении относительная группа и коррелят могут обозначать два разных объекта. Такой вывод совершенно непредсказуем с точки зрения традиционных представлений о семантике относительных конструкций, предполагающих, что придаточное лишь уточняет референцию существительного-вершины, но никак не может описывать иного объекта. В то же время подобные предложения напоминают явление из другой области грамматики – ассоциативное связывание (bridging) в анафорическом связывании. Его можно проиллюстрировать следующим классическим примером из английского языка:

(6) *When I go to a **bar**, the bartender_{j-i} always throws me out.*

'Когда я иду в **бар** (неопределённый артикль), **бармен** (определённый артикль) всегда меня прогоняет.' [Clark 1974]

В (5) существительное *bartender* 'бармен' оформлено определённым артиклем, хотя в предыдущем контексте его референт упомянут не был. Это возможно из-за использования в предшествующем предложении существительного *bar* 'бар'; бар предполагает наличие в нём бармена, поэтому последний по ассоциации оформляется как определённый. Можно видеть, что и в (3)-(5) эффект аналогичен: поминки предполагают определённые расходы, народ и его родной язык рассматриваются как тесно связанные друг с другом, а фотография, изображающая человека, отражает также какие-то его внешние особенности, в частности, одежду. Таким образом, осетинские относительные предложения по своему значению ближе к анафорическим конструкциям, чем к обычной релятивизации; так, с точки зрения семантики (4) аналогично соположению двух предложений: 'Из года в год им нужны **поминки**. **Расходы** я беру на себя.'

Важно, что приведённые в настоящем разделе примеры достаточно необычны и неожиданны с точки зрения типологии относительных конструкций. Для носителей языка они вполне естественны и не кажутся чем-то заслуживающим особого внимания. Составители грамматик и синтаксисты, как правило, так или иначе ориентируются на параметры, отмеченные ранее типологами и теоретическими лингвистами, и исхо-

дят из общепринятой трактовки семантики относительных конструкций, несовместимой с примерами (3)–(5). Обнаружить такие предложения удалось лишь благодаря сплошному просмотру осетинских корпусных примеров на двухвершинные относительные конструкции, причём, поскольку описываемое явление всё-таки является сравнительно редким, корпус должен был иметь достаточно большой объём. Именно поэтому корпусные методы незаменимы в современных грамматических исследованиях.

Задачей настоящей статьи было, во-первых, дать общий обзор Осетинского национального корпуса (ОНК), его достоинств и недостатков; во-вторых, проиллюстрировать важность корпусных методов на примере одного конкретного явления осетинской грамматики, обнаружение которого без привлечения корпуса большого объёма было бы маловероятным. Несмотря на то, что некоторые компоненты корпуса требуют дальнейшей доработки, ОНК является одним из наиболее полных и представительных корпусов малых языков в России и мире и может служить инструментом как для фундаментальных грамматических исследований, так и для таких практических задач, как составление словарей и учебных материалов. Дальнейшее развитие корпусных методов является важной задачей для осетиноведения на ближайшие годы.

-
1. Беляев О.И. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014 г.
 2. Гагкаев К.Е. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1956.
 3. Зализняк А.А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика, № 6, 1975. С. 51–101.
 4. Копотев М. Введение в корпусную лингвистику: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов. Прага, 2014.
 5. Шёгрень А.М. Осетинская грамматика съ краткимъ словаремъ осетинско-российскимъ и російско-осетинскимъ. Ч. 1. Осетинская грамматика. СПб.: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1844.
 6. Atkins S., Clear J., Ostler N. Corpus design criteria // *Literary and Linguistic Computing* 7 (1), 1992. P. 1–16.
 7. Clark H. H. Bridging // Schank R., Nash-Webber B. L. (eds.). *Proceedings of the 1975 workshop on Theoretical issues in natural language pro-*

cessing. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics, 1975. P. 169–174.

8. Lipták A. The landscape of correlatives // Lipták A. (ed.). Correlatives cross-linguistically. Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 1–48.

9. McCawley J.D. Remarks on adnominal, adsentential and extraposed relative clauses in Hindi // Dayal V., Mahajan A. (eds.). Clause structure in South Asian languages. Dordrecht : Kluwer, 2004. P. 291–313.

10. McEnery T., Wilson A. Corpus linguistics: An introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.

11. Potts C., Asudeh A., Cable S., Hara Y., McCready E., Alonso-Ovalle L., Bhatt R., Davis C., Kratzer A., Roeper T., Walkow M. Expressives and identity conditions // Linguistic Inquiry 40 (2), 2009. P. 356–366.

**П.А. Кузьминов,
дин, профессор КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)**

ОБЪЕКТИВНАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается проблема объективности в истории и, в частности, в кавказоведении. Ставится вопрос о том, что в последние десятилетия увеличилось число молодых людей, которые не знают или плохо знают вехи истории нашего Отечества, пренебрежительно относятся к прошлому, оправдывая свое незнание элементарных исторических сведений о людях и событиях, необъективностью истории. В статье отстаивается положение, что субъективность каждого отдельного исторического исследования в целом ведет к углублению знаний о прошлом, к формированию объективного взгляда на изучаемый процесс.

Ключевые слова: наука, история, объективность, субъективность, кавказоведение, фальсификация.

The article deals with the problem of objectivity in history and, in particular, in Caucasiological Studies. The question is raised that in recent decades the number of young people who do not know or know little the milestones of the history of our Fatherland has increased, they neglect the past, justifying their ignorance of elementary historical information about people and events, the bias of history. The article defends the position that the subjectivity of each individual historical research as a whole leads to a deeper knowledge of the past, to the formation of an objective view of the process under study.

Keywords: Science, History, objectivity, subjectivity, Caucasiological Studies, falsification.

Есть в истории так называемые сакраментальные вопросы, на которые даны тысячи ответов, но появляются все новые. Один из них: куда делись гунны? Действительно, огромный конгломерат номадов сокрушая все на своем пути, пройдя несколько тысяч километров по степям Азии и Европы бесследно исчез на территории Балканского полуострова...

Таких вопросов в истории цивилизации человечества, оказывается, миллионы! Или миллиарды?! Или миллиарды миллиардов?! Историки и ученые, любители и краеведы спорят, спорят, спорят...

Из школьного детства осталась в памяти еще одна фраза: спорьте! В споре – рождается истина! Освоив азы историографии столкнулся с ситуацией, что историческая правда далеко не всегда спутник спора. Мчатся

годы, десятилетия, столетия, а споры, диспуты, дискуссии продолжают...

Тысячи гипотез, мифов, научных и околонаучных высказываний по значимым проблемам истории Отечества, сформировали дискурсивное поле когнитивных подходов в понимании нашего прошлого. Один из его сегментов составляют негативные афоризмы типа: «история – это девушка «легкого поведения» и ее приглашает на танец тот, кто больше платит». «Анекдот – кирпич русской истории» – Максим Горький. «Приговор истории зависит от того, кто ее пишет» – Ричард Никсон. «История – это политика, которую уже нельзя исправить. Политика – это история, которую еще можно исправить» – Зигмунд Графф. «История составляет в России часть казенного имущества, это моральная собственность венценосца, подобно тому как земля и люди являются там его материальной собственностью; ее хранят в дворцовых подвалах вместе с сокровищами императорской династии, и народу из нее показывают только то, что сочтут нужным» – Астольф де Кюстин. «Всю мировую историю можно рассматривать как развитие и прогресс, и с таким же успехом можно не видеть в ней ничего, кроме упадка и бессмыслицы» – Герман Гессе. «История напоминает кота, которого тянут за хвост туда, куда он хочет меньше всего идти сам» – Чарльз Бирд и т. д. Эти озвученные мысли известных в мире людей, безусловно, востребованы публицистами, «знатоками истории», невежами...

Востребованы, потому что они противостоят известным сентенциям учебников, наставлениям учителей, ученых – это положение ментальной психологии. Если история – это обман и данный тезис утверждают «великие» люди, то зачем нам такая история? Ведь завтра очередной властелин общества выбросит известную трактовку прошлого на «свалку истории»? Это приводит к психологическому отторжению истории и появлению в социальных сетях множества безграмотных молодых людей, которые смотря в камеру смело заявляют, что слышат первый раз имена А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, В.И. Ленина, Г.К. Жукова и других великих поэтов, писателей, политиков, полководцев...

Да, в этой аудитории собрались неравнодушные юноши и девушки, для которых понятие Наука является не пустым звуком, Вы пришли сюда, чтобы познавать Новое и делиться своими наработками с коллегами. Именно поэтому хочу поговорить об объективной субъективности в кавказоведении.

В начале приведу иные по смыслу максимы, отражающие другой формат понимания истории в обществе. «История жестоко мстит тем, кто истории не знает» – Валентин Пикуль. «Народ, который не помнит своего прошлого, обречен вновь его пережить» – Джордж Сантаяна. «Тех, кто хочет научиться у истории, она научит; остальных – проучит» – Станислав Ежи Лец. «История – это сокровищница наших деяний, свидетельница

прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего» – Мигель де Сервантес и др. Два диаметрально противоположных по смыслу варианта осмысления роли истории. Какой вариант более верен? Для тех, кто не хочет познавать прошлое своей семьи, рода, поселения, города, района, области, региона, страны, народа – первый. Для остальных – второй.

С момента рождения память формирует человека и его место в обществе. Потеря памяти ведет к десоциализации человека, теряется его идентичность, его видение и понимание окружающего мира. Как отдельный человек, так и все общество несет в себе прошлое, которое может осознаваться или не осознаваться, но именно под его воздействием формируется их настоящее и будущее.

История – это реальное прошлое человечества, накопленный в веках опыт поколений. Человек, хочет он того или нет, является субъектом, деятелем, в предельном смысле – творцом истории. Деятельность человека составляет содержание истории как объективного процесса.

Проблема заключается в том, что сама изучаемая действительность крайне противоречива, под действием различных факторов она видоизменяется, совершенствуется, переходя из одного качественного состояния в другое, независимо от желаний людей. То есть говоря словами Гераклита Эфесского (540-480 г. до н.э.): «В одну реку нельзя войти дважды».

В силу этого формируется странная для науки ситуация: с одной стороны, исторический процесс объективен, поскольку совершается в силу закономерного развития общества и происходящих в его недрах социально-экономических и политических процессов, но, с другой – он есть результат деятельности отдельных людей: руководителей государства, партий, политических деятелей, депутатов, министров, народных движений, отдельных тружеников и т. д., каждый из которых влияет на общество, вызывая разнородные импульсы. Как это все понять, реконструировать, логично изложить, чтобы быть понятным читателем?

Значимым моментом в понимании качества исторических исследований является **принципиальный факт невозможности совершенно точно реконструировать изучаемое прошлое**. Нет и никогда не будет возможности поставить социальный эксперимент, который идеально повторит изучаемый, процесс, явление или событие. А раз так, то все собранные источники, а собрать их все невозможно, никогда не дадут 100% отражения реалий прошлого. Значит, были, есть и будут адекватные или не очень интерпретации событий и явлений прошлого, часто далекие от науки.

Эти объективные условия изучения исторического процесса породили нескончаемый в веках дискурс. Одни считают, что все в обществе совершается независимо от людей и поэтому они лишены всякой

возможности влиять на социальные процессы и феномены. По мнению вторых, люди, облеченные властью, пассионарии, возглавившие народные движения, политические деятели, по своему желанию могут менять и меняют ход развития социума. Они игнорируют объективный характер общественного развития и все внимание обращают лишь на субъективный фактор.

Серьезную проблему в процессе исторических исследований составляет качество доступных источников. Даже, если у исследователя есть письменный источник/источники об изучаемых событиях, то и в этом случае реальная возможность проникнуть во «вчерашний день» у него достаточно ограничены. Реконструируя из доступного ему текста внетекстовую реальную действительность, которая стоит за этим текстом, он получает информацию, заметно отличающуюся от той, что была на самом деле. Причина этого явления лежит в том, что он в своих интерпретациях ориентируется не на факты, упоминаемые в историческом тексте, а на свои познавательные интересы и на свое сложившееся ранее знание о данном событии или процессе. Значит, его видение изучаемых событий субъективно? Конечно, субъективно!

Непредвзятый анализ истории общества, исследование механизмов его функционирования показывает, что ничего парадоксального в споре фаталистов и пассионариев нет, т. к. по сути этот процесс есть диалектическое **единство объективного и субъективного**. Под первым мы понимаем некую совокупность материальных факторов: например, экономику общества, часть природы, которая находится во взаимодействии с обществом и выступает как естественное условие его существования и развития, семейные и бытовые отношения, связанные с воспроизводством человека.

Под вторыми понимаем то, что зависит от самих людей, от их уровня политической или экономической культуры, от умения и навыков выполнять поставленные задачи, уровня знаний, образования, научной школы, к которой принадлежит историк, и др. На наш взгляд, приоритет следует отдать объективному, ведь в конечном счете именно оно детерминирует субъективное. Но, в свою очередь, субъективное познание мира, определяет наше понимание процессов, происходящих в недрах общества того или иного исторического периода.

Так возможно ли объективное исследование общества?

По мнению историков – да. Но для этого, по мнению Г.М. Ипполитова, надо выполнить ряд условий, которые станут методологическими маркерами, позволяющими избежать искажений в использовании принципа объективности исторических исследований:

1. Соблюдать научные принципы анализа источников, т. е. помнить, что:

– один и тот же источник может содержать как достоверные, так и недостоверные сведения по изучаемой проблеме;

– определенную информацию можно извлечь даже из недостоверного источника, который в этом случае выступает в качестве свидетеля тенденциозности;

– исторические источники, несмотря на субъективное отражение действительности, объективно отражают прошлое, поэтому необходимо использовать все возможные типы и виды источников в процессе исследования;

– наличие пробелов в источниках не отрицает возможности познания прошлого, задача состоит в том, чтобы использовать всю совокупность сохранившихся источников с максимальной полнотой;

2. Исключить авторские претензии на получение абсолютных знаний в результате проведенного анализа события или процесса.

3. Уважительное отношение к качеству результатов работы предшественников. Важно выявить в корпусе историографических источников по исследуемой проблеме те работы, которые ставят новые проблемы и задачи в науке или содержат методы, которые могут быть использованы в решении уже сформулированных, но не решенных задач и проблем.

4. Выявление тенденций в анализе изучаемых проблем и, соответственно, поиск инвариантов в оценке историками тех или иных явлений и процессов. Учет при этом влияния на развитие исторической науки идеологии и политики [1, с. 681].

Принцип объективности, занимающий первое место в иерархии методологических подходов познания истории, в конечном счете, подразумевает воссоздание исторической действительности с опорой на подлинные факты и знание объективных закономерностей исторического развития. При этом все явления и процессы в жизни общества необходимо исследовать, выявлять как положительные, так и отрицательные его стороны, независимо от субъективного отношения к нему, не искажая и не подгоняя имеющиеся факты под заранее выработанные схемы.

Исходя из этих постулатов можно утверждать: объективность исторических исследований достижима. Для этого надо уважительно относиться к истории и изучать ее такой какая она есть, а не такой какой нам хотелось бы ее видеть.

Правомерно ли эти субъективные заметки экстраполировать на кавказоведение? А почему нет? С XVIII века, когда научные экспедиции Российской академии наук начали системно исследовать Северный Кавказ, кавказоведение становится составной частью руссиеведения, развиваясь в его лоне, под влиянием его методологических и теоретических достижений [2, с. 5].

Давайте для примера рассмотрим процесс развития кавказоведения в постсоветский период.

Все этнические общности Северного Кавказа, вне зависимости от численности, политического положения, возможности влиять на региональные процессы хотят быть услышанными во времени и пространстве. «Некогда побежденные и угнетенные, – замечает А. Велик, – они теперь вносят «вклад в историю», интерпретируя ее, и восполняя недостаток фактов собственной, защищающей их мифологией» [3, с. 230]. Да – это своеобразные трудности «роста» современного кавказоведения, но пропускать и оставлять без должной научной оценки нельзя.

Безмерная любовь к своему народу, своей истории, оправданная в нравственном плане, в научном, обычно, приводит к противопоставлению его соседним народам, что неминуемо вызывает обострение этнополитических отношений в регионе. Примеров таких конфликтов много. Это абхазо-грузинский, грузино-осетинский, чечено-ингушский, осетино-ингушский, кабардино-балкарский, русско-чеченский и другие противостояния. Историки, политологи, археологи Ингушетии, Осетии, Балкарии и Карачая никак не поделят «шкуру не убитого медведя», претендуя на политическое «наследство» Аланского союза племен. Историки и публицисты Ингушетии, Кабарды, Балкарии и Карачая опубликовали десятки статей доказывая этническую принадлежность Килара Хаширова – первовосходителя на гору Эльбрус. Понятно, что такой «патриотизм» историков не редко приобретает форму национализма, характерного для стран, ведущих борьбу за независимость, утверждающих свое право на самоопределение, но явно не отвечает принципу историзма и современному политическому положению народов Северного Кавказа.

Пережив развал Советского Союза, «парад» суверенитетов, шоковую терапию, социально-политическую модернизацию 90-х годов XX века, резкой активизации пропаганды ислама, народы Северного Кавказа оказались раздавлены внешними обстоятельствами. Это вызвало ряд негативных последствий: коллапс производства, спад экономики, обострение социальных противоречий, этнические конфликты, в конечном счете, вылившиеся в две чеченские войны, рост преступности, наркомании и т.д. В силу этих событий, общая нестабильность социальной системы в регионе оказалась близка к состоянию динамического хаоса и, носит, – по мнению П. Штомки, – травматологический характер [4, с. 6].

Потеря социальных перспектив, туманное, скорее негативное будущее оказали серьезное влияние на этническую идентификацию и историческое сознание народов России, что обусловило глубокий внутренний конфликт в области гуманитарике. Не случайно, при обсуждении работы Отделения истории РАН на президиуме РАН в ноябре 1992 г. большинство

выступающих пришли к выводу, что «историческая наука находится в кризисном состоянии» [5, с. 51].

Анализируя слагаемые этого кризиса, А.Х. Боров справедливо подчеркнул, что порожден он не имманентной логикой накопления исторических знаний и совершенствования исследовательских процедур, а крутой переориентацией правящих элит и последующим крахом государственной и общественной системы советского строя. Отсюда вульгарная политизация и безудержная идеологизация сферы исторического знания, откровенное манипулирование историко-политическими стереотипами массового сознания, прямое и широкое включение историков в партийно-политическую борьбу [6, с. 83].

Это привело к тому, что под рубрикой «Переосмысление истории» на страницах газет и журналов десятками, если не сотнями стали публиковаться статьи, очерки, зарисовки, извращающие многие события и явления прошлого. Историки-кавказоведы не были сторонними наблюдателями фальсификации истории. Были опубликованы работы Э.А. Шеуджен [7], Кузнецова В.А. и Чеченова И.М. [8], Матвеева В.А. [9], Ратушняка В.Н. [10], Дзидзоева В.Д. [11], Хозиева Б.Р. [12], Кузьминова П.А. [13] и др., вскрывающих нечистоплотность отдельных «любителей» истории. Но, манипуляция, «передергивание» известных исторических фактов, и манкирование достижениями историографии, как бы тягостны не были для научного сообщества, все же затрагивали частные проблемы исторического прошлого. Главным же был «именно кризис методологических основ исторической науки, кризис мировоззренческий» [6, с. 83]. В результате образовался «огромный и трудно восполняемый пробел, в особенности, если говорить не о «белых» и «черных пятнах» в истории, а о чем-то, куда более сложном и важном – о методологии и гносеологии исторического исследования, которые отвечали бы современной духовной и научной ситуации и картине мира» [14, с. 32].

Научное сообщество пыталось найти выход из сложившейся ситуации, но рефлексия на «вызовы» была неоднозначной. В «центре», под влиянием творчества Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, М. Вебера, основателей «школы Анналов», эмигрантской историософии, массовой публикации западной научной литературы, появились новые методологические школы и направления познания прошлого и настоящего. В нашем же регионе пошли по пути позитивистской эмпирики, т. е. увеличения объема публикуемых архивных документов и конкретных исследований по истории народов Северного Кавказа. При этом резко изменилась тематика научных изысканий, чаще стали писать о колониальной политике царизма, военных походах царских генералов, уничтожении аулов и жилищ горцев. Анализируя эту тенденцию, В.В. Черноус отметил, что «происходит романтизация и мифологизация национальных историй на фоне демонизации истории России» [15, с. 83].

Сложившаяся историографическая ситуация была обусловлена рядом факторов. В условиях политического и идеологического плюрализма были сняты все запреты с изучения сложных, многоаспектных, болезненных тем истории и в фокусе внимания оказались, в первую очередь, трагические сюжеты прошлого, которые в советской историографии, зачастую, искажались или замалчивались. Во-вторых, кризис государственности в России усиливал центробежные силы в национальных республиках, и, соответственно «требовал» переосмысления исторических событий, с целью показать величие и славу своего народа в прошлом, в противовес современному тяжелому экономическому и социальному положению. В-третьих, численность народов Северного Кавказа невелика, поэтому они вполне реально ощущали возможность их ассимиляции более крупными этническими общностями, отсюда подсознательный страх потерять «свое лицо», свою этническую принадлежность. Решение правительства РФ об отмене графы о национальной принадлежности в новых паспортах граждан РФ, только усилило эту боязнь.

В этой обстановке многие политики и лидеры национальных движений обратились к истории, формируя «национальный заказ» на тематику исторических исследований и финансируя только те из них, которые отвечали их представлениям о прошлом. К тому же масса негативных фактов и явлений «общежития» народов в дореволюционное, советское, да и наше время «имеет место быть», а значит, будут вновь и вновь появляться статьи, книги, монографии по этим трагичным сюжетам истории. Другое дело, что к общественно значимым, «болезненным» сюжетам и процессам нашего прошлого редколлегия газет, журналов, научных периодических изданий, советы по защите диссертаций должны относиться внимательно, тактично, рассматривая их не с позиций талиона и норм обычного права – «око за око, зуб за зуб», а с общечеловеческих демократических ценностей XXI века.

Мы не отказываемся от пытливого проникновения в прошлое, наоборот, именно сегодня есть реальные возможности реконструировать и осмыслить наш «вчерашний» день. И вместе с тем не будем забывать предостережения Ф. Ницше о том, что «критическая история, привлекая прошлое на «суд истории», стремится создать такое прошлое, «от которого мы желали бы происходить, в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно происходим» [16, с. 167].

Подводя итог отметим: каждое исследование, проведенное на основе всех доступных исследователю источников и методов познания – субъективно. И другим оно по определению быть не может, поскольку несет на себе печать неповторимой личности субъекта познания, эпохи, состояния науки и др.

Безусловно, субъективен отбор выявленных источников, объекта и

предмета исследования, приоритетов в исследовании и расставляемых акцентах, формулировки проблемы и выбора методологии, определяющих эвристику исследования и др. Многочисленные интерпретации и бесконечный дискурс в историографии – результат этой субъективности. Невозможно устранить субъективность и при оценке исторических личностей, которые наполняют реальным содержанием события, процессы, эпоху.

Но чтобы плюрализм в истории не трансформировался в бесконечный конфликт мнений, не уничтожил саму историю как науку, т. е. то, что дает реальные, проверенные и перепроверенные знания о прошлом, у нее, видимо, должен быть идеал, под которым понимаем способность истории постигать то, что было на самом деле. Объективность в истории базируется на признанных наукой фактах, общезначимых суждениях и оценках. Чем больше будет создано исследований по изучаемой проблеме или процессу даже концептуально противоположных, тем ближе мы приблизимся к прошлому, которое постигаем, тем глубже мы его отражаем и реконструируем в статьях, очерках, докладах, монографиях. Совокупность субъективных исследований никогда не воссоздаст объективной реальности, но историческая наука будет к ней неумолимо приближаться.

1. Ипполитов Г. М. Объективность исторических исследований: достижима ли она? Дискуссионные заметки // Известия Самарского центра РАН. 2006. Т. 8. № 3. С. 675–687.

2. Кузьминов П.А. Кавказоведение на грани веков // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы Международной научной конференции. 13-14 октября 2005. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2006. С. 5–34.

3. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. / Под. ред. А.А. Велика. М.: Перспектива, 2001. 371 с.

4. Штомка П. социальное измерение как травма // Полис. 2001. № 1. С. 6–16.

5. Круглый стол. Кризис исторической науки // Новая и новейшая история. 1993. №2. С. 3–57.

6. Боров А.Х. Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник КБГУ. Серия Гуманитарные науки. Вып. 2. Нальчик, 1996. С. 79–85.

7. Шеуджен Э.А. Проблемы местной истории в новой историографической перспективе // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион: Общественные науки. 1997. № 4. С. 57–60.

8. Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание, (Проблемы современной историографии Северного Кавказа). Пятигорск: Кавказская здравница, 1998. 111 с.
9. Матвеев В.А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний: от державности к «тюрьме народов», национализму, евразийству и российскости. Армавир– Ростов-на-Дону: АГПИ, 1998. 163 с.
10. Ратушняк В.Н. История Кубани XVI – начала XX в.в. в отечественной историографии 1920-1980 гг. // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар: КГУ, 1994. С. 3–21.
11. Дзидзоев В.Д. «Борьба против политики геноцида» и историческое мифотворчество // Вопросы политологии, истории и социологии. Вып. 1. Владикавказ: СОГУ, 1999. С. 31–42.
12. Хозиев Б.Р. Историческая память и историческая ответственность // Вопросы политологии, истории и социологии. Вып. 1. Владикавказ: СОГУ, 1999. С. 62–73.
13. Кузьминов П.А. Историк науки в историографическом пространстве кавказоведения // Вопросы теории и методологии истории. Майкоп, 2011. Вып. 8. С. 43–55.
14. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2-3. С. 18–37.
15. Черноус В.В. О социально-культурных процессах на Северном Кавказе и основных направлениях их исследования // Научная мысль Кавказа. 1996. № 4. С. 79–86.
16. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 158-230.

**Р.П. Кулумбегов,
кин, снс ЮОНИИ им. З. Ванеева
(г. Цхинвал)**

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА. ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ, ИНСТРУМЕНАРИЙ

В статье рассматриваются проблемы современной исторической науки, которые возникают под воздействием трансформаций в гуманитарной сфере познания. На смену безоговорочному восприятию официальной интерпретации исторических фактов пришло недоверие значительной части общества к устоявшимся научным концепциям. Это недоверие перемежается с восприимчивостью к псевдоисторическим и внешне эффективным, но далеким от науки сенсационным «открытиям» и построениям. Сегодня историческая наука выходит за стены уютных и тихих кабинетов исследователей, она уже не ограничивается рамками академических книг и журналов, научных конференций. Историческая наука перестала быть уделом только ученого сообщества, она стала предметом внимания широкой общественности.

В статье также рассматривается участие ученых историков в общественной жизни и связанные с этой тенденцией положительные и негативные факторы.

Ключевые слова: историческая наука, факты, исследователь, достоверность, историческое образование.

The article deals with the problems of modern history, that arise under the influence of Humanitarian Studies.

The unconditional perception of official interpretation of historical facts has been replaced by the distrust of a significant part of society to established scientific concepts.

This distrust is interspersed with susceptibility to pseudohistorical and outwardly effective, but unscientific sensational «discoveries» and constructions.

Today historical studies are beyond of the walls of comfortable and quite cabinets, history is not limited to academic books and magazines, scientific meetings.

Historical Studies ceased to be the subject of only the academic community, they have become the subject of attention of wide audience.

The article deals considers the participation of scholarly historians in public life and the positive and negative factors related to this trend.

Keywords: Historical Studies, science, facts, researcher, authenticity, historical education.

Перед молодыми учеными Осетии стоит задача развития национальной науки, которая при всей своей вплетенности в общемировую научную канву всегда имела и, я уверен, будет иметь самобытную окрашенность.

Реализация целей и задач науки в Осетии сегодня происходит в непростых условиях падения престижа самого научного познания. На этом фоне наиболее заметен кризис исторической науки.

Сегодня о проблемах истории не говорит только ленивый. Свой камень в огород ученого сообщества считают вправе кинуть журналисты, международники, политологи, отставные военные и чиновники. Серьезные претензии выдвигаются к профессиональным историкам, к самой исторической науке, прежде всего – академической. В зоне критики оказывается сложившаяся система исторического образования, методология исследований, учебные пособия, конкретные исторические труды.

Подобная нелюбимая критика современного состояния исторической науки вызвана повышенным интересом общества к истории, что вполне естественно на изломе эпох, когда у людей особенно сильно ощущается связь времен и поколений, и этот интерес остается в значительной степени неудовлетворенным. Порой эта критичность объясняется и тем, что некоторые деятели, в том числе от политики, склонны перекладывать, иногда совершенно необоснованно, на историческую науку ответственность за ошибки и просчеты властных структур и государственных деятелей [1,6].

При оценке состояния современной исторической науки мы должны принимать во внимание то, что сегодня наше общество находится на стадии социально-экономической и политической трансформации. Этот процесс начался при распаде мировоззренческой системы, которая сформировалась при СССР и продолжается по сегодняшний день.

События, имевшие переломное значение, всегда вынуждали историков переосмысливать свои оценки и исторические концепции. В переходное время, как справедливо отмечал российский историк Р. Ю. Виппер, исторической науке приходится пересматривать прежние концепции, подвергать их критике, заменять одни положения другими, иногда прямо противоположными [2, 23].

На смену безоговорочному восприятию официальной интерпретации исторических фактов пришло недоверие значительной части общества к устоявшимся научным концепциям. Это недоверие перемежается с восприимчивостью к псевдоисторическим и внешне эффектным, но далеким от науки, сенсационным «открытиям» и построениям.

История постепенно превращается в элемент «медийной культуры», этому активно и успешно содействуют средства массовой информации.

Используя растущий и неудовлетворенный интерес общества к собственному прошлому, формируется жанр продукции, которую принято называть «история на продажу», где причудливо переплетены выступления членов академического сообщества с беллетристическими интерпретациями, а нередко и прямой вульгаризацией [3, 66].

Сегодня историческая наука выходит за стены уютных и тихих кабинетов исследователей, она уже не ограничивается рамками академических книг и журналов, научных конференций. Историческая наука перестала быть уделом только ученого сообщества, она стала предметом внимания широкой общественности.

Отличие современной исторической науки от исторического познания всех предшествующих эпох заключается в том, что ее развитие происходит в новом информационном пространстве. Наука не только оказывает влияние на формирование этого пространства, но порой и сама трансформируется под влиянием новых информационных технологий.

Это, прежде всего, интернет-ресурсы. Однако эта сфера подобна двуглазому Янусу. С одной стороны, благодаря интернету с его практически неограниченной информационной составляющей мы можем получить важную информацию из вторых рук (часто не добываемую самим исследователем), но вместе с тем, в силу открытости системы и произвольности доступа к ней, эта информация зачастую недостоверна и не обработана в нужном историку ключе, содержит ошибки и просто фальсификаты. Эта информация при всем своем разнообразии носит фрагментарный характер и недостаточно структурирована.

Явлением жизни стало появление большого числа дилетантских сайтов, востребованных неопытным читателем, а возможно, даже и управленческими структурами.

Вместе с тем есть и положительный опыт. Среди осетинских интернет-ресурсов, которые, образно говоря, специализируются на исторической теме, я бы хотел выделить *iratta.com* и *Hohag*. При этом, если первый ресурс предоставляет своему читателю статьи по исторической тематике без комментариев, то последний приглашает своих пользователей к дискуссии. Также отмечу, что *Hohag* не ограничивается только одной площадкой, перенося свои материалы и в сферу социальных сетей. «Это не информационный портал. Здесь не публикуются шокирующие материалы и скандальные интервью. Тут не обслуживают власть и не лоббируют интересы. Мы пристрастны и готовы навязать вам свою точку зрения», – такова политика интернет-ресурса *Hohag*.

И здесь возникает вопрос, должны ли принимать ученые, в том числе – молодые, участие в деятельности этих сайтов? Или игнорировать эти площадки, отдавая их на откуп людям, для которых история – это хобби?

Нам часто приходится слышать при активизации дискуссий призыв со страниц социальных сетей к историческому сообществу: «Почему не отвечают наши историки?»

Тут возможны два варианта. Либо активно участвовать в работе этих сайтов, повышая культуру читателей, либо создавать апробированные научным сообществом ресурсы с их лицензионной аккредитацией.

Например, сегодня в стенах Юго-Осетинского государственного университета идет работа над созданием специализированного интернет-ресурса, на котором будет размещен значительный контент, включающий в себя, в том числе, и видеолекции ученых-историков севера и юга Осетии, ученых из российских научных центров, занимающихся осетинской тематикой.

Сегодня нам необходимо определить место исторической науки в современном обществе. Перед нами давняя дилемма: историческая наука ради науки, или все же она должна быть и для широкой общественности? Должна ли историческая наука развиваться и дальше в рамках академичности или выходить на виртуальные площади к народу?

Едва ли я открою Америку, если скажу, что наши исследования остаются по большей части внутри нашей корпорации историков. Те публикации, которые мы размещаем на страницах специализированных академических изданий, не доходят до широкого читателя. А те, которые в свободном доступе, порой бывают им не поняты по причине специфического языка изложения.

Как пример такого противоречия я хочу назвать работу над учебником истории в Южной Осетии. В 2012 году была создана группа из нескольких авторитетных ученых, которые приступили к работе. Однако работа над учебным пособием продолжается и по сей день. Нет, сам текст был составлен относительно быстро, но изложение материала было настолько сложным, что учителя истории в школах, которым было предложено составить об учебнике свое мнение, единодушно отказались его принять. «Для нас, преподавателей, этот материал труден в восприятии, а как его смогут понять простые ученики» – был их вердикт.

Но проблема не только в доступности изложения исторических фактов. В подходе к историческому образованию просматриваются две расходящиеся линии: одна настаивает на необходимости создания патристической, сплывающей народ истории, формирующей национальную идентичность и самосознание индивида, другая – настаивающая на противоречивости и неоднозначности событий и фактов и провозглашающая необходимость плюралистических, деидеологизированных концепций и построений, признающая исключительно свободный выбор суверенной личности, вне всякого внешнего контроля и влияния [3, 67]. Трудно совместить две эти линии, еще и потому, что оценка социального опыта

индивидуальна и специфична, изменчива и капризна, отличается у разных поколений и общественных слоев.

Хочу предложить иллюстрацию к этой дилемме. В Южной Осетии одним из символов национально-освободительного движения является Бега Кочиев, который в XIX веке возглавил вооруженное сопротивление российской имперской администрации.

В 1830 году в Чесельтское ущелье Южной Осетии вошел экспедиционный корпус во главе с генералом Ранненкампом. В его составе, помимо российских войск, были иррегулярные воинские подразделения грузинских князей. Именно последние и инициировали проведение карательных действий против горцев. Произошли ожесточенные боевые действия, апогеем которых стала оборона боевой башни, в которой закрепились тридцать горцев во главе с Бега Кочиевым. Несмотря на наличие артиллерии, противник не смог взять укрепление штурмом, только после того, как удалось поджечь деревянные элементы конструкции башни, ее защитники были обречены. Тогда последние совершили попытку прорыва, выйдя за стены укрепления. Народная молва свидетельствует о героической смерти всех защитников во главе с Бега. Об этих событиях слагались песни, писались поэмы, произведения в прозе, ставились спектакли. Бега Кочиев стал в Южной Осетии символом беспримерного мужества и самопожертвования.

В 2017 году я опубликовал статью, где, опираясь на архивный материал, рассказал, что Бега не только не погиб героической смертью, но был арестован и провел год в заключении. Более того, он вскоре был освобожден с условием сотрудничества с представителями российской имперской администрации, о чем есть свидетельства современников [4, 233].

Этот материал вызвал неоднозначную реакцию в югоосетинском социуме, что вполне объяснимо, так как не все могли принять тот факт, что вместо героической гибели за Отчизну Бега не только остался жив, но и пошел на сотрудничество с властями. Люди все еще остаются в плену стереотипов, согласно которым герой должен обязательно погибнуть героической смертью, но ни в коем случае не дожить до глубокой старости и стать немощным стариком.

Здесь бы я предложил молодым ученым руководствоваться словами Н.М. Карамзина: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствия; он должен быть, прежде всего, правдив; должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем» [5, 28].

Одной из сторон деятельности любого ученого является его участие в общественной жизни. С одной стороны, это положительный фактор, с другой – отвлекает от научной работы. В Осетии нередко бывает так, что отдельные талантливые ученые уходят на административные должности, на долгие годы оказавшись оторванными от исследовательского труда. Есть такие примеры в Северной Осетии, но более всего такая тенденция свойственна Осетии Южной.

С одной стороны, понятно, что такое совмещение на пользу науке не идет, с другой – научный работник как нельзя лучше удачная кандидатура для ответственной работы в государственном аппарате. Это личная ответственность и умение сосредотачиваться на конкретной теме. Поэтому государство старается сохранять этот баланс интересов, неспроста для работников научной сферы допускается исключение на совместительство.

Чтобы ученый смог работать эффективно, необходимо, чтобы от исследовательской работы его ничего не отвлекало: ни забота о куске хлеба, ни проблемы жилищные, ни проблемы бытовые. Меня всегда интересовал феномен того, почему именно в древних Греции и Риме произошел такой расцвет науки, искусства и культуры. Вся причина в рабовладельческом строе. Ученые мужи – Аристотель, Платон, Сенека, Цицерон и другие, благодаря тому, что владели рабами, уже не заботились о хлебе насущном и могли весь день посвятить своим научным изысканиям. Позже уже монастыри стали центрами развития науки и письменности, благодаря освобождению монахов от повседневного труда.

Но в деле формирования ученого необходима не только материальная составляющая. Например, в некоторых отраслях исторической науки исследователям необходимо быть и хорошими психологами. В частности, это касается моих коллег-этнографов.

Перед молодыми учеными в процессе полных работ встает немало проблем: от поиска информантов до сложностей с размещением на ночлег. Умение найти в незнакомой среде и кров, и стол, и интересного собеседника является необходимым навыком работы в полевых условиях [6, 135]. Но даже если все квартирньерские вопросы будут решены, и исследователь приступает к сбору материала, возникают свои особенности. В работе с информантами на первое место выходит вопрос доверия человека к исследователю. Эту сторону общения с источником необходимо особенно учитывать во время сбора информации по сакральным практикам.

Религиозная сфера бытования всегда оставалась наиболее табуированной темой. Понятно, что раскрывать содержание того или иного сакрального действия для исследователя информант вряд ли будет готов сразу. Надо понимать, что для жителя села, особенно людей старшего возраста, отличающихся консерватизмом, любой этнограф или собиратель фольклора – люди чужие. Одно дело приютить гостя, накормить, напоить

и предоставить ночлег, другое дело – раскрывать перед ним сведения, которые табуируются порой и в самой среде проживания информанта.

В ответ на вашу настойчивость человек может рассказать о том или ином обряде, но не ждите от него откровений. Предоставленные им сведения, скорее всего, будут носить общий, описательный характер. И едва ли у молодого исследователя, еще не вооруженного тонкостями психологии общения с людьми, получится «разговорить» убеленного сединами старика или почтенную мать семейства. Здесь помогает либо опыт, либо удача. Иногда в отдельности, иногда в совокупности.

Есть в опыте научного познания и гендерный фактор. Как показывает практика, в сфере изучения семейной обрядности женщина-исследователь имеет значительные преимущества, так как круг ее информантов, по большей части, охватывает женскую часть общества. Хотя есть сегмент, куда доступ женщине-исследователю ограничен. Например, тема, связанная с изучением «мужских» сакральных культов. Так, ни одна осетинка не зайдет в святилище Уастырджи, да и представительницы других народов в этом ограничены. На моей памяти в Дигории старики буквально преградили собой вход в святилище Уасгерги (Уастырджи), когда две девушки-этнографа из Тбилиси попытались туда пройти.

В этой связи хотелось бы отметить фактор «своих» и «чужих» исследователей при работе в поле. В современной гуманитарной науке принято считать, что исследователи, изучающие сакральные знания в «своей» среде, имеют ряд преимуществ перед остальными специалистами-коллегами [7, 533]. При этом исследователь, изучающий культуру своего народа, всегда воспринимается в качестве «своего» члена общества во всех местах его расселения по праву единого этнического происхождения [8,29].

Действительно, характеристика «свой» для осетинского исследователя, занимающегося изучением сакрального знания в родном локальном коллективе, особенно значима, поскольку он с рождения причисляется к части этого общества, и его общение в кругу «своих» имеет доверительный характер. Это создает необходимый психологический климат во время исследовательской работы, не требуя от него специальной (иной) модели поведения [9,10].

Понятно, что «чужой» исследователь может столкнуться с определенной закрытостью в среде иноязычного социума. Здесь причиной отказа может быть страх (советское наследие) передать сведения ученым из материковой России («мало ли что потом случится...») или скромная оценка людьми их собственных знаний. Однако возможна и более глубокая причина, связанная с пониманием сакрального в обществе. Сакральное в коллективном восприятии – это область знания, которая табуирована для посторонних, поэтому границы его должны сохраниться в неприкос-

новенности для сохранения и поддержания социального единства. Все подобные переживания и представления людей – хранителей сакрального знания вместе или отдельно – зачастую определяют их «закрытую» линию поведения.

Все это, наряду с запретом рассказывать посторонним о сакральной сфере культуры, а также невладение исследователями (порой вообще далеких от традиционной культуры по своему воспитанию) языком изучаемого этноса, приводили зачастую к поверхностным выводам и суждениям относительно традиционных верований [10,32].

Существует, в свою очередь, убеждение «чужих» ученых: будто «чужие» исследователи субъективно воспринимают реальность «своего» поля и поэтому могут делать ошибочные научные выводы. В противовес им «свои» исследователи обвиняют «чужих» в непонимании материала и неверном его толковании.

Каждая из этих позиций имеет под собой основание. В советское время сакральная тема считалась архаичкой, мало связанной с широким бытованием в повседневной жизни общества. Сегодня многие стороны традиционной религиозной жизни в Осетии становятся частью реальности. И здесь кроется опасность для молодого исследователя: ведь стоит нам отнестись к изучаемым феноменам и людям, разделяющим эти взгляды, не просто с глубоким уважением, но как к действительно священным, так тут же мы оказываемся по другую сторону невидимой границы, разделяющей научные и религиозные воззрения, и сами становимся носителями религиозных верований.

Интерпретация культуры и стремление познать внутренние смыслы ее категорий, особенно в области сакрального, требуют от ученых знания не только специальных научно-методических разработок, но и способности вести диалог в этнографическом поле с теми, чью культуру они изучают.

Действительно, исследователю необходимо порой быть и тонким психологом, чтобы создать положительный фон общения с информантами.

Следует отметить, что важную роль при налаживании контактов на первой стадии знакомства в ином локальном коллективе играют родственные связи или помощь знакомых и коллег, проживающих либо работающих на этой территории, т.е. быть кем-то представленными лучше, чем представляться самим. Это повышает степень доверия со стороны информанта.

Говоря же в целом о качествах, которые необходимы любому исследователю, отметим, что, прежде всего, необходимо, чтобы он был хорошо подготовленным, знал все, что до него написали, владел методикой исследования, умел собирать материалы, интерпретировать и обобщать их, любил и уважал тот народ, культуру которого он изучает.

Но самое главное, чтобы ученый был предан науке, которой посвящает свою жизнь.

1. Козьменко В.М. Некоторые проблемы состояния современной исторической науки // Вестник РУДН, серия История России. 2013, №4.
2. Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921.
3. Карпов С.П. Историческая наука и историческое образование в современном информационном пространстве: тупики и перспективы // Проблемы методологии изучения и преподавания современной истории. М., 2009.
4. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837-1838 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
5. Карамзин Н.М. Предания веков. М., 1987.
6. Кулумбегов Р.П. Этнография как интересный опыт фиксации старины // Южная Осетия: от прошлого к настоящему. Цхинвал, 2017.
7. Бергер П., Лукман Т. Повседневная жизнь и религиозный опыт // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. М., 1996.
8. Шагланова О.А. Диалог «своих» и «чужих» в этнографическом поле // Этнографическое обозрение. 2010. № 3
9. Харитонов В.И. Работа с сакральными знаниями и практиками: методико-методологический аспект // Этнографическое обозрение. 2010. №3.
10. Волдина Т.В. Представления о перевоплощении душ в традиционной культуре казымских хантов (проблемы записи и интерпретации сакральных сведений) // Этнографическое обозрение, 2010, № 3.

**В.Т. Бетанов,
кин, ФУ при Правительстве РФ,
Ф.С. Киреев,
кин, нс ИИА РСО-А
(г. Владикавказ)**

СОСТАВ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ ВЛАДИКАВКАЗА В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье анализируется организация и развитие городской управы Владикавказа в 1860-1920 гг. Работа основана на анализе, архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, а также сведений Кавказских и Терских адрес-календарей. Впервые в историографии называются имена руководителей городской власти; дается характеристика деловым качествам некоторых руководителей города и членов управ, оцениваются их заслуги перед городом.

Ключевые слова и фразы: Владикавказ, Терская область, городское самоуправление, городская дума, городское хозяйство, благоустройство города.

The organization and development of the municipal government of Vladikavkaz in 1860 – 1920 is analysed in this article. The work is based, primarily, on the analysis of archive materials, introduced in the scientific circulation for the first time, and also on data of Caucasian and Tersk directories.

It is for the first time in the historiography when the names of the town council are pronounced. Moreover, the characteristics of manager qualities of some governors and members of the council, and their services to the town are represented.

Keywords and Phrases: Vladikavkaz, Tersk District, town self-government, town дума, town economy, town-improvement.

С момента закладки первого камня Владикавказ прошел уникальный исторический путь от небольшой крепости в начале Военно-Грузинской дороги до центра обширной густонаселенной, многонациональной Терской области. В наши дни Владикавказ – административная столица Республики Северная Осетия-Алания. и как и прежде, ее форпост на южных рубежах.

На сегодня историография Владикавказа включает небольшой круг работ по экономическим, социально-политическим и историко-краеведческим проблемам.

Основу дореволюционной историографии составляют исследова-

ния, в которых описывается история основания Владикавказской крепости. На эту тему писали П.Г. Бутков, В.А. Потто, К.А. Каменский [1].

Весьма обстоятельный очерк об экономическом развитии города был составлен экономистом Юдиным [2]. Он описал все объекты промышленного производства, существовавшие к 1870 г.

В дореволюционной историографии города следует выделить работу Д.В. Раковича «Прошлое Владикавказа» [3]. Историю основания крепости он рассматривает в контексте русско-кавказских отношений, отмечая влияние Кавказской войны на жизнь крепости.

Специальных монографических исследований, посвященных всей, более двухвековой, истории Владикавказа, в советское время издано не было. Историография города включает только исторические очерки, научно-популярные издания и ряд статей.

Первый исторический очерк был издан в 1947 году [4]. Его автором был известный ученый Л.П. Семенов, описавший историю основания и перестройки крепости, ее преобразование в город, развитие Владикавказа в пореформенное время.

В 1957 г. был издан краткий исторический очерк «Город Орджоникидзе», в который вошла указанная работа Л.П. Семенова, и история Владикавказа советского времени, написанная А.А. Тедтоевым [5].

Ценный вклад в изучение Владикавказа внес краевед Г.И. Кусов, работы которого помогают воссоздать отдельные аспекты городской жизни [6]. Самым фундаментальным трудом по истории Владикавказа можно назвать историко-этнологическое исследование «Старый Владикавказ» З.В. Кануковой [7].

Нельзя не отметить, что во всех вышеназванных изданиях лишь в редких случаях упоминаются руководители города, не говоря уже об их биографических данных и оценке деятельности. Лишь в работе «Владикавказ. Южный форпост России, 1784 – 2014» [8] и справочнике «Владикавказ. Летопись городской власти» [9] приведены сведения о тех, кто был во главе Владикавказа от крепости до наших дней.

В данной статье, на основе выявленных материалов, рассматриваются некоторые аспекты организации системы органов местного управления, рассматривается о людях, стоявших у начала городского самоуправления Владикавказа.

31 марта 1860 г. Императором Александром II был подписан указ об обращении крепости Владикавказ с прилегающим к ней крепостным форштадтом в город. Данным указом было утверждено «Положение об управлении городом Владикавказом» [10, 351-359] и его штат [11, 218-219].

По утвержденному Положению городское управление Владикавказом составляли: полиция, городской суд и назначаемые особые чины, как-то: городской архитектор, врач и стряпчий (занимался надзором за исполнением дел во владикавказских учреждениях).

Анализ документа позволяет представить логичную картину организации городского управления Владикавказа.

Полицейское управление состояло из городничего, квартальных надзирателей и других чинов (письмоводитель и три писаря).

Структура Владикавказского городского суда включала председателя, двух непременных членов и двух заседателей. Последние избирались обществом – один из среды проживавших во Владикавказе потомственных и личных дворян, а другой – из осетин или представителей других горских народов. К ведению председателя суда относились все дела, которые по действующему законодательству возлагались на городских голов.

Для организации делопроизводства при суде действовала Канцелярия, которая состояла из секретаря, двух столоначальников, журналиста (он же экзекутор и архивариус) и пяти писарей. Городской суд занимался как общественными, хозяйственно-распорядительными, так и, естественно, судебными делами, которыми могли заниматься уездные суды.

После образования владикавказского городского суда его председателем стал купец 1-й гильдии Иван Михайлович Богданов. Непременными членами являлись купец 3-й гильдии Егор Семенович Зипалов (он же казначей городского суда) и 3-й гильдии временный купец Григорий Егорович Багдасаров. Заседателями были избраны: от дворян отставной капитан Руф Петрович Русановский, от горцев – юнкер Василий Иванович Коченов. Секретарем суда был Яков Онуфриевич Станишевский, городским архитектором – Владимир Иосифович Грозмани, а стряпчим – Трофим Павлович Исконицкий. Городскую полицию в эти годы возглавлял городничий, майор Константин Михайлович Чураковский [12, 395-396].

21 мая 1864 г. было утверждено дополнение к Положению об управлении городом Владикавказом от 31 марта 1860 г. [13, 456-458]. Согласно этому дополнению, владикавказский городской суд был переименован в городское общественное управление.

Первоначально владикавказское городское общественное управление возглавлял купец И.М. Богданов. В 1866 г. его сменил Алексей Игнатьевич Томилин. В это время членами общественного управления являлись Андрей Лазаревич Ешков и Алексей Миронович Максимов, секретарем состоял – Григорий Осипович Кантакузин-Немец, городским архитектором Самуил Иванович Уптон, полицмейстером города – капитан Александр Афанасьевич Андрузский [14, 109].

В начале 1870-х годов при членах управления Василии Чеботареве и Михаиле Симонове городское управление возглавил купец Ефим Филиппович Лебедев. Секретарь, архитектор и полицмейстер оставались прежние [15, 50].

Владикавказское городское общественное управление существовало до 1874 г., когда Наместник Кавказа Великий князь Михаил Николаевич

признал возможным ввести в городе Владикавказ Высочайше утвержденное 16/28 июня 1870 г. Городовое положение [16, 821-839]. Наместник распорядился провести необходимые предварительные работы по составлению списков избирателей, организации и проведению выборов в кратчайшие сроки с тем, чтобы Городовое положение было введено в действие с 1 января 1875 г. [17, 730-731].

Согласно Городовому положению, попечение и распоряжения по городскому хозяйству и благоустройству предоставляются городскому общественному управлению, а надзор за законным его исполнением – губернатору области. К ведению городского общественного управления относились: дела по внешнему благоустройству города – устройству и содержанию улиц, площадей, мостовых, тротуаров, городских общественных садов, бульваров, водопроводов, сточных труб, каналов, мостов, а равно и освещению города; дела, касающиеся благосостояния городского населения – меры по обеспечению народного продовольствия, устройство рынков и базаров; об охране народного здоровья, о принятии мер предосторожности против пожаров и других бедствий и об обеспечении от причиняемых ими убытков; попечение об ограждении и развитии местной торговли и промышленности, об устройстве пристаней, бирж и кредитных организаций за счет города; благотворительных заведений и больниц и заведование ими и др.

Круг действий городского общественного управления ограничивался пределами города. Сверх сборов, установленных надлежащими земскими, городскими или сословными учреждениями, на основании изданных для них законоположений. никакие подати, тягости или службы не могли быть налагаемы на городских обывателей иначе, как в порядке законодательном.

Городское управление состояло из городской управы и городской думы.

В состав городской управы входили: городской голова, члены управы, городской секретарь, городской архитектор и городской врач. Число членов управы определялось городской думой (в зависимости от численности населения и объема работы) и могло быть ею же изменено, но не должно было быть менее двух членов, сверх председателя.

Членами городской управы не могли быть одновременно отец и сын, тесть и зять, а также родные братья. Число членов городской управы из нехристиан не должно было превышать одной трети всего ее состава.

Дума и управа избирались на четыре года, половина состава управы должна была обновляться через каждые два года. Городской голова мог приостановить решение управы. Разногласия думы и управы решал губернатор.

К администрации города также относилось полицейское управле-

ние, состоявшее из полицмейстера, его помощника, полицейских приставов (по числу участков) и их помощников.

Состав городской управы, выбранный в 1875 г. согласно положению 1870 г., состоял из: городского головы купца Григория Михайловича Богданова, членов Управы – купцов Владимира Шаура и Прокофия Воротникова, секретаря – Григория Кантакузина-Немеца, городского архитектора, отставного капитана Бориса Мокроусова и городского врача Иосифа Рогалевича. Владикавказскую полицию возглавлял подполковник Николай Акимов [18, 51].

В 1875 г. владикавказцы впервые избрали Городскую Думу. Всего до конца 1917 г. было двенадцать ее составов. 12-ю думу избрали в 1916 г., она должна была просуществовать до 1920 г., но в связи с сокрушительными революционными потрясениями ее полномочия были прекращены, и в июле и декабре 1917 г. проходили выборы в следующую городскую думу, но уже по новым избирательным законам.

Всего в двенадцати составах владикавказской городской думы гласными (депутатами) побывало немногим более трехсот человек. Некоторые из них избирались по пять-шесть и даже семь раз.

В 1887 г. после выборов городской думы состав городской управы обновился. Городским головой был избран судья Павел Алексеевич Лилеев, членами управы стали отставной поручик Федор Яворский и купец Александр Шошиев. Должность секретаря занял Петр Сидамонов, а делопроизводителями были назначены Матвей Гупало и Евгений Кулов [19, 108]. Избрание Лилеева состоялось с подачи областных властей, так как прежние руководители города, в большинстве своем купцы, разорили городской банк, и город фактически оказался банкротом. Нужно было срочно навести порядок в городском хозяйстве и поднять престиж городской власти. Вот здесь и потребовался авторитет, неподкупность, порядочность судьи П.А. Лилеева.

После ухода Лилеева на должность вице-губернатора Бакинской губернии, в течение 1893-1894 гг. должность владикавказского городского головы занимал отставной генерал Михаил Иванович Сулимовский. За время пребывания в должности он активно участвовал в основании музея Терской области, первого музея на Северном Кавказе, в учреждении Владикавказского общества любителей охоты, в открытии при владикавказском госпитале отделения для душевнобольных и др. При М.И. Сулимовском членами управы были Генрих Касперович и Александр Сухов.

В этот период распределение обязанностей членов управы было следующим: городской голова занимался попечением о развитии народного образования, культурным развитием города, ведал театрами, библиотеками, музеями, устройством православных храмов.

Член управы Г. Касперович заведовал пожарной частью, в его обязанности входило обеспечение и контроль за освещением, мостовыми, скверами, бульварами, страхованием имущества, землями и заводами и т.д. В ведение члена управы А.Н. Сухова входили – призрение бедных, деятельность благотворительных учреждений, здравоохранение, санитарная часть и делопроизводство самой управы. И.М. Башакин занимался в Управе городской кассой, денежным хозяйством, продовольственной частью, наблюдением за торговлей, промышленностью и лесными городскими землями [20].

В марте 1894 г. во владикавказской городской управе произошли изменения, по собственной просьбе Г. Касперович был уволен и ее членом был утвержден купец Алексей Коноплин [21].

В 1895 г. городским головой был избран Александр Никифорович Сухов, который, впрочем, занимал эту должность непродолжительное время.

Уже в 1897 г. состоялись выборы в городскую думу, в результате которых новым городским головой был избран А.Ф. Фролков. Членами городской управы стали Карл Кнапп, купец Виктор Харченко, отставной капитан Аким Ментюков, секретарем – Федор Шульга [22, 311]. За время руководства городом особую заботу Александр Федорович проявлял о здравоохранении и народном образовании горожан. Самой большой гордостью для А.Ф. Фролкова было открытие в год столетнего юбилея великого поэта одноклассного Пушкинского училища. Став председателем попечительского совета Пушкинского училища, Александр Федорович проявлял о нем заботу до конца своих дней.

18 марта 1901 г. на заседании городской думы городским головой вновь был избран А.Ф. Фролков (50 голосов «за», 7 – «против»), а заступающим его место (заместителем) – Г.В. Ковтунов (56 – 2), членами управы стали – А.Н. Сухов и З.П. Капырин. Оклад городского головы был определен в 4000 руб. в год, а членов городской управы – 1000 руб. [23].

Спустя некоторое время Г.В. Ковтунов покинул управу, а на его место был избран С.К. Клоссовский. Заместителем же городского головы стал А.Н. Сухов.

После выборов в 1905 г. состав городского управления стал следующим: городской голова – А.Ф. Фролков, члены управы – Георгий (Гаппо) Баев, Захар Капырин и Северин Клосовский, секретарь управы Сергей Голвчанский.

А.Ф. Фролков оставался во главе города до 1908 г., когда во время переизборов городского головы он отказался выставлять свою кандидатуру. Возраст и болезни не позволили ему остаться во главе города еще на один срок.

В 1908 г. в результате очередных выборов городской думы городским головой был избран М. Орла-Лысенко [24]. Уроженец станицы Ардонской

Терской области Марк Матвеевич Орел-Лысенко в течение нескольких лет был инспектором народных училищ 2-го района Терской области. В должности городского головы он оставался до 11 октября 1911 г., когда неожиданно скончался от аппендицита.

Авторитет М.М. Орла-Лысенко и уважение к нему были столь велики, что в августе 1914 г. для увековечивания памяти М.М. Орла, по ходатайству городской управы, Владикавказскому 2-му женскому городскому училищу было присвоено наименование – «Училище имени статского советника Марка Матвеевича Орла» [25].

После смерти М. Орла-Лысенко до следующих выборов должность городского головы исполнял Георгий (Гаппо) Баев.

При М. Орел-Лысенко членами городской управы состояли: Георгий (Гаппо) Баев, Северин Клосовский и Николай Поляков, секретарем был Леонид Глаголев, городским архитектором – Евгений Дескубес, городским врачом – Магомет Далгат, городским санитарным врачом – Петр Митник, городским землемером – Владимир Кот. Некоторое время членами управы также были Киприан Черный, Григорий Ковтунов и Николай Дмитриев [26, 59].

Последняя выборная кампания мирного времени завершилась в октябре 1912 г. Городским головой стал Георгий (Гаппо) Васильевич Баев, а членами городской управы избрали Киприана Черного, Николая Полякова и Николая Дмитриева. Секретарем управы был Иван Серебряков, которого позже сменил Афанасий Вацик.

К сожалению, жизнь вносила суровые коррективы в деятельность органов городского управления. В мае 1913 г. скончался член городской управы Н. Дмитриев [27] и третьим её членом был избран учитель Георгий Ткачев [28]. В июне 1916 г. по собственному желанию оставил свой пост в городской управе Н. Поляков, в течение трех лет исполнявший обязанности заступающего место (заместителя) городского головы, выполнявший большую общественную работу. Чрезмерная нагрузка и накопившаяся усталость побудили его отойти от дел. Вопрос его ухода был решен только после того, как в структуре управы произошли изменения (созданы новые отделения во главе со специалистами), и Наместник Кавказа не дал согласие на введение должности четвертого члена управы. Вместо Н. Полякова членом управы был избран отставной статский советник Павел Иванович Сорокин.

Первая мировая война не помешала провести в октябре 1916 г. выборы нового состава гласных владикавказской городской думы.

Городским головой вновь стал Георгий (Гаппо) Васильевич Баев. Ему выпало оставаться во главе городского самоуправления в самые трагические для Владикавказа дни. Революционные потрясения февраля 1917 г. привели к тому, что Г.В. Баев подал в отставку. Исполняющим обязанности

городского головы стал Киприан Черный (в случае его отсутствия, замещать К. Черного должен был член управы Владимир Кот).

В конце июля 1917 г. состоялись новые выборы гласных владикавказской городской думы. Однако, в условиях политического хаоса и надвигающейся Гражданской войны, городская власть уже не контролировала ситуацию во Владикавказе. В городе появилось несколько центров силы, претендующих на власть (советы, войсковое казачье правительство, городская самооборона, военное командование). Все это привело к тому, что после Октябрьской революции, во Владикавказе, в декабре 1917 г., прошли лишённые всякого смысла выборы в городскую думу. Это была символическая, отчаянная попытка что-то предпринять для сохранения прежней городской власти, но власть во Владикавказе уже окончательно перешла к Советам.

В 1918 г. городским головой Владикавказа считался П.И. Цирульников. В августе этого года восставшие казаки и осетины попытались свергнуть Советскую власть [29]. В течение одиннадцати дней в городе шли кровопролитные бои, пока восставшие не покинули Владикавказ. В эти трагические дни большинство гласных городской думы и работников городского управления оказались на стороне противников Советской власти. Большевики жестоко наказали восставших, а все старые городские структуры были упразднены. С этого времени единственной властью во Владикавказе стал Совет рабочих и солдатских депутатов.

В начале 1919 г. с занятием Владикавказа частями Добровольческой армии Советы были ликвидированы. В городе была вновь образована городская управа, а городским головой стал Г.В. Баев (в случае его отсутствия обязанности городского головы исполнял Д.И. Ходалицкий) [30].

В ноябре 1919 г. в городской думе бывший городской голова П.И. Цирульников сообщил о действиях городских властей в августе 1918 г. и дал отчет о городской казне, насчитывавшей всего 173 тыс. руб. (из кассы городской управы – 8 тыс. 135 руб. и из кабинета наркома внутренних дел Терской Советской республики Ю. Фигатнера при понятых было изъято – 164 тыс. 875 руб.). В ходе этого же заседания члены Городской Думы почтили память погибшего члена городской управы В. Кота и других жертв красного террора [31].

В марте 1920 г. после окончательного установления на Тереке Советской власти наступила новая эра городского управления Владикавказа, продлившаяся до начала 90-х годов прошлого века.

Анализируя деятельность Владикавказской городской управы, можно сделать вывод, что система управления города постоянно совершенствовалась. Вырабатывалась наиболее оптимальная структура городской управы. С каждыми выборами все более тщательно подходили к избранию членов управы. В свою очередь члены управы делали большую рабо-

ту по благоустройству Владикавказа, развитию системы народного образования и здравоохранения, культурной сферы. Развивая предпринимательство, промышленность, банковскую сферу городская власть создала к началу XX в. хорошую налогооблагаемую базу, весьма эффективно пополнявшую бюджет города. Благодаря этому во Владикавказе на городские средства строились больницы и учебные заведения, благоустраивались улицы.

Нельзя не отметить, что никто из городских голов, членов городской управы не был замечен в коррупции, личном обогащении. Все они радели за плодотворное развитие всех сфер жизнедеятельности города и во многом благодаря их деятельности Владикавказ до сих пор является самобытным, интересным городом, играющим центральную роль на Юге России.

1. Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 годы. СПб., 1869; Потто В.А. Два века терского казачества. Очерк (1577 – 1801). Владикавказ, 1912; Каменский К.А. Начало Владикавказа//Терские ведомости, 1911. № 71.

2. Юдин Промышленность города Владикавказа//Терские ведомости, 1870.

3. Ракович Д.В. Прошлое Владикавказа. Краткая историческая справка. Владикавказ, 1911.

4. Семенов Л.П. Из истории города Дзауджикау. Орджоникидзе, 1947.

5. Семенов Л.П., Тедтоев А.А. Город Орджоникидзе. Исторический очерк. Орджоникидзе, 1957.

6. Кусов Г.И. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ, 1998; Кусов Г.И. Владикавказ в историях и лицах. Владикавказ, 2004; Кусов Г.И. Владикавказ знакомый и неизвестный. Владикавказ, 2009.

7. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2002.

8. Владикавказ. Южный форпост России, 1874 – 2014. Владикавказ, 2014.

9. Киреев Ф.С., Таутиев К.У. Владикавказ. Летопись городской власти. Владикавказ, 2018.

10. Высочайше утвержденное Положение об управлении городом Владикавказом / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Т. XXXV. Отделение первое. 1860. От № 35303-36058. Санкт-Петербург, 1862.

11. Штаты и табели. / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Т. XXXV. Отделение третье. 1860. Приложения. –Санкт Петербург, 1862.

12. Кавказский календарь на 1864 г. Изданный при Главном управлении Наместника Кавказского. XIX год. Тифлис, 1863.
13. Высочайше утвержденный проект дополнения к Высочайше утвержденным 31 марта 1860 и 29 мая 1862 года Положениям об управлении городом Владикавказом и об управлении Терской областью. / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Т. XXXIX. Отделение первое. 1864. От № 40457-44318. Санкт Петербург, 1867.
14. Кавказский календарь на 1867 г. Изданный Главным Управлением Наместника Кавказского. XXII год. /Отделение четвертое. Адрес-календарь. Тифлис, 1866.
15. Кавказский календарь на 1875 г. Изданный Главным Управлением Наместника Кавказского. XXX год. /Адрес-календарь. Тифлис, 1874.
16. Высочайше утвержденное Городовое положение. Именной указ 16/28 июня 1870 г. / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Т. XLV. Отделение первое. 1870. От № 47862-48529. Санкт Петербург, 1874.
17. О введении в городе Владикавказе Высочайше утвержденного, 16/28 июня 1870 года, Городового Положения / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Т. XLIX. Отделение первое. 1874. От № 52982-53684. Санкт-Петербург, 1876.
18. Кавказский календарь на 1876 г. Изданный Главным Управлением Наместника Кавказского. XXXI год. /Адрес-календарь. Тифлис, 1875.
19. Кавказский календарь на 1888 г. Издан по распоряжению Главного начальствующего Гражданской частью на Кавказе при Кавказском статистическом комитете. / XLIII год. /Адрес-календарь. Тифлис, 1887.
20. Терские ведомости. 1894. 11 февраля. № 18.
21. Терские ведомости. 1894. 8 июля. № 79.
22. Терский календарь на 1898 г. Издание Терского областного статистического комитета. / Выпуск 8. Владикавказ, 1897.
23. Терские ведомости. 1901. 21 марта. № 34.
24. Терские ведомости. 1908. 23 сентября. № 206.
25. Терские ведомости. 1914. 3 августа. № 167.
26. Терский календарь на 1911 г., Издание Терского областного статистического комитета. / Выпуск 8. Владикавказ, 1910.
27. Терские ведомости. 1913. 8 мая. № 98.
28. Терские ведомости. 1913. 28 июля. № 161.
29. Киреев Ф.С. К истории Августовских событий 1918 года во Владикавказе // Северная Осетия: история и современность. Сб. научных статей. Владикавказ, 2004.
30. Терский казак 1919. 11 июня. № 102.
31. Терский казак 1919. 8 ноября. № 221.

**К.Ю. Рахно,
дин, внс Национального музея
украинского гончарства в Опoшном
(Украина)**

**МОТИВ ПОТОПА В ОСЕТИНСКОМ НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ:
МИФ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА**

Статья рассматривает мотив потoпа в осетинском нартoвском эпoсе, который ранее не являлся предметом изучения. Он сохранился в одном из нартoвских сказаний, записанных Борисом Андиевым и повествует о том, как, вследствие действий водных демонов Донбеттыров был разрушен перешеек между эпическими Восточным морем (Скæсæн денджыз) и Бескрайним морем (Уартдзæф денджыз). Происшедшее описывается как катастрофа, катаклизм. Когда два моря соединились, склеп нартoвского праотца Бора, похороненного на берегу, погрузился под воду, на морское дно. Люди стали называть это море Чёрным (Сау денджыз). Это сказание в определенной мере перекликается с южноиранским зороастрийским мифом о возникновении моря Ворукаша, а также с рассказом Ктесия о сне, предшествовавшем рождению персидского царя Кира Великого. Его также можно сблизить с преданием о Дардановом потопе, соединившем Чёрное и Средиземное моря. Возможно, на нартoвское сказание повлияли также случаи частичного или полного затопления античных городов Северного Причерноморья и Приазовья.

Ключевые слова: осетины, нартoвский эпoс, Бора, потoп, Черное море, иранская мифология, Дарданов потoп.

The article considers the flood motive in the Ossetic Nart epos, which previously was not the subject of study. It is preserved in one of the Nart sagas recorded by Boris Andiaty and tells how, due to the actions of the water demons Donbettyrs, the isthmus between the epic East Sea (Skæsæn Dendžyz) and the Endless Sea (Wartdzæf Dendžyz) was destroyed. The incident is described as a catastrophe, a cataclysm. After the two seas had joined, the crypt of the Nart forefather, Bora, buried on the shore, plunged into the water, on the seabed. People began to call this sea the Black one (Saw Dendžyz). To a certain extent, this legend echoes the South Iranian Zoroastrian myth about the origin of the Vourukasha Sea, as well as the Ctesias' story about the dream preceding the birth of the Persian king Cyrus the Great. It can also be brought closer to the legend of the Dardanus Flood, which has connected the Black and Mediterranean Seas. It is possible that this Nart legend was also influenced by the cases of partial or complete flooding of the ancient cities of the Northern Black Sea region and the Azov region.

Keywords: Ossetians, Nart epos, Bora, flood, Black Sea, Iranian mythology, Dardanus flood.

Одной из характерных особенностей нартовских сказаний, записанных Борисом Андиевым от своего отца Теба, жителя селения Андиятыкау Куртатинского ущелья, и других сказителей, является пристальное внимание к роду Бората. Художник и фольклорист Махарбек Туганов, принявший участие в первом издании андиевского сборника (1942), так писал об этом: «В юго-осетинский сборник, по условиям военного времени и ограниченности сроков издания, не могли войти очень многие, в высшей степени интересные сказания из имеющихся у Андиева материалов. Здесь освещена только одна фамилия «Бората» и не тронуты вовсе «Алагата» и «Ахсартагката», а также не освещена титаническая борьба нартов с небожителями, длившаяся в течение многих поколений» [1, 141].

Похороны праотца этого рода, Бора, описываются в сказании как событие, выходящее за рамки обычного погребения и оказавшее влияние на мироустройство, в частности, на сообщение между морями. На совершение этого знаменательного погребального обряда повлиял обычай, согласно которому покойник должен быть похоронен на своей земле, то есть на своей родине. Каждый из небесных зедов, подводных жителей – чёрных донбеттыров, далимонов подземелья, людей считал, что он является более близкой роднёй Бора и потому требовал, чтоб того похоронили по их обычаям. В конце концов, единодушно было принято решение похоронить Бора на вершине горы, но этому воспротивился могущественный Зынджы бардуаг – Властитель огня:

*На вершину горы Бора отнесли,
И, говорят, в склеп когда заносили,
То Покровитель Огня из-за горы встал,
Одним словом, словно второе солнце взошло,
Красным-красным огнем, сверкая искрами,
Вышел открыто к сопровождающим покойника
И говорит им: «Это что вы делаете?
Обманутого жизнью где вы хороните?
На нартовскую землю почему его не относите?
На берегу моря почему его не хороните?
Без спроса почему возле меня
Своему покойнику склеп построили?
Я прошу прощения у вашей дороги,
Но чтобы назад отнесли его!»
Что им оставалось делать, теперь повернули обратно,
К Бескрайнему морю они пришли.
На берегу моря склеп построили,
Бора там с почестями положили.
Сопровождающие сильно по нему там плакали,
Затем вернулись назад.
Донбеттыры, говорят, тогда решили
На дне моря там склеп построить.*

*В Бескрайнем водоеме воды не хватало,
 А ворота Царапа тогда закрыты были,
 И открыть их не было возможности.
 В полночь вдруг из Бескрайнего моря
 Столбы воды, подобно деревьям, поднялись.
 Донбеттыров старый старейшина
 На восток по небу полетел.
 Там в лунном свете он искрился,
 А мокрое тело его сверкало, подобно серебру.
 Он нырнул в Восточное море,
 Царапа ворота он тогда открыл.
 Два моря когда соединились,
 тогда склеп сразу ушел под воду,
 море потемнело, нахмурилось,
 С тех пор название его для людей*

Потому осталось Чёрным морем (перевод Анджели Кудзоевой) [2, 91-92].

Итак, главный среди Донбеттыров открыл шлюз преграждения (Царæппы дуар), вода вырвалась, и соединились два моря – Восточное (Скæсæн денджыз) и обычно переводимое как Бескрайнее (Уартдзæф денджыз). Согласно этому сюжету, тело Бора вместе со склепом ушло на дно моря и осталось там. Поэтому люди стали называть его Чёрным (Сау денджыз). Комментаторы смогли только отметить архаичность этого сказания [2, 471]. Но Юрий Дзицойты, комментируя неясный топоним Уартдзæф, допускает, что, возможно, в компоненте Уарт скрывается слово, родственное древнеиндийскому *wardhi* 'океан'. Вторую часть *дзæф* он сопоставляет с авестийским *jatra* – 'глубокий'. Исследователь отмечает, что в эпосе известен одноимённый курган Уартдзæф обау [3, 235-236]. События в этом сказании предметом изучения пока не были. В определённой мере данный эпизод нартовского эпоса близок к зороастрийской традиции, где вследствие потопа возник мировой океан Ворукаша (Варкаш), отождествлявшийся, среди прочего, в исследовательской литературе и с Чёрным морем [4, 95-96; 5, 67-68; 6, 57-59]. С преданиями о потопе связана и персидская легенда о рождении царя Кира Великого, изложенная Ктесием (фр. бб. 8-9): в сновидении из лона женщины, готовящейся стать матерью, вытекает столько воды, что она, подобно океану, способна затопить всю Азию [7, 226; 8, 270].

Сказание о прорыве вод, соединении двух морей и затонувшем в результате потопа склепе первоначально также напрашивается на сопоставление с некоторыми полулегендарными событиями в Причерноморье, которые рассматривались древними авторами как происшедшие в действительности и исторические. В «Географии» Страбона (III.4) есть ссылка на свидетельство философа и учёного Стратона, согласно которому Понт Эвксинский прежде «не имел выхода» у города Византия, пролива Босфор не существовало до тех пор, пока реки, впадающие в Понт, не «прорвали и

открыли проход», и вода не устремилась в Пропонтиду (Мраморное море) и Геллеспонт (Дарданеллы) [9, 57]. Мнение Стратона разделял и Эратосфен [10, 91]. То же самое говорит и Диодор Сицилийский (V, 47.4), сообщая дополнительно, что «в более поздние времена рыбакам случалось вытаскивать сетями со дна каменные капители колонн», поскольку затопленными оказались целые города [11, 111].

Данные предшественников Страбона о затоплениях той или иной части суши, по поводу которых существовали сомнения, не раз подтверждались исследованиями [12, 345-346]. Античные авторы связывали прорыв вод Чёрного моря в Средиземное с Дардановым потоком, последним из трёх великих потоков, о которых говорят древнегреческие мифы. Прорыв этот произошёл у Кианейских островов, у входа в Босфор. Вслед за Босфором образовались и Дарданеллы. Вопрос о том, когда в последний раз Чёрное море перестало быть «озером», замкнутым водным бассейном, и соединилось со Средиземным, имеет давнюю историю. Некоторые исследователи полагали, что «Босфорида», сухопутная перемычка, разделявшая Чёрное и Средиземное моря, исчезла около 4000 и даже 2000 года до н.э. Причиной послужили тектонические движения в районе Босфора и северной части Эгейского моря [13, 107]. Если это так, то человеческая память действительно могла сохранить, пусть в мифологизированной, разукрашенной фантазией форме, воспоминание о гибели Босфориды. Воды Средиземного моря, хлынувшие в образовавшийся пролив, затопили побережье Мраморного и Чёрного морей, в результате многие поселения и, вероятно, могилы предков оказались под водой. Масштабный катаклизм, приведший к кардинальным изменениям в регионе, изменивший очертания береговой линии и навсегда преобразивший моря, не мог не отразиться в мифах и преданиях. К тому же, отдельные участки суши в Причерноморье испытывали погружение в более поздние времена. Под воду Понта Эвксинского полностью или частично ушли многие античные поселения, которые знали скифы, – часть Ольвии, Одессос на берегу устья Тилигульского лимана, башня Неоптолема, Кремниски, Тира, Диоскурия в Сухумской бухте, Геюнасса, Пирра, Антисса, Анакопия, Горгиппия, Херсонес Таврический, Керкинитиды, Калос-Лимен и другие херсонесские владения, по обоим берегам Боспора Киммерийского – Пантикапей, Акра, Нимфей, Китей, Гермонасса, Фанагория, Тирамба, Мирмекий, Корокондама, Тиритака, Илурат, на северном побережье Азовского моря – Кремны [14, 6-138; 15, 63-65, 176; 16, 169-220; 17, 8-21, 29-39; 18, 27-67]. В том числе, вероятно, затонули и прибрежные некрополи [18, 50], склепы, в которых, как в античном городе Никоний на восточном берегу Днестровского лимана, могли хоронить и представителей скифской знати [19, 55]. Возможно, в сознании ираноязычных кочевников, как и у Диодора, грандиозная катастрофа прошлого слилась с судьбой этих затопленных городов, селений и других объектов.

Поэтому следует ещё раз подчеркнуть ценность и архаичность записей Бориса Андиева, сохранивших важные фольклорные мотивы. В особенности это касается прародителей нартовских родов [20, 164]. Своеобразная интерпретация мотива потопа и затонувшей земли в нартовском эпосе перекликается с данными южноиранской мифологии и полубогосказанными сообщениями античных историков, отражая древность присутствия иранских племен в Северном Причерноморье и Приазовье.

-
1. Туганов М.С. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977.
 2. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чыныг æмæ дзырдурат сарæзта Хæмыцаты Тамарæ; зонадон ред. Джыккайтты Шамил. Дзæуджыхъæу, 2010. Æхсæзæм чыныг.
 3. Дзиццойты Ю.А. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ, 1992.
 4. Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.-М., 1998.
 5. Дубровина Т.А., Ласкарева Е.Н. Заратустра. М., 1999.
 6. Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004.
 7. Ранк Отто. Миф о рождении героя. М.-К., 1997.
 8. Николай Дамасский. О своей жизни и своем воспитании. История. Жизнь Цезаря. Собрание замечательных обычаев // Вестник древней истории. 1960. № 3.
 9. Страбон. География в 17 книгах. М., 1964.
 10. Античная география: Книга для чтения. М., 1953.
 11. Диодор Сицилийский. Греческая мифология. (Историческая библиотека.) М., 2000.
 12. Вирт Герман Феликс. Хроника Ура Линда. Древнейшая история Европы. М., 2007.
 13. Жиров Н.Ф. Атлантида: Основные проблемы атлантологии. М., 1964.
 14. Агбунов М.В. Загадки Понта Эвксинского: античная география Северо-Западного Причерноморья. М., 1985.
 15. Агбунов М.В. Путешествие в загадочную Скифию. М., 1989.
 16. Кондратов А.М. Атлантиды ищите на шельфе. Л., 1988.
 17. Разумов Г.А. Тонущие города. М., 1991.
 18. Зеленко С.М. Подводная археология Крыма. К., 2008.
 19. Метелкин Н.В. Сокровища и найденные клады Украины. М., 2006.
 20. Дзиццойты Ю.А. Вопросы осетинской филологии. Цхинвал, 2017. Т. I.

**Е.И. Кобахидзе,
дин, внс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)**

АДМИНИСТРАТИВНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

В статье дан комплексный анализ некоторых важнейших аспектов внутренней политики Российской империи на Центральном Кавказе, ориентированной на включение региона в общегосударственное административное и социокультурное пространство. На примере административной практики показаны основные направления деятельности правительства и кавказского руководства, конечной целью которой являлась стандартизация организационных форм местного самоуправления и приведение их в соответствие с практикой организации общественного быта российского крестьянства. В то же время обращение кавказских властей к традиционным способам самоорганизации местных сообществ способствовало относительно непротиворечивому вхождению горского социума в мир «большого общества». Особое место в реализации объединительных установок правительства занимало образование, где роль ведущего интегрирующего фактора выполнял государственный (русский) язык. С одной стороны, посредством русского языка в местную среду транслировались идеи российской государственности и гражданственности. С другой же стороны, именно образование давало горцам возможность выйти за пределы патриархального быта и включиться в более широкий круг социальных связей и экономических отношений. В исследовании задействован комплекс разноплановых источников, в числе которых как опубликованные материалы законодательно-правового характера, так и неопубликованные источники, извлеченные из архивохранилищ. Ситуативный подход, составляющий методологическую основу исследования, дает возможность оценить разнообразие практик, применяемых правительством по отношению к региону в позднеимперский период в целях его скорейшего слияния с остальной частью Российской империи. Их отличал особый прагматизм, основанный на идее укрепления российской государственности и расширения единого политико-правового и социокультурного поля.

Ключевые слова: *Центральный Кавказ, Российская империя, политика интеграции, административная практика, начальная школа, русский язык.*

The article provides a comprehensive analysis of some of the most important aspects of the Russian Empire's internal policy towards the Central Caucasus,

focused on the inclusion of the region in the state administrative and socio-cultural space. The administrative practice shows the main areas of the activities both the Russian government and the Caucasian Authorities, the ultimate goal of which was to standardize the organizational forms of local self-government and bring them into line with the practice of organizing the social life of the Russian peasantry. At the same time, the appeal of the Caucasian authorities to the traditional methods of local communities' self-organization contributed to the relatively consistent entry of the mountain society into the world of "big society". A special place in the realization of the unifying attitudes of the government was occupied by education, where the role of the key integrating factor was played by the state (Russian) language. On the one hand, through the Russian language the ideas of Russian statehood and citizenship were broadcast to the local environment. On the other hand, it was education that gave the mountaineers the opportunity to go beyond the limits of patriarchal life and join a wider circle of social ties and economic relations. The study involved a complex of diverse sources, including both published materials of a legislative and legal nature, as well as unpublished sources extracted from archives. The situational approach, which forms the methodological basis of the study, makes it possible to assess the diversity of practices used by the government in relation to the region in the late imperial period with the aim of merging it with the rest of the Russian Empire as soon as possible. They were distinguished by special pragmatism, based on the idea of strengthening Russian statehood and expanding a unified political, legal and sociocultural space.

Keywords: *Central Caucasus, Russian Empire, integration policy, administrative practice, elementary school, Russian language.*

Проблема взаимоотношений центра и национальных окраин Российской империи всегда отличалась особой остротой. Ввиду этнокультурной и социально-политической неоднородности населения страны правительственная политика в ее разнообразных аспектах была нацелена прежде всего на поддержание государственного единства в политико-административном аспекте и «формирование однородной массы граждан, гомогенизированной... в лингвистическом... отношении» [1, 221]. Эта непростая задача требовала особых политических решений и мобилизации всех имеющихся в распоряжении государства ресурсов. Часть из них находилась в сфере управления, часть – в сфере образования, обладавшего значительным интегративным потенциалом в виде государственного (русского) языка как основного языка обучения. И правительственные мероприятия по формированию на Кавказе государственной административной системы, и образовательная политика, проводившаяся в регионе, являлись достаточно действенными механизмами формирования общероссийской гражданской идентичности. Однако если первые оказывали в итоге деструктивное воздействие на традиционный быт горских общин и нередко становились источником конфликтов, то вторые соотносились с потребностями модернизацион-

ного развития горского социума, в котором постепенно вызрел социальный запрос на образование.

Российское государство исторически сформировалось как сложная в этноконфессиональном, социокультурном и множестве других аспектов социальная система. На обширных пространствах в единых административно-территориальных границах сосуществовали народы, культуры, конфессии. Множественность типов социально-политической организации народов страны, ее культурно-языковое разнообразие создавали значительные трудности в практике государственного управления. В целях сохранения и поддержания государственного единства разрабатывались разнообразные стратегии, общим основанием для которых выступала идея унификации общеимперского пространства в политическом, экономическом и социокультурном отношениях. Применявшийся для этих целей арсенал средств и методов управления отличался значительной вариативностью, имея свою специфику в каждом из российских регионов. Изучение конкретных механизмов и практик взаимоотношений центра и национальных окраин в позднеимперский период на примере Северного Кавказа, имеющего собственный беспрецедентный опыт вхождения в российскую государственность, является актуальной исследовательской задачей, решение которой может объяснить сложности последующего федеративного строительства как при формировании советского государства, так и в постсоветские десятилетия.

Исходя из задач исследования был определен и методологический инструментарий, в котором основное место заняли методы исторический, компаративный, функциональный, типологический. Их комплексное использование позволило рассмотреть обозначенную проблему с различных позиций, выявить причинно-следственные связи в событийной канве, обозначить приоритеты в правительственной интегративной политике, с одной стороны, и задачи прогрессивного развития северокавказского социума, как их видели и понимали «на местах», – с другой. В более широком методологическом плане работа выполнялась на основе ситуационного подхода, позволяющего отойти от традиционного проблемно-хронологического принципа и представить изучаемую проблему в едином интерпретационном ключе.

Административная практика

Особенности российской государственности обусловили высокую степень значимости административного аппарата в системе государственного управления. Выстроенный на жестких принципах иерархии, он поддерживал всю конструкцию государственной власти. Государственно-административная система России действовала как единый механизм, основанный на принципах формализации, рационализации и бюрократизации управления, в идеале обеспечивающих его эффективность.

Административное обустройство Северного Кавказа исходило из тех же организационных принципов, на которых держался весь государственный управленческий аппарат. Начавшееся с проникновением империи на Кавказ формирование региональной системы управления долгое время ограничивалось ее верхними этажами и велось по упрощенной схеме, что объяснялось военной обстановкой, сложившейся в регионе. Однако со временем принципы унификации и формализации, все более определявшие систему государственного управления, требовали создания на Кавказе административной модели, адекватной общероссийской. Это означало включение в административную иерархию нижних уровней, представленных низовыми органами сельского управления. Эту задачу можно было решить только преодолев разнообразие местных социально-политических систем и способов организации повседневного быта, т.е. унифицировать их по образцу самоорганизации и самоуправления российского крестьянства центральных российских губерний. Это направление административной практики на Северном Кавказе (имевшей место, впрочем, практически во всех окраинных регионах империи) имело столь четкие формы и выраженные характеристики, что в историографии прочно утвердилось понятие «административной русификации» [2, 211-220; 3; 4; 5].

Созданию органов сельского управления в горских общинах изначально придавалось особое значение, о чем свидетельствуют, например, такие документы, как проект волостного управления, предложенный А.П. Ермоловым еще в 1816 г. для Осетии, специальные разделы «Инструкции для окружных начальников», разработанной кавказским наместником А.И. Барятинским в 1860 г., и отдельные пункты «Положения о Терской области» 1864 г. Однако на практике активная деятельность по реорганизации сельского самоуправления развернулась по окончании Кавказской войны и перехода в отдельных областях Северного Кавказа к гражданскому управлению, сменившему военно-народное.

Принятое для горцев «Положение о сельских (аульных) обществах» 1870 г. утвердило принципы и формы низового управления в горских сельских обществах, в качестве образца для которого были взяты органы самоуправления среднерусского крестьянства. Горская сельская община как самоуправляющаяся хозяйственная единица перестала существовать, и ей на смену пришло сельское общество со своими органами управления, которые формировались официальным путем и наделялись функциями, несвойственными традиционным институтам общинного самоуправления, – к примеру, фискальной. Институты созданной у горцев сельской администрации опирались на унифицированные принципы рационализации и бюрократизации управления, а их деятельность регламентировалась нормами, которые определяли принципы самоуправления крестьянского «мира» внутренних российских губерний.

В результате искусственного формирования в горских обществах органов сельского управления в качестве низовых уровней административной иерархии игнорировались традиционные принципы самоорганизации и жизнеустройства, определявших всю систему внутриобщинных связей и социальных ролей. Подобное вмешательство в общинный быт горцев не могло не сказаться негативно на традиционной социокультурной системе, разрушив в итоге ее целостность и самодостаточность.

Сгладить, хотя бы некоторым образом, «издержки» административной унификации должны были отдельные меры, предпринимаемые кавказской администрацией. Так, например, выборочная легализация патриархальных принципов общественного самоуправления использовалась при проведении т.н. общественных сходов, созывавшихся для придания «легитимности» заведомо непопулярных решений администрации и лишь отчасти напоминавших прежние народные собрания. Подобная апелляция к традиционным социоорганизующим механизмам, пусть даже выборочная и спонтанная, обращенная лишь к внешним институциональным формам общинного самоуправления, обеспечивала лишь относительную видимость непротиворечивости за счет пересечения в общественной практике «старого» и «нового» порядка. Выстраиваемый на уровне новообразованной сельской общины, подобный порядок с определенной долей успешности обеспечивал достижение главной стратегической цели объединительной политики российского правительства – включение горского социума в общеимперское админист

Сфера образования

Во второй половине XIX в. после окончания Кавказской войны появились условия для интеграции Северного Кавказа в российскую государственность не только в политико-административном, но и в социокультурном аспектах, для чего были активно задействованы ресурсы образовательной сферы. В новых условиях роль образования как важнейшего проводника государственных устоев значительно повысилась: через образовательные институты, и прежде всего начальную школу, являвшейся основной институциональной формой для элементарного обучения широких слоев населения, велась активная пропаганда идей российской государственности.

Серьезным потенциалом в этом ключе обладал государственный (русский) язык. И если в других окраинных частях империи продвижение русского языка через сферу образования сталкивалось порой со значительными затруднениями и неприятием со стороны местного населения, то на Центральном Кавказе ситуация выглядела по-иному. Заметим здесь, что о неоднозначности правительственной языковой политики говорят и исследователи, которые подвергают сомнению устоявшийся взгляд на

процессы языковой «русификации» как на сознательную, последовательную и долговременную политику денационализации [6, 331].

На Центральном Кавказе русскому языку изначально придавалось особое значение. Его проникновение в общественный быт было связано поначалу с православным миссионерством, которым занималась специально созданная в середине XVIII в. Осетинская духовная комиссия. Помимо миссионерских, Комиссия преследовала и просветительские цели, открыв в 1764 г. осетинскую миссионерскую школу в Моздоке. Начавшись на родном языке, уже через три года обучение осетинских детей перешло на русский, как это было предписано указом Св. Синода [7, 40], что расценивалось в Петербурге как надежное средство приобщения горцев к русской культуре и «гражданственности». Рассматривая «образование юношества» как эффективный механизм идеологического воздействия на горцев, правительство и местная администрация даже способствовали расширению образовательной деятельности Осетинской духовной комиссии.

Идеи русской «гражданственности» звучали и в проповедях кавказских священнослужителей, получавших образование как в местных, так и в российских духовных учебных заведениях на русском же языке, усваивая на нем не только догматы церкви, но и идеи российской государственности и законности. И даже такие специфические учебные заведения, как полковые и горские школы, создаваемые на Северном Кавказе в 1840—1860-х гг. для детей горской знати и служащих в крае офицеров и чиновников, строили свою учебную программу на основе русского языка.

После проведения буржуазных реформ 1860—1870-х гг. задача просвещения населения Кавказа выдвинулась в число первоочередных, а школа «для народа» была объявлена основой экономического благосостояния края. Начальная школа, особенно на национальной периферии, призвана была способствовать формированию у местного населения общероссийской идентичности на основе государственного, то есть русского, языка. Организацией начального образования «для народа» занялось Общество восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХ), пришедшее на смену Осетинской духовной комиссии и объединившее под своим началом большинство школ духовного ведомства в крае.

Относясь к ведению грузинского экзархата, церковные учреждения на Кавказе всегда соотносили свою активность на ниве просвещения горцев с кавказской политикой светских властей. Через светское же учебное ведомство – Министерство народного просвещения – проходили и учебные программы приходских школ. Образовательная деятельность ОВПХ также контролировалась кавказской администрацией, будучи отнесена к ведению самого наместника, что лишь подчеркивало государственную

значимость выполняемых Обществом задач. Только в 1885 г., уже после ликвидации Кавказского наместничества, ОВПХ было передано под управление грузинского экзархата, перейдя таким образом из ведения светских властей к духовным [8].

Впрочем, на первых порах в кавказской начальной школе еще учитывалась местная специфика. Прежде всего это касалось языка обучения. К примеру, в первые годы после учреждения ОВПХ его Совет полагал, что воспитание в горах гражданского самосознания возможно только на основе национального языка [7, 123]. Потому языком обучения поначалу становился родной («природный») язык. К изучению русского языка как учебной дисциплины переходили только после того, как ученики осваивали грамоту родного языка. Установленный порядок в отношении языка обучения закрепляли утвержденными наместником Михаилом Николаевичем в 1863 г. «Правила о приходских школах ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе» [7, 118].

Но уже во второй половине 1860-х гг. ситуация изменилась. Специально разработанное для кавказской школы «Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом» 1867 г. развивало идею о необходимости сближения образовательной системы в Кавказском наместничестве и в других частях империи. Впрочем, в отношении языков пока допускались некоторые компромиссы: увеличение учебных часов, отведенных на русский язык, компенсировалось разрешением преподавать местные языки, которые включались в учебный курс начальных школ в качестве предмета обучения.

В ходе реформ Министерства народного просвещения (МНП) 1870-х гг. вопрос о месте и роли русского языка в образовательном процессе всех российских школ начального уровня был снят окончательно. Положение о начальных народных училищах 1874 г. делало русский язык языком обучения для всех без исключения российских начальных школ. На практике же среди 32708 начальных училищ МНП в каждом пятом из них (21%) в учебном процессе использовался местный язык [9, 654].

На Кавказе реформа осуществлялась на основании «Правил о применении к учебным заведениям Кавказского учебного округа общих училищных уставов Министерства народного просвещения» (1874). Согласно документу, все низшие учебные заведения (казенные, общественные и частные) должны были руководствоваться законом об обязательности преподавания во всех учебных заведениях Кавказа всех предметов на русском языке.

Политическое содержание реформы начальной школы осознавалось и кавказской администрацией. «Правила начальных приходских школ Общества восстановления православного христианства на Кавказе» (1874)

напрямую повторяли формулировку из «Положения о начальных народных училищах», в которой определялись цели начального образования: привитие детям понятий православной религии и распространение русского языка [7, 132]. Русский язык вводился в учебную программу начальной приходской школы уже на первом году обучения, а со следующего года весь учебный курс базировался на русском языке, родной же язык становился учебной дисциплиной [10, 5]. Таким образом школьное образование на северокавказской окраине приближалось к принятому в российской школе, что должно было обеспечить распространение в местной среде «гражданственности».

Особое место в распространении русского языка среди горцев заняла приходская школа. Местные епархиальные власти всячески подчеркивали ее преимущественное значение как центра миссионерской пропаганды среди горцев и одновременно единственного просветительского учреждения в горском селе, предоставляющего возможность знакомства с русской речью [11, 29].

Между тем, несмотря на, казалось бы, насильственное насаждение в кавказской начальной школе русского языка, самим населением этот процесс расценивался с утилитарных позиций. Русский язык, как и образование вообще, заметно расширяли для горцев диапазон возможных жизненных стратегий. Освоивший русскую грамоту горский крестьянин мог заметно повысить свой социальный статус и даже занять какую-либо из низших должностей в сельской администрации. Русский язык обеспечивал и достижение карьерных перспектив на учительском либо духовном поприще. Поэтому сами жители осетинских сел нередко просили в свои школы русских учителей, что, по их убеждению, могло помочь детям скорейшему освоению русского языка.

С этой же целью многие сельчане отдавали детей в казачьи станицы, либо в услужение городским жителям [12, 38].

Вместе с тем на полиэтничной северокавказской окраине русский язык служил и средством межкультурной коммуникации, что с наибольшей очевидностью проявлялось в равнинных поселениях, находившихся по соседству со станицами и городами, а также в самих городах, где бурно развивалась городская культура и связанные с ней формы деятельности [13; 14].

Таким образом, анализ важнейших направлений правительственной политики по отношению к Центральному Кавказу показывает, что ее приоритеты определялись в первую очередь задачами формирования единого имперского пространства в политико-административном и социокультурном отношениях, что подразумевало создание и распространение в регионе институтов и практик, адекватных общероссийским. Уже в 70-х гг. XIX в. в регионе была сформирована целостная модель административ-

ного управления, выстроенная на принципах вертикальной иерархии. В качестве ее низовых уровней выступали созданные в горских сельских обществах органы местного управления, а местные общества так или иначе включались в быстро меняющуюся систему горизонтальных и вертикальных общественных связей. Региональная специфика этих процессов заключалась в частичном сохранении патриархальных форм самоорганизации с одновременной унификацией всего разнообразия социальных систем.

Проводившаяся в регионе образовательная политика опиралась на интегративный потенциал государственного (русского) языка, выполнявшего главным образом социально-политические функции. Его активное внедрение в школьную практику в качестве языка обучения не встречало со стороны местного населения сколько-нибудь значительного сопротивления. Напротив, в местной среде со временем сформировалась настоятельная потребность в его изучении, поскольку знание языка давало возможность выхода за пределы традиционной повседневности и приобщения к иной цивилизации, за которой ясно читалась экономическая перспектива.

И административная практика, и деятельность в сфере народного просвещения, при всем разнообразии установкам правительства на укрепление основ российской государственности и расширения единого имперского пространства в политическом и социокультурном аспектах.

-
1. Хобсбаум Э. Век империи. 1875-1914. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
 2. Thaden E.C. (ed.) Russification in Tsarist Russia. Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe. New York: Columbia University Press, 1990.
 3. Weeks Th.R. Russification: Word and Practice. 1863-1914 // Proceedings of the American Philosophical Society, 2004. Vol. 148. № 4. Pp. 471-489.
 4. Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // *Ab Imperio*, 2002. №2. С. 133-148.
 5. Кобахидзе Е.И. Административное измерение позднеимперской русификации (опыт Центрального Кавказа) // *Клио*. 2015. № 1(97). С. 206-214.
 6. Pavlenko A. Linguistic Russification in the Russian Empire: peasants into Russians? // *Russian Linguistics. International Journal for the Study of Russian and other Slavic Languages*. 2011. № 35-3. Pp. 331-350.
 7. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории народного образования в Осетии. Орджоникидзе: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1942. Т. V.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. V. № 2726.
9. Рождественский С.В. (Сост.). Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб.: Министерство народного просвещения, 1902.
10. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 70.
11. НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7.
12. Центральный государственный архив РСФСР-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 319.
13. Tuaeva B.V., Kanukova Z.V., Usova Yu.V., Plieva Z.T. Artisans in the social-class structure of the cities of the North Caucasus // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. № 44(2). С. 378-338.
14. Канукова З.В., Гутиева Э.Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 10(49). С. 71-82.

II. ИСТОРИЯ

**З.Т. Кануков,
аспирант СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)**

АЛАНО-ПЕРСИДСКИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Статья посвящена истории развития внешнеполитических отношений между Аланией и Персией в эпоху раннего средневековья. Проанализированы персидские и византийские письменные источники этого периода, а также археологические данные из едысского раннесредневекового могильника.

Ключевые слова: внешнеполитические отношения, Алания, Персия.

The article is devoted to the history of foreign policy development. Relations between Alanya and Persia in the Early Middle Ages. The Persian and Byzantine written sources of this are analyzed. Period, as well as archaeological data from the Edysk early medieval burial ground.

Keywords: foreign policy relations, Alania, Persia

История Алании средних веков является ярким примером политического противостояния между крупными державами Восточной Европы, Ближнего Востока и Малой Азии. Местоположением Аланского государства в этот период являлась территория Центрального Кавказа, горные и предгорные его части. Данный регион всегда был стратегически важным, и борьба за политическое влияние в этих землях всегда была неотъемлемой частью внешней политики не только региональных, но и мировых держав, что было обусловлено геополитическим положением Кавказа. Будучи мостом из Европы в Азию, эта территория располагалась между крупнейшими мировыми державами того времени, являясь, при этом, своеобразной буферной зоной. Исторически, в эпоху раннего средневековья, основными политическими игроками на территории Северного Кавказа являлись Византийская империя, Хазарский каганат, Арабский халифат и Персия.

При осуществлении внешней политики большую роль играли географические данные, описывавшие местоположения стран (а также внутренние описания самих государств), находящихся по соседству или же в зоне дипломатических отношений. До наших дней дошли некоторые документы персидской географии с описанием местоположения стран, расположенных на территории Кавказа, в том числе и Алании. Некоторые из этих документов, относящиеся к периоду арабских завоеваний и активному распространению ислама на Ближнем Востоке и Закавказье, были написаны на арабском языке.

Стоит отметить, что первые предпосылки к появлению географии как науки относятся к эпохе Античности. Географические сведения о соседних землях у древних греков назывались «периодами». Подобная информация, безусловно, была крайне полезной как для торговцев, так и для военных экспедиций, так как помогала ориентироваться на местности. Географические сведения о соседних государствах и других регионах земли были крайне необходимы для реализации геополитических целей. И хотя само понятие «геополитика» появилось лишь в XIX веке в Германии, но ее категории, характеризующие данный термин, имели место быть еще в эпоху зарождения первых цивилизаций. Сама же геополитика характеризует теорию и практику международных отношений, основанных на взаимоувязывании географических, геостратегических, социально-политических, военных, демографических, экономических и других факторов [1, 467-468].

До наших дней дошел текст персидской географии под названием «Области мира» (*Hudūd al-`ālam*), написанный в X веке неизвестным автором и посвященный иранскому миру и кочевникам Центральной Азии. Он был передан в 1893 г. неким самаркандским бахаитом русскому военному и востоковеду А.Г. Туманскому. Манускрипт представляет собой 39 листов размером 28 на 18 см, содержащих по 23 строки каждый.

Наиболее интересным для нас отрывком является глава «Рассуждение о стране Аллан и ее городах» (*soḥan andar nāhyat-e Allān va šahrhā-ye veu*):

«К востоку и югу от нее находится Сарир, к западу Рум, а к северу море Гурз и хазарские печенеги. Эта страна среди пропастей и гор, и это приятное место. Царь их христианин. У них тысяча больших селений. Среди них есть христиане и идолопоклонники. Часть народа живет в горах, а часть на равнине.

1. Кашак это земля Аллана, расположенная на берегу моря Гурз. Это приятное место, и там имеются торговцы.

2. Хайлан это город, где размещается царское войско.

3. Дар-и Аллан это город, подобный крепости на вершине горы, и каждый день тысяча человек несут поочередно караул на стенах этой крепости» [2].

Из приведенного текста становится ясно, что автор данной рукописи причисляет касогов (черкесов) к аланам. Вероятнее всего, это утверждение ошибочно. Примеров, когда малые народы по ошибке причисляются к более сильным и влиятельным соседям предостаточно даже сегодня, в век информационных технологий. Становится ясно приблизительное местоположение аланского царства – это территории Центрального Кавказа, которые, как уже было отмечено, являлись стратегически важным регионом, в том числе и из-за Дарьяльского прохода, который обеспечивал транспортное сообщение между Кавказом и Закавказьем.

Алания занимала особое место во внешней политике Персии. Аланские племена принимали активное участие в войнах персов с римлянами (византийцами). Но тут следует добавить, что Алания эпохи раннего средневековья не являлась единым государством, а аланы, условно, делились на западных и восточных. При этом, опираясь на различные письменные источники того времени (например, на работы известного византийского писателя Прокопия Кесарийского, который также являлся и секретарем полководца Велисария), можно предположить, что различные группы алан имели разную политическую ориентацию. Западные Аланы, судя по всему, были ориентированы на византийцев, в то время как восточная часть аланских племен состояла в союзе с персами. Так, например, в своей книге «История войн» Прокопий Кесарийский писал:

«Река Воа вытекает из пределов армян, живущих около Фарангия, недалеко от пределов цанов. Сначала она довольно долго течет направо, будучи неширокой и для кого угодно легко преодолимой, вплоть до того места, где по правую сторону находятся границы Иверии, а прямо – заканчивается Кавказский хребет. Тут живет много различных племен, в том числе аланы и авасги, являющиеся христианами и издревле находящиеся в дружбе с римлянами, затем зихи, а за ними гунны, которые называются савирами» [3].

Прокопий Кесарийский также описывает один из эпизодов противостояния персов с византийцами. Когда в 548 г. персы вознамерились вторгнуться в Лазику, царь лазов Гуваз попросил помощи у римлян. Император Византии Юстиниан отправил на помощь лазам своего полководца Дагисфея:

«Теперь же Гуваз, узнав о походе персов, наказал Дагисфею послать туда кого-нибудь с тем, чтобы они тщательно охраняли ущелье, расположенное ниже реки Фасис, но ни в коем случае не снимая осады до тех пор, пока не захватят и Петру, и находящихся в ней персов. Сам же он со всем войском колхов двинулся к границам Лазики, чтобы всеми своими силами охранять имеющиеся там теснины. Задолго до этого ему удалось заключить союз с аланами и савирами, которые за три кентинария согласились не только вместе с ним охранять от опустошения землю лазов, но и так обе-

злюдить Иверию, что в дальнейшем персы не смогут двигаться отсюда. Он пообещал, что эти деньги даст василевс. Сам он, сообщив василевсу Юстиниану о заключенном им договоре, просил его прислать варварам деньги и как-то помочь до крайности разоренным лазам. Он говорил, что и ему самому казна задолжала жалование за десять лет, так как он, причисленный к придворным силенциариям, не получил оттуда ничего с того времени, как Хосров вступил на землю Колхиды. Василевс Юстиниан намеревался исполнить его просьбу, но, занятый в это время другими делами, не успел послать деньги в надлежащее время. Вот что предпринимал Гуваз» [3].

При этом, в аналогичный период, в частности в 541 и 550 гг., некоторые группы аланов выступают уже на стороне персов. В 550 г. персидская армия при поддержке алан также вторгается в Лазику. Персидско-аланское войско в той войне потерпело поражение, а остатки их, как писал Прокопий, бежали в отечественные пределы [4, 234].

Из приведенной выше информации становится ясно о разной политической направленности различных групп аланских племен. А последний упомянутый в статье отрывок из работы Прокопия Кесарийского дает нам понять, что аланы, зачастую, выступали на стороне какой-либо из сторон в качестве наемников за определенную плату. Подобная практика, когда крупные и богатые державы того времени за деньги (или другие блага) использовали военный ресурс соседних государств (в нашем случае аланов) являлась вполне стандартным явлением. К сожалению, частые упоминания об аланах в качестве наемников, скорее всего, говорят об их слабой (по сравнению с другими странами, такими, как Византия и Персия) социальной организованности.

Одним из свидетельств присутствия персов на территории Алании и Кавказа в целом является факт строительства крепости Дарьял в Дарьяльском ущелье персидским царем Исбандийаром б. Биштасфом и крепости Дербент на территории Дагестана. Подобные укрепления служили искусственной защитой от племен Северного Кавказа, которые часто совершали набеги на государства Передней Азии в случае смены политической ориентации.

Данные сооружения помогали персам отстаивать на Северном Кавказе и свои экономические интересы. Через Северный Кавказ в Закавказье (и обратно) шли караваны с торговцами, которые по большей части проходили через территорию современной Осетии: Дарьяльский проход (Военно-грузинская дорога), из Стыр Дигории в верховья р. Риони (перевал Гезæвцæг), через Гезæвцæг (также в верховья реки Риони), через Мамисонский перевал (Военно-осетинская дорога), и др. [5]

К числу основных перевалов относятся (с востока – на запад) Дарьяльский проход – Крестовый перевал, Бæхвæндаг, Сыбайы вцæг, Ручъы вцæг, Зикара, Дзедо, Хъæуселтæвцæг, Мамысон, Гезы вцæг. Остальные

– второстепенные перевальные тропы. Через эти перевалы осуществлялись военно-торговые предприятия, а также осуществлялся контроль со стороны властных институтов: осуществлялась охрана границ и, вероятно, торговых центров, через которые проходили караваны. Например, в VI-VII вв. сасанидские завоеватели Грузии поставили в ряде населенных пунктов на торговой трассе гарнизоны, причем из местных жителей, надо полагать за плату. Например, в Едысе [6].

Имеются археологические данные, которые могут, в некоторой степени, затрагивать тему торгово-экономических связей Алании и Персии. Так, например, в едысском раннесредневековом могильнике во время раскопок в период с 1981-84 гг., помимо различных керамических изделий и предметов украшения, были обнаружены так же и сасанидские монеты [7, 342-343].

После объединения Алании в единое государство с централизованной властью, ее позиции во внешней политике, по имеющейся информации, начали больше носить провизантийский характер. Такой вывод мы можем сделать, например, по имеющимся персидским письменным источникам X века, написанным на арабском языке. В промежутке между 903-913 гг. иранский автор Ибн Руста писал: «Царь аланов (*malik al-Lān*) – христианин в сердце (*sa naṣrānī*), но все люди населяющие его царство – язычники, поклоняющиеся идолам (*wa-`āmmat ahl mamlukathu kuffār ya`budūna al-aṣnām*). Затем проходишь расстояние в десять дней пути среди рек и лесов и достигаешь крепости (*qal`at*), называемой «Аланские ворота» (*Bāb al-Lān*). Она стоит на вершине горы, у подножия которой проходит дорога; крепость окружена высокими горами. Тысячи людей из числа ее обитателей охраняют ее стены днем и ночью. Народ аланов состоит из четырех племен (*qaba`il*), но благородство и царская власть (*al-ašraf wa`lmulk*) принадлежат племени, называемому D.ḥsās. Царь аланов называется B.ḡāy.r, имя, которое носят все их цари (*ism li-kull min mulk `alaihum*)» [2, 342-343].

Опираясь на этот источник, мы можем сделать некоторые выводы. Во-первых, в приведенном отрывке отсутствует какое-либо разделение на западных и восточных аланов, из чего можно предположить, что аланские земли на Центральном Кавказе уже были объединены. Во-вторых, царь Алании упоминается в качестве христианина, что говорит о том, что он, скорее всего, был союзником византийцев, а Алания являлась частью «византийского христианского мира». То есть персы к X веку окончательно утратили свои позиции в Алании. Последнее, во многом, связано с незавидным положением самих же персов во второй половине первого тысячелетия нашей эры, что было обусловлено поражением Сасанидов в войне с римлянами, восстаниями внутри самого государства Сасанидов и неудачах в борьбе с арабскими завоевателями.

1. Коновалов В.Н. Политология. Словарь. Ростов-на-Дону, 2010
2. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. – 608 с.
3. Прокопий Кесарийский. История войн. Война с персами. Книга 2. Глава XXIX. 1993.
4. История Осетии. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. Владикавказ, 2012. Том 1.
5. Пчелина Е.Г. Крепость «Жилде машиг» // Советская этнография. 1934. №3
6. Дзаттиаты Р.Г. Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дистанций на Северном Кавказе: Материалы Международной научной конференции. Ставрополь, 2016.
7. Дзаттиаты Р.Г. Элитные погребения Едысского могильника // Сборник Международной научной конференции ЮОГУ по алановедению. Цхинвал. 2015 г.

**Дидем Чатал Кылыч,
докторант, Эгейский университет
(Турция)**

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КАЗАКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА (С XVI ПО XIX ВВ.)

Предмет нашего исследования – социально-экономическая жизнь и расселение по региону казаков на рубеже XVI-XIX вв. Первое поселение казаков во второй половине 16-го века, формирование Моздокской линии, социально-экономическая деятельность на линии, создание церквей и, конечно, перемещения населения, были также исследованы здесь.

Первые казацкие станицы в регионе, Червленая (1567 г.) и Щедринская (1569 г.), были созданы в результате учреждения станиц. В первой половине 18-го века две различные казачьи группы (Гребенские казаки – 1711 и Семейные казаки – 1735) заполнили пробелы на линии и продвинули линию к Моздоку. В 1763 году была проведена линия между Кизляром и Моздоком после создания Моздока, и линия была завершена Моздокской казацкой станицей, основанной в 1770 году. Социальная жизнь станиц была под управлением атаманов.

Ключевые слова: Кавказ, казачество, Моздокская линия, станицы.

SOCIO-ECONOMIC LIFE OF THE COSSACKS OF THE NORTH EAST CAUCASUS (FROM 16TH TO 19TH CENTURIES)

The subject of our study is the socio-economic life and the settlement of the Russian Cossacks in the region between XVI-XIX centuries. The first settlement of the Russian Cossacks in the second half of the 16th century, the formation of the Mozdok Line, socio-economic activities on the line, establishment of churches and of course population movements were searched for answers.

The first Cossack stanitsas in the region, Chervlennaya (1567) and Shchedrinskaya (1569) were determined by the establishment of the stanitsas. In the first half of the 18th century, two different Cossack groups (Greben Cossacks – 1711 and Semeini Cossacks – 1735) filled the gaps on the line and advanced the line towards Mozdok. In 1763, the line were drawn between Kizlyar and Mozdok after the establishment of the Mozdok, and the line was completed with the Mozdok Cossack stanitsas, which were established in 1770. The social life of the stanitsas were directed by the atamans.

Keywords: Caucasus, Cossacks, Line of Mozdok, Stanitsas.

Russia has started to move towards the North Caucasus which turned into a colonial empire towards the end of the 18th century, after the collapse of the Golden Horde State, and the fall of the Kazan Khanate (1552) and the Astrakhan Khanate (1556) [1, 4]. The Moscow State and the peoples of the Caucasus on the west coast of the Caspian Sea were directly contacted with the participation of Astrakhan in the Russian Tsardom, and the Caucasus border line was formed by order of Ivan IV [2, 216]. A favorable environment for the Russification of the Cossacks, that had a wide ethnic structure, was formed with the fall of the Khanates. Over time, the Cossacks turned into soldiers who served Russian colonialism and were able to adapt to the circumstances. As in other borders, colonization in the Caucasus started with Cossacks [3, 762].

Meanwhile, the Russian and Cossack population between the Oka and the Volga River moved South. Based on economic and political-strategic considerations, the Russian government initiated a large-scale urban planning activity [4,168]. Following this progress, castles were built and continued from one river to the other, into the mountains [5,48].

When settlers emerged from Slavic lands, the Northeast Caucasus became the first nourishing land for illegal villagers heading towards the Russian border and Greben Cossacks. Greben Cossacks, first seen in these lands during the period of Ivan IV, settled along the Terek River. The Terek River was a trade channel that leads to Terek Castle and along the Caspian Sea to Astrakhan in the north, Iran to the south and further and also the Terek River took over this task for the Mozdok Line two centuries after the settlement of Greben Cossacks [6, 30].

Terek Castle was founded by Tsar's order at the intersection of Sunzha with Terek, and the Tsar ordered the Greben Cossacks to enter state service. Greben Cossacks were first seen in the Caucasus in 1569 [7, 2] by the order of Ivan IV, and they took their first steps to the Caucasus by providing security and guiding the caravans [8, 212].

The Cossacks settled on the Caucasus border of tsarism and created cultural changes, economies and new landscapes. This process began with the Russians first appearance in Terek in 1567 and then the settlement of Greben Cossacks among the indigenous peoples in the region in the 17th and 18th centuries and cultural hybridization occurred on both sides with marriage relations, population changes, trade-related war from time to time, looting economy and indigenous hospitality [9, 400]. Cossack ethnic structure of the region was formed with this hybridization.

The Cossack stanitsas in the North Caucasus consisted of several separate border movements:

- 1) Resettlement of Cossacks with first free migration.
- 2) Migration of peasants and Cossacks from Russia.

3) Migration and resettlement of Chechen, Ingush, Kumyk, Kabardian, Ossetian, Armenian and Georgian people from the mountains.

4) Free migration of state peasants [9, 47].

This situation, which we cannot see as a purely military advance, was a process of formation of a border region that includes the resettlement of the Russians, Armenians, Georgians and Cossacks, and the internal and external migration of these peoples [9, 38-39]. In this process, human societies have formed an *middle ground*. According to the theory of American historian Richard White, the middle ground is: 'Mutually invention is a process of human communities who build their own cultures interact with each other. Intercultural marriage between cultures, between the state and the stateless world of villages includes reconciliation, trade, alliances and, in part, the acceptance-transformation of the traditions of another people. The middle ground grows according to the need for people to find a means other than force to gain the cooperation or consent of foreigners, and the people who operate within this scope act for the interests arising from their own culture and have to convince people from other cultures that some mutual actions are fair and legitimate. The balance of power and disagreements between imperial or state regimes and non-state social organizations is the element necessary to build such a ground. At this point, the decisive element of the middle ground is a continuous field of invention in the diplomatic sense. On the other hand, power and violence are no strangers to create and maintain an middle ground, but the critical element is the mediation process beyond reconciliation. This depends on the formation of an infrastructure that can support and expand the process, and this infrastructure is only possible when there is a mutual balance of power and mutual need between the parties' [10,60].

The Cossacks, settled in the Russian border region, have become the main instrument of the Tsarist understanding in terms of economy and intercultural relations. The middle ground process, colonization, which was the product of conscious creativity based on Tsarist interests in the North East Caucasus, was realized through the assistance of the settlers in the initiative of the government [4, 228]. These settlers were not only Russian peasants and Cossacks, but also indigenous peoples of the Caucasus.

Greben Cossacks:

The core of the Greben Cossacks consisted of itils and illegal serfs from Central Russia, who eventually joined them as baptisms in the local inhabitants of the Terek region [11, 71]. According to Yudin, until the end of the 16th century, the Cossacks in the region were not called Greben Cossacks but as Terek Cossacks [7, 3].

The Cossacks first settled into a small society and then into an entire army, unlike the Cossacks living in the steppes or plains, they chose the ridges of the nearest mountains for their settlements and settled on 2 parallel ridges between

the Terek and Sunzha Rivers. The Cossacks, who were adjacent to the Chechen and Kumyks, were named *Grebenians* because they settled in the grabens [12, 23] of Çyornıye Gori. The Greben Cossacks stanitsas, which are approximately 80 verst long, bear the same character both in terms of land and population [13, 34].

Russian colonization in the Caucasus began about three and a half centuries before the first settlement. Thus, the first settlers came to the unknown lands as the first colonizers of the Caucasus. The Greben Cossacks formed the basis of Russian power in the Terek region, and in addition to fulfilling their general military duties and land obligations, they uninterruptedly participated in the occupation of the Caucasus. Greben Cossacks, during the Ivan IV in the first half of the 16th century, became the indigenous population of the Caucasus, the conductors of the Moscow principality and the protector of the Orthodox faith in the border regions [14, 36].

During the formation of the stanitsas, the first settlers made efforts to preserve their traditions and religions. Under the influence of Georgian, Armenian, Tatar, Chechen, Kalmuck, Kabardian and Nogai, a large number of Greben Cossacks have established local traditions and rituals [14, 10].

In the early 18th and 19th centuries, typical Russian log houses, stables and huts were built. Gradually, under the influence of the traditions of the indigenous peoples, the Cossacks built mostly mudbrick houses with a flat roof of reeds and mostly baseless. The interior design of the houses had similar characteristics with the house design of the Caucasians. Carpets and armors were hung on the walls and blankets are lined up on the corner of the room [15, 137].

The Cossacks have adapted to the North Caucasus in terms of the clothes of the indigenous, Cossack and Russian immigrants, and quickly embraced the costumes (beshmet, chuyak-soft shoe without heels- and shirt) and the weapons of the Kabardinians and had lifestyle and economic activities similar to the indigenous people. Until the middle of the 19-th century, the Cossacks's swords, kama and musket firearm were moved from the Armenian and Georgian merchants to the stanitsas. They also learned the methods of war and horse riding from them. Costumes, weapons and equipment of the horses has been very little different from that of the Circassians, for example, the Cossacks used burka and calpac which protected the indigenous people from harsh weather conditions, but they did not use spears like Don Cossacks. The Greben Cossacks took many Georgians into their stanitsas and married them. Greben Cossacks established a relationship with Chechen and Kabardians in a short time and also chose their wives from Chechen and Kumyks. Greben Cossack type emerged as a result of these marriages. Greben Cossacks continued the tradition of kunakship with the Chechens and helped the Chechens against their enemies [16, 73]. The Cossacks were influenced by the Caucasians in the interior design of the houses and clothes, this shows that they were included in the concept of middle ground. This concept manifested itself in marriages.

Cossacks, who were active in military service between the ages of 15 and 50, served as guards to officers and couriers, and received little payment during this period. Some have been exempted from duty from time to time in order not to neglect agriculture and other jobs. The Greben Cossacks, as Russian-speaking people and Russian citizens, who belonged to Orthodoxy, lived under the ataman of the Astrakhan governor and the clerk of stanitsa.

Origin Discussions:

Since the beginning of Russian statehood, the North Caucasus has not been away from what is happening in Russia. The arrival of the Cossacks in the region has also been linked to this situation. Tsarist historians Ivan Popko and Bentkovski gave different views on the first settlement of the Cossacks in the North East Caucasus. Popko claimed that the Cossacks were accepted by the Kabardian princes, that they were settled on the right bank of the Sunzha River and that their roots came from the Ryazan Cossacks. That is, he linked the situation with the Ryazan Principality's participation in the Moscow Principality [7, 3].

Bentkovski tried to explain the question of where the Greben Cossacks came from the North Caucasus in his work titled *Grebentsi*, based on the book *Большему чертежу* by Grigoriy Ivanovich Spassky. According to Bentkovski:

- At the beginning of the 14th century, during the reign of Dimitry Donskoy, the Cossacks lived in an area of about 100 versts around Donetsk.
- The Cossacks, who lived in the mountains, had an icon of Dimitry Donskoy.
- The Cossacks came to the North Caucasus in the second half of the 16th century.

Until the end of the 16th century, even until 1622, the Don Cossacks's main camp was in the town of Radorski, where the Donets River on the Don merged. He therefore asserted that the town might have been named Greben. Bentkovski reported that the Metropolitan of Ryazan Greben Cossacks talked about the icon of the Virgin Mary and the icon was brought by Prince Dimitry Ivanovich from the Chir River in the town of Greben. However, Bentkovski sees an error in this narrative as the Chir River is 200 versts from Donets. According to Bentkovski, all this is proof that the Greben Cossacks are of Don origin. I. V. Bentkovski claims that the Cossacks lived in the strikes of the mountains between the Don and Kalita Rivers in the 16th century and that they came from the region to the North East Caucasus. I. V. Bentkovski, N. M. Karamzin, S.M. Soloyev, S. M. Bronevski and V. N. Tatischev claimed that the Cossacks, which were inhabited in the Terek region, came from the Don Cossack army. One of the defenders of the Don Cossack was Yudin and claimed that it was unnecessary to discuss this issue [7, 3].

The Ryazan Cossacks, living in Chervleniy Yar which occupied a large area in eastern Russia downward from the Volga region in the Ryazan Princi-

pality, left their lands with the participation of the Ryazan Principality in Moscow (1520). Some of the Chervleniy Yar Cossacks served to Moscow within the streltsy group by submitting to the new power; others decided to seek their own will away from the Moscow government and to cross the borders of ancestral land. During the reign of Ivan IV in 1577, Stolnik Ivan Murashkin was sent with a large detachment to punish and conquer the Don Cossacks who were bandits in the Volga. The Cossacks, living in the Chervleniy Yar, who did not want to enter the service of Moscow, downloaded about 1000 strug [18,782] from Don over Hoper and went to Volga via Kamisenka and then to the Caspian Sea. Eventually they reached the Kabardian lands and settled at the junction of the Sunzha and Terek Rivers [19, 96].

Stanitsa:

According to Karaulov, stanitsas which were the settlements of the Cossacks: "While the city walls are being thrown into the land that rain and wind can destroy, the stanitsas are a plant whose roots are released into the soil and slowly cover the whole area". The stanitsas are residential units surrounded by walls which were built, according to a plan, on a quadrangular land surrounded by deep, wide trenches and barbed wire to protect Russian cities or castles from enemy raids. In addition to walls of stanitsa, some families have piled the walls of their homes. Apart from the trenches, there are low areas around the stanitsa where river waters accumulate. These are artificial lakes filled with water. There are flat streets and courtyards that form small quarters forming small neighborhoods on all four sides of the stanitsa, which is entered through the wooden gates where the guards are located. There is usually a small square in the center and a wooden church in that square. As the land between stanitsas is wide, Cossack guards, reconnaissance groups and scout groups were kept, always to protect the stanitsa from sudden enemy invasion. Stanitsas were the fortified settlements inhabited by Cossacks patrolling their surroundings before the barracks were established in Russian colonialism [20, 105].

The Cossacks, which were socially and administratively militarily organized, The Cossacks had self-governing village communities in their stanitsas, a kind of military settlement. The indigenous people who fled the blood feud and the nobility they belonged to took refuge in Cossack stanitsas and were baptized. The social life of stanitsa was directed by the atamans. Officers in charge of security and administration served as atamans. The travelers applied to them in matters such as guard and accommodation. The atamans had duties such as maintaining order and peace within the stanitsa, protecting the public interest, enforcing laws and court decisions, building roads and bridges, and providing military equipment for his staff. Ataman, his deputies and the adult male population of stanitsa were elected as secretaries and elders. Stanitsa's leaders were not only rulers, but also judges who examined cases between the stanitsa population in accordance with local customs and Russian

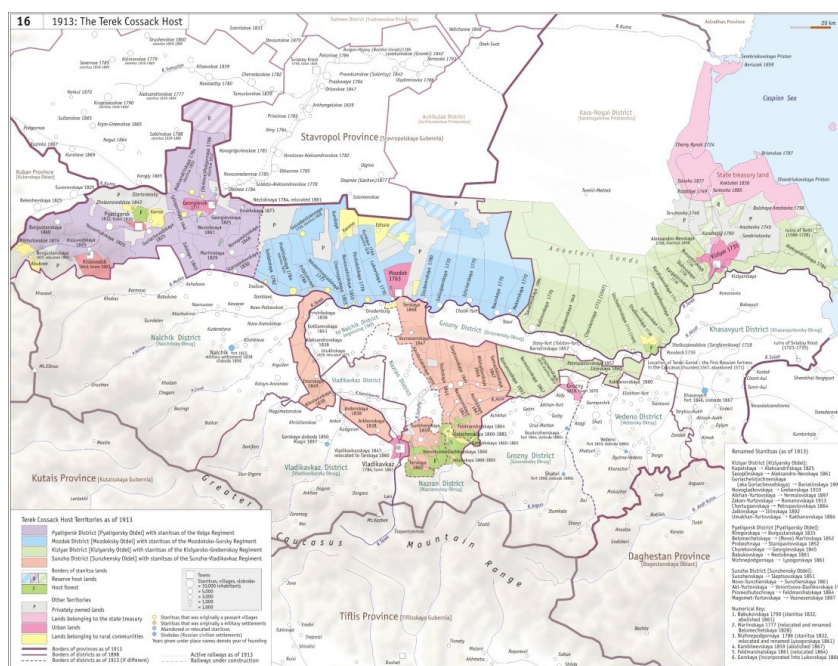
law. All Cossacks over the age of 25 had the right to participate in elections and to be elected, unless they are under judicial, investigation, and public control. In stanitsa board, cases, distribution of land appropriations, land distribution and distribution of duties have been decided. Complaints about the stanitsa administration have also been brought to this board. The management of the stanitsa affairs and the execution of the orders in each stanitsa were entrusted to a village council of trustees elected by the appointee, aides, a stanitsa treasurer and a meeting of 2-4 people [21, 234].

The nomenclature of the first stanitsas of the Greben Cossacks has been linked to either the names of its founders, selected atamans, initial locations, or local toponymy (river names) [25, 408].

Stanitsas of the Cossack Groups on the Mozdok Line:

The nomenclature of the Cossack groups and their inhabited stanitsas on the Mozdok line are as follows:

1. Kizlyar Cossacks: They took their names from the city of the same name on the left bank of Terek.
2. Greben Cossacks: lived in Chervlennaya, Kurdiukovskaya, Novogladkovskaya Starogladkovskaya and Shchedrinskaya stanitsas.
3. Semeini Cossacks: They lived in Borozdinskaya, Dubovskaya and Kargalinskaya stanitsas.
4. Mozdok Cossacks: lived in the Galiugaevskaya, Ishcherskaya, Kalinovskaya, Naurskaya and Mekenskaya, Stoderevskaya stanitsas [22, 408].

Terek Cossack Line [23]

Stanitsas Established by Greben Cossacks:

The Cossacks, who were in Ryazan, Suzdal and Chervleniy Yar, passed down the Don River to the Volga, and then settled in the empty land on the right bank of Sunzha over the Caspian Sea and founded the division by virtue of Ivan III's (1462-1505) attitude towards the Cossacks (Prince Ivan Ivanovich of Ryazan, who was invited to Moscow by Vasily III in 1517, was imprisoned). The Cossacks went to Moscow during Ivan IV (1555) and asked for forgiveness. They built a fort on the Sunzha River and were forgiven with the condition of protecting it and the Kabardians.

The Cossacks, who began to settle along the border, were exempted from tax and exemptions. The Grebanians who actively settled on the right bank of Terek in 1611, the Old Believers and Russian fugitives followed the direction of the Don, Kuma and Terek in the late 17th century and those who settled in the region were added and their population increased. Thus, a serious Cossack population was formed in Terek region. In 1628, the Greben Cossacks, seen by the mineralogists Fitch and Herold, went to Bragun in 1685, to the north of Terek. In 1711, the Cossacks participated the Don rebellion which initiated by Mosszek and Ivan Zarutski and took refuge in Peter I. Count Apraksin saw the situation here and planned to create a network using Greben Cossacks to make his way to Kabarda, and his offer was accepted by the Greben Cossacks. By the order of Count F. M. Apraksin, firstly Shchedrinskaya, Kurdiukovskaya, Starogladovskaya; later they established the Chervlennaya and Novogladovskaya stanitsas [24, 300,302]. These 5 stanitsas were located on the right bank of Terek for a total of 80 versts [25, 81]. During the period of Anna Ivonovna, Greben Cossacks, who moved to the left bank of Terek, dominated both sides of the Sunzha and Terek Rivers. They tried to protect their property and, in case Chechens entered their borders, they burned the houses of Chechens and took them captive. Greben Cossacks brought with them the silk flags of Novgorod coat of arms. These established stanitsas were the initial signs of the line [26, 16].

– Economic Activities of Greben Cossacks:

Greben Cossacks, settled in small towns on both banks of the Terek River, which was the border between Russia and Iran until the beginning of the 18th century, dominated the economic area of 102,000 desyatins between the Terek and Sunzha Rivers. The Cossacks were more interested in hunting and fishing than agriculture, by means of the forests and rich fish reserves in Terek. Cattle breeding was also cultivated due to the presence of necessary climatic conditions and rich pastures. In addition to 1315 horses, they had about 10,000 large and small ruminants [27, 43].

Agriculture and Horticulture: Greben Cossacks living in these 5 stanitsas were engaged in the land and cereal production (barley, wheat, rye, corn, oats, lentils, peas, sunflowers) and horticulture (watermelon, melon) by setting reasonable environments for agriculture [16,4].

Stanitsas	Arable	Mowing Grass Field	Truck Farm
Chervlennaya	799	1358	–
Kurdiukovskaya	606	525	89
Novogladkovskaya	2539	103	32
Starogladkovskaya	449	783	–
Shchedrinskaya	430	127	–

Lands of Greben Cossacks (in 1745 – desyatin) [28,152]

Stanitsa	Cultivated (desyatin) Wheat-Rye-Millet	Collected (çetv) Wheat-Rye-Millet
Chervlennaya	130-15-45	260-45-109
Kurdiukovskaya	118-10-9	188-20-68
Novogladkovskaya	49-7-12	89-20-26
Starogladkovskaya	82-3-6	140-8-80
Shchedrinskaya	250-9-99	500-28-179

Lands of Greben Cossacks (in 1772) [28, 173]

Greenhouse: Another issue that Peter I paid attention to after the settlement was the economy. In the areas close to the Terek River, greenhouse cultivation were carried out by means of hot water springs from the Greben stanitsas (Chervlennaya-Novogladkovskaya-Shchedrinskaya). Dr. Gottlieb Schober explored this topic by order of Peter I in 1717. Schober researched on mineral resources and vegetation between the years 1717 and 1720. The four sources – St. Peter, St. Catherina, St. Paul and St. Maria – and hot springs in the mountains on the western and eastern ridges are found to be very productive sandstones covered with clay. The Saint Catherina greenhouse, which is higher than the others, has a height of 1000 Paris fut (1.949 m). In the distribution of water and heat, each of these greenhouses was different from each other. Saint Katerina gave 276,000 fut water per hour, while St. Peter gave less water than it, but both flowed continuously throughout the year. These greenhouses were also superior in terms of water and temperature. Saint Peter greenhouse was also used for patients. Between 1771 and May 1773, approximately 40 patients were treated [29, 385-406].

Greenhouses	Temperature
St. Peter	Up to 50
St. Catherina	50 – 60
St. Paul	Up to 58
St. Maria	Up to 60

Temperatures of Greenhouses [39, 389]

Viticulture and Sericulture: Greben Cossacks have had vineyards from the moment they are settled which are an important source of income and the administrators in Terek informed Moscow in 1651 that there were many grapevines in good condition in the Greben Cossack stanitsas. Despite the lack of arable land, the Grebinians obtained red wine from the vineyards throughout the Astrakhan province and Terek; they sold grape vodka at a good price in Russia. Greben Cossacks had 1832 vineyards and gave importance to viticulture activities, and produced 3000 barrels of wine [30, 123]. Greben Cossacks owned wine was sold without duty. The Armenians bought the wines for 40 barrels for 40-42 rubles which were owned by Cossacks and in time seized their gardens. Thus, the profit was passed into the hands of the Armenians. In addition, the vodka production of the Cossacks was organized by the Armenians in small factories in the districts. Ethnic professionalism is evident at this point.

However, winemaking is subject to restrictions. Cossacks were forbidden to sell wine from their own gardens at free prices and were allowed to sell it only to Astrakhan (the garden office), which bought it at very low prices. This situation put the wine producers in a difficult situation and the vodka factories closed down in time. The price of Kizlyar vodka, instead of 40-42 rubles, fell to 8 or even 4 rubles per barrel; this did not cover the costs of the vineyards and the vineyards eventually became rich Armenians. After a while, the free sale of wines from vineyards in Cossack stanitsas was allowed to be sold in the most profitable market in Astrakhan [29, 70-71].

Stanitsa	Number of Households	Vineyards	Wine Barrels	Wine Barrels Per Household
Chervlennaya	260	405	712	2,7
Kurdiukovskaya	185	387	489	2,6
Novogladkovskaya	93	169	322	3,4
Starogladkovskaya	152	227	295	1,9
Shchedrinskaya	245	378	765	3,1

Vineyards and Wine Production of Greben Cossacks (in 1774) [29, 209]

Another freelance business that Greben Cossacks were interested in was the silk industry, but Greben people did not work much in the field of silkworm and produced silk as much as their own requirements. Everyone was given land, but this led to a decrease in silk production in Cossack stanitsas. There have been a large number of foreigners who want to take advantage of the state-owned areas, employing workers to improve capital, and holding other means and capital. Thus, the constantly Cossacks worn down to a shadow and could not compete with foreigners both in the number of workers and in the primitive silk production methods inherited from their ancestors. In short, the silk production of Cossacks was much lower level than foreign breeders [13, 57].

Madder: One of the important business lines of Greben Cossack stanitsas was madder. The most important income of Greben Cossacks was obtained from the madder plants, extracted from the soil up to 1000 puds, and one pud was sold to Iranian merchants for 6-7 rubles. Moscow was indifferent to this production and did not charge any tax. Initially, the madder was used as a coloring element, however, as the domestic industry's demand for paint increased, the Cossacks began selling only to the treasury and selling abroad ceased. On this occasion, the Senate issued a decree on 17 September 1745. Thus, the madder harvest limited by the needs of the domestic market was purchased by the merchants of Kizlyar and exported to Astrakhan [28, 53-57].

Salt: Cossacks initially used salt from the state-owned lakes near them, but due to the ban on these lakes, they had to buy salt from the Kizlyar shops. However, the fish died because of the lack of salt sales in these shops [13, 71].

Fishery: Other sources of livelihoods were fishing during the year. The cossacks hunted salmon primarily met their own needs and sold the remaining amount. Greben Cossacks fished sturgeon, beluga, carp, catfish, pike, sea bream. At first they fished near their stanitsas, and in time they started fishing in remote places along the Terek River and Caspian Sea.

The Cossacks, who were fishing in the Caspian Sea, sold their products to buyers from Astrakhan. For a long time, the Cossacks were allowed to freely fish in the Terek River and the Caspian Sea according to the decree of 1759 for uncontrolled fishery. In addition, 50 fish quota per person was brought and 10 rubles heavy fine was imposed on those who violated the rule on the same dates. Sturgeon and beluga were sold in 40 kopek. However, quality of the fishery in Terek was decreased because it was cultivated in pits dug along the Terek coast [28, 36].

Other: They planted tobacco on the walls of the Kizlyar fortress since 1749, and obtained considerable income from the cannabis in their soil. The famous Greben cannabis is processed as follows: after the stems are removed, the inside is also taken, immersed in water for 3 weeks, then dried in the sun.

After the branches are broken and bundles are packed, they are placed on top of each other and then boiled for 2 hours by adding water. After cooling, the ashes are cleaned, washed in clean water and separated into fibers and laid on the ropes. Greben Cossacks also engaged in the wood trade. One of the most important sources of income of Greben people who hunted wild boars and deer was the spoils of war [31,123].

– **Religion in Greben Cossacks:**

The Greben Cossacks were Old Believer Orthodox Christian sect. The churches of Greben Cossacks are in the table below.

Stanitsa	Year	Name
Chervlennaya	1781	Saint Nikolaos
Kurdiukovskaya	1801	Saint Nikolaos
Novogladkovskaya	1787	Saint Nikolaos and An Armenian wooden church (it was a stanitsa in 1773)
Starogladkovskaya	1742	Saint Teslis
Shchedrinskaya	1782	Saint Nikolaos and According to Falk, who visited stanitsa in 1773, there was one church.

Churches in Greben Cossack Stanitsas [31, 62-63]

– **Chervlennaya Stanitsa:** The Chervlennaya stanitsa, founded in 1567, has a longitude of 63 38 30 east and 43 29 40 north latitude; It is located on the lower left bank of the Terek River, 30 versts from Grozny and 140 versts from Vladikavkaz. The stanitsa, which was originally on the right side of the high bank in the grabens, was constantly attacked by the Chechens (the bovine animals were stolen, the women and daughters were abducted) and the settlers were disturbed and the settlers decided to move their stanitsa to the other shore of Terek. But when it was not how they wanted, they decided to move the stanitsa a little higher than the old place and moved to their new place. The streets of stanitsa, which was quite large and also wide. Stanitsa's main population was the Old Believers, one of the pioneers of Russian power in the Caucasus. Stanitsa's first name was Andrev according to Alexandre Dumas. Peter I also visited Chervlennaya stanitsa during the Iran Expedition [21, 20].

Chervlennaya stanitsa has been one of the important centers for silkworm production and pear cultivation and wheat cultivation. In addition, Chervlennaya stanitsa was the center of the Greben Cossack army [34, 35].

– **Kurdiukovskaya Stanitsa:** Stanitsa, the most fertile land inhabited by Greben Cossacks, was 4 versts from Kargalinskaya stanitsa and the name of the

stanitsa was named Kurdiukovskaya in virtue of Ataman Kurdiuk Ivanov. The Cossacks in this stanitsa, like the others, did fishing. In 1746, 9 Cossack people went to Aksaev village [35, 81] with 9 horse carts and 100 sturgeon and 3 sacks of caviar in each cart. As it can be seen, Cossacks have traded with Chechen villages, albeit on a small scale.

– **Novogladovskaya Stanitsa:** The stanitsa, which had the best forests, located in 43 32 east latitude 64 41 north longitude, 17 verst away from the Starogladkovskaya stanitsa. The Greben Cossack atamans lived in the office at the Novogladkovskaya stanitsa. Novogladkovskaya stanitsa was founded by people who escaped from the captivity of most indigenous people in the last 40 years and Georgians from the cities of Kizlyar and Mozdok were added to this population. There were 20 Georgian houses, 25 gardens and 1 vodka factory [36,18].

– **Shchedrinskaya Stanitsa:** Founded in 1569, the stanitsa was named after Ataman Andrey Shadra [41, 18]. Shchedrinskaya was 25 versts away from the Chervlennaya stanitsa, close to where Terek meets Sunzha. According to Falk, in 1773, 150 Greben Cossacks, as well as Russian, Tatar and Armenian merchants lived in stanitsa, The inhabitants of the stanitsa, which had oak forests, a small number of cattle and a small amount of land. In stanitsa, more viticulture and orcharding was done, and most of the women worked in sericulture [36, 18].

– **Population in Greben Cossack:**

Stanitsa	Number of Households	Men	Women
Chervlennaya	535	1418	1544
Kurdiukovskaya	152	358	350
Novogladkovskaya	112	326	383
Starogladkovskaya	139	432	437
Shchedrinskaya	204	461	510

Population in Greben Cossack Stanitsas [12, 125-126]

Stanitsas Founded by Semeini Cossacks:

This group of Cossacks, called Semeini Cossacks because of their first ataman Semen, first settled in the Holy Cross fortress and then to Kizlyar, then settled in 3 stanitsas which were 7 versts away from the Terek River during the reign of Anna Ivanovna in 1735. Semeini Cossacks, originating from the Don Cossacks, lived in Borozdinskaya, Dubovskaya and Kargalinskaya stanitsas for 18 versts on the Terek River starting from Kizlyar. These stanitsas between Kizlyar and Greben stanitsas were part of the line extending to Mozdok and their army

had 27,931 desyatin land. In each stanitsa, the ataman, yesaul, commander, officer and commissioner were selected.

– **Economic Activities of Semeini Cossacks:**

The women of these stanitsas are famous for their hard work. Similar to Greben Cossack stanitsas, they planted wheat and millet, sold the vegetables they had grown in Kizlyar, and engaged in winemaking as they had 1037 vineyards. They have also obtained madder up to 1000 poud per year. They received rents of 5-10 rubles from each of the 300 kubitka -type of carriage-owned by the Nogai people, which was equivalent to the annual fishing money. More than 1050 horses and more than 4500 animals were found in the stanitsas of the Cossacks, which had horse herds and animals [37, 108].

Stanitsa	Arable	Mowing Grass Field	Truck farm
Borozdinskaya	225	69	–
Dubovskaya	350	137	46
Kargalinskaya	338	361	344

Lands of the Semeini Cossacks (in 1745-desyatin) [33,152]

Stanitsa	Number of Households	Vineyards	Wine Barrels	Wine Barrels Per Household
Borozdinskaya	79	137	152	1,9
Dubovskaya	126	186	286	2,2
Kargalinskaya	205	390	541	2,6

Vineyards and Wine Production of Semeini Cossacks (in 1774) [33,209]

– **Religion in Semeini Cossacks:**

The Semeini Cossacks were Orthodox Christian sect. The churches of Semeini Cossacks are given in the table below.

Stanitsa	Year	Name
Borozdinskaya	1781	Saint Dimitri
Dubovskaya	1779	Saint John
Kargalinskaya	1737	The Birth of Jesus

Churches in Semeini Cossack Stanitsa [29,209]

– **Borozdinskaya Stanitsa:** Stanitsa was located at 43 north latitude and 16 17 east longitude. Stanitsa was 12 verst away from Kizlyar, 3 verst from Dubovskaya stanitsa, 15 versts from Aleksandro-Nevskaya stanitsa between the Prorva and Terek Rivers. There were mulberry trees on the edge of the valley near the place where stanitsa was established, so the name comes from the word *borozda*, which means plow trail / furrow. Due to the widening of these furrows, the borders of Terek have been expanded and even Terek has been called as borozda by the settlers of Kizlyar [37, 3 ;24].

The foundation of stanitsa dates back to the first half of the 18th century; however, in 1810, stanitsa, which was in its place, was moved to a healthier and better land near the old stanitsa in 1814 due to the flooding of the branches of Terek and Prorva.

The area of the stanitsa was in a rectangular shape and extends in the south-north direction. In the middle of this square, there was a large square near the east, the church and courtyard were in the middle of it. The parallel streets intersecting each other crossed with others in a right angle. Falk visited the stanitsa in 1773 and noted that there were 74 Cossacks and 11 water mills in the stanitsa.

Stanitsa's first settlers were the rest of the 1000 Don Cossack families, who were settled by Peter the Great in the region in 1724. The settlers were Orthodox and spoke Russian language. The general character of the land where stanitsa settled was pit and steppe. The waters of this land was sufficient. In everyday life they used a large proportion of water from Prorva; there were also wells in the stanitsa. Prorva was flowing 1.5 versts away from the stanitsa. In this way, water was transported through the trenches arranged on the lands of the stanitsa (gardens, gardens, fields) and water shortages were not drawn. The entire area of stanitsa was 14880 desyatins. The 1927 desyatins of this land consisted of gardens and truck farm, 1792 desyatins of the arable land, 2772 desyatins of meadow and dry grass, 1847 desyatins of the forests; 6536 desyatins of empty soils and 3844 desyatins of useless land [17, 52].

– **Dubovskaya Stanitsa:** This stanitsa, where resided by the Semeini Cossacks atamans, armies and soldiers who did the typing, was 15 versts away from Kizlyar and 5 versts from Kargalinskaya stanitsa. Stanitsa was named after an age-old oak tree [14, 19].

– **Kargalinskaya Stanitsa:** The population of the Kargalinka stanitsa, named after the Kargalinka River, consisted of the Don and the Volga Cossacks. This stanitsa's soil was very salty and became the center of the Kizlyar Cossack army [36, 53].

– **Population of the Semeini Cossacks:**

Stanitsa	1762	1782	1813
Borozdinskaya	109	170	210

Dubovskaya	109	170	210
Kargalinskaya	225	273	290

Population of the Semeini Cossack Army [33,127]

Stanitsa	Number of Households	Men	Women	Officer	Retired	Orphan
Borozdinskaya	99	212	207	94	15	3
Dubovskaya	145	403	428	94	15	5
Kargalinskaya	–	520	638	190	35	18

Population of Semeini Cossack Stanitsas [35, 120]

Stanitsas Founded by Mozdok Cossacks:

Volga Cossacks who came to the region were named as Mozdok Cossacks. These stanitsas were established between the Mozdok and Greben Cossack stanitsas in 1711, 52 years after the settlement of the Greben Cossacks, to ensure the connection between Kizlyar and Mozdok. On 2 July 1765, 517 Cossack families from Volga (between Dubovka, Tsarichin and Kamishin) and in addition to each stanitsa 50 Don Cossack families were placed in these stanitsas between Mozdok and Chervlennaya stanitsas under the name Mozdok regiment with a decree sent to Count Panin. The Cossacks, who came in 1769, settled in Galiugaevskaya, Ischerskaya, Kalinovskaya, Naurskaya and Mekenskaya stanitsas. Thus, the line has been significantly strengthened. However, in the early days of settling in Terek, due to lack of pasture, they left small detachments in their stanitsas and went to winter over the Volga. The Mozdok Cossacks, had a land of 188,876 desyatin in a flat area, planted rye, barley, wheat, millet, oats, peas and hemp, mainly engaged in farming, cattle breeding, vegetable farming, and viticulture. The land on the banks of Terek was suitable for agriculture, therefore the harvest of the products was also good. The stanitsas had small forests along the banks of Terek. There were a total of 1078 vineyards in all stanitsas, but the quality of the wines was not good because of frequent floods and frosts. Silkworming was neglected as in other stanitsas. Stanitsas main sources of income were boiling of the safflower plant (*Carthamus tinctorius*) and fishing on Terek. The stanitsas where animal husbandry were in good condition, had 1,485 horses and 27,800 animals. The Cossacks grew up as good locksmiths, painters and blacksmiths, and their clothes resembled the Don Cossacks [35,128]

– Religion in Mozdok Cossacks:

Kalmucks have settled in these stanitsas since 1764 and were baptized by

1777. Only 50 of their 775 people served the Mozdok regiment and returned to their old beliefs. Their numbers have decreased from year to year [47,128-129].

The Mozdok Cossacks were Orthodox Christian sect. The churches of Mozdok Cossacks are given in the table below.

Stanitsa	Year	Name
Galiugaevskaya	1794	Saint George
Ishcherskaya	1799	Saint Nicholas
Kalinovskaya	1797	St. Michael and a church belonging to the Old Believers was founded in 1812.
Naurskaya	1802	The birth of Jesus

Churches of Mozdok Cossack Stanitsas [17, 134]

– **Ishcherskaya Stanitsa:** The stanitsa, founded on the left bank of the Terek River, was 16 versts to Naurskaya stanitsas, 42 versts to Mozdok and 90 versts to Vladikavkaz. The establishment of stanitsa dates back to 1770 between Tsaritsyn and Kamyshin, when the Volga army came. It was on an inclined small hill inclined towards Terek and named after the cave where the first settlers lived. Residents went to Mozdok for trade [45, 37-41].

– **Kalinovskaya Stanitsa:** The residents of stanitsa planted orchards and vineyards [45,134].

– **Naurskaya Stanitsa:** Stanitsa, Naurskaya or Naur, was located in the south near the Caspian Sea, on the left bank of the central part of Terek, on a large terrain, 44-45 north latitude, 5 versts to Mekenskaya stanitsa, 15 versts to Ishcherskaya stanitsa, 72 versts to Grozny and 52 versts to Mozdok [47, 128-129].

– **Stoderevskaya Stanitsa:** 200 Kalmuck families were baptized with Cossacks from Saratov fortress soldiers and were settled in the stanitsa which was established near Galiugaevskaya stanitsa in 1800 [41,110].

– **Population of Mozdok Cossack:**

Stanitsa	Number of Households	Men	Women
Galiugaevskaya	193	639	687
Ishcherskaya	290	1077	1156
Kalinovskaya	258	859	878
Mekenskaya	191	578	574
Naurskaya	396	1280	1323

Population of Mozdok Cossack Stanitsas [35, 128-129]

Suggestions:

In this study, the demographic-economic structure and Christianization activities of the region under the title of Mozdok Line in North Caucasus in the context of Russian Colonization were examined. However, Tsarist Russia established 9 more lines in the North Caucasus. The establishment dates of the lines have changed before and after the occupation. If these lines are examined in the same context, both the socio-economic colonization of the whole of the North Caucasus and the process of occupation and beyond will be revealed more clearly. With such in-depth studies, it will be clear that the occupation process of the Caucasus does not have a purely military meaning.

Conclusion:

The domination of the Moscow Principality on the Ryazan Principality was the first stone from a mere Principality to Tsarism. At this point, the population of Ryazan started to advance to Terek via Volga and the Cossacks of the North East Caucasus massively moved to the land where they would take root. In this process, Russia's first interlocutors in the Caucasus were Kabardians, and the dialogue with the delegations continued with the ossification of Russian power in the region through castles and stanitsas. In fact, the Russians have established commercial and military regions that guarantee their politics in the North East Caucasus with these castles and stanitsas.

In this process, the Russian State was guided by the Russian Academy of Sciences. The members of the Academy of Sciences determined the ethnographic, topographic and socio-economic characteristics of the region through their studies in the region and realized the intellectual mapping of the region.

The Cossacks developed as a separate military-civilian class and ensured the establishment of socio-economic relations with both the Russians and the autochthonous people of the region. The Russian government regulated the ethnic relations with the settlement of Cossacks in the North Caucasus, defence fortifications were established and the economy developed. The Cossacks were both important figures in the history of the Terek region as well as the economic development of the region. Initially, the Cossacks, who were hunters and gatherers, later gained an agricultural character, and with the consolidation of Russian power in the region, armies began to be established from the Cossacks. A Cossack was not only a soldier, but a person who produced with his family and contributed to the economy. The stanitsas became the outposts of Russia's southern borders. The Cossacks, the guardian of Russia's southern borders, strengthened the formation of the Russian power on the middle ground. The formation of Cossacks covers the period between the 16th and 19th centuries. The ethnic structure of the Cossacks such as the Don Cossacks and the Volga Cossacks, are the formation of the inhabitants of the villages, former believers, retired soldiers and representatives of the Caucasus people who left their villages due to feudality and feud.

The process which began with the resettlement of the Cossacks in the region in the second half of the 16th century, continued with the construction of the stanitsas in the 17th century with the order of Apraksin and was completed with the establishment of Kizlyar and Mozdok, the Mozdok Line in the North East Caucasus. The line became the middle ground of the different ethnic groups (Cossacks, Georgians, Armenians and Russian officials); economic and cultural relations and areas of mutual influence have emerged.

According to Richard White's Interfacial theory, economic and cultural ties have deepened. Among the Cossacks and Caucasians, one of the most important factors in the formation of the middle ground was the tradition of mansion.

The middle ground has created favourable conditions for the development of economic ties between the Cossacks, the Russian settlers and the Highlanders. Russia was the catalyst of the middle ground of Caucasus, faced by two different societies (Geben Cossacks and Caucasians in the North East Caucasus). Through the Mozdok Line, different ethnic and religious groups have created both the Middle Ground and the Patronage relationship by means of trade and marriage. Marriages were the most important channels of intercultural interaction of different ethnic groups in the North Caucasus. The study of the region as an middle ground has enabled us to consider the socio-economic effects of the interaction of different ethnic groups.

1. Ferro, Marc. *Sömürgecilik Tarihi*, çev. Muna Cedden, İmge Kitabevi, Ankara, 2002.

2. Shishov A.V., *Shvatka za Kavkaz XVI-XXI veka*, Moskva, 2007,

3. Veydenbaum E., *Putevoditel po Kavkazu*, Tiflis, 1888.

4. Yakhontov A.P., *Pereselenie i kolonizatsiya*, Kharkov, 1925.

5. Thomas M., "Belirsizlik Hatları: Kuzey Kafkasya Sınır Bölgeleri", çev. Furkan Özkan, *Journal of Caucasian Studies (JOCAS)*, Eylül/September 2016, Yıl/Vol. 2, No 3.

6. Belozеров Vitaly, *Etnicheskaya karta Severnogo Kavkaza*, Moskva, 2005,

7. Yudin P., "Pervoe poyavlenie kazakov na Kavkaze (mıslı i faktı)", *Terskiye Vedomosti*, No: 178, 15.08.1912; No: 178, 15.08.1912.

8. Grebents F.S., "Novogladkovskaya v eya proshlom i nastoyashchem", *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey plemen Kavkaza*, Vypusk 44, Tiflis, 1915.

9. Barrett, Thomas M. "Crossings Boundaries: The Trading Frontiers of the Terek Cossacks", *Russia's Orient Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917*,

Editors Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini, University of Indiana Press, Bloomington, 1997.

10. Richard White, *The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650-1815*, Cambridge University Press, 2011, p. 1, 50, 52, 114, XII, XIII, XXVI.

11. Atalikov V.M., *Kavkaz. Evropeyskie dnevniki XIII-XVIII vekov*, V. III, Nalchik, 2010, s. 153; Bobrovnikov– I. L. Babich.

12. Gildenshtedt I.A. *Geograficheskoe i statisticheskoe opisaniye Gruzii i Kavkaza*, Sanktpeterburg, 1809.

13. Potto, *Dva veka*, Tom I, s. 19; P. P. Nadezhdin, *Priroda i lyudi Kavkaz i za Kavkazom*, S. Peterburg, 1869, s. 34.

14. Grebents F.S., "Iz bity grebenskih kazakov", *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey plemen Kavkaza*, Vypusk 40, Tiflis, 1909, s. 9; Boris Esadze, *Pamyatka grebentsa. Ocherk mnogovekovoy doblestnoj sluzhby prestolu i otechestvu*, Petrograd, 1916.

15. Trius L.I. *Istoricheskiy opyt razvitiya svyazey v sfere ekonomiki, kultury i bytiya mezhdru gortsami Severnogo Kavkaza, kazakami i rossiyskimi pereselentsami (konets XVIII–XIX vv.)*, Federalnoye Agentstvo po Obrazovaniyu GOU VPO Pyatigorskiy Gosudarstvennyy Lingvisticheskiy Universitet, Pyatigorsk, 2009.

16. Bobrovnikov, V.O.-I. L. Babich. *Severnyy kavkaz v sostove rossiyskoy imperii*, Moskva, 2007.

17. Butova E., "Stanitsa Borozdinskaya terskoy oblasti kizilyarskago okrug", *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey plemen Kavkaza*, Vypusk 7, Tiflis, 1889.

18. Don Juan Van Halen, *Narrative of Don Juan Van Halen's Imprisonment in the Dungeons of the Inquisition at Madrid, and His Escape in 1817 and 1818*, New York, 1828.

19. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka*, per. O. N. Trubachev, Tom III, Moskva, 1971.

20. Potto, V. A. *Istoricheskiy orkestr kavkazskih voysk do ih prisoyedineniya k Gruzii*, Tiflis, 1899.

21. Dumas Alexandre, *Kafkaslar (1858)*, çev. Haktan Birsal, IQ Kültür Sanat Yayıncılık, İstanbul, 2016.

22. Bobrovnikov, V.O.-I. L. Babich. *Severnyy kavkaz v sostove rossiyskoy imperii*, Moskva, 2007.

23. Piotrovsky B.B., *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshih vremen do kontsa XVIII v.*, Moskva, 1988, s. 329; Frédéric Bodestedt, *Les peuples du Caucase et leur guerre d'indépendance contre la Russie*, Traduit E. de SALM-KYRBURG, Paris, 1859.

24. Arthur Tsutsiev, *Atlas of the Ethno-Political History of the Caucasus*, trans. Nora Seligman Favorov, Yale University Press, 2014, m. 16.

25. Abaza, K.K. Kazaki, dontsy, uraltsy, kubantsy, tertsy, Sankt-Peterburg, 1890.
26. Mokhir M., "Stanitsa Naurskaya-groznenskogo okruga", Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey plemen Kavkaza, Vypusk 15, Tiflis, 1893, s. 142; Grebents, Novogladkovskaya, s. 81.
27. Vladykin, M. Putevoditel i sobesednik v puteshestviyah po Kavkazu, Chast I, Moskva, 1885.
28. Solonin E.V., Kazachestvo Severo-Vostochnogo Kavkaza v xvi-xix vv.: Sotsialno-ekonomicheskoe, voyenno-politicheskoe i kulturnoe razvitiye, Pyatigorskiy Gosudarstvennyy Tehnologicheskiy Universitet, Pyatigorsk, 2008.
29. Omelchenko I. L., Terskoye Kazachestvo, Vladikavkaz, 1991.
30. Bagdanovich P.I., Akademicheskie izvestiya na 1780 goda, Chast V, S. Petersburg, 1780.
31. Zubov Platon. Kartina Kavkazskogo Kraya, Chast II, S. Peterburg, 1835.
32. Nadezhdin, P. P. Priroda i lyudi Kavkaz i za Kavkazom, S. Peterburg, 1869.
33. Malyakavin G., "Stanitsa Chervlenaya", Etnograficheskoye Obozrenie, Redaktor N. A. Yanchuk, Moskva, 1891.
34. Gille, Florent A. Lettres sur le Caucase et la Crimée, Paris, 1859.
35. Iosif, Debu. O Kavkazskoy linii k prisoyedinennomu k ney chernomorskoy, Sankt-Peterburg, 1829.
36. Savalev E.P., Drevnyaya istoriya kazaçestva, Veche, Moskva, 2010, s. 244.
37. Blagoveshenskiy N., Sbornik svedeny o terskoy oblasti, 1878, Vypusk 1, Vladikavkaz.
38. Jacob Reineggs, A General, Historical, And Topographical Description Of Mount Caucasus, Volume I, London, 1807.
39. Karaulov, M. A. Terskoye kazachestvo, Moskva, 2008.

**З.Р. Дохова,
студентка КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)**

**РОЛЬ М.Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА В РЕШЕНИИ
КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В КАБАРДЕ**

В статье предпринята попытка анализа роли начальника Терской области Михаила Тариеловича Лорис-Меликова в процессе проведения крестьянской реформы в Кабарде в 60-70 гг. XIX века. Основная цель данной работы – дать оценку влиянию начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова на проведение крестьянской реформы в области. Через призму освещения подготовительных мероприятий царской администрации перед началом решения крестьянского вопроса; изучения работы Терской сословно-поземельной комиссии, находившейся под непосредственным контролем начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова; анализа основных методов и способов решения царской администрацией крестьянского вопроса были удачно реализованы основные задачи работы. Основным результатом проведенного исследования стало достаточно подробное освещение проблемы освобождения зависимых сословий в Кабарде, где, как отмечали депутаты Особого комитета по освобождению зависимых сословий у горских народов, находилось, по сравнению с другими северокавказскими территориями (Кубанская и Дагестанская области), наибольшее количество зависимых сословий.

Ключевые слова: М.Т. Лорис-Меликов, Кабарда, освобождение зависимых сословий, крестьянская реформа

The article attempts to analyze the role of the head of the Terek region, Mikhail Tarielovich Loris-Melikov, in the process of conducting the peasant reform in Kabarda in the 60-70s. XIX century. The main goal of this work is to analyze the influence of the head of the Terek region, M.T. Loris-Melikov to conduct peasant reform in the region – was successfully achieved. Through the prism of the coverage of the preparatory activities of the tsarist administration before the beginning of the solution of the peasant question; study of the work of the Terek estate-land commission, which was under the direct control of the head of the Terek region, M.T. Loris-Melikov; analysis of the main methods and methods of solving the tsarist administration of the peasant question successfully implemented the main tasks of the work. The main result of the study was a fairly detailed coverage of the problem of liberation of the dependent classes in Kabarda, where, as noted by the deputies of the Special Committee for the liberation of dependent classes from mountain peoples, compared with other North Caucasian territories (Kuban and Dagestan regions), the largest number of dependent classes was.

Keywords: M.T. Loris-Melikov, Kabarda, the liberation of the dependent classes, the peasant reform.

Михаил Тариелович Лорис-Меликов за 12 лет (1863–1865 гг.) своего нахождения на посту начальника Терской области сумел провести структурные преобразования, которые до неузнаваемости изменили облик края. Особое внимание в процессе реформирования он уделил аграрному и крестьянскому вопросам, ибо эти вопросы требовали незамедлительного и крайне эффективного разрешения. Первым была проведена аграрная реформа, а крестьянская явилась логическим ее продолжением. Особую остроту проблемы между царской администрацией и местным «туземным» населением получили после окончания Кавказской войны, когда народы Северного Кавказа вошли в состав Российской Империи. Перед царским правительством возникла необходимость путем проведения реформ добиться окончательного включения Северо-Кавказского региона в административно-правовое пространство Российского государства. Претворение в жизнь этих замыслов и легло на плечи М.Т. Лорис-Меликова, который, по нашему мнению, блестяще справился с данной задачей. Именно по этой причине перед нами возникла необходимость реконструировать его деятельность по сложнейшему крестьянскому вопросу.

Как упоминалось выше, после проведения земельной реформы вопрос об освобождении «всех зависимых сословий в горских племенах» был поставлен на очередь дня как практическая задача [1, 223].

Для выработки общих принципов по освобождению крестьян и контроля за проведением освобождения зависимых сословий в Терской, Кубанской и Дагестанской областях летом 1866 г. в Тифлисе был создан Особый комитет по освобождению зависимых сословий у горских народов, председателем которого наместник назначил своего помощника генерал-адъютанта А.П. Карцова. На первом его заседании 4 июня были обсуждены вопросы, касающиеся состава и количества зависимых сословий в каждой из областей.

Процесс отмены крепостного права царская администрация в Терской области решила запустить в Кабарде, где имелось наибольшее количество по сравнению с другими северокавказскими территориями, крепостных и рабов (унаутов) [2, 136]. Это подтвердил и Особый комитет по освобождению зависимых сословий у горских народов: «В Терской области наибольшее число лично зависимых сословий существует в Кабарде» [3, 56].

«Из затребованных от начальников округов сведений оказалось, что наибольшее число холопей находится в Кабарде, где на 38 800 душ людей свободного состояния приходится 16 094 душ, принадлежащих к сословиям зависимым, тогда как в горных округах области: Нагорном, Ичкеринском и Аргунском холопей вовсе нет, в Чеченском и Ингушевском – 294 души, в Кумыкском, вместе с чагарами и терекеменцами – 3287, в Осетин-

ском – вместе с кавдасардами – 1442 души обоего пола» [4, 184]. Приведенное количество зависимых крестьян, содержащихся в рапорте М.Т. Лорис-Меликова от 8 сентября 1866 г., существенно отличается от сведений, выявленных Т.Х. Кумыковым. Он пишет: «Количество зависимых крестьян в Кабардинском округе по отношению к численности их во всех остальных округах Терской области составляло 3:1. Зависимые крестьяне по округам распределялись следующим образом: в Кабардинском округе – 21 348, в Кумыкском – 3257, в Осетинском – 706, в Чеченском и Ингушском – 294» [5, 141]. Объясняется это тем, что Туган Хабасович в количество зависимых крестьян Кабарды включил и вольноотпущенников (больше известных под наименованием «азат»).

Кабардинские князья и балкарские таубии, решив проявить инициативу, в конце июля 1866 г. обратились к начальнику Кабардинского округа полковнику А.А. Нуриду с «убедительнейшей» просьбой разрешить им отправить начальнику Терской области депутацию «по поводу освобождения холопей в Кабарде» [6, 226]. В течение 3 дней представители кабардинских и балкарских феодалов обсуждали в Кисловодске с начальником Терской области основные принципы освобождения крестьян, а после составили докладную записку по этому вопросу и 8 августа 1866 г. представили ее М.Т. Лорис-Меликову. В телеграмме от 9 августа 1866 г. на имя главнокомандующего Кавказской армией он писал: «Заявления эти нахожу вполне удобоисполнимыми» [7, 68]. Следует отметить, что этот проект применялся с незначительными поправками для освобождения зависимых сословий в других округах.

«Как ни труден должен казаться нам такой неизбежный переворот в нашем быту, – писали они в докладной записке, – но в целях сохранения общего спокойствия и владельческих интересов, мы просим предоставить нам время от 1 до 2 лет для освобождения зависимых сословий (здесь имеется в виду освобождение обрядных крестьян – огов, лаганাপутов в Кабарде и чагаров в Балкарии; относительно безправных слоев крестьянского населения – унаутов в Кабарде, казахов и каравашей – в Балкарии феодалы просили назначить сроком окончательного освобождения от 6 до 8 лет – 3.Д.) и с тем, что, согласившись в цене выкупа, по возможности уменьшенного против того, который был доселе принят, зависимое лицо получает личную свободу и до окончания своего расчета исполняет в отношении своего прежнего владельца лишь те обязательства, которые войдут в взаимные условия, долженствующие совершаться с ведома местной у нас власти» [8, 143]. Начальник области одобрил условия, изложенные в записке феодалов, и поручил последним составить проект правил для освобождения зависимых крестьян.

«Положение об отмене личной зависимости» было разработано при участии Л.М. Кодзокова и состояло из 15 параграфов. По этому проекту

крестьяне могли получить свободу только за выкуп. Размер выкупной суммы для взрослого и трудоспособного крестьянина (от 15 до 45 лет) в сумме 200 рублей. Несовершеннолетние (до 15 лет) освобождались с уплатой предельного выкупа – 150 руб., из расчета по 10 руб. за каждый год возраста. Выкупная плата «слабых, больных, дряхлых и калек» устанавливалась посредническим судом «сообразно способностей означенных крепостных к работе» [8, 143].

Крестьяне оставались временнообязанными на протяжении 6-8 лет. За это время крестьяне должны были отработать свой выкуп в хозяйстве своего феодала. «Цена годовой платы за труды совершеннолетнего, здорового работника не должна быть свыше 70 рублей и менее 35 рублей, а работницы от 40 до 25 рублей», – указывается в правилах. Что касается безобразных холопов (т.е. унаутов), необходимо упомянуть, что они должны были в течение 6, а иногда и 8 лет «исполнять своему владельцу все обычные работы, соответствующие нуждам и потребностям хозяина, как полевые, так и домашние» [8, 143-144].

При освобождении крестьянина феодал получал половину его движимого имущества, причём сакли, хозяйственные орудия, утварь оставались за крестьянами.

Это проект был подписан 50 феодалами – князем Атажукиным, полковником Тамбиевым, подполковником Касаевым, майором Астемировым, корнетом Койсыном Суншевым, Муссой Барасбиевым и другими и всего-навсего только одним «представителем» от зависимых сословий – Машуко Дышековым [9, 229]. В сентябре 1866 г. данный проект был одобрен и утвержден наместником Кавказа.

Реализация проекта началась 18 ноября 1866 г., когда «начальник области прибыл в укр. Нальчик и объявил собранным там представителям от рабовладельческого и крепостного сословий содержание предписания Его Императорского Высочества» [10, 31]. Повсеместное освобождение холопов в Кабардинском округе (в трех участках Кабарды: Баксанском, Черекском и Малокабардинском, а также в 5 горских обществах) началось с апреля 1867г., а в остальных округах в начале июля того же года.

Но 14 января на реке Шалушке (в 6-ти верстах от Нальчика) произошло волнение. Бунтовщики числом до 200 человек решили добиться разрешения на уход в Турцию, или, что было их главной задачей, отмены освобождения зависимых сословий. Мирные способы урегулирования этого конфликта не подействовали. Тогда в укр. Нальчик прибыл сам начальник области М.Т. Лорис-Меликов. В случае неудачи он планировал подавить мятеж военной силой. Но никакого кровопролития не произошло, ибо Михаил Тариелович сумел словами убедить восставших в том, что освобождение зависимых сословий в Кабарде неизбежно. Вот его слова: «как Баксан не может обратиться в своем течении назад, в те горы, откуда

стремился, так и дело освобождения крестьян, направленное властным словом русского царя, не может быть остановлено. Ваша религия, ваш семейный очаг – вот ваша святая, неприкосновенная собственность, до которой никто никогда не коснется. Но сами вы, ваши земли – все принадлежит русскому Государю...» [11, 181]. Решительность и твердость начальника области М.Т. Лорис-Меликова позволили устранить данный конфликт, и дело освобождения зависимых сословий медленно, но верно перешло в мирное русло.

Отложилось огромное множество документов, которые показывают, как проходил процесс отмены крепостного права. Например, в документе «Свидетельства холопов, освобожденных от крепостной зависимости, список временнообязанных крестьян, не внесших определенной платы своим владельцам, и списки отправившихся в Мекку» содержится свидетельство о том, что холоп «Цу Циякунов с семейством из четырех душ обоего пола» освобождается «навсегда от крепостной зависимости с обязательством исполнить все условия, заключенные им, по добровольному соглашению, с бывшим своим владельцем, как означено на обороте сего свидетельства» [12, Л. 1]. На обороте в графе «Имущество, отданное владельцу; выкупная плата и обязательные условия» написано: «Выкупа положено на Цу 120 руб. (ему 59 лет. – 3.Д.), Багагуса 200 р. (его жена; возраст 25 лет. – 3.Д.), Салиха 120 р., Хату 30 рублей (сыновья; им 12 лет и 3 года соответственно. – 3.Д.)». Внизу после подписи начальника Кабардинского округа полковника Нурида отмечается, что за 1867 и 1868 гг. «Цу с семейством уплатил своему владельцу сорок пять руб.», и далее заключение члена мирового посреднического суда К. Уначева [12, Л. 1 об.].

Согласно документу «Сводная ведомость о количестве зависимых крестьян, освобожденных от рабства в горских областях Терской области», в результате реформы в Кабарде и Балкарии были освобождены 21 221 человек.

Н.Ф. Грабовский пишет, что из более 21 тысячи человек обоего пола «осталось во временнообязательной работе только 2 880 д.; из остальных более 900 душ освобождены бесплатно» [13, 41]. Имеется в виду освобождение самого бесправного слоя крестьян (т.н. безобрядных) – унаутов в Кабарде, казахов (мужчин) и каравашей (женщин) – в Балкарии.

Понимая, что освобождение зависимых подрывает основы хозяйства владельцев, да и сам освобожденный остается без средств к существованию, администрация Кавказа оказала помощь как первым, так и вторым. Так, в рапорте начальника Кумыкского округа от 30 сентября 1867 г. говорится, что 12 тыс. руб. выданы кумыкским владельцам за бесплатное освобождение малолетних холопов, а «8 тыс. руб. предназначены на помощь освобожденным крестьянским семьям». В Кабардинском округе за бесплатное освобождение 771 крестьянина 174 владельца получили 40 тыс.

руб. Одновременно, каждой освобождаемой семье, не имеющей средств, выдавалось 10-25 руб. на обзаведение хозяйства. Аналогичная картина отмечается в Осетинском округе, где выделялось по 30 руб., а в Чечне и Ингушетии – по 25 руб. Всего на крестьянскую реформу правительство выделило 152 тыс. руб. [14, 104]

Существует давно и прочно закрепившееся мнение о том, что, осуществляя крестьянскую реформу на Кавказе, царское правительство и здесь охраняло, прежде всего, интересы высшего сословия, и, что подобно русским помещикам, феодалы кавказских народов потеряли права на своих крепостных и рабов на максимально выгодных для себя условиях [15, 135-136].

Подтверждением вышесказанного служит выдержка из работы Н.Ф. Грабовского, который путем анализа количественных данных о состоянии хозяйства бывших крепостных крестьян до и после освобождения пришел к выводу, что теперь, после отмены крепостного права, в трех участках Большой и Малой Кабарды «одна лошадь приходится более чем на 36 человек, немного более одной штуки рогатого скота – на 2-х человек, один баран – почти на 4-х человек и одна сапетка пчел – на 27 человек» [16, 4].

В Горском участке ситуация была более благоприятной: здесь, в результате проведения крестьянской реформы, «у освободившихся холопов осталось: 343 лошади, 2074 шт. рогатого скота, 13 814 шт. баранов, 254 ишака, 820 загонов пахотной и 479 – покосной земли» [17, Л. 88].

Таким образом, роль начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова в освобождении зависимых сословий велика. Он, с присущей ему мудростью, приступил к процессу освобождения зависимых сословий и всего за несколько месяцев сумел достигнуть колоссальных результатов. К 1867 году в Терской области были освобождены или бесплатно, или путем уплаты выкупа более, чем 23 тыс. человек. Проблема крепостничества была разрешена. Теперь предстояло налаживать жизнь в новых условиях.

1. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.

2. Надюков С.А. Особенности проведения реформ Александра II на Северном Кавказе // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. Майкоп, 2018. № 14 (38).

3. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы и материалы по освобождению зависимых сословий в Кабарде в 1867 г. Нальчик, 1947.
4. Рапорт начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова главному помощнику главнокомандующего Кавказской армией А.П. Карцову / Герасимова Ю.Л. «Совершено повсеместное освобождение холопов во вверенной мне области». Рапорты начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова. 1866 – 1867 гг. // Исторический архив. М., 2005. № 6.
5. Кумыков Т.Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800-1869 гг.). Нальчик, 1959.
6. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке.
7. Крестьянская реформа в Кабарде. Документы и материалы по освобождению зависимых сословий в Кабарде в 1867 г. Нальчик, 1947.
8. Кумыков Т.Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800-1869 гг.). Нальчик, 1959.
9. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.
10. Е. С ... в. Горская летопись: Крепостные в Кабарде и их освобождение // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I.
11. Герасимова Ю.Л. «Совершено повсеместное освобождение холопов во вверенной мне области». Рапорты начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова. 1866-1867 гг. // Исторический архив. М., 2005. № 6.
12. ЦГА КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 40.
13. Грабовский Н.Ф. Горская летопись: Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I.
14. Кузьминов П.А. Реформа сословно-поземельных отношений у народов Северного Кавказа в XIX веке: от «горского общества» к обществу крестьянскому // Кавказология. № 1. Нальчик, 2018.
15. Надюков С.А. Особенности проведения реформ Александра II на Северном Кавказе. Указ. соч.
16. Грабовский Н.Ф. Горская летопись: Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III.
17. НА ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр.1.

**М.Ш. Абаева,
аспирант СКИ РАНХиГС
(г. Пятигорск)**

**ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА
КОЛЕСНОЙ ДОРОГИ В БАЛКАРСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

В статье на основе архивного материала проведен анализ строительства двух колесных дорог в Балкарском обществе. Одной по Суканскому ущелью в 1868-1869 гг., а второй по ущелью Зылгы-Тар в 1883-1893 гг. Дороги эти связали балкарцев с плоскостной частью Кабардинского округа, способствовали развитию товарно-денежных и социокультурных отношений.

Ключевые слова: колесные дороги, Суканское ущелье, ущелье Зылгы-Тар, дорожные доверенные, Балкарское общество.

In the article, on the basis of archival material, an analysis of the construction of two wheel roads in the Balkarian society was carried out. One along the Sukan gorge in 1868-1869, and the second along the gorge Zylgy-Tar in 1883-1893. These roads connected the Balkarians with the flat part of the Kabardian District, contributed to the development of commodity-money and socio-cultural relations.

Keywords: wheel roads, Sukan gorge, Zylgy-Tar gorge, road trustees, Balkarian society.

С глубокой древности люди жили на территории Центрального Кавказа, прорезанной, многочисленными горными хребтами и долинами рек. В горных отрогах жили балкарцы, осетины, ингуши и чеченцы. Отрезанные от основных торговых путей, от общения с более цивилизованными народами, они жили в условиях натурального хозяйства, занимаясь скотоводством и земледелием. Завершение Кавказской войны, проведение либеральных реформ, сближение с русскими и казачьими поселениями, способствовало втягиванию их в систему товарно-денежных отношений. Чтобы ускорить сближение с соседними народами, втянуться в орбиту цивилизационных отношений, нужны были надежные пути сообщения – дороги, которые связали бы экономику и население высокогорных аулов с городами и селами равнинной части Терской области, образованной в 1860 г. [1, 63].

Эта проблема остро стояла и перед жителями самого многочисленного и большого из пяти ущелий Балкарии, так как они крайне нуждались в товарах и изделиях, которые покупали на базарах и ярмарках Предкавказья. Короткое лето, резко континентальный климат, острая нехватка земли, обусловили мизерные урожаи хлеба в горах, которого хватало всего на 3–4 месяца в году, поэтому недостающее количество муки и зерна балкарцы, в основном, покупали на базарах и ярмарках Нальчика, в русских селах и казачьих станицах. Отправляясь на плоскость, они нагружали лошадей продуктами своего хозяйства, назад везли жизненно необходимые товары. Так как лошадь могла поднять лишь 6 пудов ($6 \times 16,38 \text{ кг} = 98,28 \text{ кг}$) груза, то привезенного таким образом хлеба, средней семье хватало ненадолго, поэтому такие поездки балкарцы вынуждены были совершать часто. Те же, у кого не было лошадей, мулов, ослов или ишаков, а таких было много, чтобы привести продовольствие, нанимали их у своих односельчан, и каждая такая поездка обходилась им в 3 рубля. Доставка в горы необходимых для жизни товаров была сопряжена с большими опасностями, так как животные под тяжестью груза часто падали с кручи и гибли, в силу чего горцы лишались даже того небольшого имущества, которое у них было. Завоз хлеба становился еще более затруднительным во время покоса и жатвы, когда каждая минута была дорога. Ситуация усугублялась во время дождей и распутицы.

Горцы нуждались в сообщении с плоскостью и вследствие того, что из-за недостатка сена были вынуждены перегонять свой скот в Кабарду для осенней и весенней пастбы. Лес необходимый жителям горских обществ также рос ближе к плоскости, в горы его доставляли волоком, на ишаках или на себе; со строительством колесных дорог эти колоссальные затраты труда были бы устранены.

Дороги были нужны и местным властям, так как они давали возможность более эффективно управлять и надзирать за населением, а при возникновении социальных конфликтов можно было бы быстро организовать переброску войск в любую точку Балкарии. Таким образом, мы видим, что коренные интересы населения балкарских обществ и местной администрации в данном случае совпали, что и стало залогом успеха в строительстве дорог.

Несмотря на актуальность проблемы, работ, посвященных ей мало. В контексте исследования общих проблем модернизации балкарских обществ о ней упоминается в работах Е. Г. Муратовой [2]. Этой теме посвящено исследование Б. Б. Темукуева, который, проанализировав большое количество архивных документов, попытался выяснить степень истинности обвинений дорожных доверенных и старшины Балкарского общества Анзора Айдаболова в растрате части денег, собранных Балкарским обществом на строительство колесной дороги [3].

В Балкарском обществе во второй половине XIX века были построены две колесные дороги: первая по Суканскому ущелью, от Балкарского общества до селения Верхнее-Кажоково (сел. Жемтала) в 1868-1869 гг., а вторая по ущелью Зылги-Тар, от поселка Чегет-Эль до пос. Кашхатау в 1883-1893 гг.

В феврале 1868 года, понимая значимость дороги, жители Балкарского общества приняли решение на общем сходе провести по своему ущелью дорогу, по которой можно было проехать на арбе. Работу решено было начать весной, после освобождения долины от снега. Идею поддержала администрация Кабардинского округа. На покупку пороха, железа и суточную плату саперам было решено собрать со всего общества 500 рублей. Ответственность за дорожные работы, денежные расходы и контроль над рабочими была возложена на трех человек – Чепело Абаева, Магомета Шаханова и Огурли Баллиева. Дорогу, шириной в 3 сажени ($3 \times 217,6 \text{ см} = 6,553 \text{ м}$), чтобы свободно могли разъехаться две арбы, было решено вести по ущелью Сукан-Тар, от моста на реке Черек, через селение Верхнее-Кажоково до Балкарского общества. На мостах для безопасности было решено сделать перила. За неделю до начала работ условились собрать общество, которое и должно было распределить работу по счетчикам и назначить день выхода на работу, а на тех, кто не выйдет в назначенное им место в срок, было решено наложить штраф в 10 рублей, в пользу рабочих [4, л. 5]. Протяженность дороги от Балкарского общества на плоскость должна была составить 55 верст ($55 \times 1067 \text{ м} = 58,685 \text{ м}$).

Дорожные работы производились весной, летом и осенью 1868 и в 1869 годов. На работы вышло 350 человек. На покупку и ремонт инструмента было потрачено 500 рублей. Саперам, командированным из 2 Кавказского саперного батальона, была назначена плата по 10 копеек в сутки [4, л. 10]. Скот необходимый для рабочих (дойные коровы, козы, рабочие лошади, быки и скот на убой содержались бесплатно на полянах частных собственников Балкарского общества, расположенных вблизи дороги [5, л. 48].

В период с 21 мая по 21 июня 1868 года был разработан участок дороги от местности Кудухурт на берегу Черека до местности Ташлы-Хуру по левому берегу Сукан-Су за исключением нескольких мест, которые требовали небольших исправлений. За это время было построено 9 мостов в 6 аршин шириной ($6 \times 71 \text{ см} = 4,26 \text{ м}$) и 3,5 сажени длиной ($3,5 \times 217,6 \text{ см} = 7,616 \text{ м}$), сделана 1 кладка из камня в 20 сажений длиной ($20 \times 217,6 \text{ см} = 43,52 \text{ м}$) и 2 аршина шириной ($2 \times 71 \text{ см} = 1,42 \text{ м}$). В местности Тайбуча была устроена 1 плотина через рукав, отделяющийся от реки Сукан-Су на расстоянии 7 сажений длины ($7 \times 217,6 \text{ см} = 15,232 \text{ м}$). В лесу расположенном на 8 верст ($8 \times 1067 \text{ м} = 8,536 \text{ м}$), от долины Силпили-Бок-Аул до долины Жем-Тала была проделана просека. На этом участке было разорвано 2798

камней. Дорога была разработана на протяжении 28 верст ($28 \times 1067 \text{ м} = 29,876 \text{ м}$) [4, л. 40-40 об.].

В период с 15 октября до 20 ноября 1868 года на реке Черек был устроен мост в 20 саженой длиной ($20 \times 217,6 \text{ см} = 43,52 \text{ м}$) и в 7 аршин шириной ($7 \times 71 \text{ см} = 4,97 \text{ м}$). К мосту была проложена дорога на 200 саженой ($200 \times 217,6 \text{ см} = 435,20 \text{ м}$). Из трех болот, расположенных в местностях Кузгю-Тюбю и Сукан на протяжении 7 верст ($7 \times 1067 \text{ м} = 7,469 \text{ м}$), 2 были обойдены, а на одном устроен мост в 8 саженой длиной ($8 \times 217,6 \text{ см} = 17,408 \text{ м}$) и 7 аршин шириной ($7 \times 71 \text{ см} = 4,97 \text{ м}$), уложенный каменными плитами, для стока воды была вырыта канава на протяжении 25 саженой ($25 \times 217,6 \text{ см} = 54,40 \text{ м}$). На всей этой местности было разработано 927 камней [4, л. 81].

В период с 15 мая по 10 июля 1869 года была проведена дорога до местности Курноят-Сырт, немного выше местности Чере на 10 верст ($10 \times 1067 \text{ м} = 10,670 \text{ м}$). Однако в этот период вследствие сильных дождей от прилива воды было снесено 3 моста: один на реке Черек и два на реке Сукан-Су, а также на расстоянии 70 саженой ($70 \times 217,6 \text{ см} = 152,32 \text{ м}$) около леса по местности Кулдур-Тюкю была совершенно смыта дорога [4, л. 123].

В последующем балкарцам очень часто приходилось исправлять сделанные водой повреждения: мосты восстанавливали, а дорогу ремонтировали.

Таким образом, в 1868 – 1869 гг. дорога была разработана от Черекского моста до долины Зына на 45 верст, была построена 1 плотина, 11 мостов, проделана просека в лесу на 8 верст, разорвано 3725 камней.

На строительство дорог в четырех горских обществах: Балкарском, Чегемском, Безенгиевском и Хуламском правительство выделило 2000 руб. [4, л. 62]. По 500 руб. на каждое общество. Эта сумма была очень мала даже в сравнении с той суммой, которая была затрачена на продовольствие 350 рабочих в первый месяц строительства дороги в Балкарском обществе. В сутки на 10 рабочих жителями общества выделялся 1 баран и 30 фунтов ($30 \times 0,409 \text{ кг} = 12,27 \text{ кг}$) хлеба [4, л. 39]. При самой низкой стоимости барана в 2 руб. при продаже шкуры, пуда хлеба в 90 коп. продовольствие 350 рабочих в сутки обходилось обществу в 93 руб. 62 коп. Соответственно продовольствие 350 рабочих в течение 30 дней обошлось в 2808 руб. 6 коп.

После 1869 года дороги в горских обществах перестали строиться, так как новое начальство в лице начальника Кабардинского округа полковника Ф.П. Вояковского посчитало строительство дорог очень затратным делом, не оправдывающим вложенных в него сил и средств. Эта ситуация изменилась лишь в 1883 году, когда новый начальник Нальчикского округа подполковник В. А. Бреккер стал активно призывать население

Пяти горских обществ, приступить к строительству колесных дорог, но за счет своих сил и средств.

13 декабря 1883 года на общественном сходе Балкарского общества (320 человек), было решено построить колесную дорогу, но уже по ущелью Зылгы-Тар, параллельно течению реки Черек Балкарский. Это решение было обусловлено тем, что прежняя дорога по Суканскому ущелью шла через перевал Сукан-Ыфцык, была узка и имела крайне крутые и опасные спуски, и поэтому была неудобна для проезда [6, л. 26]. На решение повлияла и протяженность новой дороги, которая составляла всего 15 верст и была короче старой на 40 верст.

Дорогу было решено начать строить весной 1884 года, для чего общество должно было собрать 500 рублей, и выделить 500 человек, которые должны были находиться на довольствии общества и работать на дороге до ее окончания [5, л. 4].

По указанию начальника округа В. А. Бреккера в Балкарском обществе было сформированы 22 партии рабочих, в 21 из которых было по 25 человек, а в последней 23 человека. В каждой партии было по 1 кузнецу и 1 руководителю. Всего было 548 рабочих. Для изготовления инструментов: ломов, кирок, топоров, лопат, носилок, администрация выделила необходимое железо и сталь.

Для контроля, за ходом строительства дороги была сформирована комиссия, в которую вошли представители Балкарского общества: Асламурза Абаев, Георги Кюйгенов и Умар Темукуев, ставшие официально дорожными доверенными, взявшими на себя всю ответственность за ход ее строительства.

Однако вскоре от концепции строительства дороги по ущелью Зылгы-Тар своими силами было решено отказаться. На это решение повлияли дорожные мастера и подрядчики из Осетии, которые в присутствии начальника округа В.А. Бреккера, старшины Балкарского общества Хамурзы Шаханова, дорожных доверенных и судьи Адиля Мисакова, предложили новый проект по разработке ими горной дороги. Его суть заключалась в том, что они брали на себя всю работу, без помощи общества, оценив стоимость прокладки дороги в 28 – 30 тыс. руб. при их рабочих и долотах, исключая порох, который для взрывов должно было предоставить общество. Все работы по строительству дороги они обязывались окончить к 1 января 1885 года [5, л. 26-28].

Обдумав это предложение жители Балкарского общества и поселка Кашхатау, до которого решено было вести дорогу, на общем сходе 11 мая 1884 года выбрали из своей среды дорожных доверенных: Хаджи Асламурзу Абаева, Геурги Кюйгенова и Умара Темукуева, которым предоставили право нанять по своему усмотрению дорожных мастеров-подрядчиков для проведения дороги и заключить с ними условия [5, л. 50].

18 мая 1884 года дорожные доверенные в присутствии начальника округа вошли в предварительное соглашение с двумя подрядчиками из Осетии, которые взяли на себя строительство дороги, шириною не менее 6 аршин, с уклонами, допускающими свободное колесное сообщение, и с устройством в необходимых местах парапетов из камня сухой кладки. За всю работу на протяжении более 15 верст, из которых от 2 до 3 верст дорога должна была проходить по скале, подрядчики согласились получить 40 тыс. рублей и нужное количество пороха, а также необходимый для работы инструмент для того чтобы сразу начать работы теперь же и окончить их летом 1885 года [5, л. 35].

Для выполнения взятого обязательства дорожными доверенными, была проведена раскладка общей суммы по дворам. Получилась довольно серьезная сумма от 86 до 100 рублей, которой у большинства жителей общества не было.

Помимо этого, необходимо было закупить необходимый порох и инструмент. В этой ситуации дорожные доверенные обратились к начальнику округа с просьбой о финансовой помощи для приобретения 400 пудов пороха, по казенной цене, а также железа и стали для изготовления инструментов.

Начальник округа направил прошение начальнику Терской области генерал-майору Е.К. Юрковскому, который поддержал его и, направил письмо Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанту А.М. Дондукову-Корсакову с ходатайством о выдаче Балкарскому обществу средств для покупки 400 пудов пороха и необходимого количества железа и стали в сумме 9 тысяч рублей [7, л. 4-5]. Однако в Управлении гражданской частью ссылаясь на то, что это дорога не представляет для казны никакого значения в лесохозяйственном отношении, в пособии от казны отказали.

В марте 1885 года Кавказский военно-окружной совет, после неоднократных обращений к администрации, принял решение отпустить Балкарскому обществу порох по частной цене. Но покупать порох по частной цене, за неимением средств, Балкарское общество отказалось. После настойчивых просьб администрации Терской области, в марте 1886 года, военный совет Кавказского военного округа принял новое решение, о безвозмездном отпуске Балкарскому обществу 193 пудов пороха от разрядки патронов, подлежащих затоплению, и по казенной цене 207 пудов, находящегося на складе староружейного пороха, а в том случае, если порох от разрядки патронов общество принять не пожелает, то все 400 пудов староружейного пороха было решено отпустить по казенной цене с рассрочкой в обоих случаях уплаты денег за староружейный порох на 3 года [3, 135].

Так как покупать порох по казенной цене, общество также было не в

состоянии, то начальник Нальчикского округа 2 сентября 1886 года обратился с ходатайством к начальнику Терской области об отпуске ему 300 пудов пороха из Георгиевского артиллерийского склада безвозмездно [7, л. 52]. После обсуждения этого ходатайства кабинетом министров в феврале 1887 года, оно было удовлетворено. Балкарскому обществу, сверх отпущенных ему 193 пудов пороха, было выдано еще 300 пудов безвозмездно.

21 мая 1887 года был подписан контракт о строительстве колесной дороги с гор на плоскость между подрядчиком, владикавказским греческим купцом второй гильдии Харлампием Панайотовичем Муратандовым и доверенными от Балкарского общества Хаджи Асламурзой Абаевым, Георги Кюйгеновым, Умаром Темукуевым, прапорщиком Кургоко Абаевым и Шаухалом Шахановым. По условиям контракта Х.П. Муратандов обязался построить дорогу по правую сторону реки Черек, начиная от поселка Тюбен-Чегет, около дома Жилкибаева, до поляны под названием Бабугент. Дорога должна была иметь на всем ее протяжении не менее 2-х сажень ширины, а подъем не ниже чем от 1/12 до 1/14 сажени. Указанные работы Х.П. Муратандов обязался выполнить в течение 4-х лет, за что Балкарское общество обязывалось выплатить ему за работу 40 тыс. руб. серебром и кроме того давать по 4 рабочих с каждого двора, т. е. 2000 человек, на один день при разработке части дороги, от речки Шыннан-Суу, до дома Жилкибаевых, по его требованию, но только не во время полевых работ. Общество обязывалось дать 493 пуда пороха, для разрыва скал, но если этого пороха не хватит Х.П. Муратандов обязывался производить работы своим порохом, не останавливая работ. Порох должен был быть доставлен на место работ обществом. Указанные 40 тысяч рублей общество уплачивало Х.П. Муратандову следующим образом: при подписании договора – 2 тысячи рублей и через два месяца 3 тысячи рублей. Эти 5 тысяч считались задатком. Затем каждые 6 месяцев Х.П. Муратандов получал по 5 тысяч рублей, а последние 5 тысяч рублей в конце 4-го года по окончании и сдачи обществу дороги. В обеспечение задатка в 5 тысяч рублей, Х.П. Муратандов выдавал Балкарскому обществу в залог недвижимое имущество на сумму не ниже 5 тысяч рублей. Общество обязано было освободить залог только в том случае, если произведенные им работы превысят стоимость 10 тысяч рублей. К работе он должен был приступить не позже 15 июня 1887 года, причем условленные 3 тысячи рублей он не получал, если в указанный срок не приступал к работам. Общество обязано было уведомить Х. П. Муратандова о том, что порох готов и к началу работ препятствий не имеется.

По окончанию работ общество обязывалось принять дорогу через комиссию, составленную из лиц Балкарского общества совместно с начальником округа. При нарушении договора Х. П. Муратандов обязан был в двойном размере возвратить обществу полученные до того време-

ни деньги, если же договор нарушался обществом, то оно было обязано уплатить Муратандову также в двойном размере, ту сумму, которая была ему выдана. При подписании договора, Х. П. Муратандов на имя общества выписал вексель на 2 тысячи рублей, который служил обществу, обеспечением полученных в задаток 2 тысяч рублей и мог быть представлен к взысканию только в том случае, если Х. П. Муратандов не приступит в условленный срок к работам или остановит их, не произведя на эту сумму работ [8, 146-149]. Как видим, представители Балкарского общества крайне осторожно подошли к подписанию финансовых обязательств, боясь, что подрядчик не выполнит взятых обязательств. Такой подход был оправдан, поскольку случаи нарушения договора были частым делом в области.

Во время строительства дороги рабочие возвели 3 моста, получившие названия Гамар-Кепюр, Орта-Кепюр и Гыры-Кепюр, 2 полутоннеля и израсходовали 1293 пуда пороха. На эти работы было затрачено в три раза больше пороха, чем предполагалось. Эти 1293 пуда пороха были получены Балкарским обществом в 4 приема. Первая партия в 193 пуда была получена – 7 ноября 1886 года, вторая партия в 300 пудов – 12 мая 1888 года, третья партия в 500 пудов – 23 июля 1890 года, четвертая партия в 300 пудов – 25 июня 1892 года. Стоимость пороха по казенной цене составляла 13 руб. 74 коп. за пуд [3, 242]. Если бы общество закупала порох по казенной цене на свои средства, то его расходы составили бы 17765 руб. 82 коп.

В свою очередь, сбор денег на строительство дороги производился по 9 раскладкам общей суммы. Первая из них была произведена в конце 1886 – начале 1887 гг.; вторая не позже 21 июня 1887 года, третья до 21 января 1888 года; четвертая до 21 июля 1888 года; пятая до 21 января 1889 года; шестая до 21 июля 1889 года; седьмая до 21 января 1890 года; восьмая до 21 июля 1890 года; девятая, заключительная до 15 июня 1891 года. Итоговая сумма, затраченная на проведение дороги несколько превысила первоначальные 40 тыс. руб. и составила 41 тыс. 862 руб. 60 коп.

Не смотря на то, что на строительство дороги были затрачены неимоверные силы и средства, сдать ее в четырехлетний срок подрядчик не смог. Дорога была сдана в эксплуатацию 5 июня 1893 года в торжественной обстановке в присутствии начальника Терской области и гостей из Кабарды с совершением торжественного молебна о здравии и долголетье монарха и всего царствующего семейства [9, л. 287].

Несмотря на то, что дорога имела небольшие уклоны, она была вполне пригодна для колесного сообщения. С проведением дороги многие балкарцы смогли обзавестись не только арбами, но и европейскими экипажами [10, 191].

Таким образом, построенные дороги способствовали ликвидации экономической замкнутости балкарских обществ. Несмотря на то, что

строительство колесных дорог было связано со многими материальными издержками и легло тяжелым бременем на жителей горских обществ, дороги были им жизненно необходимы. Они стали артериями, которые обеспечивали проникновение товарно-денежных отношений в горские общества, способствовали повышению материального благосостояния горцев, давали возможность балкарцам не только приобретать необходимое для жизни на плоскости, но и вывозить на плоскость для продажи или обмена свою продукцию, что способствовало росту ремесленного производства. В горских обществах были открыты лавки с товаром, в которых продавались товары из центральной России и соседних губерний.

1. Кузьминов П.А. Образование Терской области в 1860 г. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир, 2002. С. 61–64.

2. Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. 420 с; Муратова Е. Г. Балкарские общества на пути от традиций к современности (XVII – начало XX в). Нальчик: Каб.-Балк. Ун-т, 2012. 157 с.

3. Темукуев Б. Б. Балкарская общественная колесная дорога. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. 672 с.

4. Центральный государственный архив КБР (далее ЦГА КБР) Ф. И.-2. Оп. 1. Д. 244.

5. ЦГА КБР Ф. И.-6. Оп. 1. Д. 33. Т. 1.

6. ЦГА КБР Ф. И.-6. Оп. 1. Д. 246.

7. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее ЦГА РСО-Алания) Ф. 270. Оп. 62. Д. 1999.

8. Документы по истории Балкарии 40-90 гг. XIX в. / Сост. Е. О. Крикунова. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. 264 с.

9. ЦГА КБР Ф. И.-6. Оп. 1. Д. 33. Т. 2.

10. Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 152-216.

Н.А. Баззаев,
аспирант СОГУ им. КЛ. Хетагурова
(г. Владикавказ)

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЮГО-ОСЕТИНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1922-1928 гг.

В статье рассмотрено развитие сельскохозяйственной отрасли экономики Юго-Осетинской автономной области в 1920-е годы. Проанализированы основные его детерминанты – политические решения советских и партийных органов в аграрной сфере. Выделены основные характеристики развития сельского хозяйства Юго-Осетинской области в рассматриваемый период – состояние сельскохозяйственной кооперации, результаты землеустроительных работ, осуществляемых в контексте радикального перераспределения земельной собственности, формирование коллективных хозяйств, показатели в основных отраслях сельскохозяйственного производства. Сделан вывод о том, что осуществление аграрной политики в области в 1920-е годы способствовало некоторому оживлению сельскохозяйственного развития, однако Югоосетинская автономная область по основным показателям сельского хозяйства к началу 1930-х годов оставалась наиболее отсталым регионом в составе Грузинской ССР. Это обстоятельство было обусловлено, в первую очередь, отсутствием организационной, материальной и кадровой базы.

Ключевые слова: аграрная политика Юго-Осетинской автономной области, 1920-е годы, сельскохозяйственная кооперация, землеустроительные работы, сельскохозяйственное производство.

The article describes the development of the agricultural sector of the economy of the South Ossetian Autonomous Region in the 1920s. Its main determinants – the political insight of the Soviet and party organs in the agrarian sphere are analyzed. The main characteristics of the development of agriculture in the South Ossetian region in the period under review are highlighted, e. i. the state of agricultural cooperation, the results of land surveying carried out in the context of a radical redistribution of land ownership, the formation of collective farms, indicators in the main branches of agricultural production. We came to a conclusion that the implementation of the agrarian policy in the region in the 1920s contributed to a slight revival of agricultural development, but the South Ossetian autonomous Region in the main indicators of agriculture by the beginning of 1930s remained the most backward region in the Georgian SSR. This circumstance was due, first of all, to the lack of organizational, material and staffing basis.

Keywords: agrarian policy of the South Ossetian Autonomous Region in the 1920s, agricultural cooperation, land management, agricultural production.

Состояние и развитие сельского хозяйства в Юго-Осетинской области в рассматриваемый период определялось, в первую очередь, концепцией, реализуемой большевистской партией и советским правительством аграрной политики. 1920-е годы были уникальным периодом развития советской государственности, поскольку именно в это время под влиянием итогов острого гражданского противостояния партийным руководством с целью восстановления потенциала сельскохозяйственной отрасли реализовывались мероприятия, основанные как на традиционных теоретических подходах к социалистическому переустройству сельского хозяйства, так и специфических представлениях В.И. Ленина о необходимой социально-экономической политике, которые в исторической науке получили наименование «новая экономическая политика».

В этой связи с начала 1920-х годов в качестве долгосрочной программы большевистской партии в аграрном вопросе сложился так называемый ленинский кооперативный план, в соответствии с которым наиболее оптимальным путем перехода крестьян к социалистическому хозяйству провозглашалась кооперация. Построение социализма в сельском хозяйстве, которое должно было занять длительное время, рассматривалось развитие всех видов кооперации и постепенный переход от ее «низших» форм (потребительских, кредитных и «простейших» производственных кооперативов) к «высшим» (колхозам). Обязательным условием данного процесса называлась добровольность. Крестьяне на собственном опыте должны были убедиться в преимуществах крупного общественного хозяйства.

Вышеуказанные теоретические установки определили универсальные характеристики содержания нормативно-правового регулирования аграрной политики отдельных частей советского федеративного государства. Так, программный документ, определяющий сущность аграрной политики в Грузинской ССР, а именно декрет Революционного комитета Грузинской ССР о национализации земли, принятый 6 апреля 1921 г. определял следующие установки ее реализации:

- отмену частной собственности на землю и предоставление земельного фонда в общественное достояние;
- осуществление конфискации частных земель в государственный общедоступный фонд за исключением земельных владений мелких и средних собственников земельными комитетами с преобладающим составом мелких и средних крестьян-собственников, органами Народного комиссариата земледелия, а также Советами крестьянских депутатов соответствующих уровней;
- регламентацию личной собственности на небольшие усадебные земельные участки;
- установление совместного контроля за процессом распределения земельных владений со стороны Советов крестьянских депутатов и революционных комитетов;

- передачу крупных земельных участков с высококультурными хозяйствами государству с целью формирования на их основе показательно-образцовых хозяйств;

- предоставление исключительных организационно-финансовых мер поддержки первичным формам коллективного крестьянского хозяйствования (коммунам и артелям) с преобладанием мелких крестьянских собственников;

- предоставление права пользования землей и, соответственно, земельного участка любому гражданину советской грузинской республики, изъявившему желание заниматься сельскохозяйственным производительным трудом по определенной трудовой норме;

- предоставление права на имущественную поддержку лицам, пострадавшим от имущественного переворота, проявляющим желание заниматься сельскохозяйственным производительным трудом на период приспособления к новым социально-экономическим условиям [1, 195].

Таким образом, декларируемые принципы аграрной политики Грузинской Советской республики определяли двуединую цель. Во-первых, должны были содействовать укреплению имущественного положения мелких и средних крестьянских собственников, а во-вторых, создавать практические условия для постепенного становления и развития коллективных крестьянских хозяйств в форме первичной кооперации, которые должны были рассматриваться в определенной перспективе в качестве альтернативы эволюции единоличной крестьянской собственности.

Следует отметить, что осуществление указанных аграрных реформ в Южной Осетии происходило достаточно быстрыми темпами. Так, уже в феврале 1923 г. на территории области было создано 86 земельных комитетов – главных проводников реформ [1, 200]. В результате уже к маю 1923 г. в области в целом было завершено принудительное перераспределение земельных участков, крестьянам было роздано 1526, 5 пахотной земли, 43 десятины садов и виноградников было оставлено за Наркомземом Юго-Осетии для организации культурно-показательных хозяйств [1, 202].

Вместе с тем данные официальной статистики свидетельствуют о том, что радикальные реформы в аграрной сфере, проведенные в начале 1920-х годов в Юго-Осетинской области имели достаточно ограниченный и противоречивый эффект. Проводимая в 1920-е годы в области аграрная политика позволяет выделить следующие основные показатели сельскохозяйственного развития Южной Осетии в рассматриваемый период:

- состояние земельного фонда и объемы землепользования крестьян региона после проведения землеустроительных работ в результате ликвидации частной собственности на землю;

- состояние сельскохозяйственной кооперации;
- характеристики процесса формирования коллективной сельскохозяйственной собственности;
- количественные показатели в отдельных отраслях сельскохозяйственного производства.

Проанализируем эти показатели подробно.

В первую очередь, необходимо отметить, что в силу исходной скудности пахотного фонда земель Южной Осетии проблема крестьянского малоземелья была решена лишь частично. Пагубное влияние оказали и стихийные бедствия 1922-1923 гг., связанные с массовыми оползнями, в результате которых масса крестьян лишилась усадебных мест для постройки новых сел. В этой связи первоочередной задачей являлась организация деятельности по распределению имеющейся земли силами профессиональных землемеров с целью обеспечения эффективной переселенческой политики. Однако, имеющегося количества землемеров, по сведениям областных земельных комитетов, было явно недостаточно для достижения эффективных результатов. В силу данного обстоятельства решение проблемы малоземелья в области напрямую зависело от выделения областными органами власти финансовых средств для оплаты услуг землемеров [2, л.10]. Следует отметить, что вплоть до конца 1920-х гг. ощущался значительный дефицит финансового обеспечения этой деятельности.

Помимо улучшения земельного довольствия крестьян в качестве еще одного фактора обеспечения поступательного развития сельского хозяйства в Юго-Осетинской области в 1920-е годы рассматривалось кооперативное строительство, которое определялось в качестве фундамента формирования коллективных крестьянских хозяйств.

В течение 1922-1923 гг. под непосредственным руководством партийных органов в области было создано два крупных кооператива – Союз сельскохозяйственных кооперативов Южной Осетии (Юго-Сельхоз) и Единый рабочий кооператив (Еркооп). К ноябрю 1922 г. Еркооп стал успешно выполнять государственные задания по заготовкам сельскохозяйственной продукции, производя до 10000 пудов зерна, до 20000 пудов фруктов, картофеля, молочной продукции, капусты до 2000 пудов. Однако в этот период времени Еркооп не имел возможности составлять конкуренцию мелким торговцам на рынке, в связи с чем, по мнению его председателя, настоятельно требовалась финансовая поддержка организации со стороны государства [1, 198]. Союз сельскохозяйственных кооперативов Южной Осетии на начальном этапе своего развития представлял собой еще более слабую в финансовом отношении организацию. В 1923 г. его паевой капитал составлял всего 68 рублей, в связи с чем деятельность кооператива была рассчитана исключительно на выдачу краткосрочных кредитов,

которые не могли в полной мере удовлетворить нужды крестьян области. По официальному мнению местного ЦИКа, без достаточного субсидирования деятельность кооперативов не может являться рентабельной и даже в условиях ограниченных рыночных отношений не имеет перспектив для поступательного развития [3, л. 538-542]. В условиях отсутствия необходимых материальных ресурсов единственным решением данной проблемы являлось принудительное расширение объемов уставного капитала кооперативов путем привлечения паев отдельных крестьян, совершаемое административными методами.

Такая политика дала определенные результаты. К 1925 г. в Южной Осетии в структуре Союза сельскохозяйственных кооперативов функционировало 8 сельскохозяйственных товариществ, деятельность которых способствовала интенсификации сельскохозяйственного производства. В частности, было организовано семенное хозяйство в Цхинвале, племенной рассадник свиней белой крупной английской породы, заготовлено 2000 пудов шерсти [4]. В ноябре 1925 г. в автономной области функционировало уже 13 кооперативных организаций различной направленности – 8 сельскохозяйственных товариществ, 2 потребительских общества и 2 кредитных общества. Однако, с экономической точки зрения, эти организации не имели существенного влияния – их совокупный торговый оборот составил лишь 71000 рублей – незначительную часть всего торгового оборота Юго-Осетинской автономной области [5].

К 1 марта 1926 г., несмотря на усилия администрации и партийных органов, в состав сельскохозяйственных кооперативов вошло чуть более 7 % всех крестьянских хозяйств области. Несмотря на скромные результаты вовлечения крестьян в сельскохозяйственную кооперацию, в структуре Союза сельскохозяйственных кооперативов Южной Осетии к этому времени функционировало огородно-семенное и образцовое свиное хозяйства, а его торговый оборот составил 150000 руб. [1, 229] Другими словами, наблюдалась позитивная динамика одного из основных показателей экономической деятельности.

Статистические данные высших партийных органов автономной области свидетельствуют о том, что к 1928 г. Союз сельскохозяйственных кооперативов имел в Юго-Осетинской области 8 районных отделений, объединяющих 5823 члена и имеющих годовой оборот 500000 руб. [1, 277]. Как видим, кооперативное строительство в Юго-Осетинской области в 1920-е годы, несмотря на все сложности, имело позитивную динамику развития. Это позволило создать в 1928 году в области сельскохозяйственный трест с 4 совхозами [6, л.6-16].

Состояние сельскохозяйственного производства в Южной Осетии в рассматриваемый период характеризовалось следующими показателями:

– в области наблюдалась выраженная спецификация сельскохозяйственного производства, в связи с чем выделялось два района – с преобладанием полеводства, садоводства, виноградарства и скотоводства. В структуре земельных угодьев преобладали леса и сады (более 295000 десятин), сельскохозяйственная площадь составляла лишь 62000 десятин. Данное обстоятельство следует рассматривать в качестве объективного фактора сохранения в области крестьянского малоземелья;

– очевидным препятствием для развития сельскохозяйственного производства являлся примитивный характер используемого крестьянами инвентаря – основным орудием труда оставалась деревянная соха, незначительное количество плугов находилось в неудовлетворительном техническом состоянии. При этом, несмотря на все усилия областного Наркомзема по обеспечению технического перевооружения путем закупки и поставки современных плугов, данная проблема не была полностью решена [7, л.1-12];

– в области не могло быть организовано интенсивное сельскохозяйственное производство главным образом по причине нехватки квалифицированных кадров не только землемеров, но и агрономов. В 1927 г. штат агрономического персонала областного Наркомзема состоял всего из 4 агрономов и 7 инструкторов. [8, л.38-40]

Влияние отмеченных негативных факторов определило негативную тенденцию сельскохозяйственного производства Южной Осетии. К 1929 году оно имело дефицит в размере 35 % зерновых хлебов, в скотоводческой отрасли имелось ярко выраженное преобладание непродуктивного скота [8, л. 38-40].

Итак, резюмируя анализ состояния сельского хозяйства Юго-Осетинской автономной области в 1920-е годы, следует отметить, что, несмотря на некоторые позитивные сдвиги, выраженные, в первую очередь, в позитивной динамике функционирования кооперативных коллективных хозяйств, данная отрасль оставалась на низком уровне своего развития. Виной тому были изначально неблагоприятные условия развития сельского хозяйства, главными из которых являлось традиционное для региона и не преодоленное в результате осуществления аграрных реформ, крестьянское малоземелье, слабая материально-техническая вооруженность, а также отсутствие необходимого финансирования мер, направленных на интенсификацию сельскохозяйственного производства.

1. Восстановление и развитие народного хозяйства Юго-Осетии: Сб. документов и материалов, Т.1:1921-1929 гг. Сталинир, 1960 – 561с.
2. Центральный Государственный архив РЮО (ЦГА РЮО). Ф. 4. Д. 25. Л. 10.
3. ЦГА РЮО Ф.4. Д. 31. Л. 538-542.
4. Газета Заря Востока. 3 июля 1925 г.
5. Газета Заря Востока. 12 ноября 1925 г.
6. ЦГА РЮО. Ф. 4. Д. 244. ЛЛ 6-16.
7. ЦГА РЮО. Ф. 7. Д. 6 ЛЛ 1-12.
8. ЦГА РЮО. Ф. 4. Д. 135а. ЛЛ 38-40.

**Р.С. Гуртуев,
аспирант РАНХиГС
(г. Пятигорск)**

**ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА СТРОИТЕЛЬСТВА
БАКСАНСКОЙ ГЭС НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА КАБАРДИНО-
БАЛКАРСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА 27 ФЕВРАЛЯ 1927 ГОДА**

Статья вводит в научный оборот стенограмму заседания Кабардино-Балкарского облисполкома, на котором обсуждался окончательный вариант плана строительства Баксанской ГЭС. Документ интересен тем, что подробно исследует историю освоения гидроресурсов одного из районов Северного Кавказа и формирования общих подходов к рациональному использованию имеющихся минеральных запасов и рабочей силы региона, подготовки его индустриализации. Обсуждение доклада позволяет исследователю понять истоки тех или иных решений, общую обстановку в Северо-Кавказском крае в момент перехода от НЭПа к форсированной индустриализации.

Ключевые слова: ГОЭЛРО, электрификация, индустриализация, БаксанГЭС, Баксанстрой, кабардинцы, балкарцы, Калмыков, Покшишевский, КБАО.

The article introduces into scientific discourse the transcript of the meeting of the Kabardino-Balkarian Oblast Executive Committee, which discussed the final version of the construction plan of the Baksan Hydroelectric Power Station. The document is interesting in that it explores in detail the history of the development of water resources in one of the regions of the North Caucasus and the formation of common approaches to the rational use of existing mineral reserves and the workforce of the region, and the preparation for its industrialization. Discussion of the report allows the researcher to understand the origins of certain decisions, the general situation in the North Caucasus region at the time of the transition from the NEP (New Economic Policy) to forced industrialization.

Keywords: GOELRO (State Commission for Electrification of Russia), electrification, industrialization, Baksan Hydroelectric Power Station, Baksanstroy, Kabardins, Balkars, Kalmykov, Poksishevsky, Kabardino Balkar Autonomous Region.

История электрификации Северного Кавказа в 20-30 годы прошлого века является достаточно изученной темой. Являясь одной из важнейших составных частей общей индустриализации СССР, электрификация регионов изучалась вместе с ней. Если же энергетика рассматривалась отдель-

но, то в контексте единого хозяйственного комплекса всей страны.

Конкретным вопросам электрификации Северного Кавказа посвящено несколько работ. Это кандидатская диссертация и изданная на ее основе книга Р.И. Цориева «Электрификация горного края» [1]. В ней рассматриваются предпосылки, ход и результаты строительства электроэнергетической базы промышленности региона в указанный период. Проблемы строительства электростанций в контексте подготовки индустриализации края освещены в работах Х.Т. Медалиева [2] и др. [3].

В представленной статье автор вводит в научный оборот документ, имеющий принципиальное значение в реализации проекта ГОЭРЛО на Северном Кавказе: стенограмму заседания президиума Кабардино-Балкарского областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 27 февраля 1927 года, посвящённое обсуждению доклада инженера Покшишевского о строительстве Баксанской ГРЭС. Покшишевский являлся членом Электросовета при Северо-Кавказском крайисполкоме и представлял подготовленное этим органом обоснование строительства Баксанской электростанции. Документ интересен тем, что в нем собраны материалы об электрификации региона в предшествующие годы, ходе обсуждения проектов строительства ГЭС на Малке и Баксане, и причинах выбора именно Баксана.

После одобрения доклада Покшишевского, этот документ был вынесен на обсуждение VI съезда Советов КБАО, проходившего 12–19 марта 1927 года и принят, став основанием для полноценной подготовки строительства важнейшего энергетического объекта северокавказского региона.

Электроэнергетическое строительство в крае, в том числе и КБАО, развивалось в русле реализации Государственного плана электрификации России (ГОЭЛРО), принятого 22 декабря 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов.

По данным П. Журида, силовое хозяйство края находилось в состоянии чрезвычайной изношенности. Высокая стоимость энергии ложилась тяжелым накладным расходом на себестоимость продукции. Электроснабжение городов было в катастрофическом состоянии. Многие города побили рекорд дороговизны электроэнергии. Хозяйство требовало срочных мероприятий, и на смену десяткам проектов сооружения ряда мелких, малорентабельных электростанций, реформа принесла общекрайевой план электрификации. Рентабельность намеченных планом крупных электростанций и обеспеченность энергии организованным потребителям дали основание центру утвердить план электрификации края и включить ряд его работ в перечень первоочередного строительства. В результате, в крае второй год уже ведется постройка мощной электростанции на руднике «Артем», в текущем году предполагается приступить к постройке гидроэлектростанций на Гизель-Доне и Баксане и тепловых в Краснодаре и Ново-

российске, с последующей увязкой всех перечисленных станций в одну общую электросистему [4, 238].

В докладе Покшишевского приведены сведения о том, что в 1911 году при проектировании строительства второй колеи Минераловодской железной дороги вопрос о строительстве гидроэлектростанций уже ставился и серьезно прорабатывался. «Когда была решена постройка второй колеи Минераловодской линии, (а она окончилась в 1913 году) ... был одновременно поставлен вопрос об электрификации дороги.... Первый проект использования водной энергии в варианте Баксан – Хулам, был представлен в 11-м году инженером Лапушинским, который пришел к выводу, что и водная энергия, и топливная энергия вообще не выгодны. Тогда Правление железной дороги выразило принципиальное недоверие этому решению, объяснявшееся тем, что проект делался сторонником паровозной тяги и передало проект на рассмотрение электро-водной комиссии» [5, л. 1].

Электро-водная комиссия привлекла к исследованию вопроса крупнейших российских ученых во главе с Г.О. Графтио – одним из будущих вдохновителей и разработчиков плана ГОЭЛРО. Эта группа изучила и одобрила второй вариант, согласно которому гидроэлектростанция «настолько выгодна, что электрификационный заем, сделанный в Бельгии на 50 лет из 3%, погашался от экономии от электрификации в 7 лет» [5, л. 2]. При этом докладчик особо выделил тот факт, что дореволюционные изыскания предполагали строительство строго ведомственной электростанции, которая обслуживала бы исключительно железную дорогу. Для того времени такой вариант был экономически выгоден.

Идеи электрификации транспорта и использования для этого тепловых станций и энергии воды на Юге России к тому времени уже активно воплощались в жизнь. В Краснодаре уже существовали относительно крупные электростанции, одна из которых – тепловая – питала городской электрический трамвай, а другая – гидравлическая – обеспечивала энергией крупнейший в Европе элеватор [1, 22]. С 1903 года электрический трамвай работал в г. Владикавказе, и для его работы была построена тепловая электростанция. Мощные электростанции работали в районе Ростовского-на-Дону промышленного узла. Они обеспечивали работу крупных предприятий тяжелой промышленности [1, 17].

В 1903 году для обеспечения энергией Пятигорского трамвая была запущена гидравлическая электростанция в Пятигорске, которая с 1911 года получила название «Белый уголь». В 1913 году здесь была построена Пятигорская тепловая станция, и впервые опробована параллельная работа двух электростанций под руководством профессора М.А. Шателена и начальника электроотдела Управления Кавминвод инженера Е.Н. Кутейникова [6, 15].

В духе времени, инженер Покшишевский на заседании президиума облисполкома четко разделил подходы к строительству станции в царское время и советское. В отличие от узковедомственного подхода в капиталистической системе, строительство той же самой станции, по примерно тому же проекту, на том же месте обосновывается задачами создания единого общегосударственного экономического комплекса при социалистической форме хозяйствования. Органичной частью этого комплекса должен был стать Кабардино-Балкарский экономический район, энергетической основой которого должна была стать Баксанская государственная районная электростанция. «Баксан, как районная станция, должна, – подчеркнул докладчик, – в своем районе решить все вопросы энергетики, какие потребуются на ближайшие 15-20 лет... У меня складывается мнение, что для Кабарды и Балкарии Баксан является национальной станцией, которая в полном смысле этого слова, будет участвовать в истории кабардинской промышленности, ибо индустриализация Кабарды и Балкарии невозможна без дешевой энергии, ведь Кабарда и Балкария имеет подвозное топливо и весь экономический эффект может базироваться на сырьевых базах и очень дешевой энергии» [5, л. 4].

Докладчик ставил вопрос о развитии энергетической базы в тесной увязке с развитием промышленности в Кабардино-Балкарии, интенсификации сельскохозяйственного производства путем внедрения машинного обеспечения всех видов сельхозработ. Это был, на наш взгляд, действительно государственный подход к решению проблемы индустриализации отсталого в промышленном отношении края. В отличие от уже существовавших на тот момент Акбашской, Нальчикской и ряда других мелких электростанций на оросительных каналах, которые в основном работали на освещение улиц и домов, Баксанская изначально проектировалась для снабжения промышленных предприятий и крупного транспортного узла Кавказских Минеральных Вод.

Подчеркнем, что еще в 1924 году в перспективном плане работы земельного управления КБАО цели электрификации области определялись совершенно по-иному: «В современных экономических условиях нашей области устройство гидроэлектрических станций можно предполагать только простейшего типа с сельскохозяйственной целью и освещения селений» [7, л. 16]. Теперь же, Баксанской станции, кроме всего прочего, придавалась и значительная социальная роль. «В Кабарде мы имеем дело, – заострил внимание присутствующих, – Покшишевский, с созданием новой промышленности. Не электрификация существующей, а одновременно с постройкой станции создание новых предприятий, новой промышленности, которая должна играть в истории Кабардино-Балкарской Области решающую роль, изменит темп и тон жизни,

сформирует национальный пролетариат и все благоприятные условия для материального расцвета всего района. Поэтому в нашем плане вопросы промышленности играют доминирующую роль, поэтому и был выработан специальный промплан для районного Баксанстроя, в котором проработаны все новые нагрузки, промплан неоднократно докладывался на различных форумах, он утвержден здесь и утвержден Терским округом, он является базой, которая оправдывает строительство Баксанстроя [5, л. 5-6].

Упомянутый промышленный план был согласован на уровне автономной области и Северо-Кавказского края и включал в себя строительство ряда предприятий, которые должны были сделать столицей автономии город Нальчик крупным центром промышленности. Среди запланированных к постройке значились шпагатная фабрика, крупная мельница (уже строилась в это время), новая «мельница канадской муки на 1 300 000 пудов» [2, л. 6], расширение деревообделочных предприятий, консервное предприятие, элеватор и трамвай. Предполагалось строительство в районе ст. Котляревской хлопчатобумажной мануфактуры, в районе Баксана фабрики кавказских сукон и мельницы. Снабжение энергией Минераловодской ветки Северо-Кавказской железной дороги Покшишевский признавал маловыгодным мероприятием, потому что полная мощность станции требовала всего 1700 часов в год во время движения поездов по Минераловодской ветке (при том, что крупная мельница потребляла электроэнергию 6000 часов в год в постоянном режиме). С учетом наличия среди будущих потребителей станции крупных мукомольных предприятий ст. Незлобной и г. Георгиевска, докладчик делал вывод о том, что проектируемая мощность Баксанской станции недостаточна и настаивал на том, чтобы Баксанстрой имел две очереди: одну – в районе селения Заюково, вторую – ниже по течению в 7 километрах вместе со строительством регулировочных водохранилищ в районах селения Гунделен выше по течению реки Баксан и станицы Лысогорской на реке Подкумок. Таким образом, Баксанская ГРЭС задумывалась как крупный энергопроизводящий комплекс, способный обеспечить развитие промышленности в регионе на период вплоть до 1945 года.

Однако идея о строительстве второй очереди станции реализована не была, а бурное развитие энергосистемы страны перекрыло потребности развивающейся промышленности на юге Российской Федерации. Обеспечение электроэнергией крупных промышленных предприятий было реализовано строительством больших ГЭС на крупных реках и тепловых электростанций в районах добычи топлива для них, с передачей электричества потребителям высоковольтными линиями. Такая магистраль, соединяющая Грозный и Новороссийск, уже тогда была запланирована и впоследствии построена.

Говоря о перспективных планах развития экономики, Покшишевский познакомил присутствующих с планами американских предпринимателей в 1915 году развития на территории Кабардино-Балкарии мясного животноводства, работой академика Кузнецова о перспективах разработки залежей железных руд в Малкинском ущелье, предпосылках создания цементного производства [5, л. 16].

Самым трудным вопросом, как всегда, являлся вопрос о финансировании. «Центр разрешает строительство, а денег не дает. – констатировал Покшишевский. – Дает в 1929 году, значит, нужно найти другие средства, другой путь, чтобы начать строить канал, заложить плотину, закончить дорогу, устроить жилые помещения и сделать необходимые заказы, для этого достаточно 2.000.000 руб. и таким образом мы можем сказать, что работа на полном ходу и в 29-м году не смогут вычеркнуть из плана строительства. План, придуманный Калмыковым, правилен, но вопрос сводится к тому, где взять эти средства?» [5, л. 30].

Как известно, председатель Кабардино-Балкарского облисполкома Б.Э. Калмыков предлагал начать строительство за счет железнодорожников не позже 1928 года и по материалам доклада следует, что на первом этапе требуется 2 млн. рублей, из которых 500 тысяч были уже зарезервированы на эти цели Наркоматом путей сообщения. Руководитель автономии предположил, что если строительство будет начато собственными силами, то союзное правительство не сможет не профинансировать дальнейшую стройку. На наш взгляд, это был эффективный путь работы на опережение, который должно было поддержать руководство страны.

Однако, как показали дальнейшие события, правительство РСФСР приоритеты обозначило иные. В первую очередь финансировались крупные объекты, а выделение средств на строительство Баксангэс неоднократно откладывалось. На VII съезде Советов КБАО в марте 1929 года тот же Покшишевский докладывал о том, что зарезервированный на разработку технического проекта один миллион рублей в последний момент был решением Совета труда и обороны переведен на нужды другого строительства [8, 1].

Второй вариант, предлагаемый представителем Электросовета при Севкавказе – акционирование. Он предложил организовать акционерное общество, «где главными пайщиками будут Главэлектро и местное правительство. Так, как это сделано в Новороссийске, то же самое можно сделать и здесь: в Акционерном обществе участвуют Крайисполком, Терский округ, НКПС и т.д. Этому Акционерному обществу легче достать деньги, практика показала, что Новороссийск несмотря на все затруднения с деньгами, достал деньги под свои векселя» [5, л. 31]. Отстаивание этой идеи наглядно свидетельствует, что идеи НЭПа еще не умерли в 1927 г. и рыночный путь аккумуляции средств для строительства элек-

тростанции себя не изжил. С другой стороны, это предложение отражает происходящие в конце 20-х годов прошлого века – времени сворачивания новой экономической политики и перехода к централизованной плановой экономике – дискуссии ученых и хозяйственников о поисках форм и источников финансирования крупных инфраструктурных проектов. Участие органов государственного управления в капитале акционерных обществ – вполне распространенная и отработанная экономическая практика того времени, которая с переходом к форсированной индустриализации была прекращена.

В ходе обсуждения доклада высказывались различные мнения, но суть дискуссии, по нашему мнению, все же акцентировала внимание на одном вопросе: важнейшее для автономии строительство необходимо начать как можно скорее. Так, К. Ульбашев, член президиума ЦИК КБАО заявил, что «в нашей области нет ни одного крестьянина, пастуха, мужчины или женщины, который бы не говорил про эту Баксанскую станцию. Ни один съезд, ни одна конференция, ни один сход не проходит без того, чтобы не коснулись этого вопроса.... Сегодня мы видим проект и голые чертежи, а когда встает вопрос относительно самого строительства, говорят, что средств нет. ...Одни пожелания, чертежи нас не удовлетворяют» [5, л. 32].

Н. Цапенко, член президиума ЦИК КБАО, предложил проблему финансирования строительства Баксанской ГЭС решать собственными силами: «В части финансирования, что можно сделать в Области? У нас есть самообложение в 300 000 р., чем распылять, почему не дать туда? На 200 000 р. население вложит своего труда, вот вам 500 000 р. Дальше Терек даст, и до полутора миллионов найдется» [5, л. 33].

Отвечая на эту реплику, представитель финотдела Облисполкома Чмырев, высказался предельно осторожно: «вопрос о финансировании... Сейчас к этому вопросу, колоссальной сложности, нужно подходить очень осторожно, пока план финансирования не будет утвержден, пока в это дело не будет вложена толика государственных средств. Я сомневаюсь в том, – заявил Чмырев, – что разрешат приступить к постройке сейчас. Одним из важнейших вопросов является, при участии Терека, Краевых организаций, на этот строительный сезон, определение плана финансирования строительства не меньше как в полтора миллиона рублей» [5, л. 35].

Компромиссный вариант отстаивал А. Гемуев, заместитель председателя ЦИК Советов КБАО: «Необходимо было бы начать работы в этом году, мы должны от центра и Края требовать кое-какие средства, хотя бы немного, параллельно с этим, по-видимому, кое-какие средства должны изыскать у себя, пусть это будет бесплатное участие населения в работах (!), пусть это будет самообложение (!), придется каким-нибудь образом занять, или выпустить акции, одним словом, мы должны найти средства.

Когда мы будем иметь свои капиталы, когда начнем организовывать это дело, тогда внимание края и центра будет обращено на эти работы и будут отпущены средства. Категорически (!) должны поставить вопрос о том, что, во что бы то ни стало, начать работы в 1928 году» [5, л. 36].

Ответственный секретарь обкома ВКП(б) И. Боровицкий, посетовал на то, что Северо-Кавказский крайисполком не придает большого значения строительству Баксанской ГЭС и предложил больше рассчитывать на привлечение средств извне: «Мне кажется, что нужно изыскать местные средства, но нужно и постараться привлечь средства со стороны. Мне кажется, что это будет до известной степени кустарничество, которым Баксанскую проблему не сможем разрешить. Мы знаем экономику нашего района, особенно сейчас, когда прошла довольно изрядная выкачка средств, связанная с распространением займа (!) и всяких таких вещей, – навряд ли сумеем найти такие средства, которые смогут обеспечить на первые годы строительство. В основном нужно будет ставить вопрос, что так или иначе мы своими средствами вопроса о Баксанском строительстве не разрешим» [5, л. 38].

Выдержки из выступлений показывают, что коренные жители КБАО (К. Ульбашев, Н. Цапенко, А. Гемуев и др.) острее, резче ставили вопрос о начале строительства станции, делали упор на собственные силы области, энтузиазм населения, огромное желание поднять экономический потенциал региона. Представители «центра» (Чмырев, И. Боровицкий и др.), возможно, лучше понимая проблему, выступали за привлечение финансов государства и акционеров. В данном случае их позиция, на наш взгляд, предпочтительнее, поскольку призывы «решать все самим» открывала возможность новой волны эксплуатации народов области «социалистическим» государством.

Итог дискуссии подвел председатель Кабардино-Балкарского облисполкома Б. Калмыков, который занял, по существу, центристскую, политическую позицию. Известно, что по его инициативе на собственные средства Кабардино-Балкарская автономная область проводила первоначальные изыскания как по строительству ГЭС на Баксане, по изучению сырьевых ресурсов области и ее промышленного потенциала. В заключительном выступлении он подчеркнул, что нужно «считаться с государственными ресурсами, которые имеются в наличии, известное терпение в проведении постройки должно быть. Мы должны проявить больше инициативы, чтобы добиться начала строительства...» [5, л. 41].

Примечательно, что руководитель, «хозяин» Кабардино-Балкарской автономии, фактически дезавуирует национальные интересы ее народов заявив, что Баксанская станция «никогда Кабардино-Балкарской станцией не будет, она будет районной станцией союзного значения, ибо от этой станции будет зависеть изменение состояния промышленности. Все, что

во имя Баксана можно передать Краю, РСФСР, нужно прямо сказать: берите, пожалуйста, только стройте Баксан, чтобы развивать наше хозяйство» [2, л. 43].

Касаясь проблемы финансирования строительства станции, он поддержал представителей «центра», поскольку это оптимальный вариант строительства станции. «Центр уже отпустил на составление эскизного проекта кое-какие средства. Мне кажется, что если мы поставим дело как следует, то сможем деньги из Москвы получить и на составление рабочего проекта. Тем, что бесплатно привлечем население к работам (!), этим строительство не начнешь, если вложим средства по самообложению (!) – то ничего не выйдет, если мы так сделаем, нам дадут и по рукам, и по лбу, и по языку. В этой части никаких конфликтов вызывать не следует, надо более осторожно к этому вопросу подойти» [5, л. 45].

В завершении выступления Б. Калмыков предложил для составления резолюции избрать тройку, затем выбрать специальных людей для лоббирования проекта, обеспечить их определенными средствами на предмет продвижения этого вопроса и отсюда с уполномоченными двинуться на Минеральные Воды, договориться с Терекком, двинуться в Ростов и из Ростова в Москву и там биться, биться и биться, чтобы именно добиться окончательного разрешения [5, л. 46].

Приведенный материал обсуждения судьбоносной проблемы Кабардино-Балкарии позволяет реконструировать процесс модернизации промышленного потенциала отдельных районов страны. Изучение перспектив использования энергии горных рек Кабардино-Балкарии началось еще в начале XX века, но комплексный подход к созданию энергетической базы промышленности края начался с образования в 1921 году Кабардино-Балкарской автономной области.

Дискуссия, которая последовала после доклада инженера Покшишевского на заседании президиума Кабардино-Балкарского областного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 27 февраля 1927 года характеризует личные качества руководителей автономии и позволяет судить об их взаимоотношениях, культурном и образовательном уровне. К этому времени был уже репрессирован З. Мидов, один из инициаторов создания КБАО, но еще работал А. Гемуев, который будет арестован несколько позже.

Доклад Покшишевского стал поворотным пунктом в деле реализации проекта строительства Баксанской ГЭС. Именно с этого момента у руководства автономии появляется документ, который после обсуждения на последовавшем в марте 1927 года съезде Советов КБАО стал основой политики индустриализации Кабардино-Балкарии. Проект строительства ГЭС на территории КБАО не значился в первоначально разработанном варианте всесоюзного плана ГОЭЛРО. Он был включен уже в план пятилетки

электрификации Северного Кавказа, утвержденный Совнаркомом СССР 14 декабря 1926 года. Окончательный выбор в пользу Баксана был сделан в 1927 году на основании приведенного доклада. Выбор опирался на то обстоятельство, что он должен был стать основой развития промышленности области, а не только Северо-Кавказской железной дороги.

Таким образом, рассматриваемый документ имеет важнейшее значение не только для всего последующего социально-экономического развития Кабардино-Балкарии, но и служит экономическим обоснованием самого существования автономной области, а, следовательно, и нынешней государственности кабардинцев и балкарцев.

1. Цориев Р.И. Электрификация горного края. Орджоникидзе: Ир, 1988. 238 с.

2. Медалиев Х.Т. Социалистическая индустриализация Кабардино-Балкарии (1928–1937 гг.) Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. 130 с.; Медалиев Х.Т. Деятельность КПСС по социалистической индустриализации национальных республик и областей Северного Кавказа (1926–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1972. 259 с.

3. Некрасова И. М. Ленинский план электрификации страны и его осуществление в 1921 – 1931 гг. Изд-во АН СССР. М. 1960. 143 с.; Рабинович М., Ходжаев Т. План ГОЭЛРО и его осуществление. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. 144 с.; Свет над Россией: очерки по истории электрификации СССР / ред. И. П. Верховцев; сост. П. А. Казанский, С. И. Мурашов. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. – 400 с.

4. Журин П. «Опыт оценки итогов районирования Северного Кавказа» // Плановое хозяйство. 1927. № 2. С.231–240.

5. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 446.

6. Гуртуев Р.С. Баксана свет неугасимый. Нальчик: Принт Центр, 2016. 157 с.

7. УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 132.

8. Газета «Карахалк» от 31. 03. 1929.

**Д.Р. Техова,
нс ЮОГУ им. А.Тибилова
(г. Цхинвал)**

ОСЕТИНЫ УЧАСТНИКИ СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЫ 1939-1940 ГГ.

В статье рассматривается предыстория, начало, ход и последствия советско-финской войны 1939-1940 годов, а также участие в ней представителей Осетии. Основное внимание автор акцентирует на информации о фронтовых путях двух осетин, получивших на этой войне звание Героев Советского Союза – Остаеве Алексее Егоровиче, уроженце селения Сохта Юго-Осетинской автономной области Грузинской Советской Социалистической Республики, и Карсанове Казбеке Дрисовиче, уроженце селения Эльхотово Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики. Автором предоставлены также выписки из наградных листов, утвержденных Указами Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 21 марта 1940 года и 7 апреля 1940 года, соответственно. Указываются также битвы, в которых Остаев и Карсанов принимали участие во время Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: советско-финляндская война, Зимняя война, СССР, Финляндия, Осетия, Герои Советского Союза, Великая Отечественная война, вторая мировая война.

The article discusses the background, beginning, course and consequences of the Soviet-Finnish war of 1939-1940, as well as the participation of representatives of Ossetia in it. The author focuses on information about the front lines of two Ossetians who received the title Heroes of the Soviet Union – Ostae Alexei Yegorovich, born in the village of Sokhta of the South Ossetian Autonomous Region of the Georgian Soviet Socialist Republic, and Karsanov Kazbek Drazovich, born in the Elhotov region-North-West Ossetia region, in the Sochi region. Soviet Socialist Republic. The author also provided extracts from the award lists approved by the Decrees of the Presidium of the Supreme Council of the Union of Soviet Socialist Republics of March 21, 1940 and April 7, 1940, respectively. It also indicates the battle in which Ostae and Karsanov took part during the Great Patriotic War.

Keywords: Soviet-Finnish War, Winter War, USSR, Finland, Ossetia, Heroes of the Soviet Union, Great Patriotic War, World War II.

«Незнаменитая», как назвал ее Александр Твардовский [2, 49], советско-финская война зимы 1939-1940 гг. частью историков рассматривается

в контексте второй мировой войны, начавшейся 1 сентября 1939 г. В этот день Германия нападает на Польшу, которая относится к сфере ее влияния по пакту Молотова-Риббентропа. Небезызвестно, что данный пакт был заключен СССР после многочисленных обращений к союзникам – бывшей Антанте – с предложением создания системы коллективной безопасности в Европе. Предложение отвергалось, и руководство Советской России, видя, что крупномасштабная война не за горами, решило пойти на сближение с Германией, дабы обезопасить себя и выиграть время для подготовки.

Финляндия, являющаяся северо-западным соседом Советского Союза, доверия не вызывала. Это государство, бывшее в составе Российской Империи и получившее независимость после Великой Октябрьской социалистической революции, особой любовью к русским не отличалось. И, несмотря на заверения о нейтралитете финнов и попыткам убедить, что с их стороны опасаться нечего, и враг не пройдет, СССР абсолютно логично требовал подтверждения слов. Конечно, Тартусский (Юрьевский) мирный договор, заключенный в 1920 г., в 1932 г. – договор о ненападении, который вскоре продлили на 10 лет [5, 10], мог бы послужить гарантией, если бы не одно «но», выраженное Сталиным на одной из многочисленных встреч с финскими представителями: «Они не станут спрашивать вашего разрешения». После Мюнхенского сговора 1938 года в таком исходе сомневаться не приходилось. Стоит ли напоминать о том, что Юденич шел на Петроград со стороны Финского залива, да и войска интервентов также двигались этим маршрутом [7, 22].

Советские требования были следующими: Финляндия переносит границу на 90 км от Ленинграда, соглашается сдать в аренду СССР сроком на 30 лет полуостров Ханко, Советскому военному флоту предоставляются порты на полуострове Ханко в самом Ханко и в Лаппохья, также Финляндия передает СССР острова Гогланд, Лаавансаари (ныне Мощный), Тютяrsaари и Сейскари. Существующий советско-финский пакт о ненападении дополняется статьёй о взаимных обязательствах не вступать в группировки и коалиции государств, враждебных той или другой стороне. Оба государства разоружают свои укрепления на Карельском перешейке. СССР передает Финляндии территорию в Карелии общей площадью вдвое больше полученной от финской стороны (5 529 км²). СССР обязуется не возражать против вооружения Аландских островов собственными силами Финляндии [5, 19-20].

К сожалению, финские представители отвергли все предложения. После инцидента на границе, получившего название «Майнильского» и имевшего место 26 ноября 1939 года, стало предельно ясно, что войне быть. Советские газеты пестрели обращениями профсоюзов, граждан, известных личностей, рабочих заводов с резким осуждением «преступле-

ний финской военщины». 28 ноября дипломатические отношения были разорваны [1, 76].

В 8 часов утра 30 ноября войска Ленинградского военного округа, получив приказ Сталина, перешли границу с Финляндией. Война началась.

Рассчитывая на быструю победу, советское руководство не учло многих нюансов. Легендарный Генерал Мороз той зимой был на стороне финнов. Командование Красной Армии вскоре осознало, что враг был недооценен. Вероломное нападение СССР возмутило и...сплотило народ Финляндии, и даже большевики этого государства выступили против. Войска несли большие потери. Легко пройдя первую линию финской обороны, на второй Красная Армия завязла. Ни одна из атак успеха не приносила. Жертвы исчислялись тысячами.

Естественно, в неудачах виновным был объявлен командующим фронтом Климент Ефремович Ворошилов. Уже в январе 1940 года он был отстранен, и его место занял Семен Константинович Тимошенко.

Итог этих перестановок и последующих действий известен. В феврале Красная Армия провела несколько удачных атак и в начале марта подошла к Выборгу, который и был взят утром 13 марта 1940 года, буквально за пару часов до официального прекращения огня [1, 120]. 12 марта в Москве был подписан мирный договор, по которому Советский Союз получал все то, что требовал.

Осетины всегда поддерживали Россию и воевали на ее стороне, доблестно неся службу в армии.

Эти 105 дней унесли жизни свыше 200 тысяч человек лишь со стороны Красной Армии. За мужество и героизм, проявленные в ходе боевых действий, более 400 человек удостоились звания Героя Советского Союза. Десятки тысяч человек были награждены орденами Красной Звезды и Красного Знамени, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Среди них хотелось бы выделить двоих – выходцев из осетинских селений Эльхотово и Сохта – Карсанова Казбека Дрисовича и Остаева Алексея Егоровича, которым было присвоено звание Героев Советского Союза.

В советско-финской войне Казбек Дрисович Карсанов был командиром батареи 49-го корпусного артиллерийского полка 13-й армии Северо-Западного фронта. В декабре 1939 года он с товарищами первым применил стрельбу прямой наводкой по дотам [6, 108]. В Великой Отечественной войне был одним из первых командующих легендарных «Катюш». Он участвовал в битве под Москвой, боях за Сталинград, освобождал Смоленск, Белоруссию, Прибалтику, а также был среди бравших Кёнигсберг.

Карсанов – один из участников Парада Победы 24 июня 1945 г. на Красной площади, он возглавлял сводный батальон 1-го Прибалтийского фронта.

Из Наградного листа:

«Командуя батареей артиллерии большой мощности в группе АР 90 СД в период с 20 по 31 декабря 1939 года, под ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем разведал и разрушил два каменно-земляных и одно железобетонное сооружения врага. Участвуя в прорыве укрепленного района на реке Салмен-Кайте, под пулеметным и артиллерийским огнем разведал и разрушил четыре железобетонных и два дерево-земляных сооружения, тем самым обеспечил успешное продвижение нашей пехоты.

25 февраля 1940 года на реке Салмен-Кайте при наступлении 271-го стрелкового полка открыл огонь по группе белофиннов, занявшей разрушенное им накануне долговременное сооружение и мешавшей продвижению нашей пехоты. Первые выстрелы батареи т. Карсанова, открывшей огонь по группе белофиннов, попали в цель, и группа была уничтожена полностью. Это дало возможность 271-му стрелковому полку продвинуться вперед без потерь» [3].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1940 года старшему лейтенанту Карсанову Казбеку Дрисовичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда» за №433. Награжден также тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова II степени, двумя орденами Кутузова II степени, орденами Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, орденом Жукова, медалями.

Алексей Егорович Остаев являлся командиром авиационного полка 55-ой скоростной бомбардировочной авиационной бригады 7-й армии Северо-Западного фронта. К марту 1940 года уже имел 30 боевых вылетов, 40 часов налета [6, 189]. Остаев был среди тех, кто в ноябре 1941 года защищал Москву, позже участвовал в боях в районе Клина, Солнечногорска, Наро-Фоминска, Рузы, Волоколамска.

Из Наградного листа:

«19 декабря 1939 года при выполнении боевого задания самолет старшего лейтенанта Остаева получил 49 пробоин. Он был ранен в ногу, но выполнил боевое задание, на одном работающем моторе привел самолет на свой аэродром и отлично его посадил (получив при этом серьезные ранения, госпитализирован).

В феврале 1940 года Остаев вновь в боевом строю, он наносит сокрушительные удары по врагу в районах Выборга, Трангунда, Керкула, Силиома, Кяморя. 19 февраля 1940 года экипаж Остаева получил боевую задачу уничтожить сосредоточившуюся в Выборгском железнодорожном узле живую силу и технику врага. Но, не дойдя до цели, самолет Остаева был подбит зенитным огнем. Отважные соколы прорвались к цели на подбитом, израненном самолете и четверть часа сбрасывали смертоносный груз. Экипаж Остаева блестяще выполнил боевое задание. Но на обрат-

ном пути, находясь еще над вражеской территорией, вновь подверглись нападению целого звена истребителей противника. Бомбардировщик, с трудом преодолевая расстояние к аэродрому, продолжал отбиваться от наседавшего врага. И отбил, пришел на свой аэродром. Командир корабля с большим мастерством посадил израненную машину. Она получила в этом бою 42 пулевые и осколочные пробоины, были перебиты тяги подкрылков, вышли из строя масло- и бензобаки, винты, полностью разбиты правый мотор, левая консольная плоскости...» [4].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 года старшему сержанту Остаеву Алексею Егоровичу, первому из осетин, присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда» за №265.

У осетин, как известно, самый высокий показатель числа Героев Великой Отечественной на душу населения. Этого высокого звания удостоились около 40 человек.

1. Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г./ Финляндия во второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 336 с.

2. Твардовский А.Т. Стихи. Рис. О. Верейского. М.: Дет. Лит., 1973.

3. Карсанов Казбек <http://www.podvignaroda.ru/?#id=150013362&ta>

4. Остаев Алексей. <http://podvignaroda.ru/?#id=150024504&tab=navDetailManAward>

5. Советско-финляндская война 1939-1940. В 2 т. Т 1 / Сост.: П.В. Петров, В.Н. Степаков. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. 542, [2] с.: 64 ил. (Великие противостояния).

6. Бетоева М.Д. Сыны Осетии в Великой Отечественной. Вып. 17 / 2010. 302 с.

7. Яковсон М. «Зимняя» война: Взгляд из Финляндии // Родина. 1989. № 8.

III. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

С.С. Сокурова,
магистрант КБГУ им. Х.М. Бербекова
А.А. Коновалов,
кин КБГУ им. Х.М. Бербекова

ОБРАЗ ДРУГОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.

Статья рассматривает освещение русской литературой XIX века Кавказской войны не как формы конфронтации, а как средства межкультурной коммуникации и познания «иного» мира. Русская литература посредством соприкосновения с кавказской социокультурной реальностью стала способом самоидентификации российской культуры. Утверждается, что художественная литература представляет собой особый корпус исторических источников. Будучи отражением реальности, литература сама продуцирует действительность, оказывая на нее обратное воздействие. Анализируется осмысление Кавказа в художественной литературе XIX века в ситуации взаимовлияния и соперничества романтического и реалистического дискурсов.

Ключевые слова и фразы: Кавказская война, исторический источник, самоидентификация культуры, межкультурная коммуникация, реализм, романтизм.

This article concerns the coverage of the Caucasian War by Russian literature of the 19th century not as a form of confrontation but as a means of intercultural communication and knowledge of the "other" world. Russian literature through contact with the Caucasian sociocultural reality has become a way of self-identification of Russian culture. It is said that literature is a special body of historical sources. Being a reflection of reality, literature produces reality itself giving it the opposite effect. We analyze the conceptualization of the Caucasus in the literature of the 19th century in a situation of interaction and the rivalry between the romantic and the realistic discourse.

Keywords and Phrases: the Caucasian War, historical source, self-identification of culture, intercultural communication, romanticism and realism.

Актуальность изучения Кавказской войны в исторической науке не подвергается сомнению. Это связано с тем, что исследование ее проблем

на сегодняшний день находится в стадии затянувшегося историографического кризиса. Эта тема, несмотря на достаточно обширный исследовательский задел, до сих пор остается открытой. Данная статья представляет собой попытку изучения одной из сторон этой комплексной исторической проблемы – отражение Кавказской войны в художественном сознании русских писателей.

Литература представляет собой незаменимый корпус исторических источников по этому периоду и уникальным способом отражения исторической действительности.

Деловая документация, актовые материалы и источники идеографического содержания отражают внешнюю и зачастую поверхностную сторону исторических событий. Художественная литература является конденсатором смысловых проекций и категорий рассматриваемой эпохи, в ней находят свое отражение различные идейные и общественно-культурные течения. Кроме того, литература является источником наиболее ярких и правдивых портретов изучаемого времени. Н.Я. Эйдельман в своей монографии «За хребтом Кавказа» отмечает, что без Кавказа не появились бы великие произведения и великие характеры [1, 21].

Будучи отражением реальности, литература, с другой стороны, сама продуцирует действительности, оказывая на нее обратное воздействие. Многие пребывающие на Кавказ офицеры уже во многом составили для себя образ Кавказа, важное место в котором занимал опыт прочтения художественных текстов.

Сегодня все возрастающую популярность приобретают альтернативные методы и подходы в исследовании узловых проблем Кавказской войны. Один из крупнейших современных исследователей Кавказской войны В.В. Дегоев справедливо отмечает, что до сих пор не раскрыта сущность этого феномена, которая намного сложнее навязываемых штампов и определений, менявшихся под влиянием разных обстоятельств. [2, 19] Причины непреходящих споров о Кавказской войне – в неисчерпаемости предмета исследования. Чтобы определить сущностное основание явления необходимы новейшие научно-гуманитарные методы и незаурядные научные идеи.

На Кавказе Россия столкнулась с непохожим на нее миром со своими особенностями, пугающими или привлекательными, с миром Иного. Познание этого мира, помимо основной своей функции – приращения знания о Кавказе – стало одним из способов самоидентификации российской культуры: ведь, только в подлинной коммуникации с Другим рождается наше подлинное существование. Познавая Другое, сравнивая его со своим бытованием, русская культура определяла как собственную социокультурную специфику, так и общие черты с Кавказом, без осознания которых невозможен продуктивный диалог. Как межличностная, так и меж-

культурная коммуникация невозможны без партнера, который предстает как Другой – то, что не есть Я, иное по отношению ко мне, и в то же время подобное мне, равный мне субъект. Такой диалог является необходимым как для человека, так и для культуры в целом опытом инаковости Другого, признание Другого «своим иным», узнавание его. Другой из чуждого, «постороннего», «не-Я» становится «Ты» [3].

В XIX веке осмысление Кавказа в художественной литературе проходило в ситуации взаимовлияния и соперничества романтического и реалистического дискурсов. Романтизм оказался весьма продуктивным как идейно-психологическая и нравственная основа для создания образов и характеров и чрезвычайно удачным методом представления чуждого, но манящего, пугающего и экзотичного края, способом взаимодействия с иной культурой и выстраивания межкультурной коммуникации.

Одной из констант романтизма как мировоззрения стал устойчивый интерес к Востоку. Для русских писателей «востоком» становится Кавказ – чуждое пространство романтического образа жизни. Этот мир противопоставлен размеренной жизни русского дворянина, которая предсказуема и обыденна. В это время в художественной литературе в рамках романтизма распространяется течение «ориентализм» – стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии «Востока» и «Запада». Романтизм, по сравнению с Просвещением, проявляет интерес к непохожему, экзотическому и индивидуальному: «Кавказ! Далекая страна! Жилище вольности простой! И ты несчастьями полна. И окровавлена войной!» [4; 173]. Кроме того, в противоположность обыденности и филистерству традиционной европейской повседневной жизни, романтический дискурс придает традиционному, исконному высокий ценностный статус. Кавказ в полной мере оправдывал эти культурные запросы.

Кавказские сюжеты прекрасно вписывались в общеевропейское развитие романтизма. Попытка познать Кавказ и кавказский образ жизни для русского человека является попыткой переосмыслить себя и свой внутренний мир. Познание чуждого мира является некой формой рефлексии, которая открывает новый взгляд на, казалось бы, очевидные вещи. Деятели культуры, оказавшиеся на Кавказе в разгар войны, активно участвовали не только в военных действиях, но и осваивали языки и культуру народов Кавказа. Русские писатели создают положительный реалистичный портрет горца с установкой на особенности его речевой данности, характера, традиций [5; 13].

Осмысление Кавказской войны, преломление ее событий в художественной форме, широкое распространение кавказских сюжетов в русском культурно-общественном пространстве способствовало формированию диалога различных культурных сегментов, происходило взаимное «узнавание» и сближение изначально чуждых друг другу ментальных

категорий. Кроме того, просветительские взгляды многих национальных общественных деятелей на Кавказе формировались под влиянием передовой русской общественной мысли [6, 77]. Начало научному изучению горских языков положили русские ученые. Горские просветители не раз обращались к царским властям, призывая их открыть школы в горских аулах с изучением русского. Русский язык давал возможность горским просветителям XIX века постичь окружающий мир и включить в этот контекст жизнь своего народа. Большинство кавказских просветителей приобщалось к наследию великих русских писателей. Этот процесс взаимного вынужденного «знакомства» различных культурных систем приводит к переосмыслению существующих мифологем, стереотипов и представлений о Кавказе и происходит формирование новых культурных «штампов». Роль художников слова в этом многоаспектном явлении переоценить сложно. Взгляды общественности XIX во многом формируются под влиянием появляющихся художественных произведений. Знакомство с Кавказом происходило постепенно и неосознанно; общество пытается увидеть Кавказ глазами художников, и это не могло не отразиться на восприятии событий Кавказской войны.

Двойственная сущность российской политики на Кавказе (завоевание и покорение народов, с одной стороны, и попытки обустройства мирной жизни, с другой) приводили к формированию усложненного образа жителей Кавказа. Образ кавказца в русской литературе полимодален. Это и сильный и опасный враг, и верный друг. Многообразен даже образ врага. Наряду с опасностью постоянно подчеркивается благородство и храбрость противника. «Верна там дружба, но вернее мщенье; там за добро – добро, и кровь – за кровь. И ненависть безмерна, как любовь» [7; 166]. Постепенно отчужденный образ превращается в отличающегося, но равного партнера культурного диалога. У М.Лермонтова мы встречаем строки «Я привез тебе гостинец! То гостинец не простой: с поля битвы кабардинец – кабардинец удалой». У Л.Н. Толстого мы встречаем описание кавказца: «Хаджи-Мурат ответил улыбкой на улыбку, и улыбка эта поразила Полторацкого своим детским добродушием. Полторацкий никак не ожидал видеть таким этого страшного горца. Он ожидал мрачного, сухого, чуждого человека, а перед ним был самый простой человек, улыбающийся такой доброй улыбкой, что он казался давно знакомым приятелем» [8, 39].

Романтизм способствовал формированию образа Кавказа как «другого», недоступного мира. Это вполне закономерно ввиду того, что непременной составляющей романтизма является «вера в существование иного мира, кроме обыденного, мира не обязательно идеального, но предоставляющего иные возможности, иную степень свободы, иное качество свободы» [9, 115]. Противопоставление становится духовной основой этого течения: война и мирная жизнь, кавказец – русский человек,

необычная для русских природа Кавказа, отличающаяся от привычных пейзажей России.

Романтизм повлиял на трансформацию восприятия Кавказа в глазах российского общества. Художественная литература изменила отношение читателей к этому краю, разрушила существующие стереотипы и способствовала формированию новых [10, 163].

В 1830-е годы наблюдается явный кризис романтического способа описания Кавказа и Кавказской войны. Наиболее решительный разрыв с традицией романтизма произошел в кавказском творчестве Л.Н. Толстого. В некоторых своих произведениях Л.Н. Толстой открыто выступает с критикой литературных образцов, сложившихся под влиянием романтизма [11, 24]. В произведениях Лермонтова война предстает в романтическом и благородном свете – война как место подвига. «И дики тех ущелий племена, им бог – свобода, их закон – война» [12, 166]. У Толстого война – это смерть и полная лишений и трудов жизнь [13, 621].

XIX века условно можно разделить на два периода – первая половина, в которой происходит развитие идей романтизма, и вторая половина – когда романтизм уступает свои позиции реалистическому изображению событий Кавказской войны. Этот процесс можно проследить в эволюции образа «Кавказского пленника». Мотив пленения является одним из традиционных мотивов в кавказских сюжетах. Он встречается у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого. Этот мотив имеет определенную линию развития от романтизма в произведениях А. Пушкина к реализму у Л. Толстого. Соответствующее произведение М. Лермонтова является примером перехода от романтизма к реализму.

М.В. Архиреев, анализируя отношение русских писателей к событиям в Кавказском регионе, отмечал, что в ряде произведений наблюдается сосуществование имперской риторики и сочувствия к сопротивлению горцев российской экспансии. Такого рода положения встречаются у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Бестужева-Марлинского [14, 48]. Четко определить позицию писателей достаточно сложно, их отношение к происходившим в этот период событиям было противоречивым. Если сравнивать Пушкина и Лермонтова, то можно предположить, что долгое пребывание второго на Кавказе, его тесные контакты с представителями местного населения повлияли на его отношение к этому вопросу. И в стихотворении «Валерик» он говорит о человеке, непрестанно ведущим бессмысленные войны: «Жалкий человек. Чего он хочет! Небо ясно, под небом места много всем. Но беспрестанно и напрасно один враждует он – зачем?» [15, 195]. А.С. Пушкин меньше непосредственно соприкасался с кавказским миром, и его одобрение политики России на Кавказе связано с этим обстоятельством: «Смирись, Кавказ – идет Ермолов», – пишет он в поэме «Кавказский пленник» [16, 117].

А.С. Пушкин считал военную колонизацию Кавказского региона неизбежной. В своих произведениях и публицистических сочинениях писатель поддерживает идею неизбежности присоединения Кавказа к России, подчеркивает прогрессивный характер действий России на Кавказе для народов, населяющих Кавказ [17, 67]. В публицистической и литературной среде вопрос о действиях царского режима на Кавказе становился предметом бурных споров. Писатели и общественные деятели того времени по-разному оценивали Кавказскую войну – одни считали ее жестокой и неоправданной, другие признавали ее историческую неизбежность, третьи предлагали варианты мирного сосуществования России и кавказских горцев.

Русская литература этого периода вобрала в себя многие особенности той эпохи. Уникальность художественного восприятия исторических процессов состоит в том, что оно отражает не только событийную и фактологическую стороны общественной жизни. В них исследователь обнаруживает многие исторические пласты – картину мира, мировоззрение, ментальность, позицию автора.

Русская литература в познании Кавказской войны в значительной степени опередила другие формы осмысления действительности. Именно в художественных текстах образ кавказца впервые в русской культуре был представлен не только как противник, но и как партнер для диалога, а Кавказ стал восприниматься не только как пространство войны и конфронтации, но и как топос межкультурного взаимодействия и возможность для самопознания и самоосмысления.

-
1. Эйдельман Н.Я. Быть может за хребтом Кавказа... М., 1990.
 2. Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги // Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2001.
 3. Бубер М. Я и Ты. // URL: <http://bookz.ru/authors/buber-martin/buber/1-buber.html> (Дата обращения 6.01.2015)
 4. Лермонтов М. Ю. Кавказ / Сост. В.А. Бойченко. Ростов-на-Дону.
 5. Джаубаева Ф.И. Языкотворчество русских писателей как миротворящая деятельность на Северном Кавказе / Под ред. К.Э. Штайн. Ставрополь, 2010.
 6. Нагоев М.Б. Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX века: исследования и материалы. Нальчик, 2007.
 7. Лермонтов, М. Ю. Избранные произведения / Л. : Лениздат, 1979.
 8. Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат // Кавказские повести. М: Азбука-классика. 2009.

9. Бобровников В.О. Ориентализм в литературе и политике на российском Кавказе XIX века. М., 2011.
10. Цуциев А. Кавказцы и русские: по ту сторону дружбы народов // Дружба народов. М., 2005., № 10.
11. Романтизм в русской и советской литературе / Под ред. Гуляева Н.А. Казань, 1973.
12. Лермонтов, М. Ю. Избранные произведения / Л. : Лениздат, 1979.
13. Щербина А.В. «И дики тех ущелий племена...». Кавказ и Кавказская война в русской классической литературе первой половины XIX века. Ростов-на-Дону, 2014.
14. Архиреев М.В. Тема Кавказской войны в русской литературе 1820-1830. Тверь, 2004.
15. Лермонтов М.Ю. Валерик// Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М: Эксмо, 2011.
16. Пушкин А.С.Кавказский пленник // Пушкин А.С. М.,1960. С.117.
17. Архиреев М.В. Тема Кавказской войны в русской литературе 1820-1830г. Тверь, 2004.

**И.С. Тахушева,
аспирант РАНХиГС
(г. Пятигорск)**

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИИ XIX В.: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМНОГО МЕТОДА

В статье проанализирована специфика системного метода научного исследования, возможности его применения к истории отечественной журналистики. На основе принципов системного подхода автором сформулирована программа научного исследования истории народов Северного Кавказа в либерально-демократических журналах России XIX в. Она включает декомпозицию (выделение) системы, структурный анализ изучаемой системы и исследование ее функциональных связей.

Ключевые слова: система, декомпозиция, системный подход, системный метод, структура, «Современник», «Отечественные записки», журнал, либерально-демократическая печать, Кавказ, Кавказская война.

The article analyzes the specifics of the system method of scientific research, the possibility of its application to the history of Russian journalism. Based on the principles of the system approach, the author formulated a program of scientific research of the history of the peoples of the North Caucasus in the liberal democratic journals of Russia in the XIX century. It includes the decomposition (allocation) of the system, the structural analysis of the studied system and the study of its functional relationships.

Keywords: system, decomposition, systems approach, systems method, structure, «Sovremennik», «Otechestvenniye zapiski», journal, liberal-democratic press, the Caucasus, the Caucasian war.

В истории народов Северного Кавказа XIX век занимает особое место. На плоскости, в предгорье, теснинах ущелий происходил острый военный конфликт, но, одновременно, шел процесс сближения народов региона и России [1, 80]. Расширение связей, тесное взаимодействие и частые столкновения становились предметом горячих споров и обсуждений, на Кавказ снаряжались научные экспедиции, край манил поэтов и путешественников.

Всегда быть в курсе событий в стране в XIX в., получать актуальную информацию о далеких окраинах, распространять результаты научных изысканий помогали, прежде всего, периодические издания. На их страницах нередко разворачивались жаркие дискуссии по злободневным проблемам страны.

По многообразию и ценности информации о горцах Кавказа либерально-демократические журналы «Современник» (1836-1866) и «Отечественные записки» (1818-1884) стояли на первом месте. Редакционные коллегии быстро реагировали на события и процессы на Кавказе, формировали и транслировали в обществе идеи, ценности, представления о населении региона, событиях Кавказской войны. Во всех отделах журналов последовательно публиковались этнографические, военно-исторические, литературные, критико-библиографические, научные статьи о Кавказе.

Весь комплекс выявленного в «Современнике» и «Отечественных записках» источникового материала о народах Северного Кавказа был систематизирован и проанализирован нами в статьях, докладах и тезисах [2], результаты исследования были представлены на международных, всероссийских, региональных научных конференциях.

Цель же данной работы – на основе системного подхода сформулировать принципы научного исследования истории народов Северного Кавказа в либерально-демократической периодике России XIX в. Поэтому очень важно понять саму методологию системного подхода и его практическую «применимость» к истории журналистики.

Системный подход как особый методологический подход выделился в 40-х гг. XX в. под влиянием общей теории систем австрийского учёного Л. Фон Берталанфи, доработанный впоследствии предстал перед научным сообществом в качестве общенаучной методологии познания.

Понятие системы – сложная категория, имеющая множество определений [3, 64-65]. Одно из наиболее полных определяет систему как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определенную целостность, единство [4, 8]. Как и всякое другое фундаментальное понятие, понятие системы лучше всего конкретизируется в процессе выявления своих основных свойств и общих характеристик. В различных исследованиях [5] выделяется множество характеристик системы: целостность, структурность, взаимосвязь со средой, целенаправленность, самоорганизация, иерархичность и др. В.Г. Афанасьев отмечает, что «системный подход – это качественно более высокий, нежели просто предметный, способ исследования. Это переход от познания отдельного к общему, от однозначного к многозначному, от абстрактного к конкретному, от одномерного к полимерному, от линейного к нелинейному и т.д.» [6, 7].

Отечественные исследователи Е.В. Ахмадулин [7], Е.А. Корнилов [8, 27-39], С.Я. Махонина [9, 21-35] и др. заявляли о возможности применения системного метода к журналистике. «Если исходить из того, что система – это множество взаимосвязанных элементов, образующих определенную целостность и это целостное образование приобретает новые качествен-

ные характеристики, не содержащиеся в образующих его компонентах [10, 11; 6, 18], то, несомненно, журналистика (в широком понимании этого термина) является сложной многокомпонентной и многофункциональной системой, органически входящей в социальную систему общества в целом», – пишет Е.В. Ахмадулин [11, 118-129].

Таким образом, определяя систему как упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство, сторонники системного подхода наделяют этими качествами журналистику и пытаются применить к ней данный метод. В качестве системы рассматриваются средства массовой информации и журналистика [12, 178-179]. Этот сложный процесс вычленения из всего многообразия систем объективной реальности интересующей исследователя системы называется *декомпозицией (выделением) системы* [13, 168]. При ее осуществлении выявляются системообразующие (системные) признаки, обычно несколько из них. Эти признаки взаимосвязаны между собой и определяют структуру данной системы, т.е. выражают ее целостность и устойчивость.

Осуществив процедуру декомпозиции системы, исследователь производит ее *структурный анализ*. Этот анализ заключается в определении связей элементов системы, а также их основных признаков. Его результатом является непосредственное знание о самой системе.

На следующем этапе – *функциональном* – раскрывается место системы в иерархии реальностей, изучаются все ее функциональные связи. Функциональный анализ позволяет выявить связи системы с окружающим миром, свойства окружающей среды (других систем и организаций иных уровней), которые определяют природу изучаемой системы.

С позиций системного подхода можно сформулировать принципы научного исследования истории народов Северного Кавказа в либерально-демократической периодике России XIX в.

В качестве *системы* выступает *либерально-демократическая журналистика России XIX в.*, при этом под «либерально-демократической журналистикой» мы понимаем периодические издания «Современник» и «Отечественные записки». Деятельность по сбору, обработке, компоновке, передаче информации составляет специфику журналистской деятельности во всех ее проявлениях [14, 3], и этой деятельности подчинены все организационные, технические, творческие и другие структуры журналистики [15, 14].

История «Современника», передового органа периодической печати Российской империи в период с 1836 по 1866 год, представляет особый интерес. Его основатель великий поэт А.С. Пушкин, предполагал создать периодический орган, журнал-эталон прогрессивной мысли, который будет влиять на общество, его нравы, литературу. Продуманная редак-

ционная политика «Современника», направлявшаяся в разное время А.С. Пушкиным, В.Г. Белинским, Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым, приложенные ими усилия для привлечения лучших авторов, позволили журналу успешно выдержать конкуренцию с другими изданиями, завоевать «своего читателя», стать лидером журнального мира России. Публицистическая и критико-библиографическая деятельность Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, являвшихся наиболее активными сотрудниками «Современника» во второй половине XIX в, способствовала формированию демократического сознания широких слоев русской общественности.

Традиции «Современника» были продолжены «Отечественными записками», издававшимися с 1818 г. известным литератором, историком и путешественником П.П. Свиньиним. «Отечественные записки» задумывались им как журнал «национального» направления с отчетливым историко-этнографическим и «местным» уклоном. В периодическом издании публиковались материалы, повествующие о талантливых русских ремесленниках, путешествиях, исследования, касающиеся русской истории [16], а также работы К.Ф. Рылеева, М.П. Погодина, Н.А. Полевого. В историческом плане особенный интерес представляли записки участников различных сражений и военных действий, генералов, офицеров, в том числе на Кавказе [17].

С переходом журнала в 1839 г. к А.А. Краевскому вокруг периодики объединились лучшие силы публицистики: В.Г. Белинский, А.И. Герцен, И.С. Тургенев, Н.П. Огарев, Н.А. Некрасов, Д.В. Григорович, И.И. Панаев, П.Н. Кудрявцев, В.Н. Майков и другие литераторы и ученые. Руководящее положение в «Отечественных записках» Белинского, активное участие в них Герцена, состав ближайших сотрудников журнала определили и направление всего издания. Журнал превратился в орган прогрессивной, демократической общественной мысли и литературы.

Элементами (компонентами) системы являются:

- мощный идейно-экономический компонент – *издатель (владелец, учредитель, редакция)* [11, 122]; *учредитель* – это основатель, создатель печатного органа, как правило, выступающий в роли его издателя и/или спонсора; *издатель* – это государственная, общественная, творческая организация или частное лицо, имеющие лицензию на издательскую деятельность и занимающиеся такой деятельностью; *редакция* – творческий коллектив, ведущий сбор, организацию и обработку информации, литературную, специальную и художественную подготовку текстов и иллюстраций к опубликованию и производству, макетирование и формирование выпусков периодического издания [18, 12-13]. Идейные позиции редакции «Современника» и «Отечественных записок» (В.Г. Белинский, Н.А. Некрасов, Г.З. Елисеев, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский и др.) определили идеологическую направленность периодиче-

ских изданий – отстаивание либерально-демократических принципов, постоянное внимание к истории горских народов Кавказа, поддержка национально-освободительной борьбы горского социума;

- *канал* – используемые журналистами средства массовой информации (газеты, еженедельники, журналы, альманахи, бюллетени и т.д.), предназначенные для «доставки» журналистских «текстов» их адресатам. В данном исследовании в качестве канала передачи информации рассматриваются различные отделы периодических изданий: «Домоводство, сельское хозяйство и промышленность вообще», «Смесь», «Словесность», «Науки и художества», «Критика и библиография», «Современная хроника России», «Современное обозрение» и др. Эти отделы нередко выступали как самостоятельные единицы с отдельным штатом сотрудников. Рубрикация показывает, что «Отечественные записки» и «Современник» были универсальными журналами энциклопедического характера;

- *массовая информация* – произведения журналистов, официальные документы, сообщения агентств, рекламные и другие информационные материалы, предназначенные для публикации, отобранные, отредактированные и скомпонованные в номера, программы, выпуски [15, 9], т.е. «массовая информация» – это все тексты, передаваемые по каналам журналистики и оказывающие влияние на аудиторию. Как компонент системы она является наиболее системосвязующим звеном между главными участниками процесса: «журналисты» находят, отбирают, обрабатывают, komponуют «информацию», «средства» тиражируют, делают информацию массовой и передают ее аудитории, которая непосредственно потребляет эту «массовую информацию», усваивает ее в процессе коммуникации [11, 121]. В России с ее огромными территориями, редкими оазисами культуры, при отсутствии хороших путей сообщения и ограниченном количестве книг, именно журнал был единственным поставщиком и художественной литературы, и разнообразных сведений о злободневных событиях, и сообщений о достижениях науки [19, 122]. Так, публикация комплекса материалов о народах Северного Кавказа в журналах «Современник» и «Отечественные записки» отвечала запросам столичной и провинциальной аудитории;

- *массовая аудитория* – та часть общества, на которую специально ориентировано определенное издание (или программа), и к которой оно постоянно обращено (расчетная аудитория) или которая действительно сформировалась вокруг данного издания и считает его «своим» (реальная аудитория), или которую можно привлечь дополнительно (потенциальная аудитория). При этом многие представители аудитории в определенных ситуациях (когда пишут письма, звонят или приходят в редакцию, готовят для нее материалы, собирают информацию, консультируют журналистов и т.д.) выступают и в роли журналистов, которые точно так же, в свою оче-

редь, оказываются аудиторией других средств массовой информации [15, 9-10]. Журналы «Современник» и «Отечественные записки» выписывали не только столичные и зарубежные читатели, но и провинциалы, жители далеких окраин, в том числе население Северного Кавказа, заинтересованные в получении оперативной информации. По подсчетам ведущего сотрудника «Современника» Н.Г. Чернышевского, тенденция стремительного увеличения числа подписчиков журналов наблюдалась с 1855 г., и в 1859 г. оно достигло у «Современника» 5500 чел., в 1860 г. – 6598, в 1861 г. – 6658 [20, 169]. Рост тиража объяснялся обращением демократической прессы к актуальным проблемам общественной жизни и возрастанием социальной активности населения накануне крестьянской реформы. Благодаря проведенному Чернышевским сопоставительному статистическому анализу числа подписчиков «Современника» в течение трех лет: 1859, 1860, 1861 гг., у нас есть возможность изучить данные о столичных и региональных подписчиках [21, 454-479]:

<i>Губерния или город</i>	<i>1859 г.</i>	<i>1860 г.</i>	<i>1861 г.</i>
Московская:	680	561	544
в т.ч., г. Москва	622	482	477
С.-Петербургская:	39	48	62
г. С.-Петербург	1274	1628	1681
Дербентская, из них:	18	26	30
1. Дербент	4	1	6
Кутаисская	2	7	8
Ставропольская, из них:	94	124	131
1. Владикавказ	21	17	12
2. Грозная	-	10	6
3. Кизляр	7	9	5
4. Моздок	6	2	6
5. Нальчик	1	1	1
6. Пятигорск	4	4	6
7. Ставрополь	24	40	50
8. Усть-Лабинская отд.	8	9	14
9. Хосаф-юрт	8	8	7
10. Николаевка	2	7	4
Тифлисская, из них:	69	81	76
1. Тифлис	44	52	55

Из приведенной таблицы следует, что интерес провинциального читателя к «Современнику» с годами лишь усиливался, в сравнении с читателями из г. Москвы, например, число которых за два года снизилось на 145 человек;

• *журналист* – штатные и внештатные работники редакций (от корреспондента и работника отдела писем до руководителя корреспондентской сети и главного редактора), которые ведут авторскую, редакторскую, организационную работу по сбору, обработке, компоновке массовой информации в номера газет и журналов, реализуя редакционную (информационную) политику данного издания. Большую роль в сборе и трансляции актуальной информации о горцах Кавказа сыграли редакторы и сотрудники «Современника» и «Отечественных записок», программные заявления которых предусматривали публикацию аналитических статей и авторских (корреспондентских) материалов о Кавказском регионе.

Функциональный набор системы «либерально-демократическая журналистика» достаточно сложный и разноплановый, каждый компонент системы выполняет определенную функцию, которые в совокупности и образуют новые интегративные качества. Публикация в журналах статей о национально-освободительной борьбе и истории народов Северного Кавказа определяли общую концепцию редакции «Современника» и «Отечественных записок», заключавшуюся в борьбе против угнетения народных масс.

Таким образом, система «либерально-демократическая журналистика России XIX в.» действует на основе прямых и обратных связей. Публикация в прессе XIX в. массива информации о горцах Кавказа объясняется не только идеологическими позициями редакторов и журналистов, но и запросами и интересами массовой аудитории, зависит от общественной ситуации и развития самой журналистики как особой сферы человеческой деятельности.

1. Кузьминов П.А. Россия и горские народы Северного Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX в.: альтернативные формы взаимодействия // Кавказология. 2017. № 4.

2. Тахушева И.С. Публикации о Кавказской войне на страницах журнала «Современник» (1859 г.) // Стратегия развития Северного Кавказа: новый взгляд на решение проблем / Материалы Всероссийской научно-практической конференции, аспирантов, магистрантов и студентов. Пятигорск: РАНХиГС, 2015.; Тахушева И.С. Система управления народами Кавказа на страницах «Отечественных записок» // Системы власти и права автохтонных народов Кавказа, Российской Империи советов (XVIII – XX вв.): сравнительный анализ / Материалы VI Международной научно-практической конференции / Ответственный редактор и состав-

витель Д.Ю. Шапсугов. Ростов н/Д, 18-21 мая 2016.; Кузьминов П.А., Тахушева И.С. Либерально-демократическая печать России XIX в. как исторический источник по истории народов Северного Кавказа (на примере «Современника») // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых / Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Махачкала, 2016.; Кузьминов П.А., Тахушева И.С. Кавказ в редакционной политике журнала «Отечественные записки» (1818-1867 гг.) // Научная мысль Кавказа. 2016. № 4.; Тахушева И.С. Политика российского правительства в области образования и цензуры на Северном Кавказе в 40-50-х гг. XIX в. (на материалах «Отечественных записок») // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Владикавказ, 2017. № 17.; Тахушева И.С. Художественно-литературные формы отражения особенностей культуры и природы Кавказа в либерально-демократической печати России XIX в. (на примере «Современника» и «Отечественных записок») // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: Материалы VII Международной научно-практической конференции. Владикавказ: Изд-во «Веста», 2017.; Кузьминов П.А., Тахушева И.С. П.П. Свинын и трансляция истории народов Северного Кавказа в «Отечественных записках» (1818-1838) // Научная мысль Кавказа. 2018. № 2.

3. Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. 303 с.

4. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системных исследований. М.: Мысль, 1970.

5. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования: ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 30-54; Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М. Наука, 1974. 280 с.; Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с. и др.

6. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981. 432 с.

7. Ахмадулин Е.В. Краткий курс теории журналистики: Учеб. пособие. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2006. 272 с.

8. Корнилов Е.А. Проблемы применения системного подхода к изучению журналистики // Методы исследования журналистики / Под ред. Я.Р. Симкина. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1984. Махонина С.Я. Некоторые аспекты системного подхода к изучению журналистики в России // Методика изучения и преподавания истории русской журналистики на факультетах журналистики государственных университетов / Под ред. Б.И. Есина. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 21-35.

9. Тюхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. М.: АН СССР, 1972. 256 с.
10. Ахмадулин Е.В. Проблемы и методология системного исследования истории отечественной журналистики // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2009. № 1. С. 118-129.
11. Быков А.Ю. Теоретико-методологические подходы к исследованию журналистики // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2008. № 56. Вып. 23.
12. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
13. Корконосенко С.Г. Основы журналистики: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 287 с.
14. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов / Е.П. Прохоров. 8-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2011. 351 с.
15. Письмо 1-е о Русском Химике // Отечественные записки. 1818. Т. 1.; Письмо 2-е о Русском Механике // Отечественные записки. 1818. Т. 1.; Письмо 3-е о Русском Заводчике // Отечественные записки. 1818. Т. 1.; Жизнь механика Кулибина и его изобретения // Отечественные записки. 1819. Т. 2.; Красильников, провинциальный оптик // Отечественные записки. 1820. Ч. 1.
16. Бурцев И.Г. Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами в 1810 году // Отечественные записки. 1820. Ч. 2. С. 18-26; Глинка Ф.Н. Подвиги русских за Кубанью в 1789 г. // Отечественные записки. 1821. Ч. 5.
17. Акопов А.И. Периодические издания. Учебно-методическое пособие для студентов-журналистов. 2-е изд., доп. Ростов н/Д: Издательство ООО МП «Книга», 1999. 91 с.
18. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М.: Флинта: Наука, 2002. 240 с.
19. Чернышевский Н.Г. Сведения о числе подписчиков на «Современник» 1861 г. по губерниям и городам // Современник. Т. 91. № 1. С. 169.
20. Чернышевский Н.Г. Сведения о числе подписчиков на «Современник» 1861 г. по губерниям и городам // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1951. Т. 10.: Статьи и рецензии 1862-1869 гг.

IV. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

**А.Б. Багаев,
к.и.н, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)**

ХОЗЯИН ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В ОСЕТИНСКОЙ ОХОТНИЧЬЕЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Для всестороннего и глубокого изучения традиционной осетинской культуры необходимо исследование входивших в нее разных субкультур, одной из которых является охотничья. Статья направлена на исследование вопроса о хозяине диких животных, почитание хозяина которого играло большую роль в охотничьей субкультуре осетин, а его культ являлся органичным элементом религиозных представлений и народных традиций. Автором рассмотрен генезис религиозных представлений, связанных с духом-хозяином диких животных в осетинской охотничьей субкультуре.

Ключевые слова: традиционная осетинская культура, охотничья субкультура, дух-хозяин, Афсати, охота.

For a comprehensive and in-depth study of traditional Ossetian culture, it is necessary to study the various subcultures included in it, one of which is hunting. This work is aimed at studying the issue of the host of wild animals. Honoring the owner of wild animals played a large role in the hunting subculture of Ossetians, and his cult is an organic element of religious beliefs and folk traditions. The author considers the genesis of religious beliefs associated with the spirit-master of wild animals in the Ossetian hunting subculture.

Keywords: traditional Ossetian culture, hunting subculture, master spirit, Afsati, hunting.

Традиционная духовная культура осетинского народа – сложная и самобытная система. Она сложилась в ходе длительного развития осетинского народа. Для более глубокого и всестороннего его изучения большую роль играет исследование субкультур, существовавших в рамках традиционной осетинской культуры. Их исследование позволит нам лучше понять ментальные особенности осетин. Кроме того, работа в этом направлении позволит восполнить некоторые лакуны в этой области, а также разрешит ряд дискуссионных на данный момент вопросов.

Как известно, охота возникла в глубокой древности, раньше земледелия и скотоводства. Вследствие определенной закрытости и медленной трансформации субкультура охотников или охотничья субкультура донесла до настоящего времени ряд архаических обычаев и обрядов. Под «охотничьей субкультурой» мы понимаем комплекс традиций: особенности образа жизни, обычаи и обряды охотников, стереотипы поведения, суеверия, а также символика и атрибуты.

Важным элементом охотничьей субкультуры являются религиозные представления о духе-хозяине, боге диких зверей, который часто является и покровителем охотников. Как правило, почти у всех народов, в жизни которых охота играла значительную роль, существовала вера в духа-покровителя охотничьего промысла.

Образ покровителя диких животных, являвшегося одновременно и божеством охоты, затронут в работах по этнологии, фольклору и языку осетин. Рассмотрение различных аспектов образа Афсати обнаруживается во многих осетиноведческих работах [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18].

Анализ работ и высказанных разными авторами мнений по рассматриваемой проблеме демонстрирует неоднозначность позиции исследователей по вопросу о хозяине диких зверей. Довольно слабо затронут вопрос об эволюции образа Афсати и связанных с ним религиозных представлений. Этим определяется актуальность данной работы.

Вера в духа-покровителя диких животных, суеверные представления, поверья, приметы и запреты в охотничьей среде необычайно устойчивы как в древности, так и в настоящее время. Объясняется это тем, что в охотничьем промысле всегда большую роль играла удача. Данный вид деятельности всегда был связан с опасностью и риском не только для здоровья, но и самой жизни человека. Охотники более чем люди из других отраслей хозяйства чувствуют себя во власти не поддающейся регулируемому воздействию человека среды, а иногда прямо осознают свою беспомощность [19, 54].

Вера в духов-хозяев покровителей различных видов животных сформировалась в глубокой древности. В ходе эволюции общества, а вместе с ней и религиозных представлений появился культ бога охоты – хозяина зверей и мест охоты. Определенное влияние на эти представления оказали физико-географические и социально-исторические условия проживания осетин. При изучении эволюции и выявлении особенностей содержания веры в хозяина зверей, невозможно игнорировать такое общекультурное явление, как религиозный синкретизм, который представляет собой объективный процесс объединения, слияния различных, как рациональных, так и иррациональных, элементов. В ходе их взаимодействия друг с другом образуется новая целостная система мировоззрения,

мироощущения и культа со своей специфической структурой [20, 13]. В процессе взаимодействия разных религиозных систем формируется органическая синкрета, отражающая внутреннюю сторону эволюции религии. Религиозная система во всех фазах своего развития воссоздает предшествующие предпосылки своего генезиса. Такие элементы религиозной системы, как религиозные представления и обряды, единожды возникнув, проявляют особую устойчивость. В случае же изменения породивших их условий, они не исчезают, а, трансформировавшись, продолжают функционировать и благодаря вековой традиции, влиять на образ жизни людей. Создание новой гармоничной религиозной системы предполагает избирательный отбор в нее старых элементов, которые переосмысливаются в соответствии с содержанием и функциональной направленностью новой религии [21, 36]. При этом главный критерий отбора старых религиозных элементов в создающийся синкретический комплекс определяется их способностью удовлетворять возникающие запросы общества. В ходе трансформации старый религиозный материал согласовывается с новым и начинает гармонично с ним функционировать. Наглядным примером преемственности и генетической взаимосвязи форм религии является промысловый культ. Он сочетает в себе верования и ритуалы, гарантирующие успешность того или иного промысла (охотничьего, рыбного и пр.). В процессе эволюции промысловый культ объединял в единое целое идеи и элементы обрядности, усвоенные из сосуществующих верований и культов. Существование типологически аналогичных элементов обеспечило легкость сближения и взаимной адаптации в ходе создания органического синкрета. Значительный исторический период времени природно-климатические условия обуславливали постоянство хозяйственных основ и уклада жизни людей. Сильная зависимость человека от природы способствовала одухотворению им окружающего мира.

Наделение предметов и явлений природы (солнце, ветер, радуга и т.д.) человеческими качествами предполагало возможность их воздействия на людей и животных. Антропоморфизация окружающей действительности явилась причиной формирования слаборасчлененной целостности анимистических, магических, тотемических и фетишистских представлений.

Развитые анимистические представления и обряды отражали веру во множество духов (добрых и злых), обитающих в окружающем мире (отдельных местностях, скалах, реках, лесах и т.д.). Они требовали особого отношения к себе. Считалось, что человек не находился в полной зависимости от воли сверхъестественных существ. Кроме того, в представлении анимистов люди обладали возможностью разными способами воздействовать на духов. Взаимодействие с ними находилось в прямой зависимости от выполнения ими своих функций. Человек мог просто со-

существовать, общаться, договариваться, задабривать, обращаться к ним с просьбами, заключать сделки, но он также обладал возможностью заставлять исполнить некоторые свои желания, конфликтовать, бороться и даже наказывать духов.

Анимистические представления о духах и божествах находились в непосредственной связи с воззрениями о структуре Вселенной. В картине мира многих этносов распространение получила идея трех уровней, на которые она делится: небесный мир (верхний), земной мир (средний), подземный мир (нижний). Вселенная населена божествами и духами, находящимися в иных мирах. Они оказывают воздействие на все процессы, происходящие на земле. При этом верхний уровень населен высшими духами, создателями мира и людей, в то время как в нижнем или подземном (подводном) мире обитают злые, вредоносные божества.

Религиозный культ предусматривал установление хороших отношений с духами и божествами в независимости от представлений об их силе. По этой причине с большим размахом распространилась магия. Она включала множество обрядов, вызванных верой человека в возможность сверхъестественным способом воздействовать на духов. Магические ритуалы являлись доминирующей формой взаимодействия с ними и они имели разные формы – моления, заклинания, принесение в качестве жертв животных, ритуальной еды, кусочков металла, материи и пр. Архаическая религиозная практика сочетала магические манипуляции вместе с элементами изобразительного, танцевального, музыкального искусства, словесного творчества. Органический синтез анимистических, магических, фетишистских и тотемических верований и обрядов стал ядром промыслового культа [19, 4].

Промысловый культ содержал всевозможные способы и приемы охотничьей (рыболовецкой) магии. Охотник произносил магические слова и выражения над промысловым инвентарем для улучшения его качеств во время охоты. Для удачи на охоте исполнялись специальные танцы с характерными телодвижениями промыслового животного и с облачением в его шкуру. Охотник строго следовал определенным табу: не есть мясо перед охотой, не называть зверя по имени, во время промысла говорить на особом языке, не оскорблять животное и не причинять ему страданий, не иметь половых отношений с женщиной перед отправлением на охоту и т.д. Постепенно, по мере общего исторического развития, вера в сверхъестественную силу магического человеческого действия трансформируется в персонификацию магических представлений. Они начинают принимать форму анимистических образов [19, 55].

Очень важную роль в религиозной системе начинают играть образы духов-хозяев. В честь духов-хозяев устраивались умиловительные и благодарственные обряды, с жертвоприношениями. Они должны были

обеспечить людей нужными ресурсами и способствовать сохранению и приумножению их материального благосостояния.

Дух-хозяин – очень важный термин в ранних формах религий, позже перешедший в качестве синонима божества во все высшие религии. Так, в Гималаях у лепча, являвшихся горными охотниками, покровитель охоты называется Чумунг, который также является духом ледников. На Кавказе у осетин хозяин зверей – Афсати; у адыгейцев – Мезытх, у абхазов – Ажвейпшаа и Айргь – духи-хозяева дичи, которые живут в лесу и стерегут зверей. У сванов покровительницей охоты – считается богиня Дали; она дает добычу на промысле; ей молятся тайно. Мифологические образы божеств – покровителей охоты сохраняются и в некоторых религиях классовых обществ; черты такого характера влились в образ греческой Артемиды-охотницы, римской Дианы, царицы леса. В христианстве подобные образы получили очень слабое отражение. Это объясняется тем, что христианство зародилось и распространилось, преимущественно, среди земледельческих народов. Однако у некоторых этносов, например у северо-русских поморов – с их выраженным промысловым направлением хозяйства – развился культ св. Николая Чудотворца как покровителя морских промыслов [19, 56].

Мнение о том, что культ духов-хозяев есть господствующее содержание религий охотничьих народов разделяется как отечественными, так и зарубежными этнографами, историками религии.

В осетинской мифологии животный мир делится на несколько групп, каждая из которых имеет своего духа-хозяина / божество-покровителя. Так, все дикие животные, а из птиц горная индейка находятся во власти Афсати. Младшим собратом Афсати был Хуыджыры – покровитель кабанов и медведей [17, 55]. Надо отметить, что имя последнего духа-хозяина было редко употребляемо. Чаще в качестве хозяина медведей и кабанов выступает также Афсати. Вероятно, это является свидетельством того, как один из духов-хозяев покровитель конкретного вида животных постепенно вытеснил духов-хозяев других животных и превратился впоследствии в божество охоты – владыки стад всех диких животных. Волки имеют своим патроном Тутыра. Духом-хозяином птиц и зайцев является Карчиклой (*Кæрчиклой*). К началу XX века имя данного духа-хозяина постепенно стало забываться. Ихтиологическая фауна находится под патронажем Донбеттыра [18, 188].

По мнению Л.Я. Штернберга, самое раннее значение понятия дух-хозяин – это хозяин того или другого вида животных, существо, распоряжающееся ими на таких же началах, на каких человек распоряжается принадлежащим ему скотом или владычествует в кругу себе подобных [22, 216-218]. На осетинском материале в определенной мере отражением этого является то, что дикие животные, иносказательно, назывались скот

Афсати (*Æфсатийы фос*) [23, 443-444]. По представлениям осетин все они (кроме волка и зайца) в полной власти Афсати, так как он является их создателем. Главнейшими из этих животных считались олень и горный тур. Без соизволения хозяина на диких животных никому не позволительно было охотиться. Охотники должны были строго соблюдать охотничьи обычаи и обряды. В противном случае их ждало суровое наказание. По представлениям осетин, на нерадивых охотников Афсати может спустить своего свирепого и исключительно сильного кабанчика, который безжалостно с ними расправляется [4, 13].

Хозяин диких животных обитает в особой области, которая называется страной Афсати (*Æфсатийы бæстæ, Æфсатийы бынат*). Это гористая и лесистая местность. На этой территории охотник должен разговаривать только на охотничьем языке. Это соответствует распространённому в архаических религиях представлению о том, что всякая, более или менее обособленная область природы, или явлений, даже отдельные территории (горы, лес, река, рощица и т. д.), имеют своего духа-хозяина. Причем не только крупные духи-хозяева земли, неба, воды, моря, ветра, солнца, луны, но и бесчисленные духи ручья, утеса, вершины, рощи и т. п. Существование множества явлений приводят к идее, что духи специально заняты благодетельствованием человеку. Первоначально они не имеют ничего общего между собою, не имеют они и общего духа-хозяина, а совершенно автономны [22, 216-218].

Почти все древние мифологии рисуют духов-хозяев в образе глубоких старцев и старух, ведущих усердную хозяйственную жизнь [22, 216-218]. Не исключение в этом плане и осетинский бог диких животных и охотников. По представлениям осетин, Афсати считается старшим по возрасту среди небожителей. У него есть семья. В написанной классиком осетинской литературы С. К. Гадиевым сказке «Афсати» упоминается его жена [24, 378]. В фольклорных текстах говорится, что у него семь сыновей и дочь. Дочь зовут Аханат или Хайыркыз, а одного из сыновей Будзумар [10, 80; 17, 60].

В осетинских фольклорных текстах встречается мотив похищения дочери Афсати. Ее спасает земной охотник Дзамболат, являющийся сыном его побратима Комая, который затем на ней женится [10, 80].

Дух-хозяин может представляться в форме того или другого животного или растения, только с физическим или интеллектуальным перевесом. Позже он полностью становится антропоморфным, но при необходимости может принимать звериную форму. Еще позже он уже не превращается в зверя, но имеет определенного зверя своим спутником [22, 216-218].

В нартовском эпосе осетин Афсати однозначно божество диких животных. Однако многие из его черт говорят о том, что ранее он был духом-хозяином какого-то конкретного вида животных (медведь, олень,

горный тур, кабан). На эту мысль нас наталкивает, во-первых, то, что в одном из текстов нартовского эпоса Афсати превращается в белого медведя. Во-вторых то, что его главными животными являются олень и горный тур. В-третьих, в качестве животного, который наказывает нарушителей охотничьих обычаев, выступает кабанчик.

Согласно мифологическим представлениям, без дозволения бога охоты ни один охотник не мог добыть зверя. По представлениям осетин, охотникам Афсати позволял убить того зверя, которого он до этого зарезал и съел сам. Это говорит о том, что первоначально Афсати обладал абсолютной властью над дикими животными, а также о местах их обитания. Однако с распространением среди предков осетин монотеистической идеологии представления об Афсати начинают претерпевать трансформацию. По мнению В.И. Абаева, идея единого бога вошла в духовный мир алан вместе с христианством [25, 255]. Афсати из самостоятельного архаичного божества превращается в одного из подчиненных единому богу ангелов (необходимо отметить, что это перевоплощение произошло в неполной мере). Так, согласно одному из осетинских мифов, после создания мира бог каждому зэду (в дохристианский период божество, отраслевой бог, дух-покровитель, после христианизации – ангел) даровал из своего скота: нынешний домашний скот получил Фалвара, урожай – Уацилла, пчел – Анигола, зверей – Афсати. Когда же бог создал людей, тогда зэды собрались и решили: «Давайте отдадим подарки нашего отца людям» [26, 280-281]. Здесь как мы видим, Афсати представлен как сын бога-отца, что в представлениях осетинских охотников нетрадиционно.

Свидетельством влияния монотеистической идеологии на охотничью субкультуру в целом и роль в ней хозяина зверей являются отмеченные в разных районах Осетии формы молитвы перед началом охоты. В некоторых местах молились только Афсати. В других упоминали имя единого бога и Афсати, в третьих, сначала наряду с единым богом, упоминали и Уастырджи, а лишь потом Афсати. Есть тексты, в которых наряду с Афсати молились и духу-места, где располагались охотники. Так, в Уаллагкоме каждый охотник, отправляясь на охоту, брал с собой три маленьких продолговатых пирога с начинкой из сыра (*гуылтæ*). Рано утром старший из охотников возносил молитву единому Богу и Уастырджи, и только после этого у пышноусого Афсати просил мясо на шашлык [7, 96]. В то же время при проведении осеннего охотничьего праздника в Куртатинском ущелье молились только Афсати [7, 90].

В некоторых районах Осетии молодой охотник из туши первого добытого животного должен был сделать пир во славу единого Бога, Афсати и других небесных покровителей и духов, так как он считал, что именно благодаря им ему улыбнулась удача на охоте. Он благодарил их всех за дарованную удачу, хотя охотничье счастье находилось в руках Афсати.

В одном из текстов нартовского эпоса мы видим синтез образа Афсати и единого бога (*хуыцау*), который ведаёт дикими животными, хотя они по-старому называются «скотом Афсати». В сказании говорится: «С этого дня пусть бог не даёт тебе доли из скота Афсати» [23, 443-444]. Здесь мы видим вытеснение Афсати из сознания сказителя и замену единым богом.

Традиционно осетинские охотники своему товарищу, который добыл зверя, говорили благопожелание: «Чтобы Афсати тебе дал много». Однако в селениях, где монотеистическая идеология заняла сильные позиции, в данной формуле вместо имени покровителя охоты употребляли имя единого бога.

Данные примеры говорят о том, что постепенно монотеистическая идеология начинала проникать в охотничью мифологию и субкультуру.

Таким образом, религиозные представления осетин связанные с хозяином зверей, своими корнями уходят в глубокую древность. Хозяин диких зверей относится к божествам – дарителям благ. С древнейших и до настоящего времени именно от него, по представлениям осетинских охотников, зависит успех на охоте. В ходе многовекового исторического развития образ хозяина диких животных в осетинской охотничьей субкультуре эволюционировал, плавно сочетая в себе определённые политеистические и монотеистические религиозно-мифологические представления.

1. Алборов Б. А. Язык осетинских охотников // Научный архив СОИГСИ. Ф.19. Оп.1. Д. 140.

2. Багаева А.Б. Охотничьи обычаи осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Вып.21. 2019.

3. Гаглоева З.Д. Охота в верованиях и обычаях осетин и сванов // Известия ЮОНИИ. Цхинвали, 1987. Вып. XXXI.

4. Гуриев Т.А. Наследие скифов и алан. Владикавказ: Ир, 1991. 178 с.

5. Дзаттиаты Г.П. Образ Афсати в осетинской народной песне и в одноименном стихотворении Коста Хетагурова // Известия ЮОНИИ. Цхинвали, 1971. Вып. XVII.

6. Калоев Б.А. Осетины. М.: Наука, 2004. 473с.

7. Кесаев В.А. Обряды и язык осетинских охотников. Владикавказ: Ир, 1998. 148с.

8. Кусаева З.К. Мифо-фольклорные традиции в осетинской литературе // Фундаментальные исследования. 2013. №4.

9. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968. 568 с.

10. Накусова Н.Т. Образ покровителя охоты в осетинской мифологии

// Духовная культура осетин и современность: проблемы и перспективы. Сборник научных статей. Материалы республиканской научно-практической конференции. Владикавказ, 2009.

11. Сокаева Д.В. Бог зверей Афсати в осетинской волшебной сказке // Фольклор народов России. Фольклорные традиции и фольклорно-литературные связи: Межвузовский научный 57 сборник. Уфа, 1993.

12. Техов Ф.Д. Охотничий язык у осетин // Известия ЮОНИИ. Вып.17. 1972.

13. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ, 1915. 441с.

14. Цаголов Г. М. Охотничий язык и обряды у осетин // Терские ведомости. 1895. №58.

15. Цаллагова И.Н. Семантическая и денотативная характеристика соматической лексики дигорского варианта осетинского языка // Известия СОИГСИ. 2017. №24(63).

16. Цаллагова И.Н. Паремии осетинского языка: язык осетинской загадки. Владикавказ, 2010. 230 с.

17. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2008. 599 с.

18. Чурсин Г.Ф. Осетины / Юго-Осетия. Тифлис. 1925.

19. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.

20. Капустин Н.С. Особенности эволюции религии. М.: Мысль, 1984. 222 с.

21. Демченко О.Н. Религия: взаимодействие рационального и иррационального. Норильск: НИИ, 2008. 216 с.

22. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. 603с.

23. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Кн.3. Владикавказ, 2005. 712 с.

24. Гадиев С.К. Избранные произведения. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1959.

25. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.IV. Л., 1989. 325с.

26. Осетинское народное творчество. Т.II. Орджоникидзе 1961. 692 с.

Т.Т. Дауева
кин, снс СОИГСИ им. В.И.Абаева
(г. Владикавказ)

ПРАВОВОЙ СТАТУС ОСЕТИНКИ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье на основе анализа источников обычного права показаны правовое положение женщины и гендерная асимметрия в традиционном осетинском обществе. Статья базируется на источниковом, литературном материале, что позволяет реконструировать внутрисемейную правовую культуру, положение и статус женщины в осетинской семье.

***Ключевые слова:** традиционное общество, обычное право, гендер, брачно-семейные отношения, преступление.*

The article analyzes the sources of customary law and shows the women legal status and gender asymmetry in traditional Ossetian society. The article is based on the source, literary material, which allows to reconstruct the family legal culture, position and status of women in the Ossetian family.

***Keywords:** traditional society, customary law, gender, marriage and family relations, offence.*

Большинство источников, касаясь вопроса о неправоиспособности женщины, указывает на правовое неравенство. Традиционная интерпретация имела социальный характер – женщина не была включена в общественную жизнь. Исследователи гендерных проблем объясняют данную ситуацию вероятностью передачи женщиной гражданских прав своему потомству по наследству. «На аульном сборище имеют право присутствовать собственно только мужчин, способные носить оружие. Женщины в старину не допускались вовсе, и только в настоящее время изредка является какая-нибудь старушка с просьбой, свидетельница или подсудимая» [1, 329].

Обычное право осетин, как известно, не выделяло женщин в юридическую категорию. Адаты имели целью разрешить конфликтные ситуации, участником которых могла быть женщина, но в то же время она как субъект права исключалась. Правоведы того времени объясняют женскую неправоиспособность рядом причин, в их числе и слабость рассудка. Внимание представителей уголовно-антропологической школы привлекала проблема женщины-преступницы. Исследователи объясняли причины преступного поведения женщин физическими и

психологическими факторами. Основное значение в объяснении криминального поведения женщины придавалось их физиологической неполноценности и неразвитости в сравнении с мужчинами [2, 68]. Некоторые исследователи обосновывают меньшее количество женщин – преступниц в отличие от мужчин-преступников физиологическими факторами, заключающимися в их физической слабости, а также пассивностью в общественной жизни, сосредоточенностью на семейных обязанностях [3, 124].

В адатах осетин проблема гендера освещается в большом количестве обычноправовых норм. Категория прав, недоступных женской части, определяла ее недееспособность, к которой относили исключение из общественной жизни, запрет занимать какую бы то ни было должность в системе центрального и местного управления. Нормы затрагивали представительниц всех сословий, знатность женщины зависела от отца, то есть семьи, в которой она родилась.

В судебной системе осетин также отмечена гендерная асимметрия. Одним из таких аспектов являлось недопущение женщин к судебному процессу; они не выступали в качестве свидетельниц на судебном разбирательстве. Как видно из источников, обычно за них приходил муж или брат, который с ее слов детально описывал случившееся [1, 114]. В случае изнасилования она могла пожаловаться члену своей семьи, который выносил вопрос в сельский или медиаторский суд.

Ситуация несколько меняется с установлением российского судостроительства в регионе. Архивные материалы содержат судебные дела, в которых мы видим женщину как субъект преступления, свидетельницу, истца и т.д., большая часть дел содержит жалобы женщин, которые записывались сельским старшиной с ее слов, без посредника. К примеру, в деле об убийстве Мамсура Ф. его соседки Госома и Нина Х. – выступали в качестве свидетельниц [5, 7].

В то же время обычноправовые акты обеспечивали имущественные права женщины на приданое и часть калыма. Касательно права на имущественную собственность, совершение обмена или дарение, права на долю наследства наравне с братьями, то здесь женщина полностью зависела от мужа или отца, потому что имущественные права женской части семьи (сестер, дочерей, теток, племянниц) были существенно ограничены. Женщины, как правило, обладали правом проживания и обеспечения средствами на существование. Согласно обычному праву, осетинам было характерно патрилинейное наследование, основанное на признании главного и второстепенных наследников. Правовая система осетин в качестве субъектов наследования выделяла мужчин, в то время как женщины не обладали полнотой правового статуса и не допускались к владению собственностью. Принцип главенства в на-

следовании: старший сын имел право на отцовское имение, либо на его большую долю, это же положение распространялось на долю младшего. Согласно всем видам обычного права, различались общесемейное имущество и личное имущество членов семьи. Одним из основных источников имущественных прав женщины являлось ее приданое [6, 97], причем, как обязательный компонент свадебной обрядности закрепилось в середине XIX века. Приданое невесты включало также часть полученного калыма. В постановлении от 1859 г. предполагалось третью часть калыма передать невесте в собственность на приданое [7, 54]. В исследовании «Народное право осетин» В.Б. Пфаф указывал: «Прежде, как видно, было у осетин обыкновение из 25 коров полного калыма отдавать 6 или 7 коров в приданое невесте, т. е. ей покупали платья и домашнюю утварь» [1, 296].

В пореформенный период в вопросах наследства происходят трансформации. Согласно введенному российскому законодательству, женская часть семьи получает право на владение имуществом наравне с мужской.

Вдова не имела права наследования мужу. Она возвращалась в родительский дом и обладала правом забрать свое приданое. Следует указать, что в традиционном наследовании существовало понятие «личное имущество», и приданое, которое жена приносила с собой после свадьбы. Это были предметы личного характера, подушки, домашняя утварь. Приданым девушку обеспечивал отец, в случае его смерти, брат или дядя, в доме которого она проживала. Таким образом, период распространения российского законодательства ознаменовался получением женщинами права на владение и самостоятельного распоряжения имуществом.

В уголовной отрасли права нормы фиксируют виды наказаний мужчин-преступников. Отдельно выделялся вид правонарушения, за которое женщина несла наказание, это прелюбодеяние. Согласно адату, муж, застигший свою жену с мужчиной, вправе был убить прелюбодея, не подвергаясь наказанию, то есть кровомщению [8, 41]. Если прелюбодею удавалось остаться в живых, то его изгоняли из селения (если он не был постоянным жителем) [9, 230]. Серьезной мерой наказания являлось общественное презрение: достаточно было только подозрения в прелюбодеянии, чтобы в народе сложили песню, жестко высмеивающую виновных. В архивных материалах описан случай, когда замужняя женщина покончила жизнь самоубийством, услышав от детей селения песню о себе и своем возлюбленном соседе [10, 19]. Мечь или выкупные платежи не применялись в связи с тем, что она принадлежала семье обиженного. «Жену-прелюбодейку раздевали донага, сажали на осла и водили по площади или улице, на которой стояли собравшиеся родственники,

причем каждый из них, и во главе всех муж, обязаны были наносить ей удары, от которых она подчас и умирала» [11, 189]. Ту же процедуру описывает В. Б. Пфаф: «По общему мнению обвиненную сначала наказывал муж публично очень сильно, затем привязывал ее голую к ослу и пускал их через самую многолюдную улицу селения, причем муж бил плетью только осла. Дети и взрослые девушки бросали в преступницу пометом» [1, 275]. Этой экзекуции нередко предшествовало обезображивание жены отрезанием ее носа и обрезанием волос. Здесь речь, однако, идет скорее об общественном наказании, либо супруг выполнял установленную обществом кару в соучастии с общинниками. Как утверждал К. Борисович, «целомудрие жены главное достоинство женщины. Женщина нецеломудренная, если ее застанет муж на месте преступления, рискует быть убитой вместе с любовником или же непременно будет изгнана мужем, причем причину изгнания преступной жены не скрывает. Заведомое нецеломудрие девушки обрекало ее на пожизненное девичество» [9, 230]. Девушку, потерявшую целомудрие до брака, также строго наказывали. Ее привязывали в одной рубашке с обнаженной грудью к ослу и водили по всем улицам села, причем каждый встречный имел право бросить в преступницу комом грязи. Неизбежным было изгнание из семьи неверной жены. Родственники жены обязывались вернуть полный калым, который был отдан им за нее [12, 532].

Некоторые аспекты, затронутые в данном исследовании находят отражение и в осетиноведческих работах.

Таким образом, как видим, женщина была поставлена на более низкую ступень в обществе, чем мужчина. Значимой задачей для социума было установление для женщины той социальной роли, которую она могла выполнять: рождение и воспитание детей, забота о семейном очаге, одновременно с этим покровительство и защита ее прав.

1. Пфаф В. Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т.2. С. 258-325.

2. Ломброзо Ч. Преступление. СПб., 1900. 140 с.

3. Пушкарева Н. Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX века // Этнографическое обозрение. № 5. 2009. С. 120-134.

4. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания. Ф. 113. Оп. 1. Д. 149.

5. Гутиева Э. Ш. Формирование интеллигенции в Осетии: гендерный аспект // Современная методология гуманитарного исследования. Материалы III Всероссийской летней историко-филологической школы-семинара молодых ученых. 2008. С. 95-110.

6. Канукова З. В. Гендерные аспекты в культуре полиэтничного города Владикавказ (в XIX – начале XX веков) // Гендер, язык, культура, коммуникации. Материалы 1-ой Международной конференции. 1999. С. 54-55.

7. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1882. Вып. I. 437с.

8. Борисевич К. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // Этнографическое обозрение. М., 1899. № 1-2. С. 230.

9. Научный архив северо-осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф. 4. Оп. 1 Д. 58.

10. Дауева Т. Т. Наказание в традиционной правовой культуре осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2013. № 9. С. 189-196.

11. Багаев А. Б. К вопросу о традиционном коневодстве у осетин // Современные проблемы науки и образования. 2014. С. 532.

**Б.А. Битиев,
мнс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)**

НЫХАС – НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ У ОСЕТИН

В статье будет рассматривается аспект общественной жизни осетин – народное собрание, высший орган управления в Осетии – Ныхас. Своими корнями народное собрание уходит к далеким временам являясь родственным древним народным органам управления, например, древне-греческой Агоре или древнеславянскому Вече.

Одним из источников в исследовании этнических вопросов осетин являются зарисовки М.С. Туганова, первого профессионального осетинского художника. Этнографические зарисовки Махарбека Сафаровича отличаются достоверностью и фотографической точностью, что позволяет визуально представить исследуемую сторону жизни, в частности, народное собрание и его основные функции. В статье используются две зарисовки М.С.Туганова.

Ключевые слова: *ныхас; народное собрание; мужское собрание; этнографические зарисовки; М.С. Туганов; Нартовский эпос.*

The article will consider a very important aspect of social life of Ossetians – the people's Assembly, the Supreme governing body in Ossetia – Nyhas. The roots of the people's Assembly goes back to ancient times, being related to the ancient people's governing bodies, for example, the ancient Greek Agora or the old Slavic Veche.

One of the sources in the study of ethnic issues of Ossetians are sketches of M. S. Tuganov, the first professional Ossetian artist. Ethnographic sketches of the different Maharlika Safarovich authenticity and photographic accuracy that allows you to visually represent the studied side of life, in particular, the people's Assembly and its main functions. The article uses 2 sketches by M. S. Tuganov.

Keywords: *nyhus; national collection; men's collection; ethnographic sketches; M. S. Tuganov; Nart epic.*

У осетин народное собрание, орган управления обществом, получило название – «Ныхас». Слово «ныхас» в дословном переводе означает «беседа», «слово», «разговор». В интересующем же нас смысле *ныхас* – место, где мужчины проводили свое свободное время, место общественных собраний. Как правило, *ныхас* располагался в специально отведенном для этого месте в центре селения, в большинстве случаев под открытым не-

бом, порою около жилых или крепостных сооружений, культовых мест. В некоторых местах он устраивался на площадях под навесом и обносился плетневой изгородью [1, 399].

Так, важную роль в общественной жизни *нартов* (легендарных предков осетин; прим. автора) играл *ныхас* – древнейший орган управления родоплеменных организаций создателя эпоса. В осетинском эпосе *ныхас* встречается под названием *большой нартовский ныхас*, что дает возможность предполагать наличие в нартовском селении и фамильных *ныхасов*, на которых обсуждали и решали вопросы, касающиеся отдельных родов. Видимо, большой *ныхас* был органом управления племен или нескольких родов, что мы видим и у *нартов*. Судя по некоторым фольклорным и этнографическим данным, народное собрание у алан, как и у осетин, в далеком прошлом представлял собой совет родоплеменных старейшин. Позже у осетин на *ныхасе* уже могли присутствовать все взрослые мужчины, хотя решающим голосом пользовались по-прежнему только родовые старейшины. Это период распада Осетии на несколько самостоятельных обществ, поэтому на народном собрании решались важнейшие общественные дела, вопросы войны и мира, суда, рассматривались всякие действия как отдельного члена общества, так и целого аула. Здесь же обсуждали: комплектование в случае нужды отрядов, выбор предводителя, планы и проведение походов (*балц*) [2, 126].

Однако значение *ныхаса* этим не ограничивалось. На нем проводились упражнения в стрельбе, в состязании с холодным оружием, в красноречии; здесь сказители создавали лучшие произведения народного творчества. С установлением царской административной власти на Кавказе некоторые функции собрания были упразднены, и все же он продолжал играть в общественной жизни осетин важную роль (теперь на народном собрании распределяли подворные земские повинности, расходы на общественные постройки и т.д.) [3, 198]. Анализ этнографического и фольклорного материала дает возможность предполагать, что *ныхас* – мужское собрание, ведет свое происхождение от родового строя, служит ко всему прочему местом, куда ежедневно, в незанятое время, приходили мужчины и обменивались новостями, проводили свой досуг. Сход созывался глашатаями.

Ныхас был важнейшим общественным учреждением у алан и осетин и в период средневековья. Наличие *ныхаса* у алан подтверждается и некоторыми памятниками материальной культуры, сохранившимися в ряде мест горной Осетии. К их числу, например, относится *Нартский ныхас* в селении Лац, сохранившийся в первозданном виде. Судя по археологическим раскопкам, село это было основано аланами после гуннского нашествия. По-видимому, тогда же возник и ныне существующий здесь *ныхас*, как неотъемлемая часть любого аланского села. *Ныхас* этот нахо-

дится в центре поселения и представляет собой небольшую площадь; на одной стороне ее расположены полукругом большие камни для сидения, причем некоторые из них имеют вид кресла; на них, по преданию, сидели именитые нарты: *Урузмаг*, *Батрадз*, *Сослан*, *Хамыц* и другие; а также камень для состязания на игровом поле. Учитывая, что нартский ныхас в селении Лац – единственный памятник своего рода в Осетии, то можно полагать, что он основан не современными осетинами, а их предками – аланами [4, 132].

Ныхас как родоплеменной совет у алан-осетин имел, несомненно, много сходных черт с подобными учреждениями у соседних кавказских народов (кабардинцев, черкесов, балкарцев, карачаевцев и т.д.). Вместе с тем, как показывает анализ этнографического материала, истоки ныхаса уходят в скифо-сарматский мир. В этом аспекте нельзя не заметить большого сходства между осетинским ныхасом и *михман-ханой* (дом для гостей) горных таджиков, в частности *ягнобцев*, которые являются самым близкородственным по языку народом для осетин. В отличие от других народов Средней Азии у ягнобцев сохранились специальные постройки, куда собирались мужчины селения для обсуждения общественных дел или проведения свободного времени [5, 23].

Наиболее известными являются ныхасы на площадке *Зилахар*, в районе с. *Нар* (*Туалгом*), в с. *Дагом* (*Мадизæн*). На этой площадке (в с. Дагом) происходили заседания всеосетинского народного собрания, являвшийся своеобразным вече. Здесь коллективно судьи решали все общественные дела, касающиеся как внутренней жизни, так и внешних отношений, не только в рамках аула, ущелья, но и всей Осетии. Судьи заседали неделями, а иногда и дольше. Их рассаживали по старшинству. Решения этого суда строго выполнялись [6, 104-105]. Центром паломничества и принятия присяг был вертикально стоящий камень, что свидетельствует о связи святилища с культом Богоматери, характеризуя это культовое место, как женское божество. Под именем «*Мадизæн*» чтится богиня правопорядка и правосудия, нечто типологически близкое к греческой *Фемиде* – богине правосудия, распорядительнице благ. После установления русского владычества на Кавказе роль *Мадизæн* ослабла [7, 220]. Известными площадками ныхаса также были: *Мадзаскæ*, *Мацутæ*, в сс. *Лезгор*, *Къумбултæ*, *Ахсау* Дигорского ущелья; *Сидæн* – местность к югу от поселка *Бурон* Алагирского ущелья; *Цоцолта* – в Трусовском ущелье. Одним из известных мест народного собрания является – «*Ныхасы фæз*» («поляна ныхаса»), представляющее собой скалистую местность близ с. *Тамиск*, у входа в Алагирское ущелье, где расположено святилище *Ныхасы Уастырдж*, украшенное скульптурным изображением Святого Георгия на коне. Ныхасы обнаружены на территории ущелий Черека и Баксана и датируются аланским временем [8, 99].

Народное собрание являлось важнейшим институтом общественно-го самоуправления осетин, игравшее ведущую роль в организации всех сторон жизнедеятельности осетинской сельской общины (*хъæубæстæ*). Народное собрание не имело формально организованного характера будучи центром общественной жизни осетинского села. Со временем демократическая сущность народного собрания менялась – решение многих вопросов зачастую определяло уже не авторитетное мнение старейшин, а знатность и состоятельность. «В патриархальном ауле – пишет В.Б. Пфаф, – все делается гласно, и эта неограниченная гласность имеет весьма благотворное влияние на всю нравственную обстановку жизни. Она предупреждает интриги, сплетни, наговоры, потому что малейшее подозрение в подобных поступках против кого бы то ни было, тотчас заявляется громкогласно на ныхасе и разбирается столь же строго, как всякое судебное дело» [9, 195].

Система народных собраний была многоуровневая – от квартально-фамильных и общесельских до верховного Ныхаса, представлявшего интересы всего общества. Вся сложная система народных собраний была выстроена в соответствии с демократическим началом. Структура и деятельность Ныхаса разных иерархических уровней определялись принципом «народности», коллегиальности, предполагавшем подворное представительство на квартально-фамильном и общесельском собрании. На ныхас более высокого уровня делегировались группы избранных на местах депутатов, как правило, старейшин селения [10, 56].

Ныхасы различных уровней отличались, прежде всего, кругом решаемых вопросов и степенью влияния на жизнь общины, в целом. Решения народного собрания имели обязательную силу для всех без исключения членов коллектива, вне зависимости от их сословной принадлежности и конкретных семейно-родственных связей, что превращало ныхас во «вне-сословный» орган самоуправления. К ослушавшимся нередко применялись самые суровые меры, одной из которых был бойкот (*хъоды*) [11, 65].

Низшие ступени в иерархии народных собраний занимали *Ныхасы кварталов* (*сыхы ныхас*), в числе которых были фамильно-патронимические. Количество ныхасов в селе соответствовало количеству кварталов, и каждое из них имело соответствующее наименование. Фамильно-патронимические собрания рассматривали вопросы прямо или косвенно касающиеся самих этих кровнородственных объединений, такие, как пользование летними пастбищами, общественным лесом, охрана нив и т.п. [12, 26-31].

В компетенцию сельского ныхаса (*хъæуы ныхас*) входили вопросы, связанные с различными аспектами хозяйственной жизни села: подворное распределение общинных земель, расходы на общественные постройки, земские повинности; определение сроков начала выпаса скота и

весенне-полевых сельскохозяйственных работ, порядок севооборота; совместное пользование общественными постройками; принятие в общину нового члена и наделение его землей из общинного фонда и пр. Собрание являлось конечной инстанцией для обсуждения важных частных дел, в том числе и судебного характера, если они затрагивали интересы всего коллектива жителей села: межсемейные и межфамильные распри, дела об убийствах, оскорблениях и т.п. На народном собрании происходило примирение кровников, выносились приговоры, в том числе и смертные [13, 88].

Народное собрание организовывало различные виды соседской взаимопомощи, уполномочивая старейшин поручать молодым мужчинам определенные виды работ по оказанию помощи семьям, в которых не было достаточного количества рабочих рук (*зуу*). Соседская помощь (вещественная и материальная) по распоряжению *ныхаса* оказывалась и новым поселенцам, не имевшим достаточных средств для поднятия самостоятельно своего хозяйства в пределах принявшей их общины [14, 116].

Помимо сугубо хозяйственных, собрание также решало вопросы политического характера, представляло интересы общины как целостной социально-политической структуры перед внешним миром, при регулировании вопросов взаимоотношений между селами.

Высшим полномочным органом управления крупных общинных объединений были централизованные *ущельские ныхасы* (*комы ныхас*), на которых, наравне с вышеизложенными проблемами, решались вопросы организации строительства оборонительных сооружений, наблюдательных башен [15, 29-30].

Как коллективный орган общественного самоуправления *ныхас* исполнял и законодательные (нормотворческие), и регулятивные функции общественной власти. Правовые нормы, выработанные собранием в каждом конкретном случае, со временем приобрели характер «объективности и социальной целесообразности» [16, 96], способствуя установлению и поддержанию необходимого порядка в жизнедеятельности общины.

Представляя интересы социальной структуры более высокого уровня, чем любой кровнородственный коллектив, сельские *ныхасы* играли огромную роль в консолидации соседской общины, обеспечивая каждому ее члену, чувство принадлежности к одному коллективу и причастности к общим интересам вне зависимости от его экономического положения в самой общине. Восприятие данной социальной структуры как определенной территориально-хозяйственной целостности также стимулировало членов сельской общины упорядочивать добрососедские отношения [11, 66-67].

Народное собрание исполняло также важнейшую функцию социализации молодежи. Присутствуя на нем при обсуждении самых разноо-

бразных вопросов, молодые люди приобщались к жизни села. На народном собрании исполнялись старинные сказания и легенды, обрядовые и героические песни, часто сопровождаемые игрой на *хъисын фæндыре* (струнно-смычковый музыкальный инструмент, имевший повсеместное распространение по всей Осетии, представляющий собой двух- или трехструнный смычковый инструмент с чашеобразным корпусом; прим. автора) [17, 36].

Ныхас сохранял свои функции неофициального регулятора общественной жизни вплоть до 30-х гг. XX столетия [1, 400].

Наиболее наглядно проявлялся на народном собрании общественный этикет и нормы поведения осетин. У старейшин *ныхаса* (*ныхасы хистæр*) было персональное место – скамья старшего (*хистæры бандон*) или камень старшего (*хистæры дур*). Вокруг старейшины остальные старшие восседали на *ныхасе* полукругом, более молодые мужчины стояли. Ближе всех к старшим стояли мужчины среднего возраста, за ними – молодежь.

Присутствие на *ныхасе* было честью для каждого мужчины и предъявляло определенные требования к их внешнему виду: в такое место они приходили в лучшей одежде, вооружившись кинжалами. Общество становилось полукругом. При этом нельзя было облакачиваться на что-то, горбиться, жестикулировать, руку необходимо было держать на кинжале, то есть мужчины следовали поведенческим нормам, позволявшим сделать вывод о «природной гордости, свойственной горцу, которая выражается в его взглядах, походке», замеченной авторами XIX века.

Видимо, подобный неписаный свод правил мужского поведения уходит корнями в воинскую культуру алан: строение полукругом символизировало военный смотр; рука на кинжале – некогда распространенную клятву оружием, а также боеготовность, которую вместе со сдержанностью и учтивостью демонстрировали на *ныхасе*.

Обязательное ношение оружия в общественных местах послужило поводом для заключения, что «на народном собрании имеют право присутствовать только мужчины, способные носить оружие» [18, 41-43].

В ненастную погоду или в морозы зимой местом проведения народного собрания могла служить и кунацкая (*уазæгдон*) [19, 73]

В компетенцию собрания входило, кроме вышеперечисленного, разбирательство дел об убийствах, ранениях, оскорблениях, похищениях невест, воровстве. До 30-х гг. XIX века на *ныхасе* решались вопросы войны и мира, об организации обороны от наступающего врага, о сооружении оборонительных крепостей (*фидар*), башен (*мæсыг*). Решения, принимаемые на собрании, были обязательными для исполнения всеми жителями. В случае уклонения от приговора, неподчинение решению *ныхаса* общество принимало репрессивные меры: виновного подвергали штрафу

в пользу общины или, в самых крайних случаях, нарушителю объявляли бойкот (*хъоды*) [20, 414].

Подчеркивая безапелляционный характер решений *ныхаса* можно привести слова Е. Маркова, который писал, что, «всякий покорялся беспрекословно приговору *ныхаса* и обычаям старины, которые поддерживались даже изгнанием, или даже смертной казнью» [21, 169].

Для визуализации всего вышеперечисленного ниже представлена зарисовка М.С. Туганова «Судебное заседание на *Ныхасе*», созданная им в 1946 г. В картине отражен старинный обычай осетин. Случалось, что против предполагаемого убийцы не было достаточно улик. Тогда пострадавшая фамилия имела право требовать очистительной присяги перед лицом народного суда от всех членов фамилии подозреваемого. В картине также изображен величественный горный пейзаж в лучах вечернего солнца. Ярко освещенные снеговые вершины контрастируют с темной зеленью поляны.

Глубокой торжественностью проникнуты персонажи присягающей группы, окруженные кольцом молчаливых и суровых судей.

Благодаря этой зарисовке мы имеем возможность наглядно представить всё вышесказанное о Народном собрании – *Ныхасе*.

Община применяла по отношению к преступнику различные формы наказаний. Наиболее суровой и распространенной являлась форма

«хъоды», что в буквальном переводе означало «подвергнутый бойкоту», «отверженный». Член общины, подвергнутый хъоды, уже никогда не допускался на сельские торжественные и поминальные мероприятия. По решению ныхаса все члены общества, в том числе и родственники осужденного, прерывали с ним всякое общение. Отверженного хоронили отдельно такие же отверженные, как и он сам: ему не было места на сельском кладбище, и, соответственно, за его могилкой никто не ухаживал. О бойкоте сообщалось и в соседние общества, которые с этого времени должны были считаться с приговором и законами данной общины.

Подвергшийся хъоды, будучи отверженным, вынужден был бежать из села, а нередко его изгоняли в принудительном порядке, по решению народного собрания, при этом разрушив его дом или конфисковав имущество. Таким образом, бойкот – хъоды – был одной из тяжелых форм наказания преступника, смысл хъоды состоит в том, что преступник отныне обрекался на одиночество и проклинал на все времена.

В качестве наказания применялись и штрафы. Последние могли взиматься в принудительном порядке, если осужденный уклонялся от выполнения решения общины. За невыполнение решения ныхаса (невнесение штрафа; прим. автора) виновник также мог подвергнуться хъоды [22, 7-8].

Были поступки, которые по своему характеру не требовали принятия народным собранием каких-либо других конкретных действий. Это, как правило, отдельные аморальные поступки, которые не могли быть прощены. В результате о человеке, переступившем границу этических норм, слагали песню («зарæг ыл скодтой»), позорившую его. Этот древнейший обычай упоминается и в Нартовском эпосе. На протяжении всего XIX и первой четверти XX вв. этот обычай был одной из действенных форм общественного воздействия. Подвергшийся такому наказанию человек обычно убивал себя, не смирившись с величайшим позором.

В то же время до середины XIX века за прелюбодеяние, по решению ныхаса, виновника сажали на осла, лицом к хвосту и возили так по селу [20, 417-418].

А у моздокских осетин-казачков за попытку совершить прелюбодеяние полагалось следующее наказание, «... молодой человек, позволивший прийти к женщине с дурными намерениями, судом всего общества, был водим по улице с торбой на шее для того, чтобы обратить внимание всех и показать, какой позор ожидает тех, кто не умеет сдерживать своих преступных вожделений» [23, 52-53].

С древнейших времен, вплоть до начала XIX века применялась и смертная казнь. К этому наказанию приговаривали изменников, предавших свой род; а также совершивших другое тяжкое преступление.

Приговоренных к смерти привязывали руками и ногами к деревянному брусу и сбрасывали с высокой скалы, обрыва. Это было высшей мерой наказания преступника у осетин. В Осетии, по сей день еще могут показать места, называемые «скала, с которой сбрасывали собак» («куыдзæппарæн был»). Изменников называли именно этим именем [8, 31].

Очень интересная заметка, по вышесказанному обряду (сбрасывание со скалы; прим. автора) имеется у путешественника Юлиана Клапрота: «Осетины строго соблюдают законы гостеприимства, и нет почти примеров, чтобы кто-нибудь нарушил их или обидел их гостя. Однако если такой случай имел место, то собирается народное собрание для суда над провинившимся, причем обычно выносится приговор о том, чтобы сбросить его со связанными руками и ногами со скалы в реку» [24, 13-14]. Это означает, что обидеть гостя, не оказать ему подобающих почестей являлось у осетин величайшим преступлением, приравнивавшееся по своей тяжести к общественной измене и каравшейся столь же жестоко.

Всё вышеперечисленное мы можем рассмотреть на представленной ниже зарисовке М.С. Туганова 1941 г. «Собачья скала».

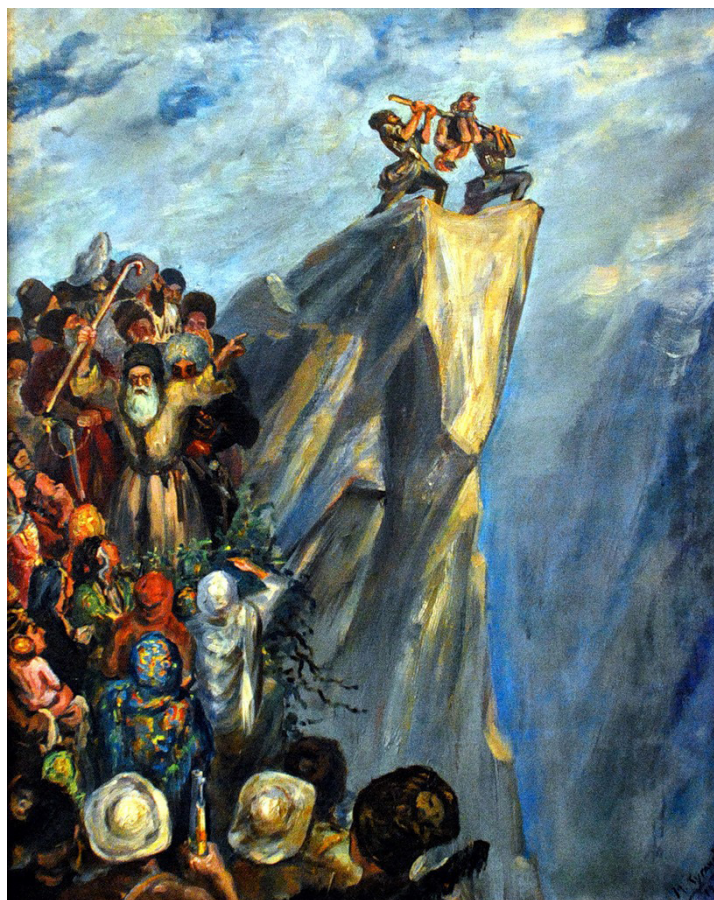
По мнению исследователя творчества М.С. Туганова – Муссы Хакима: «К тематике древнего обычного права относится картина «Собачья скала». Скал с подобным названием немало на территории Осетии. В каждом ущелье имеется такое старинное лобное место. Здесь когда-то, по решению народных судей, творилась расправа над изменниками родины. Признанный виновным в измене родному народу лишался звания человека и всенародно объявлялся собакой. После этого, в присутствии родичей и земляков, его сбрасывали со скалы в пропасть.

Картина написана в угрюмых тонах. Хмурые облака заволакивают небо. Страшная громада утеса выделяется на фоне клубящегося над бездной тумана. Застывая в суровой сосредоточенности, толпа слушает грозный приговор злодею, произносимый одним из судей [25, 43].

На зарисовке показано, как проходило исполнение столь сурового приговора. Благодаря фотографической точности картины мы можем себе представить, насколько были взволнованы все присутствующие на исполнении приговора. В Осетии известно несколько мест, носящих название «Куыдзæппарæн» – «Собачья скала». Самым известным из них является расположенное рядом с вышеупомянутой площадкой *Мадизæн* в с. *Дагом*, то есть в месте расположения всеосетинского народного собрания.

Характерно, что исполнение приговора о смертной казни возлагалось на родственников самого осужденного – отца или старшего брата. Это объясняется тем, что всякое убийство, даже в порядке справедливой мести, самозащиты или случайно, подлежало отмщению. Убийство же члена семьи не преследовалось местью. Поэтому, обычное право осетин

и обзывало родных преступника приводить в исполнение такой приговор [9, 196].

В древности, осужденных ныхасом также убивали, забрасывая их камнями. Пережитком этого, видимо, является встречавшийся еще в начале XIX века, обычай «забросить камнями» («дурты бын æй фæкæнæм»). В приговоренного к такому наказанию преступника, каждый житель села (член общества) должен был кинуть камень [26, 245].

Женщины не посещали ныхасы за исключением некоторых случаев, когда явки предусматривались обычным правом. В 1871 году В.Б. Пфаф замечал: «Женщины в старину не допускались вовсе, и, только, в настоящее время изредка является какая-нибудь старушка с просьбой, свидетельница или подсудимая» [9, 196]. Прецеденты подобного рода (вызов женщины на собрание с какой-либо целью) имели место при необходимости.

А каковы же те исключительные случаи, при которых женщины присутствовали на мужском собрании по собственной инициативе? Таковым

был церемониальный приход вдовы, матери или сестры убитого с просьбой о покровительстве осиротевшей фамилии и свершении мести за последнего в роду мужчины [27, 275].

По мнению А.Р. Чочиева действие это обращалось «к друзьям убитого и мужчинам-не родственникам, когда никого не оставалось в живых из мужчин, коим мстить полагалось по родственной связи. В связи с этим, инициатором приглашения выступала женщина-родственница убитого и делала это так: на ныхас приносилось традиционное угощение из трех пирогов, мяса и пива, и женщина обращалась к мужчинам ныхаса с призывом мести, предлагая добровольцу отведать чего-нибудь. Приглашение к вооруженной акции считалось принятым, когда кто-нибудь из мужчин хотя бы символически прикасался к угощению» [28, 62-63].

Таким образом, *Народное собрание – Ныхас* у осетин выполняло важнейшие функции общественного регулятора, народного суда, места проведения досуга у мужчин, а также места социализации юношей. По замечанию З.В. Кануковой, термин «ныхас» в отношении этого органа не совсем правомерен, гораздо точнее суть выражал другой термин – «æмбырд» («собрание») [29, 14]. Решения, принимаемые на собрании, были беспелляционными для всех членов общества вне зависимости от их имущественного и социального положения. Также ныхас являлся местом, где строже всего соблюдались требования *ирон æгъдау* (кодекс чести у осетин; прим. автора) и традиционный осетинский этикет, то есть проявления лучших качеств, свойственных мужчине-осетину.

-
1. Осетинская этнографическая энциклопедия. Чибиров Л.А. Владикавказ, 2012.
 2. Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М: Наука, 1999.
 3. В горах Осетии (из путевых набросков) // Казбек. 1902. №139// Пфаф В.Б. Путешествие по ущельям Северной Осетии // ССКГ . 1871. Вып. 1.
 4. Калоев Б.А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М. 1973.
 5. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
 6. Барахъты Е. Нае фыдæлты бынтæ// Мах дуг. 1992 № 5-7 и 9.
 7. Абаев В.И. (Историко-этимологический словарь осетинского языка). ИЭСОЯ Т.И. Л. 1973.
 8. Уварова П.С. Путевые заметки. М., 1887.
 9. Пфаф В.Б. Народное право осетин // ССК. Т. I. Тифлис, 1872.
 10. Чиковани Г.Д. Осетинский ныхас // КЭС. 1987.
 11. Джыккайтты Ш.Ф. Ныхас // Мах дуг. 2004 №2.

12. Чиби́ров Л.А. Осетинский аул и его традиции. Владикавказ, 1998.
13. Кобахидзе Е.И. Очерк К.Л. Хетагурова «Горский словесный суд» и проблема реорганизации судопроизводства для горцев Северного Кавказа в 70-х гг. XIX – начале XX вв. // Известия СОИГСИ. 2010. № 4 (43). С. 37-47.
14. Дзадзиев А.Б. Свободное время осетинского крестьянства в дореволюционный период // ВOAЭ. Вып. II. 1950.
15. Миллер Вc. Ф. Осетинские этюды. Т. II. М., 1882.
16. Ванеев З.Н. Избранные труды по истории осетинского народа. Т. II. Цхинвал, 1990.
17. Кусов Г.И. По Куртатинскому ущелью . Орджоникидзе, 1989.
18. Хадикова А.Х. Культура эмпатии осетин: основные направления исследования // Известия СОИГСИ. 2014. № 12 (51). с. 3-12.
19. Кокиев С.В. Записки о быте осетин. Владикавказ, 1904
20. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир. 1968.
21. Марков Е. Очерки Кавказа. С-Пб. 1904.
22. Бердзенов Н. Из воспоминаний об Осетии// Кавказ. 1852. №67.
23. Сосиев З. Станица Чернаярская// Терский сборник. Вып. 5. 1890.
24. НА СОИГСИ. Ф.4; Оп. I; Д. 6. Клапрот Ю. Осетины в начале XIX в. по наблюдениям путешественника Клапрота.
25. Мусса Хаким. Махарбек Туганов. Орджоникидзе, 1962.
26. Гади́ев С. Избранное. Сталинир, 1959.
27. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ, 2015.
28. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1985.
29. Канукова З.В. Система внутреннего управления в пореформенном осетинском селе//Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Нальчик, 1989. С. 140-152.

Д.В. Битиев,
студент СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ОРДАЛИИ В СИСТЕМЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА В ДРЕВНЕГЕРМАНСКОЙ И ОСЕТИНСКОЙ ТРАДИЦИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В последние десятилетия приобретает актуальность выявление связей между разными народами в рамках мир-системного подхода. Ввиду этого, в статье проводится сравнительный анализ древнегерманского и осетинского права. Исследование показывает, что ордалии в обеих правовых традициях имели общую мировоззренческую основу.

Ключевые слова: ордалии, варвары, «Легенда об Одиноком», Суд божий, Средневековье, право.

Revealing of connections between different peoples on accordance with world-system approach becomes actual on previous decades. On this sight, comparison of Old German and Ossetic law is on this article. Research shows that ordeals of both law traditions has similar outlooking base.

Keywords: ordeals, barbarians, "Legend of Lone", judgment of God, the Middle Ages, law.

Примерно с середины XX в. в гуманитарных науках наблюдается тенденция к преодолению национальной направленности исследовательского поля, к созданию таких моделей, которые позволили бы вместить в себя те процессы и изменения, которые происходили и происходят со всем человечеством, а не с одним регионом в отдельности. Можно сказать, что мы являемся свидетелями преодоления своеобразного «духа родной колокольни» [1, 42]. В связи с этим, обретают актуальность исследования, направленные на сравнение различных культур, выявление связей и зависимостей между ними, т.е. создание мир-системы.

Одной из существенных сторон общественной жизни народа стоит считать ее правовую культуру: по тому, как общество справляется с внутренними конфликтами, можно судить о его важнейших специфических особенностях.

Одним из наиболее интересных методов осуществления правосудия можно считать тот, который предполагал привлечение высших сил. Под ним, конечно же, имеем в виду ордалии, или Божий суд. Исследование этого аспекта в правовой традиции осетин и сравнение его с нормами древнегерманского права является целью нашей работы.

Суд Божий, или ордалии, с древности применялись в судопроизводстве многих народов и являлись частью обычного права. Их необходимость обнаруживалась в тех случаях, когда доказать вину человека обычными способами было невозможно.

В индийской «Рамаяне» мы встречаемся с испытанием огнем. Сита, чтобы доказать свою чистоту перед Рамой, входит в пылающий костер. Однако пламя не смогло коснуться ее, и, более того, сам бог огня Агни возвращает ее Раме [2]. Таким образом, правда выясняется при содействии стихии, персонифицировавшейся в виде божества, появление которого подчеркивает объективность вынесенного решения.

В Законах Хаммурапи имеется статья, по которой «тот, на кого брошено подозрение в чародействе, должен пойти к реке и опуститься в реку» [3, 28]. Выяснение виновности возлагается здесь не на реку как таковую, а скорее на бога, который отвечает за водный мир. На это лишний раз указывают формулировки: «если *река овладеет* (курсив наш. –Д.Б.) им», и «если *река объявит* (курсив наш. –Д.Б.) этого человека невинным» [3, 28], которые указывают на одушевленность данного природного объекта.

В Библии встречаем аналог Суда Божьего, хотя употребляется он в несколько ином контексте в сравнении с другими примерами. В Книге пророка Даниила три еврейских юноши, будучи в вавилонском плену, отказались поклоняться золотому идолу. Когда царь Вавилона узнал об этом, он приказал бросить их в печь. Однако вскоре выяснилось, что огонь не причиняет молодым людям никакого вреда благодаря помощи Бога и ангела господнего. Когда они вышли по повелению Навуходоносора из печи, все собравшиеся «усмотрели, что над телами мужей сих огонь не имел силы и волосы на голове не опалены, и одежды их не изменились, и даже запаха огня не было от них» (Дан. 3:94). Описанное событие произошло не во время судебных прений, а уже во время приведения приговора в исполнение. Бог вмешивается в судопроизводство с целью защитить невинных. В позднейшее время этот фрагмент мог рассматриваться как пример, доказывающий эффективность ордалий.

Говоря о позднейшем времени, мы, конечно же, имеем в виду средние века. Присущие еще традиционному германскому обществу ордалии сохраняют свою популярность вплоть до раннего нового времени. Живучесть им не в последнюю очередь придал тот факт, что они из устного обычая превратились в нормы письменного права.

В средневековой Европе к формам суда Божьего относились поединки, присяга и, собственно, ордалии в узком смысле. Ордалии делились на несколько видов. Одни были связаны с огнем и предполагали «держание руки на огне, в переходе через зажженный костер в одной рубашке (которая иногда покрывалась воском), в держании руками раскаленного железа» [4, 2]. Другие основывались на использовании воды: «при испы-

тании кипящей водой клали на дно сосуда с кипятком кольцо, которое обвиняемый должен был вынуть без вреда для себя» [4, 3]. Другая разновидность ордалий – испытание холодной водой: «...обвиняемого, руки и ноги которого были связаны вместе, бросали в водоем или реку, привязав к телу веревку. Если он тонул, его вытаскивали и объявляли оправданным, если же вода не принимала его, он считался виновным» [5, 480]. При этом во всех приведенных выше примерах расчет делается на вмешательство сверхъестественной силы, которая своим действием или бездействием помогает выяснить истину.

Все это являлось несомненными пережитками обычного права варварских народов, вторгшихся в пределы бывшей Римской империи, в первую очередь – германцев. Так, в Салической правде Титул LIII посвящен определению условий, при которых можно было «выкупить руку от котелка», т.е. откупиться от испытания горячей водой [6, 51]. Факт того, что эта норма обычного права была письменно кодифицирована, говорит о том, что испытание котелком имело широкое процессуальное применение.

Судебный поединок применялся не реже, чем вышеперечисленные разновидности ордалий. Сверх того, Марк Блок пишет, что поединки со временем «становились все более и более распространеными в ущерб Божьему суду» [7, 351]. Поединки были популярным сюжетом, к которому обращались многие писатели. Одним из самых известных примеров можно считать роман В. Скотта «Айвенго», в котором процесс ведьмы проходил в виде поединка двух рыцарей: один отстаивал невиновность подсудимой, а второй доказывал обратное [8, 468-476]. Такой способ выяснения истины на суде можно объяснить спецификой средневековой ментальности, а именно, наличием мифологических пережитков в ней. Как в конце XIV в. писал Чосер в своих «Кентерберийских рассказах», рассуждая о войне и ее необходимости: «Победа в битвах в мире сем... находится в руках всемогущего Бога» [9, 281]. Важно уточнить, что не все поединки предполагали летальный исход: существовал т. н. поединок по франкскому обычаю, при котором противники вооружались только щитами и палками. Тяжущиеся бились внутри круга, и тот, кого вытесняли за его пределы, считался проигравшим.

То, что обычное право германцев оказалось в контакте с иной общественной системой, является отличительной чертой не только этой правовой традиции, но еще и осетинского права. Обращаясь к непосредственному предмету нашего изучения, мы можем выделить некоторые общие черты в средневековом праве Европы и Осетии.

Об осетинском праве мы можем узнать, в основном, по запискам этнографов, путешественников, из памятников фольклора, которые начали активно записываться с появлением осетинской национальной интеллигенции.

Первым источником, на котором мы остановим свое внимание, будет статья Джантемира Шанаева, посвященная присяге по обычному праву осетин, или «ард». Будучи юристом по образованию, он не только собрал полевой материал по данной теме, но и дал обстоятельный юридический анализ описываемых им правовых норм. Нас здесь интересует то, к каким мерам прибегал суд при рассмотрении дел, разрешение которых затруднялось отсутствием доказательств и свидетельских показаний. В таком случае и прибегали к присяге, которая подразделялась на несколько видов, но в большинстве случаев она сводилась к даче клятвы о собственной невинности под страхом наказания свыше. Именно этот суеверный страх делал присягу эффективным элементом судопроизводства. Шанаев пишет: «Ложный призыв или произнесение имени высшего существа, или святость, в свое оправдание или в справедливость показываемого, считались дерзким попранием и поруганием этого имени, следовательно, нарушением веры, за которые должно ожидать свыше, по понятию народа, возмездие, страшные кары – *фыдæх*, далеко превосходявшие все выгоды, ожидавшиеся за ложным призывом или произнесением имени» [10, 461]. Очевидно, что автор в своей статье описывает ордалии.

При ближайшем рассмотрении становится заметна явная разница между осетинскими ордалиями и тем, что мы наблюдаем у разных народов мира, в т.ч. у германцев. М. Ковалевский на этот счет пишет, что при применении ордалий «само Божество раскрывает людям истину» [11, 271], а в случае присяги гарантом объективности выносимого решения выступал страх перед наказанием свыше. Однако, если мы примем во внимание тот факт, что название присяги в буквальном переводе означает «поедание огня» [11, 255], станет понятно, что присяга ведет свое происхождение от судебных испытаний.

Еще одним доказательство тесной связи присяги и ордалий мы находим у того же Шанаева. Он пишет, что это была присяга «перепрыгивания через зажжённую волчью жилу... если подозреваемый... ложно присягнул, то он, полагали, должен “сделаться калекой”, т.е. “искривиться”» [11, 469]. Здесь, как видно, виновный получал мгновенное наказание, как во время испытания раскаленным железом.

Сама идея присяги, как видим, тесно связана с религиозными верованиями осетин. Право и религия еще не разделились, они гармонично дополняли друг друга в деле определения истины, осуществления судопроизводства. Аналогичное слияние мы видим у варварских племен Европы. А.Я. Гуревич пишет, что «правовые нормы обладают (у варваров. –Д.Б.) не одной лишь внешней принудительностью,... но представляют собой императивы, имеющие также и нравственное, и религиозное содержание» [12, 134-135]. Именно на моральные категории, по большому счету, опирается присяга.

Помимо присяги, при примирении кровников использовался поединок. Он «проводился на отведенной судьями площадке, чаще всего около святилища. Здесь обоим противникам (один из них обвиняемый в убийстве, а другой – родственник убитого) повязывали глаза, отводя их в разные концы, откуда они наугад шли друг другу навстречу, стараясь нанести смертельную рану один другому. Поединок обычно оканчивался убийством одной из сторон» [13, 259]. Практически такой же вид судебных испытаний мы виде в западноевропейском праве.

Из все той же статьи Шанаева мы узнаем, что имперские власти, столкнувшись с обычным правом горцев, попытались приспособить его под свои нужды: «...заметив большую, кровную, родовую солидарность между сородичами осетинских родов, воспользовалось ею для придания в юстиции народной большей важности присяге, установив и ближайшим родственникам обвиняемого присягать за своего сородича, так как предполагалось, что... они должны были знать – совершил ли преступление или не совершил сородич их». Очевидно, что произошло столкновение двух разно уровневых традиций: правительство делает попытку рационализировать ордалию. Схожий процесс столкновения двух культур имел место в раннем средневековье, когда ордалии начали приобретать христианскую окраску. Германские правовые обычаи, более того, сосуществовали с римским правом.

Еще один пример применения присяги встречается в «Сказании об Одиноком» [14, 333-339]. Оно было записано Гаппо Баевым в ауле Данар со слов слепого сказителя Бибо. По сюжету сказания, три охотника, причастных к смерти Одинокого, попали на его тризну, при этом родственники об их вине ничего не знали. Случайно услышанный разговор бросает на них тень подозрения, и охотники вынуждены доказать свою невиновность на могиле убитого: «Повели гостей к могиле... Подали сперва чашу пива в руки старшего и сказали ему: «Да будет над тобою проклятие этой могилы, если ты утаишь правду!» В это время с неба... спустились листья клена и упали в чашу. Затряслись руки старшего, упала чаша и разбилась на мелкие куски» [14, 338]. То же самое произошло и со вторым охотником. Третий смог оправдать себя. Виновных охотников убили прямо на могиле Одинокого.

Необходимо обратить внимание на то, что во время принесения присяги прозвучала некая формула, которую, возможно, было принято произносить в таких случаях. Аналогичные формулы встречаются и в варварском праве [12, 136].

В сказании подробно описано то, как действовали сверхъестественные силы – *дзуары* и *Хуыцау* Бог. С одной стороны, они не смогли помешать совершению преступления, с другой, при их непосредственном участии, была установлена истина, и преступники понесли наказание.

Подводя итог, стоит сказать, что дошедшие до нас свидетельства устного осетинского права уверенно доказывают, что оно имеет много общего с правом германцев на аналогичном уровне развития. При этом устное право последних смогло просуществовать на протяжении практически всего средневековья, послужив основой для многих законодательных сводов. Не последнюю роль здесь сыграло и христианство, которое относилось к таким методам судопроизводства неодобрительно, но было вынужденно интегрировать их, придав им «благочестивый» вид. Так, очевидно, появилась ордалия крестом, когда тяжущиеся поднимали руки (имитируя крест), тот, кто первым опускал руки, считался неправым. Осетинское право не смогло интегрироваться в российскую систему права, хотя попытки были. Имеется в виду описанное выше применение коллективной присяги. Но в ней уже тогда отсутствовал какой-либо намек на мистицизм. Очевидно, что при взаимодействии двух культур осетинская ментальность подвергалась сильным изменениям.

-
1. Гофф Л. Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
 2. Махабхарата. Рамаяна // [http //www. ezobox.ru / bez-avtora /books /541/ download](http://www.ezobox.ru/bez-avtora/books/541/download)
 3. Законы Хаммурапи. М., 2015.
 4. Энциклопедический словарь. СПб., 1901
 5. Гуревич А. Я. Избранные труды//Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М.-СПб., 2018.
 6. Салическая правда. М., 1950.
 7. Блок М. Феодалное общество. М., 2003.
 8. Скотт В. Айвенго. Махачкала, 1984. С. 468-476.
 9. Чосер. Дж. Кентерберийские рассказы. М., 2011.
 10. Шанаев Дж. Присяга по обычному праву осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 7. Владикавказ, 2014.
 11. Ковалевский М. Современный обычай и древний закон. М. 1886. Т. 2.
 12. Гуревич А. Я. Избранные труды//Категории средневековой культуры. М.-СПб., 2018.
 13. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974.
 14. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 2. Цхинвал, 1982.

С.Н. Мехробиддин,
студентка СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

«МЯСО ДЛЯ СИЛЬНЫХ», ИЛИ ЕДА КАК ФАКТОР КУЛЬТУРОГЕНЕЗА: ГЕРМАНСКО-ОСЕТИНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Статья посвящена анализу рационов питания древних германцев и предков осетин. Главным и самым престижным продуктом и в первом, и во втором случае было мясо. У германцев оно было критерием социальной дифференциации. Социальные нормы средневековья диктовали, чтобы пища низшего сословия была менее изысканной по сравнению с едой, которую потребляла социальная элита. Отметим, что существовали декреты, запрещающие определенным сословиям потребление некоторых продуктов, и, прежде всего, мяса. В осетинском обществе социальная иерархия определялась тем, какая часть жертвенного животного доставалась. В соответствии с возрастом и занимаемым за столом местом гостям предлагались определенные части туши.. Наиболее символическими частями мясного комплекса были отварная голова, шейная часть и лопатка. Таким образом, в статье рассматривается значимость влияния системы питания на цивилизационно-культурное развитие, в частности – на социальное.

Ключевые слова: культура, осетины, германцы, западноевропейское общество, питание, еда, мясо, кочевники, скотоводство, охота, ритуал

The article is devoted to the analysis of the diet of the ancient Germans and the diet of the Ossetians. The main and most prestigious product in the first and second cases was meat. For the Germans, it was a criterion of social differentiation. Social norms of the Middle Ages dictated that lower-class food was less refined compared to food consumed by the social elite. It should be noted that there were decrees prohibiting the consumption of certain products, and, above all, meat, to certain classes. In Ossetic society, the social hierarchy was determined by how much of the sacrificial animal was taken. In accordance with the age and place occupied at the table, guests were offered certain pieces of meat. The most symbolic parts of the meat complex were the boiled head, neck and shoulder blade. Thus, the article discusses the significance of the influence of the food system on civilization and cultural development, in particular – on the social.

Keywords: culture, Ossetians, Germans, Western European society, food, meat, nomads, cattle breeding, hunting, ritual.

Требования исторической науки в глобализирующемся мире актуализируют поиск межкультурных взаимосвязей. Определение цивилизационной идентичности этносов и далее определение их места в мир-системе входит в круг важнейших задач, стоящих перед историками, изучающими проблемы национальной истории. История этноса не должна мыслиться

в отрыве от мирового контекста. Иными словами, без сопоставления с иными типами исторического развития невозможно определение места народа в мировой истории.

Изучение различных сторон культуры, в том числе и материальной, есть одно из условий решения поставленной задачи определения цивилизационной идентичности осетин. Настоящее исследование – попытка сравнительного анализа системы питания, существовавшей в традиционном осетинском обществе с системой питания, характерной для западноевропейского общества средневековья как важного аспекта материальной культуры.

Многие аспекты истории связаны с питанием, поскольку потребность в нем – одна из основных потребностей человека. Но какова значимость влияния системы питания на цивилизационно-культурное развитие, в частности – на социальное? В ответе на этот вопрос видится цель нашей работы.

Западноевропейская цивилизация сложилась при столкновении двух миров, совершенно противоположных друг другу: цивилизации Рима и мира варварских германских племен. В становлении будущей западноевропейской цивилизации огромную роль сыграл переход к феодализму. Этот процесс развивался при участии варваров. Зарождались два класса феодального общества: феодалы и крестьяне. Феодалы обладали рядом прав и привилегий, а крестьяне имели только обязанности. Привилегии были самыми разнообразными и касались всех сфер жизни. Помимо прочих, существовали привилегии гастрономического характера, заключавшиеся, в частности, в праве на потребление мяса, а иногда на какие-то определенные его сорта. Еда, таким образом, становилась критерием социальной дифференциации. Таким образом, еда превращается в критерий сословной идентификации на Западе в средние века.

Для осетин же коллективная трапеза является важным структурным элементом любого ритуального обряда. Она представляет собой сложный институт с различными поло-возрастными, социальными и религиозными функциями. Пища, ее состав, приуроченность, правила приема и поведения не только сопровождают обрядовую практику, но и являются органической частью ритуала [1, 107]. Ритуальная пища осетин была представлена кушаньями и напитками, изготовленными из продуктов земледельческо-скотоводческого комплекса. Не удивительно, что наиболее престижной едой в ритуальном контексте до сих пор остаются пироги с начинкой из свежего сыра и отварное мясо, обычно бычка или барана [1, 119]. Таким образом, и у германцев, и у осетин мясо – главный и самый престижный продукт. В.И. Абаев писал: «...ос. fyd | fid 'мясо'= др. иран. pitu, др. инд. pitu 'пища'» [2, 58], то есть осетинское слово, обозначающее мясо, переводится с древнеиранского и древнеиндийского как «пища», что является еще

одним свидетельством того, что мясо было главным продуктом, поэтому и означало пищу в целом. Придаваемое мясу значение объясняется тем, что и те, и другие были кочевниками. В условиях кочевого образа жизни пища не была разнообразной, от нее требовалось быть сытной, иметь высокую энергетическую ценность. В связи с этим цель настоящей работы видится в попытке определения степени существенности мяса в культуругенезе германцев и осетин, а также в попытке провести между ними параллели.

У осетин пища относится к числу категорий, организующих и обозначающих более широкие понятия, такие, как «природа/культура». Еда, изначально принадлежа к сфере неосвоенного, природного, становится продуктом освоенным, культурным. Таким образом, она объединяет указанные противоположности [1, 118]. Кельтские и германские народы, веками жившие в окружении лесных массивов Центральной и Северной Европы, предпочитали использование первозданной природы и невозделанных пространств. Охота и рыбная ловля, сбор лесных ягод, свободный выпас скота в лесу (в основном свиней, но также лошадей и крупного рогатого скота) – основные занятия, характеризующие их систему жизнеобеспечения. Не каши и хлеб, как у предшественников, а мясо было перво-степенной ценностью в их системе питания.

Гай Юлий Цезарь (100-44 гг. до н. э.) в своих «Записках о галльской войне» писал о германцах, что они «не особенно усердно занимаются земледелием» [3, 8]. Их пища состоит не из продуктов земледелия, а из продуктов, доставляемых охотой и скотоводством. Корнелий Тацит (ок. 55 – ок. 120 гг.) сообщает нам, что пища у них очень простая: дикорастущие плоды, свежая дичина, свернувшееся молоко [3, 9]. Разумеется, описывая, в частности, рацион «германских дикарей» утонченные римляне не могли не оценивать его критически.

Культура «варваров», которую римляне будут отвергать долгое время, появляется в Риме вместе с Максиминим Фракийцем, «рожденным от варваров», чей отец был готом, а мать – аланкой. А аланы, как известно, являются предками осетин. Юлия Капитолина. Биограф, писал о нем, что тот мог выпить около 20 литров вина в день и съесть 40-60 фунтов мяса; он никогда не пробовал овощей, что являлось невообразимым для римлян [4, 20-21]. Важно упомянуть, что осетины ели овощи в очень малых количествах. Во время ритуальных трапез никаких овощных блюд не полагалось, лишь в новейшее время от этого правила стали отступать [1, 146]. Да и вообще с плодовыми и огородными культурами осетины, по всем данным, познакомились только на Кавказе. Нет ни одного названия плодового дерева или овоща, которое восходило бы к древнеиранскому [2, 60]. Таким образом, значение мяса утверждалось среди правящих слоев: ведь оно становится символом власти, мужества, силы. Все эти качества узаконивают власть. Кельтская и германская культурная тра-

диция воспринимает «великого едока» как положительного героя: он много ест и много пьет, и именно через такой тип поведения выражает свое чисто животное превосходство над себе подобными. Не зря в таких обществах распространена ономастика, взятая из животного мира, особенно из мира прожорливых хищников: вспомним, сколько Медведей и Волков заполняют архивные документы и литературные памятники средневековья. Наоборот, воздержание от мяса – знак унижения, исключения (более или менее добровольного, более или менее случайного) из общества сильных. Поэтому в капитуляриях франков две меры наказания рассматриваются как равноценные: лишение оружия и отлучение от мясной пищи.

Так как в средние века не было возможности долго хранить мясо, а делать запасы было необходимо, оно солилось. «Немногие могли позволить себе есть свежее мясо: только что убитая дичь каждый день поставлялась к столу Карла Великого (как уверяет его биограф Эйнхард), тот же порядок, должно быть, существовал в домах высшей знати» [4, 45]. «Только иногда, по праздничным дням, на крестьянских столах появлялось свежее мясо домашней птицы – кур, гусей, уток» [4, 46]. Среди осетин основными способами приготовления мяса были варение и жарение, вяление и копчение. Если потребление свежего мяса преимущественно было связано с семейной обрядностью и фактически охватывало весь год, то потребление консервированного мяса было обусловлено заготовкой его впрок и относилось к зимнему рациону [5, 83].

О жизни «варваров» в раннее средневековье можем узнать подробнее, обратившись к «варварским правдам», наиболее подробной из которых является Салическая. В ней записаны законы древних судебных обычаев салических франков. В V-VI вв. они, как известно, создали крупное варварское королевство на территории Римской Галлии. Если говорить о рационе питания франков, то можем отметить, что они употребляли мясо свиней, крупного и мелкого рогатого скота, мясо птиц, рыбу (титул XXVII. О различных кражах § 20) [6, 31], репу, бобы, горох, чечевицу (титул XXVII. О различных кражах §7) [6, 30], фрукты (титул XXVII. О различных кражах § 6) [6, 30], виноград (титул XXVII. О различных кражах §13) [6, 31]. Из этого следует, что франки питались как мясом, так и продуктами растительного происхождения и рыбой. Однако на все продукты растительного происхождения и рыбу, вместе взятых, отводится всего один титул, в то время как животным посвящены многие титулы. И тут свинья – вне конкуренции.

Так, свинье посвящен весь второй титул Салического закона, состоящий из 16 параграфов. Существовало несколько качественных различий свиней, за кражу которых наказывали: молочный поросенок, супоросая свинья, годовалая свинья, двухгодовалая свинья, кастрированный поросенок, посвященный кабан. Такое разнообразие свидетельствует о разви-

том свиноводстве, что, в свою очередь, подтверждает значимость мяса у салических франков.

Скотоводством предки осетин стали заниматься в очень отдаленную эпоху, по крайней мере, оно имеет более древние истоки, чем земледелие [7, 64]. Большое место отводится скотоводству и в осетинском фольклоре. В нартовском эпосе постоянно упоминаются гурты скота и табуны лошадей, а в осетинских народных сказках животный цикл составляет целый раздел. Все сказанное выше говорит о том, что скотоводство с древнейших времен имело важнейшее значение в быту и хозяйстве осетин. Сообщения античных авторов – Геродота, Аристотеля, Гиппократ, Помпея Трога и др., а также исследования отечественных ученых свидетельствуют о развитии скотоводства у скифских племен [7, 66], далеких предков осетин. В жизни осетин скотоводство играло исключительно важную роль. Домашние животные фигурировали везде: они заменяли денежные знаки при купле-продаже, ими платили калым за невесту и использовали их в самых разных случаях жизни [7, 79].

Нередкое явление в средневековье эпидемий и эпизоотий заставило людей отмечать «Повелителя повальных болезней» особым почитанием. По словам священника Б.Т. Гатиева «аулы всех ущелий некогда положили при появлении означенных болезней праздновать известный день в честь Рыныбардуага, который и отмечается ими по очереди, и, чтобы придать празднику особенное торжество, составляют так называемый подвижный хор певчих» [1, 90]. Далее он сообщал, что, узнав о наличии эпидемии или падежа скота, жители соседнего села по жребию выбирали юношей для этого хора. Этот факт является свидетельством того, что страх перед эпидемиями, а также перед эпизоотиями, которые приводят к падежу скота, был очень силен и вынудил осетин отмечать праздник в честь «Повелителя повальных болезней» с целью задобрить его.

У осетин основная масса жертв и даров состояла из обрядовой пищи. Этот факт достаточно типичен для обычаев и ритуалов многих народов. Дарообмен и взаимное угощение находятся в тесной связи. Пища, совместная еда и пиршество были регламентированы и играли важную социо-культурную роль в течение тысячелетий в ритуалах. В жертвенной трапезе высокой символикой был наделен комплекс мясной пищи. Весь процесс выбора соответствующего животного, его убоя, приготовления и поедания мясной пищи сопровождался известными обрядами. Наиболее подходящими для этой цели были бычки и бараны, реже козлы [1, 124]. Исследования последних лет показали, что пища обладает не только биологическим, но и, что особенно важно, социальным смыслом. За семейным столом, на протяжении сотен веков, происходила и происходит передача культурных ценностей от одного поколения к другому. Этому способствует символическое значение, придаваемое пище [1, 137].

Важно отметить и тот факт, что весь набор угощения распределялся между участниками пиршества по устоявшимся нормам. Особенно строго это проявлялось в мясном комплексе. Если в Западной Европе престижным было само мясо, а в некоторых случаях некоторые его сорта, то тут речь идет об определенных престижных частях мяса. Голова считалась на столе самым главным кушаньем, символизировавшем главу пиршества, шея представлялась ее заместителем, а лопаточная часть была своего рода наблюдателем за всем происходящим на этой трапезе [1, 147].

В первую очередь накрывают ту часть стола, которую занимают старшие. Именно здесь выставляют наиболее престижные части мясной пищи; Здесь же выставляют еще правую плечевую кость с мясом – *мæкъуыстагг* и часть правого бока. Обычно она шла на приготовление ритуального шашлыка. Помимо этого здесь же выставляли куски задней части туши – *сины хай* [1, 148].

Все остальные части мясной пищи распределялись далее по столам в соответствии с условным понижением престижности места.

Часть престижных частей мясной пищи передавалась старейшинами младшим сотрапезникам. Этот факт может интерпретироваться как жест, объединяющий всех за данным пиршеством. Передаваемые части выполняли функции социального единения, подчеркивалась поколенная преемственность в рамках единой общности.

По словам известного осетинского бытописателя и собирателя фольклора Джантемира Шанаева, «шея, служба выражением степенности возраста, подается пожилому или, по крайней мере, полустепенному возрасту, лопатка определяется гостем, имеющим около 30 лет; ребра и прочие части – молодым людям двадцати четырех-пяти лет; уши бараньи отрезаются для малолетних мальчиков» [1, 149].

В случаях престижных трапез календарного и семейного циклов приготовление мясной пищи становится мужским занятием, хотя в быту эту функцию выполняет женщина. Если исходить из положения женщины в осетинском обществе, можно сделать вывод о том, насколько важно было, чтобы к ритуальному мясу, именно мясу, не прикасалась женщина.

В статье 1887 г. анонимный автор писал: «Отличие мужских праздников от женских заключается в том, что первые празднуются исключительно мужчинами и часто сопровождаются принесением кровных жертв, а вторые празднуются исключительно женщинами, и кровные жертвы уже не имеют места, их заменяют, если можно так выразиться – молочные... у женщин они заменяются сыром и молоком» [1, 98]. Тут мы снова видим, что мясо женщинам не полагается, так как оно имеет слишком важное значение.

Традиционно осетины мясо употребляли в пищу преимущественно в вареном виде и значительно реже в жареном. Как известно, в основе

ритуальной пищи лежат символические ценности, поэтому от характера трапезы зависело употребление мясных блюд, условно группируемых по принципу противопоставления и сочетания. «Жареное» и «вареное» отражает различие двух типов хозяйственных культур, а именно: присваивающего охотничьего и производящего скотоводческого. Если в первой жареное мясо было повседневной пищей, то во второй ее место заняло вареное, а жаркое сохранилось лишь как лакомство, как развлечение феодалов знати [1, 127-128].

Предпочтение отдается вареному мясу как символу производящего хозяйства. Сакральные характеристики определяли мясо именно домашних животных. В качестве подтверждения приведу пословицу:

«Сырды фыдæй кувинагæй, фысы фыдæй кувинаг хуыздæр у / Баранье мясо, предназначенное для молитвы, лучше, чем аналогичное мясо дичи» [1, 145].

Важные функции отводились жареному мясу (*физонæг*), вероятно, древнейшему блюду народной кулинарии, восходящему к эпохе присваивающего хозяйственно-культурного типа.

Подобное деление связано с теми оценками, которые даны этим видам готового мяса. Жареное считалось лакомством, и поэтому его как лучшее, наиболее аппетитное с приятным ароматом угощение, посвящают небесным силам. Крестьяне не могли себе позволить этого в силу его символичности и связи с божествами. С другой стороны, свою роль играли и экономические аспекты. Вареное мясо не только сохраняет свои соки, но и увеличивается в объеме. В распоряжении пирующих остается и наваристый бульон, который был самостоятельной пищей и важным составным элементом других жидких блюд. Жареное же мясо по мере приготовления и испарения влаги как бы «усыхало», уменьшалось в размерах [1, 145].

Если судить по Салической правде, животноводство было не единственным способом добыть мясо. Из VI титула мы видим, что у салических франков была развита охота. Здесь говорится о наказаниях за кражу или убийство охотничьей ученой собаки (виновный присуждался к уплате 600 денариев, тогда как за кражу молочного поросенка или молочного теленка платили 120 денариев) [6, 17].

Стоит отметить, что в средние века никогда не было стабильности питания: периоды изобилия сменялись периодами голода. Во времена промежутков изобилия между долгими периодами голода мясо становилось доступным и для простолюдинов, поскольку появлялась возможность содержать больше скота. Тогда мясо переставало быть сословным идентификатором. В такие периоды появлялись специальные сорта мяса для богатых, которые были недоступны бедным слоям общества.

Но в разные периоды средневековья предпочтение отдавалось разным животным. В начале средних веков благородной дичью считался ка-

бан. Со временем в Англии и Франции к охоте на кабана стали относиться с пренебрежением. В XIII – XIV вв. предпочтение уже отдавалось охоте на оленей. Многие авторы этого периода выстраивают иерархию различных видов охоты, и во главе ее ставят охоту на оленя. Законом устанавливалось исключительное право короля охотиться на оленей, ланей, косуль. Эти животные находились под защитой монарха; простолюдина или даже феодала могли казнить за убийство оленя в Королевском лесу [8].

Предпочтение оленя кабану могло быть вызвано тем, что для охоты на оленя, косулю, лань требуются более обширные пространства, чем для охоты на кабана. Ведь оленей, косуль, ланей сначала травят собаками, а на кабана приходилось охотиться пешком (что было уже неприемлемо для рыцаря) и вступить с ним в бой один на один. Таким образом, во многих странах и областях единственными, кто располагает достаточными территориями для оленьей охоты, становятся короли. Охота на оленей поднимала авторитет короля, символизируя его власть и силу. Ведь не зря наказание за несанкционированную охоту в Королевском лесу иногда являлось строже наказания за человеческую жизнь.

Большой интерес представляет множество предметов, найденных в скифских и сарматских погребениях, выполненных в «зверином стиле». «Звериный стиль» скифов и сарматов позволяет нам думать о той большой роли, которую они отводили охоте на зверей, особенно на оленя [5, 91], что означает, что у осетин, как и у германцев, охота имела огромное значение.

На пернатую дичь в Осетии почти не охотились. Объектом охоты здесь служили туры, серны, косули, олени, медведи, кабаны. Среди перечисленных зверей охота на оленя стоит на первом месте, как и в определенный период в странах Западной Европы. Популярность данного животного среди осетин, очевидно, связана с тем, что олень был священным животным (тотемом) одной части скифов – саков, далеких предков осетин. Вот что пишет В.И. Абаев: «Олень – излюбленное животное осетинского фольклора. <...> оленье мясо – обязательное угощение всякого нартовского пиршества. Название оленя *sag* возводится к самоназванию скифов *saka*, именовавших себя так, надо думать, по своему тотемному животному, оленю» [2, 49].

Охота на лисиц и зайцев массового характера не имела. На них охотились только представители привилегированных слоев населения, и то в порядке времяпрепровождения и спортивного развлечения. Охотники из среды трудового крестьянства лисиц и зайцев били во время своей основной охоты.

Таким образом, мясо действительно было самым главным и престижным продуктом и у германцев, и у осетин. И там, и там мы можем говорить о развитии скотоводства. Однако мы видим, что у германцев мясо было

критерием социальной дифференциации, его потребляла социальная элита, а при определенных условиях не мясо вообще, а какие-то его сорта становились запретными для низшего сословия. В осетинском обществе ни один обряд или пиршество не могли пройти без мяса, оно было главным продуктом в ритуальном контексте. Но здесь социальная иерархия определялась тем, какую часть жертвенного животного ты получишь. Как и у германцев, так и у осетин для хранения мяса его солили. Охота имела огромное значение, это мы видим из Салической правды у германцев и «звериного стиля», а также изобилия рогов в святилищах осетин.

1. Уарзиати В. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.
2. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л.: Изд.-во АН СССР, 1949.
3. Очерки истории Германии с древнейших времен до 1918г. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959.
4. Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб.: «Александрия», 2009.
5. Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. I том. Владикавказ: Абета, 2018.
6. Салическая правда. / Под ред. В.Ф. Семенова. М.: Издательство МГПИ им. В.И. Ленина, 1950.
7. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа: Историко-этнографическое исследование. Владикавказ: Ир, 2011.
8. Дурново А. Королевская охота// <https://diletant.media/articles/>
9. Алемань Агусте. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Издательство «Менеджер», 2003.
10. Гофф Л.Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс , Академия, 1992.
11. Пастуро М. Охота на кабана. Как королевская дичь стала нечистым животным: история переоценки. / Журнал Неприкосновенный запас, 2010, 4(72) // <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/p20.html>
12. Роулинг М. Европа в средние века. Быт, религия, культура. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.
13. Хадикова А.Х. Осетинский этикет. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2006.
14. Хрестоматия по истории средних веков в 3-х томах / Под ред. акад. С.Д. Сказкина. Том I, Раннее средневековье. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961.

**О.М. Лазарова,
студентка СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)**

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТРАШНОМ СУДЕ И ПОСМЕРТНОМ
СУЩЕСТВОВАНИИ: ОСЕТИНСКО-ГЕРМАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
ПО ДАННЫМ ИКОНОГРАФИИ И ПИСЬМЕННЫХ НАРРАТИВНЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

Данная статья посвящена выявлению осетинско-германских параллелей в представлении о Страшном Суде и посмертном существовании. Для этого сравнения были проанализированы данные иконографии и письменные нарративные источники. В ходе этих сравнений и анализа были выявлены некоторые сходства и различия. Так, стало понятно, что в легенде о Барастыре и «безымянном госте» говорится о массовом спасении, что соответствует раннесредневековому представлению об этом. Еще одним интересным выводом стало то, что в осетинской традиции сохранилась практика всеобщего воскрешения (апокатастасис), что характерно для раннего христианства. Идея апокатастасиса в представлении раннесредневековых германцев так или иначе, взаимосвязана с представлениями об этом у осетин. Поэтому, то, что описывается в легенде о Барастыре и «безымянном госте» – это представление о посмертном спасении среди древних алан.

Ключевые слова: Страшный Суд, осетины, германцы, легенда о «безымянном госте», Б. Гатиев, Ф. Арьес, А. Я. Гуревич, апокатастасис.

This article is devoted to identifying the Ossetian-German parallels in the concept of the Last Judgment and the after-death existence. For this comparison, data from iconography and written narrative sources were analyzed. In the course of these comparisons and analyzes, some similarities and differences were identified. So, it became clear that the legend of Barastyre and the «nameless guest» refers to a mass rescue, which corresponds to the early medieval idea about it. Another interesting conclusion was that the Ossetic tradition has preserved the practice of universal resurrection (apokatastasis), which is typical of early Christianity. The idea of apokatastasis in the view of the early medieval Germans is somehow interconnected with the ideas of this among the Ossetians. Therefore, what is described in the legend of Barastyre and the «nameless guest» is the idea of the posthumous salvation among the ancient Alans.

Keywords: Last Judgment, Ossetians, Germans, the legend of the «nameless guest», B. Gatiev, F. Ares, A. Ya. Gurevich, apokatastasis

Культурный поворот, произошедший в исторической науке в последней трети XX в., не только актуализировал исследование культурных феноменов как определяющих общественное развитие, но и способствовал поискам межкультурных взаимодействий, что, в свою очередь, было обусловлено глобализацией. В связи с этим выявление и анализ культурных параллелей, даже если они не приводят к заключению о возможных культурных заимствованиях – важный аспект социально-гуманитарных исследований в постиндустриальном обществе. Преодоление нивелирующего воздействия глобализации на этнические культуры невозможно без адекватной самоидентификации в мире, где все становится все более взаимосвязанным. Но адекватное постижение собственной культуры невозможно в отрыве от общемирового контекста. В связи с этим тема нашего исследования носит характер сравнительного анализа одного из культурно-антропологических аспектов. Мы будем сравнивать посмертные представления германцев и представителей осетинского общества на том этапе развития, каким оно было на рубеже XX-XIX вв.

Представления о смерти у людей раннего средневековья (конец V – середина XI вв.) и его расцвета (середина XI – конец XIV вв.) различны. Можно сказать, что человек раннего средневековья относился к смерти как к чему-то обыденному и не воспринимал ее в качестве индивидуальной драмы. Однако уже к концу XI – нач. XII вв. мы можем наблюдать эволюцию представлений о смерти: человек эпохи расцвета средневековья воспринимает смерть как событие сугубо индивидуальное с последующей личной ответственностью.

В своей книге «Человек перед лицом смерти» французский историк Филипп Арьес описал этот процесс мировоззренческой метаморфозы: представления о суде над всем человеческим родом сменяется представлением о суде индивидуальном, который происходит в момент кончины человека [1, 128]. Этот переход, по мнению Ф. Арьеса, объясняется ростом индивидуального сознания.

Жизнь человека средневековья, как и его смерть, определялись религиозными установлениями. Тем не менее, ошибочно полагать, что на протяжении всего периода средних веков мировоззрение европейцев являлось одинаково религиозным. И здесь уместно было бы обратиться к типу мировоззрения, хронологически предшествовавшему религиозному – мифологическому.

Мифологическое сознание – самая ранняя форма исторического сознания человека. Это первобытное коллективное представление о мире с обязательным мифологическим компонентом [2, 592]. Индивидуальность в мифе полностью растворена в стихийной коллективной силе, а это значит, что нет проблемы личной ответственности. Если миф есть отражение неразвитости и неосознанности общественных и культурных

противоречий, то религия появляется тогда, когда эти противоречия уже имеют место и начинают осознаваться [3, 119]. Одним из первых признаков религиозного сознания является отсутствие мифологического синкретизма субъекта и объекта.

Так, до начала христианизации мировоззрение древних германцев являлось не столько религиозным, сколько мифологическим. Картина мира древних германцев нестатична. Мир реальный и мир мифологический часто оказываются взаимопроницаемыми, а миры мертвых могут совпадать с мифологическим пространством [4; 96-101]. Само место погребения обладает рядом свойств, которые сближают его с теми точками, которые ассоциируются в германской мифологии с карликами, великанами. Камни, земля и курганы способны открываться и закрываться [4, 96-101]. Для мифологического мировоззрения германцев важно то, в каком отношении загробный мир находится с миром живых. Подобное отношение к умершим снимает проблему хаотичности и «нетрадиционности» изменчивых форм погребального ритуала в обществе, идеология которого зиждилась на традиции [5, 419].

Для осетин же загробный мир является истинным, а реальный мир – ложным. Очевидно, осетины верили, что смерть есть переход в иную жизнь, где такой же миропорядок, как и в мире живых; отошедшие остаются там с такими же материальными потребностями и склонностями, что и при жизни. И этот вывод можно сделать на основании Нартовского эпоса, где представлен сюжет путешествия в загробный мир. Сюжет сказания «Сослан в Царстве мертвых» заключается в следующем: Сослан решил жениться на дочери Солнца Ацырухс, а для этого ему нужно было раздобыть листья дерева «аза», который рос только в Царстве мертвых – это была часть калыма. Попав в это Царство, Сослан видит множество сцен, которые рисуют воздаяния, ожидающие людей за их поступки – добрые или злые. В итоге Сослан получил листья «аза» с помощью своей умершей жены. Эти листья вручает ему Барастыр, и Сослан возвращается назад [6].

По формам посмертных наказаний можно реконструировать моральные принципы осетин, можно сделать следующий вывод: образ Барастыра является довлеющим во всех фольклорных сюжетах, связанных с загробным миром. Он является главным субъектом, осуществляющим воздаяние. Точно таким же наказующим субъектом является Иисус Христос в представлении людей средневековья. Загробный мир, как представителю традиционного осетинского общества, так и средневековому европейцу, рисовался гораздо более грандиозным в сравнении с реальным миром.

Ф. Арьес при констатации факта господства в сознании человека раннего Средневековья представления о коллективном воздаянии при

отсутствии индивидуального подхода опирается лишь на данные визуальной антропологии – на иконографию соответствующих периодов. Например, рельеф на саркофаге св. Агильберта VII века. На одной из сторон саркофага, по мнению Ф. Арьеса, изображен Христос во Славе, вокруг которого стоят четыре евангелиста. На другой стороне саркофага изображены праведники, которые воздевают руки к небу и прославляют Христа. И это вызвало научную дискуссию. В частности, крупный российский медиевист А.Я. Гуревич составил критический отзыв на книгу французского историка [7, 114-135].

А.Я. Гуревич не согласен с Ф. Арьесом. По его мнению, здесь изображен именно Страшный Суд: Христа окружают не евангелисты, а воскресшие из мертвых. Ф. Арьес, используя этот источник, делает вывод о том, что в раннем средневековье не существовало идеи посмертного воздаяния это означает, что он утверждает, что Страшный Суд здесь не изображен. Однако, похоже, что здесь изображен Страшный суд, т. е. сцена Страшного суда на этом рельефе не единственная из числа нетипичных изображений, относящихся к раннему периоду средневековья. Традиция изображений Суда восходит к IV в. В христианской традиции грядущий Страшный суд описан в Евангелии от Матфея (25, 31–41): «... когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все Святые и Ангелы с Ним; тогда сядет на престоле славы Своей; и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую; тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира...» Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его...» [Евангелие от Матфея. 25, 31–41.]. Анализ изображения вполне соответствует евангельскому описанию.

А.Я. Гуревич спорит с Ф. Арьесом и в том важнейшем аспекте, что представления о смерти у человека западного средневековья претерпевают упомянутую эволюцию: он убежден, что и в раннем средневековье существовало представление об индивидуальном посмертном воздаянии. А. Я. Гуревич настаивает на том, что нельзя опираться лишь на данные визуальной антропологии (как это имеет место у Ф. Арьеса). Так, привлекая ряд письменных источников к анализу сюжета рельефа на саркофаге Агильберта («Утрехтская псалтырь» IX в., «Штуттгартская псалтырь» IX в., «Бамбергский апокалипсис» XI в.), в которых присутствует сюжет Страшного Суда, А.Я. Гуревич определяет трактовку, данную Ф. Арьесом, как ошибочную, утверждая, что там изображен Страшный Суд.

Трудно спорить с А.Я. Гуревичем в том, что исторические выводы только в том случае могут претендовать на объективность, если осно-

ваны на комплексном корпусе источников. Но упомянутая Ф. Арьесом мировоззренческая динамика вполне четко прослеживается: при сравнении содержания изображения данного рельефа со «Страшным Судом» Микеланджело XVI века; тогда изменения представлений о посмертном воздаянии от раннего средневековья к Ренессансу становятся очевидны. На этой фреске действительно запечатлен Страшный Суд. На ней изображены Христос, Богородица, святые, праведники и грешники. Христос здесь является карающим субъектом. Мертвые встают из своих могил и идут на Страшный Суд. Внизу мы видим барку, которая перевозит души грешников. Слева от барки – вход в Чистилище. Вверху бескрылые ангелы держат символы страданий Христа. Эта фреска доказывает позицию Ф. Арьеса о том, что в дальнейшем возобладала идея индивидуальной ответственности.

Сюжет Страшного Суда также представлен и в фольклорных материалах осетин. Еще одно путешествие в загробный мир описано в легенде о Барастыре и «безымянном госте», записанный Б. Гатиевым в работе «Суеверия и предрассудки у осетин» [8, 149-169].

Сюжет этой легенды заключается в следующем: умерший, имя которого неизвестно, попадает в Царство мертвых и становится гостем Барастыра. Барастыр показал гостю те сцены адских мучений, которые ждут человека после смерти за плохие поступки. Видя этот ужас, гость заплакал и стал думать о том, как же помочь этим несчастным. Затем Барастыр пригласил его сесть за стол со святыми и ангелами. И когда Барастыр начал есть первым, гость не дотронулся до блюд, как и другие. Тогда спросил владыка Царства мертвых, почему они не едят. Гость провозгласил тост и сказал, что он не станет есть, пока Барастыр не освободит этих несчастных и не отправит их в Дзенет. Тогда и ангелы, и святые поддержали его. Барастыр после велел выпустить мертвых и отправить их в Дзенет. После обеда гость решил отправиться дальше. Он простился с Барастыром, ангелами и святыми [8, 149-169]. В этой легенде присутствует мотив всеобщего воскрешения, характерный для раннего христианства. В христианской практике это обозначают таким термином, как «апокатастасис».

В легенде о Барастыре и «безымянном госте» есть следующие строки: «... во время перехода через новый мост, состоящий из одного весьма тонкого, стеклянного волоска, сделанный над страшною бездною... люди без веры и добрых дел не в состоянии бывают выдержать такие испытания и, поэтому легко сдаются черным, адским служителям, которые, схватив их, мгновенно бросают их вниз головами в великое огненное море, откуда несчастные не избавятся до той поры, пока не наступит «ахæрæты-бон или кайматы-бон», и когда будет воздано каждому по делам его или наказание, или награда» [8, 149-169]. Речь не иначе как

о Страшном суде. Очевидно, название Судного дня связано с влиянием ислама: «ахары» – от арабского «ахират» – загробный мир, а «каймат» тоже от арабского «киямат» – день Страшного суда [9, 52-64]. Но ислам не проник столь глубоко и прочно, чтобы полностью уничтожить все первобытные религиозные культы. Он только окутал традиционные религиозные представления осетин своей внешней обрядностью. Однако резкое разграничение ада и рая совпадает и с христианским представлением. Из приведенного фрагмента следует, что в день Страшного суда над адом будет протянут очень тонкий мост-лезвие. По нему будут идти умершие. Праведники с легкостью перейдут этот мост над бездной, а грешники же, не справившись с этим, рухнут в преисподнюю. Этот мост будет находиться в конце Царства мертвых. Праведники попадут в рай, а остальные – в ад. Отталкиваясь от анализа легенды, можно предположить, что идеи Страшного суда и вовсе не существовало в исконной религии осетин, она является результатом авраамистического влияния.

Подведем некоторые итоги:

1) представления о смерти у людей раннего средневековья и осетин имеют некоторые похожие элементы: как можно заметить, в легенде о Барастыре и «безымянном госте» говорится о массовом спасении (в христианском богословии – апокатастасис), и оно вполне соответствует раннесредневековому представлению об этом;

2) если предположить в представлениях осетин о Страшном суде христианское влияние, при сравнении со средневековыми представлениями выявляется сходство, но только с периодом раннего средневековья. Это значит, что в осетинской традиции сохранилась практика, типичная для раннего христианства и даже православия, которая связана со всеобщим воскрешением, именуемым «апокатастасис»;

3) так или иначе, идея апокатастасиса, не принятая ни одной из официальных церквей, была распространена в период раннего христианства. Получается, что представления о посмертном спасении германцев коррелируют с представлениями о том же у осетин средневекового периода. Этот вывод, в свою очередь, предполагает следующий: то, что описано в «легенде о безымянном госте» есть ни что иное как раннехристианский извод идеи посмертного воздаяния, восходящий к самому раннему периоду распространения христианства среди древних алан.

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-Академия, 1992. 520 с.
2. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М.: Проспект, 2012. 592 с.
3. Круглова Л. К. Культурология: Учебное пособие, СПб.: СПГУВК, 2008. 609с.
4. Картамышева Е. П. Между жизнью и смертью: к вопросу о структуре загробного мира у древних скандинавов // Восточная Европа в древности и средневековье. XIV Чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002.
5. Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали: Издательство, «Ирыстон», 1984. 217 с.
6. Сказания о нартах. М.: Советская Россия, 1978.
7. Гуревич. А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии. М.: Одиссей, 1989.
8. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876, отд. 111. // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Вып. III. Цхинвали, 1987.
9. Кцоева С. Г. Исламские элементы в этнорелигиозной системе осетин: исторические особенности и проблемы изучения // Известия СОИГСИ. Вып. 26 (65). Владикавказ, 2017.

V. ФИЛОЛОГИЯ

**Э. Ш. Цориты,
докторант,
Институт лингвистики и культурологии
Франкфуртского университета им. И.В. Гёте
(Франкфурт-на-Майне, Германия)**

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Осетинский язык относится к восточно-иранским языкам, на котором говорят на Центральном Кавказе. В ранней литературе (Шегрен 1844; Миллер 1927; Абаев 1959; Ахвледиани 1963) в осетинском языке обозначаются два основных диалекта; иронский, который положен в основу литературного языка, и дигорский, более архаичный диалект, на котором говорят в западных частях Северной Осетии – Алании. Но, согласно недавней литературе (Эршлер 2019), осетинский является «обобщающим термином» для близкородственных иронского и дигорского языков (id.: 7). Общего в иронском и дигорском языках является то, что у них есть три категории времени и три категории модальности, и ни один из них не выражает грамматическую категорию рода. Одно из явно выраженных отличий состоит в том, что в иронском обнаруживается девять падежей, тогда как в дигорском их только восемь. Категория определённости может быть отмечена фонологически, морфологически, синтаксически и лексически, тогда как определение определённости фонологическим способом описана только для иронского языка. Лексическая определённость может быть выражена притяжательными местоимениями, демонстративными местоимениями и дигорской проклитически определённой частицей и. Под лексической определённостью мы имеем в виду последнюю определённую частицу. Ниже мы попытаемся привести краткий обзор способов выражения категории определённости в осетинском-иронском и дигорском языках.

Ключевые слова: осетинский язык, категория определённости, иронский, дигорский.

DEFINITENESS IN OSSETIC

Ossetic is an Eastern-Iranian language spoken in the Central Caucasus. Throughout early literature (Sjögren 1844; Miller 1927; Abaev 1959; Akhvlediani 1963) Ossetic is classified as having two main dialects; Iron, on which the standard language is based on, and Digor, the more archaic dialect that's spoken in the western parts of North Ossetia-Alania. But according to recent literature (Erschler 2019) Ossetic is a "cover term" for the closely related languages Iron and Digor (id.: 7). Iron and Digor have in common that they have three tenses and three moods and neither of them marks grammatical gender. One noticeable difference is that Iron has nine cases whereas Digor only has eight.

Definiteness can be marked phonologically, morphologically, syntactically and lexically, whereas marking definiteness by phonological manners has been only describes for Iron. Lexical definiteness can be expressed by possessive pronouns, demonstrative pronouns and the Digor proclitic definite particle *i*. By lexical definiteness I refer to the latter definite particle. Below I will give a short overview of the ways to express definiteness in Ossetic-Iron and Digor.

Keywords: Ossetic, Definiteness, Iron, Digor.

LEXICAL DEFINITENESS: DEFINITE PARTICLE *i*

In Digor definiteness can be expressed by putting the definite particle *i* in front of the noun that is definite or that needs to be emphasized to prevent ambiguity or misunderstanding. Bailey (1946: 46) reconstructs the particle as Proto-

Akhvlediani even subdivides Ossetic into three dialects: Eastern (Tagaur), Western (Digor) and Southern (Tual) Ossetic.

Iranian relative pronoun **ya*. The definite particle² is described by Erschler as "optional and very rare in discourse and written texts" (2019: 9).

(1) Digor

[...] *qæbær beræ ma fæ-xxud-tæn æz ba qæbær i ġæla-bæl*
very much CONJ PV-laugh.PST-

1SG.PST

1SG CONTR very DEF.

PTCL

idiot-ADES

"[...] and I have laughed very very much about **the idiot**."

(2) Digor *i kizgæ ba je Digoron kizgæ, axur kæn-uj je ,mæ caġd-un*

DEF. PTCL

girl CONTR 3SG Digor girl learning do-

3SG.PRS

3SG CONJ play-

INF

"But **the girl**, she is a Digor girl, she is learning playing (the instrument)."

(3) Digor [...], *ma ibæɫ ni-ccijnæ ,j i xuarz læg [...]*

CONJ CL.3SG.ADES PV-happiness COP.3SG.PRS DEF.PTCL good man "[...] and **the good man** was happy by this [...]" (mlæw)

As in (3) modifiers such as adjectives can stand between the definite particle and its noun. Thordarson (2008: 110) defines two possible functions of the "preclitic particle": it either introduces the noun phrase as a kind of definite article. Or it functions as a linking modifier to the preceding head noun as a complementiser. Further, the particle is an anaphoric particle which only appears when the subject it defines has been mentioned before.

PHONOLOGICAL DEFINITENESS: STRESS SHIFT

According to Abaev (1949: 529-560) the accentuation rules in Iron are as follows: the first two syllables of a word or word group are decisive for accent assignment. Strong vowels (*a, e, i, o, u*) and weak vowels (*æ, y*) make up strong and weak syllables. The first strong syllable of the two first syllables in a word or word group bears the stress. If both syllables are weak than the second syllable is stressed: *wázaldzæf* ('frostbitten'), *wágdættæg* ('rules'),

2 Throughout literature the particle is also called "article" by some linguists. I decided to maintain the term "particle" since I observed a difference between the frequency and usage of the articles we know from German (*der, die, das*) or English (*the*) and the definite particle in Digor in regard to specificity.

xæʒár ('(a) house'), *gædy* ('(a) cat'). In the latter two words the first syllable is not stressed. So according to Abaev (1959: 11), stress may shift to the first syllable to express definiteness: *xæʒar* ('the house') and *gædy* ('the cat'). Alongside Abaev, Thordarson (2008: 110) and Testen justify this shift of stress with the loss of the definite particle *i* in Iron. According to Testen the "article, which, when counted as the first syllable of its accent complex, caused the accent to be placed one syllable to the left [...]. When the **i* was lost [...] the shifted accent remained grammaticalized as an indication of definiteness" (1997: 729-730). The "accent complex" Testen talks about was already mentioned by Abaev (1949: 530), only that he named the word group that shares a single stress "accentual unit". According to Abaev the word group accent behaves in the same manner as a single word; to express definiteness, stress can shift to the first syllable if the second syllable bears the stress: (Lorenz 1965: 595)

"give me the red apple" (Thordarson 2008: 110)

When asking my informants about this stress shift to express definiteness, nobody was able to confirm Abaev's theory. They only told me that this kind of emphasis on the attribute is used for specificity for example in the case of (5) when there are many apples and the speaker wants the specific red one.³

MORPHOLOGICAL DEFINITENESS: DIFFERENTIAL OBJECT MARKING

Since the accusative was lost due to case syncretism direct objects are marked either by the Nominative or Genitive case. According to Abaev (1959: 124 ff.) and later Belyaev (2010: 27-28), the object is marked by Genitive if it is animate and/or definite. If it is inanimate and/or indefinite, it is marked by Nominative.

(6a) Iron

Kolhoz ba-lxæd-ta bæx-tæ

kolkhoz PV-buy.PST.-3SG.PST horse-NOM.PL

"The kolkhoz bought horses (**indef.**)" (Bagaev 1965: 138)

(6b) Iron

Kolhoz ba-lxæd-ta bæx-ty

kolkhoz PV-buy.PST.-3SG.PST horse-GEN.PL

"The kolkhoz bought **the** horses." (Bagaev 1965: 138)

When consulting my informants regarding DOM in example (6) they had split opinions. According to my informants this example would be incorrect when the object had been standing in singulare as **Kolhoz balxædta bæxy* (cf. *bæxty*). For the object to stand in singulare, an additional demonstrative pronoun would be necessary: *Kolhoz balxædta ucy bæxy*.

On the other hand personal names are always marked by genitive:

(7) Iron

Axuyrgænæg ba-fars-ta Qaspolat-y

teacher PV-ask-3SG.PST Qaspolat-GEN.SG

"The teacher asked (the) Qaspolat." (Bagaev 1965: 138)

SYNTACTICAL DEFINITENESS: WORD ORDER

As Thordarson (2008: 83) states, "Ossetic has SOV as its basic word order". However, the word order is – similar to Russian – quite free and not strictly SOV. In order to express definiteness syntactically the definite subject stands before the verb whereas the subject stands after the verb when it is indefinite.

(8a) Iron

Læppu ba-cyd-is skola-mæ

boy PV-come.PST-3SG.PST school-ALL.SG "The boy came to the school!"

(8b) Iron

Skola-mæ ba-cyd-is læppu

school-ALL.SG PV-come.PST-3SG.PST boy

"A boy came to the school." (Bagaev 1965: 138)

But marking definiteness only by word order seems problematic; during my stay in Ossetia I stumbled upon some misunderstandings due to the absence of subject marking:

³ Still, it could be possible that such a stress shift takes place unconsciously. Only after evaluating my data I will be able to see if a stress shift takes place.

(9) Digor

Næ *Digorænt-tæ* *næ* *uarzun-cæ* *oči* *Turkag-tæ*
 POSS.1PL Digor.PL-PL.NOM NEG love-3PL.PRS DEM Turk-PL.NOM

“Our Digors don’t like those Turks.”

My interlocutor did not understand whether it were the Digors who do not like the Turks or the Turks who do not like the Digors. In contrast to (8) where we have a subject and local information, therefore no direct object, example (9) shows a bivalent verb with its subject and direct object. To disambiguate this sentence it should be enough to mark the direct object (in this case *Turkag-tæ*) by Genitive (*Turkagti*) (cf. DOM).

Bagaev (1965) did not include verb valency into his theory of definiteness by word order. Therefore it is necessary to see how much of a role valency plays and if DOM is necessary when using word order to show the definiteness or indefiniteness of a subject.

CONCLUSION

When looking for definiteness in ossetian grammars, definiteness is often a topic that is briefly mentioned. Usually Abaevs (1949) statements on definiteness by stress shift are cited, but there are no recent studies on definiteness in general. Even the Ossetic National Corpus (ONC; or Ossetic Digor Corpus, ODC) does not give any option in the search form for grammatical attributes to search for definiteness. There is a general tendency to use demonstrative pronouns as mentioned above. This could be a Russian influence, since it’s the second language of Ossetic speakers in Ossetia; but this is just an assumption and can’t be backed up at the moment.

The goal of this essay was a short summary of the different ways to express definiteness according to ossetian grammars from the last decades.

ABBREVIATIONS

ADES	Adessive	NOM	Nominative
ALL	Allative	NEG	Negation
CL	Clitic	PL	Plural
CONJ	Conjunction	POSS	Possessive
COP	Copula	PRS	Present Tense
DEF	Definite	PST	Past Tense
DEM	Demonstrative Pronoun	PTCL	Particle
GEN	Genitive	PV	Preverb
IMP	Imperative	SG	Singulare
INF	Infinitive		

1. Abaev, Vasilij Ivanovič (1949): Osetinskij jazyk i fol' klor: 1. Akademija Nauk SSSR. Abaev, Vasilij Ivanovič (1959): Grammatičeskij očerk osetinskogo jazyka
2. Bagaev (1965): Sovremenny osetinskij jazyk 1.
3. Belyaev, Oleg; Vydrin, Arseniy (2014): Ossetic National Corpus. Unter Mitarbeit von Timofey Arkhangelskiy, M. V. Darchieva und I. M. Mirikova.
4. Cagolov, I. M. (1925): K voprosu ob osetinskom stixoslozhenii. In: Izvestija Osetinskogo Nauchno-Issledovatel'skogo Instituta Kraevedenija (Juni).
5. Cheung, Johnny (2002): Ossetic Vocalism. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert.
6. Erschler, David (Hg.) (2019): Iron Ossetic. Oxford: Oxford University Press (Handbook of the languages of the Caucasus).
7. Isaev, Magomed Izmajlovič (1966): Digorskij dialekt osetinskogo jazyka. Moskva. Lorenz, Manfred (1965): Zum Versbau im modernen Ossetischen. In: Wissenschaftliche
8. Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe (14), S. 593–599.
9. Sjögren, Andreas Johan (1844): Iron Ævzagaxur das ist Ossetische Sprachlehre. Nebst kurzem Ossetisch-Deutschen und Deutsch-Ossetischen Wörterbuche. St.
10. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
11. Takazov, Fedar (2007): Učebnik osetinskogo jazyka. dlja nevladejučšix. Vladikavkaz.
12. Taqazti, Fedar (2003): Digoron-Urussag Dzurduat. 30 min dzrudemæ xæstæg.
13. Dzæuægiğæu: Alanston.
14. Testen, David (1997): Ossetic Phonology. In: Alan S. Kaye & Peter T. Daniels (eds.), Phonologies of Asia and Africa (Including the Caucasus), S. 707–731.
15. Thordarson, Fridrik (2009): Ossetic Grammatical Studies. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
16. Vydrin, Arseniy (2014): Digor Ossetic Corpus. Unter Mitarbeit von L. V. Klimenchenko, Timofey Arkhangelskiy und M. V. Darchieva.

Ossetic Parallel text mlæw (mægur læg æma wosæ): <https://ironau.ru/gardanti.html> (19/07/19)

ODC: http://corpus-digor.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru (19/07/19)

ONC: http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=en (19/07/19)

**Е.Б. Дзапарова,
кфн, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)**

ОСЕТИНСКАЯ ПОЭЗИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (50-80-Е ГГ. XX В.)

В статье рассмотрен вклад известных русских поэтов в переводческий процесс в Осетии. Объектом исследования стали художественные переводы А. Ахматовой, Л. Озерова, Н. Рубцова, Р. Казаковой из осетинской поэзии. Автором проведен сравнительно-сопоставительный анализ разноязычных (осетинский, русский) текстов с целью выявления основных стратегий, используемых переводчиками в процессе перевода. В ходе анализа поэтических произведений Нигера, Г. Плиева, Г. Дзугаева, Х. Дзаболаты устанавливаются оптимальные переводческие решения при отражении смыслового рисунка, ритмической организации стиха, реализации в переводе интенций автора оригинала.

Ключевые слова: художественный перевод, осетинская литература, русские поэты, эквивалентность, семантика, национальный колорит.

The article considers the contribution of famous Russian poets to the translation process in Ossetia. The object of the study was the translations of A. Akhmatova, L. Ozerov, N. Rubtsov, R. Kazakova from Ossetian poetry. The author carried out a comparative analysis of multilingual (Ossetian, Russian) texts in order to identify the main strategies used by translators in the translation process. In the course of the analysis of the poetic works of Niger, G. Pliev, G. Dzugaev, H. Dzabolaty, optimal translation decisions are established when reflecting the semantic drawing, the rhythmic organization of the verse, the realization of the intentions of the author of the original in translation.

Key words: literary translation, Ossetian literature, Russian poets, equivalence, semantics, national flavor.

Значительный интерес литературной общественности в 1920-30-х гг. к проблемам художественного перевода повлек качественные и количественные изменения в этом виде межкультурной коммуникации. Под лозунгом интернационализма осуществлялся поток переводов на русский язык произведений писателей и поэтов малых народов, иностранной литературы. Вопросам перевода лучших произведений национальных авторов большое внимание уделял М. Горький. На Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. им была выражена необходимость «издавать

на русском языке сборники текущей прозы и поэзии национальных республик и областей в хороших переводах» [1, 324-325]. Особый интерес у переводчиков вызывала и осетинская литература. По инициативе Горького в 1934 году в Осетии побывала бригада Оргкомитета Союза писателей СССР с целью оказания практической помощи писателям Осетии в переводе и издании лучших произведений осетинской литературы на русском языке [2, 93]. Наиболее талантливые книги осетинских писателей становились достоянием всесоюзного читателя. Так, были осуществлены переводы лирических и прозаических произведений К. Хетагурова, С. Гадиева, А. Коцоева, Ц. Гадиева и др. авторов [3, 81-91]. Переводные произведения публиковались не только в местных, но и в центральных газетах и журналах. Например, с произведениями Хетагурова в русскоязычных переводах читатели могли знакомиться на страницах изданий «Красная новь», «Новый мир», «Звезда», «Октябрь», «Знамя», «Литературная газета», «Резец».

Новый виток своего развития художественный перевод в осетинской литературе получил в 1950-е годы. Знаковым событием стал Второй Всесоюзный съезд писателей СССР в 1954 году. Одним из первостепенных вопросов, поднимаемых на заседании, отводился проблемам теории и практики художественного перевода. На съезде был заслушан доклад писателя и переводчика П. Антокольского «Художественные переводы литератур народов СССР» (содокладчики М. Ауэзов, М. Рыльский). Рассматривая случаи буквализма и отсебятины в художественном переводе, Антокольский в докладе существенную роль отводил взаимным переводам литератур народов СССР, переводу произведений национальных писателей на русский язык. «Перевод на русский язык – это ворота в мир для национального писателя» [4, 14], – в этом положении доклада Антокольского заключена ответственная и в то же время великая историческая миссия перевода на русский язык.

В 1950-е гг. развивается отечественная школа перевода, одной из задач которой являлось формирование единой многонациональной советской литературы. Бурный интерес к практике перевода повлек за собой вовлечение писателей, литературоведов, журналистов разных национальностей в переводческий процесс. Благодаря межкультурным посредникам – переводчикам – творчество многих национальных писателей стало выходить на всесоюзную арену, находить свой широкий круг читателей. Достижения осетинской литературы на русском языке демонстрировались на Декаде в Москве (26 августа-6 сентября 1960 г.), на творческих вечерах и юбилеях классиков, произведения входили в антологии, хрестоматии, выходили отдельными сборниками. К переводу произведений корифеев осетинской литературы в 1950-80-е гг. обращались как известные русские поэты – А. Ахматова, Н. Заболоцкий, М. Исаковский, Н. Тихонов, Л. Озеров, А. Тарковский, И. Френкель, Р. Казакова, Б. Ахмадули-

на и др. – так и профессиональные переводчики – А. Шпирт, П. Панченко, Б. Иринин, Н. Гребнев, С. Шервинский, Л. Шерешевский, Я. Козловский [5] и мн. др. Благодаря работе блистательных переводчиков достоянием русскоязычного читателя стали произведения К. Хетагурова, А. Коцоева, А. Кубалова, Д. Мамсурова, Т. Епхиева, Нигера (И. Джанаева), А. Гулуева, М. Камбердиева, С. Баграева, Г. Малиева, Г. Кайтукова, Б. Муртазова, Н. Джусойты, М. Цагараева, Т. Джатиева, Т. Бесаева, Г. Дзугаева, Г. Плиева, У. Богазова, Х. Плиева и мн. др. [6, 376-377]. Работая с помощью подстрочников, переводчики стремились сохранить, прежде всего, структуру переводимого произведения, а затем – стиль, национальный колорит. Многие осетинские писатели намеренно отказывались от демонстрации их творчества на русском языке, так как перевод не всегда отражал идейно-художественные особенности оригинала. Или авторы не были удовлетворены ранее сделанными переводами. Очевидным выходом для многих стало обращение к самопереводу. Прекрасно зная исходный и переводящий языки, некоторым писателям удалось создать ряд замечательных художественных произведений уже в другой языковой среде [7, 65-69].

В творческом наследии А. Ахматовой переводы занимают огромное место. К художественному переводу, как известно, поэтесса обратилась в период своей «литературной немоты». Известное постановление оргбюро ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» оторвало на долгие годы от читателя оригинальное творчество Ахматовой. Отсутствие возможности публиковаться и постоянная материальная нужда заставили ее обратиться к подобному литературному заработку. Знание нескольких иностранных языков и поэтическое дарование позволили Анне Андреевне перевести более двухсот стихотворных произведений. Сама Ахматова скептически относилась к переводческой деятельности и называла ее «довольно трудоемкой формой безделия».

К этому периоду и относятся переводы Ахматовой из осетинской лирики. Произведения К. Хетагурова, С. Гадиева, Д. Мамсурова, Г. Кайтукова, А. Царукаева, Б. Муртазова, Г. Плиева на русском языке стали ее переводческим наследием [8, 67-74].

Среди переводных произведений поэтессы особое место принадлежит стихотворению Г. Плиева «*Будто сразу присмирел*». Стихотворение неизменно включалось в сборники избранных переводов Ахматовой. Небольшое произведение в стихах глубоко эмоционально. Во вступлении слово и музыка сливаются в единый поэтический поток:

Цыма фенцад æваст

æнкъард хъарæг,

Цыма арæгъй æркаст

цырагъдарæг, – [9, 30]

Будто сразу присмирел

Причитаний хор,

Будто с неба поглядел

Нежный лунный взор [10, 280].

В переводе поэтесса уловила звучащий фон, сохранила мелодичность стиха. Фигурирующий в оригинале метафорический образ в переводе нашел свое адекватное коннотативное значение, но утратил предметное: «*цырагъдарæг*» – «*нежный лунный взор*». Образное переосмысление исходного значения, как нам кажется, помогло Ахматовой богаче представить номинативную функцию лексемы.

Строки стихотворения близки по звучанию к ахматовской лирике, поэтому, на наш взгляд, переводчику удалось так достоверно и тонко отразить психологические переживания, раскрыть душевное состояние лирического героя. Стихотворение напоминает исповедальный монолог и отражает внутренний мир солдата в короткий промежуток между боями. Читаем:

*Аив сæрды æппæт
йæ хæрдгæйæ,
Атад, алыгъди мæт
мæ зæрдæйæ...*

*Фæлæ н' аскъуыд æваст
æнкъард хъарæг,
Нæдæр арвæй æркаст
цырагъдарæг:
Уый рæстæгмæ фæхъус
нæ хæст – тыфыл,
Æмæ уайы дæ хуыз
мæ цæстытыл*

[9, 30].

*И осыпал все вокруг
Серебром своим, –
Сердца моего недуг
Скрылся перед ним.
Нет, не сразу присмирел
Причитаний хор
И на нас не поглядел
Нежный лунный взор.
Это – смолк на краткий миг
Смертоносный бой,
И в глазах моих возник
Светлый образ твой*

[10, 280].

Сопоставительный анализ строк в разноязычных текстах свидетельствует о предельной семантической близости слов оригинала в переводе. Облегчает, на наш взгляд, проблему перевода некоторых лексем для Ахматовой отсутствие национальной специфики в их значениях. Как легко заметить читателю, владеющему в равной степени обоими языками, в переводе при интерпретации смысловых структур разного уровня Ахматовой удалось достигнуть равного впечатления в их истолковании, а местами и обогатить образы за счет дополнений, которые улучшают текст в целом («*дæ хуыз*» – «*светлый образ твой*»). Отразить глубину содержания помогает переводчику и избранный способ передачи формальной структуры оригинала. Ритмико-интонационные элементы в переводе представлены мужской перекрестной рифмой, хореическими стопами.

Одним из тех, кто укреплял литературные связи между двумя народами, был Л. Озеров¹. Его переводы произведений К. Хетагурова, Нигера (И.

¹ Псевдоним Льва Адольфовича Гольдберга, публиковался также под именами Лев Берг, Л. Корнев.

Джанаева), Г. Плиева, Гафеза (Ф. Гаглоева), Х. Плиева, Г. Кайтукова, Б. Муртазова, Д. Дарчиева, М. Цирихова, М. Дзасохова, Ш. Джикаева, К. Ходова и др. осетинских авторов печатались в «Литературной газете», «Молодой гвардии», «Правде», «Новом мире», «Литературной России» и в других центральных изданиях. Отдельной книгой переводы Л. Озерова вышли в 1981 году под названием «Поднимаясь на перевал...»¹.

Перевод произведений требовал от переводчика ответственного подхода при отражении национальных особенностей, прагматики переводимого художественного текста, избегая при этом содержательных и формальных потерь. Обратимся к переводу хрестоматийного произведения Нигера «*Æз цагъайраг нæ дæн*» (1928) – «*Я не раб*». Продолжатель демократических традиций К. Хетагурова Нигер наиболее ярко в осетинской литературе выступил в конце 1920-х – 1930-х гг. с поэзией, ставшей голосом народа, выражающей его думы и чаяния.

Красной нитью через все стихотворение проходит мысль о ценности свободы. Свое отношение к рабству поэт декларирует уже в первых строках. Сравним зачин стихотворения в оригинале и в переводе Л. Озерова:

<i>Æз цагъайраг нæ дæн.</i>	<i>Я не раб, и рабом</i>
<i>Æз нæ хæссын къæлæт,</i>	<i>Мне не быть никогда.</i>
<i>Фæлтау дардыл мæ туг</i>	<i>Лучше пусть моя кровь</i>
<i>Донау уайæд, кæлæд!</i>	<i>Утечет, как вода</i>

[11, 247]

[12, 32].

Сопоставление разноязычных отрывков демонстрирует отсутствие в переводе второй строки, несущей немаловажную смысловую информацию: «*Æз нæ хæссын къæлæт,...*» (Я не ношу бремя/тяжесть...). В стремлении компенсировать потери переводчик в первой строке использует рефреном отрицание: «*я не раб*», «*и рабом / мне не быть никогда*». Вводимые словесные средства объективно передают в переводе мысль автора о ненависти к социальному неравноправию. В переводном стихотворении аналогично оригинальному ритмический рисунок включает в себя мужские окончания строк, перекрестную рифму с выпадением чередования в первой и третьей строках (АБВБ). Стих осложнен сравнительным оборотом «*донау уайæд, кæлæд!*» – «*утечет, как вода*». Здесь не совсем верно отражены морфологические особенности. В переводе представлен глагол будущего времени («*утечет*») – в оригинале же Нигер использует форму настоящего времени («*уайæд*»).

В стихотворение-монолог Нигера встроена песня-плач матери лирического героя. Воспоминания женщины сосредоточены на тяжелой судьбе отца главного героя, рассказе о его доле бедняка. При переводе Озерову удалось частично сохранить драматизм описания:

¹ Название заимствовано из одноименного стихотворения А. Кодзати.

*Знал он обувь одну –
Холодок земляной,
Знал рубашку одну –
Тяжкий солнечный зной [12, 33].*

Простая рифмовка строк, а местами повторяющаяся («одну» – «одну») несколько упрощает формальную организацию стиха оригинала, а в некоторой степени снижает его экспрессию. Приведем этот отрывок в оригинале:

*Зæхх – йæ дзабыр фылдæр,
Хурæй дардта хæдон.
Дуг, цагъайраг – нæ дуг,
Уый нæ домдта бынтон! [11, 248]*

Переводческая интерпретация строфы не выдержала, как представляется, правильного отражения всей передаваемой информации. В переводе мы не увидим последних двух строк оригинала. Значимая информация этого отрывка осталась за пределами воображения русскоязычного читателя. В стихотворении проигнорирована Озеровым выражаемая в этих строках мысль о ненависти мира рабства и социального неравенства: «Дуг, цагъайраг – нæ дуг, / Уый нæ домдта бынтон!» И поэтому интенции автора нужно было сохранить и в переводе.

Песня-завет матери оканчивается следующими строками:

<i>Айрæз, байрæз, мæ хур,</i>	<i>Подрастай же, сынок,</i>
<i>Акæн дзидзийы хъуыртт,</i>	<i>Помни правду мою.</i>
<i>Кæд дæ фыдæлты туг</i>	<i>Может быть, за отца</i>
<i>Тохы райсис, мæ фырт! [11, 248]</i>	<i>Отомстишь ты в бою...» [12, 33]</i>

Эквивалентность семантики всей строфы не всегда достигается лексическими соответствиями. Несмотря на то, что переводчик не всегда использовал прямые аналоги слов языка оригинала, в целом Озерову удалось сохранить эстетическое воздействие на читателя всего отрывка. Буквальное отражение в переводе столь важной для поэта семантики слов не позволило бы, как нам кажется, его адекватное восприятие реципиентом. Речь идет о словесных конструкциях «дзидзийы хъуыртт», «райсын фыдæлты туг». Логически верным оказалась замена в переводе идиомы «мæ хур» уменьшительно-ласкательным «сынок». Подмена художественного образа не вносит в текст существенных семантических трансформаций и не искажает смысл переводимого отрывка. С помощью инверсии сохраняется в переводе эквиритмичность стиха оригинала.

Патетика не стихает на протяжении всего стихотворения, а к концу усиливается:

*Додой, сар мын йæ уд,
Мæнмæ исчи, мыййаг,
Йе куы 'вдиса къæлæт,
Йе мæ хона уæййаг!.. [11, 248]*

*Знаю: гибель ему,
Нечестивцу тому,
Кто бы вздумал меня
Приспособить к ярму [12, 34].*

Приведенная строфа в переводе демонстрирует отход Озеровым от словесных соответствий языка оригинала. Ярко поданный образ в переводе немного преломился, национальное своеобразие отрывка, на наш взгляд, сводится нейтральной картиной. Несмотря на это, и здесь звучит ненависть к врагу и вера в конечную гибель поработителей.

В финале последняя строфа замыкает кольцо стихотворения и отражена в переводе идентично первой. Тогда как у Нигера в последнем стихе усиливается мысль о готовности ради свободы к самопожертвованию: «Фæлтау дона мæ туг / Дард æнхъæвзæн кæнæд».

Небольшие лексико-семантические расхождения в системе языка оригинала и перевода не повлияли на выражение идейного содержания стихотворения в русскоязычном варианте.

Одним из переводчиков осетинской поэзии на русский язык был известный поэт Николай Рубцов. Личная дружба, духовное родство, тематическое сходство поэзии позволили ему обратиться в переводах к творчеству осетинского поэта Хазби Дзаболаты [13, 131-132]. Переводы в 1960-70-х гг. публиковались на страницах журнала Литературного института им. М. Горького «Молодые голоса» и газет «Вологодский комсомолец», «Литературная Россия», «Комсомольская правда». Стихотворения Дзаболаты в переводе Рубцова входили в авторские издания («Очаг», 1963; «Уацамонгæ», 2011), опубликованы в антологии осетинской поэзии (1984) [14]. В небольших по объему стихотворениях перед читателями предстает внутренний мир лирического героя. Строки о родном селе, отце и матери, о тяжелом послевоенном времени звучат как одни на двоих (автора и переводчика). Рубцов в переводе затрагивал то общее, что интересовало его и осетинского поэта, обращался к темам и проблемам, схожим к его оригинальным стихам. О духовной и тематической близости Дзаболаты с Рубцовым пишет народный поэт Ш. Джикаев: «...ему особенно близок Николай Рубцов, с которым поэта связывали и мужская дружба, и творческое сотрудничество. Такое родство дало возможность сделать превосходные переводы поэтических творений своего собрата, которые теперь включаются в собрание сочинений Рубцова как неотъемлемая часть его творчества» [15].

Через мировоззрение осетинского поэта Рубцов, как кажется, отразил частичку своей души. Ранняя смерть матери, отказ от него собственного отца, детдомовские будни все же оставили в его сердце теплоту о родном отчем крае, о своей малой родине – Вологде. С той же теплотой он

отражает на русском языке стихи Дзаболова «*Давно я не вставал по крику петухов...*», «*В родном селе*». В первом стихотворении в каждой строчке звучит тоска о давно минувшем: поэт вспоминает родное село, родной дом, родные поля. Рубцов при выборе словесных средств не отходит от смыслового рисунка оригинала. Пример:

<i>Раггэй нал фестын гез уасджыты хъæрахст-мæ,</i>	<i>Давно я не вставал по крику петухов</i>
<i>Раггэй не 'руадтæн æрыскъæфджын тæссæртты,</i>	<i>И солнце не встречал в лощинах вешних,</i>
<i>Фæлæ булæмæргъ куыннæ рох кæны й 'ахстон,</i>	<i>Но домик наш – гнездо моих стихов,</i>
<i>Афтæ дарын гез нæ къулхæдзар мæ зæрдыл... «Мæ зæрдыл дарын...»</i>	<i>Не забываю, как скворец скворечник</i>
[16, 118]	[14, 435].

Как видим, переводчик отражает прагматику исходного отрывка, улавливая эмоционально-экспрессивный характер описанной автором картины. Для создания более четкой ритмической структуры текста в переводе Рубцов дополняет поэтический образ оригинала («*домик наш – гнездо моих стихов*»). Во второй строке русскоязычного текста наблюдается отход от первичного образа и ввод своего «*Раггэй не 'руадтæн æрыскъæфджын тæссæртты,...*» (Давно не спускался по земляничным склонам) – «*И солнце не встречал в лощинах вешних...*». Но, как представляется, подобные изменения не отразились на передаче семантической доминанты всего отрывка. Для придания ритма стихотворению Дзаболаты использует особую композиционную структуру: для строк каждой строфы характерно единоначатие. При этом автор отказывается от рифмовки. В переводе Рубцова анафорический зачин не сохранен, но для отражения ритмической системы стиха используется перекрестная рифма (АБАБ):

<i>Раггэй нал дæн гез нæудзарм хъæуы цæрджытæй,</i>	<i>Село, где на чинаровом столбе</i>
<i>Рæггэй нал уыдтæн æртæхæвæрд цъæх хуымты,</i>	<i>Осталась моего рожденья дата,</i>
<i>Фæлæ хъæугæрон сывылдзхæдгæй цæджындыл</i>	<i>Зеленогрудое! Грущу я о тебе...</i>
<i>Къахтæй баззæди йæ боныхыгъд мæ гуырдагн...</i>	<i>Мои поля! Где мной трава не смята...</i>
[16, 118]	[14, 435]

Несмотря на то, что в разноязычных текстах имеются формальные различия, они не затрагивают смысл произведения. Рубцовым сохранен созданный автором ностальгический мотив, а творческие возможности позволили проявить переводческий талант.

Достижение формальной организации стиха не всегда являлось главной целью поэтического перевода Рубцова. При переводе и других стихотворений Дзаболаты им практиковался метод отказа от воссоздания формальных особенностей переводимого произведения в

уюду точной передаче его содержания. Об этом пишет автор монографического труда по проблемам художественного перевода осетинской поэзии М.Л. Чибирова. Проанализировав стихотворения Х. Дзаболаты «Лæг фæразы йæхи улы рыстæн...» («Человек переносит любую беду...»), «Мæ фыды цыртыл» («На могиле отца») в переводе Рубцова, исследователь приходит к выводу, что игнорирование эквилинеарности и эквиритмичности оправдано точной передачей содержания переводимого стиха. Различные дополнения лишь уточняли и поясняли, по мнению М. Чибировой, «то, что само собой исходило из оригинала» [17, 92]. Подобным методом переведены стихотворения «Гæркъæраг куы уасыд» («Когда кричала сорока», из стих-я «Хæст»), «Уый кæд æз нæ уыдтæн...» («Горбоносый, в коротких штанишках...»), «Мады ном цæуыннæ фыссы лæг?» («Всегда заботой матери храним...»). Переводчик расширяет рамки исходного текста вводом дополнительных строк, но остается верен его смыслу.

В переводческой практике Н. Рубцова мы встречаем и обратный процесс – усечение формы переводимого стиха. Так, при переводе стихотворения «Ноггуырды арфæ» («Пожелание новорожденному») Рубцовым отражены первые две и последние две строки. Приведем текст в оригинале:

<i>Ды райгуырдыг дзæнхъа хæхты хъæбысы,</i>	<i>Уый бирæ у хыгъд ныхæстæй зæгъгæйæ,</i>
<i>Уæлмигъ фæрсыгъд æхсæрдзæнты дæлбазыр,</i>	<i>Фæлæг уыдзæн мæ фæндиаг дæ фидæн,</i>
<i>Æмæ дын дардыл арфæтæ нæ мысын –</i>	<i>Куы уай сыгъдæг æхсæрдзæнтау –</i>
	<i>зæрдæйæ,</i>
<i>Фыды зæрдæ йæ хъæбулæн цы уарзы,</i>	<i>Æмæ нæ урс дзæнхъа-къул хæхтау –</i>
	<i>фидар!</i>

[16, 121]

и в переводе Рубцова:

*Ты рожден под крылом водопадной струи,
Там, где властвуют скал перевалы, –
Будь же чист, как высокие воды твои,
Будь же тверд, как родимые скалы!* [14, 441]

Два четверостишия переведены катреном: опущена центральная часть стихотворения. Переводчик меняет структуру переводимого произведения, но при этом учитывает его смысловое наполнение. Но, несмотря на предпочитаемую переводчиком трансформацию, изменение внешней формы существенно не повлекло за собой содержательных потерь.

С сохранением общего смысла произведения читатель сталкивается и при переводе одной из частей стихотворения «Хæст» – «Хæст хæрзрох нæ ныуагъта мæн дæр» («Меня война солдатом не застала...»). Здесь

также Рубцов игнорирует номинативные значения слов оригинала и передает лишь основную информацию текста.

<i>Мæн хæстхъомæй не 'рыйæфта хæст,</i>	<i>Цæстыл уайы бардæйы кæрдзын,</i>
<i>Тохфæдыл нæ фыцыдтæн æдгæрзтæ,</i>	<i>Æмæ згæхæрд телтæй конд æрмгуырой...</i>
<i>Фæлæ фæдтон хæсты хуызы æз,</i>	<i>Хæст хæрзрох нæ ныуагъта мæн дæр,</i>
<i>Сау низау, æнæхатыр фыдрæстæг.</i>	<i>Хæст мæныл дæр ìе знæт къух æрсæрфта,</i>
<i>Хæст... Уæд хъусын бомбæты хæрзын,</i>	<i>Зæрдыл дарын акъоппы мæйдар</i>
<i>Хъустæ 'хгæнынц танкæты гуыр-гуырæй,</i>	<i>Æмæ тарст, æнæхуыссæг æхсæвтæ...</i>

[15, 92]

Перевод Н. Рубцова:

<i>Меня война солдатом не застала,</i>	<i>Своим крылом безжалостное время</i>
<i>Чтоб взять винтовку, был годами мал,</i>	<i>Махало так, что мой мутился взгляд, –</i>
<i>Но тоже рос голодный и усталый,</i>	<i>Недетских слез и всех лишений бремя</i>
<i>И тоже груз на плечи поднимал!</i>	<i>Я тоже нес, как будто был солдат!..</i>

[14, 438]

Переводчик, как кажется, стирает в тексте особенности стиля автора оригинала и наделяет строки в русском звучании своими чертами. Текст на языке перевода, по своему эстетическому воздействию ничуть не уступающий подлиннику, больше напоминает индивидуально-авторскую интерпретацию.

Таким образом, для переводов Рубцова характерен, с одной стороны, лаконизм, передача лишь основной мысли стиха, а с другой – выход за рамки текста, расширение исходной информации за счет дополнений и уточнений. Перевести точно, буквально, соблюдая все каноны стихотворного перевода – не это, на наш взгляд, было целью переводчика. Переводческий метод Рубцова четко подмечен Л. Вересовым, долгое время изучавшим оригинальное и переводное творчество поэта: «...он переводил художественно, передавая суть мыслей и ощущений Хазби через свои образы и понимание. Но как хороши стихи Дзаболова на осетинском, так они хороши и на русском, в вольных переводах Рубцова... Переводы Рубцова можно рассматривать как вольный пересказ стихов Хазби Дзаболова. Это скорее стихи по мотивам произведений Хазби...» [18]. И все же переводческий труд Рубцова оставил неизгладимый след в осетинской и русской литературе. В его переводах слилась поэзия, истоки которой зародились в разных уголках нашей страны: в Вологде и в Осетии. Русскоязычные переводы Дзаболата по достоинству оценены многими писателями, исследователями творчества обоих поэтов. Еще А. Брагин, открывший в начале 1970-х гг. широкому читателю переводческий талант русского писателя, заметил, что «в переводах звучал рубцовский голос. Его не трудно было узнать. Грустная доброта наполняла душу. Переводы были сделаны мастерски, не было никакого сомнения – Рубцов не новичок в переводе» [19,

427]. Благоприятное впечатление оказала поэзия Дзаболаты в переводе Рубцова на В. Шуткевича. Известный журналист отмечал: «В переводах Н. Рубцова... поэзия Дзаболова осталась такой же светлой и чистой, какой увидел ее автор. Один поэт будто узнал в другом что-то свое, до боли сокровенное и близкое» [20].

Осетинская поэзия в русских переводах особенно интенсивно зазвучала в 1980-х гг. Отдельными изданиями выходили книги Г. Плиева, Х. Плиева, М. Басиева, Д. Дарчиева, Г. Кайтукова, М. Цирихова, Р. Асаева, Б. Муртазова, Е. Тедеева, А. Кодзати, К. Ходова, М. Дзасохова, З. Хостикоевой, Х.-У. Алборова, Т. Хаджеты и мн. др. авторов. Значительным событием для всей переводной литературы на русском языке стал выход в 1984 г. «Антологии осетинской поэзии». Здесь представлены переводы произведений осетинских писателей как старшего поколения, так и тех, кто только недавно вступил на литературную стезю. Часть поэтических произведений была переведена для этого издания. В сборник включены переводы известных русских поэтов Н. Заболоцкого, А. Ахматовой, М. Шехтера, М. Синельникова, Ю. Мориц, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы и др. Достоянием русскоязычного читателя стали и переводы поэтессы Р. Казаковой. Переведенная ею поэзия представлена стихами Г. Дзугаева «*Все строки, сердцу дорогие...*», «*Бросает девушку волна...*», «*О, радость быть поэтом!..*», «*Земля*», «*Родники*». Стихи публиковались и ранее в журналах «Литературная Грузия» (1966) [21, 64], «Советская Осетия» (1966) [22, 56-57]. При передаче осетиноязычных строк на языке перевода Р. Казакова придерживалась двух способов воспроизведения. В первом случае переводчик старался минимизировать потери смыслового и коннотативного компонентов содержания оригинала. Текст в переводе получался достаточно информативным для осмысления заключенных в нем интенций автора. Во втором – Казакова прибегала к изменению конструкций предложений и формы стиха в целом. Но при этом смысл оставался неизменным.

В качестве примера приведем первые два четверостишия из стихотворения Г. Дзугаева «*Мæ зарджытæ*» и отражение их в переводе Р. Казаковой:

*Æз мæ зарæджи рæнхъытæ
Хуры сæмбæлдмæ фæфыссын.
Се 'рдын базыртæ, сæ хъуыртæ
Хуры цыхцыртæм æрыхсынц.*

*Все строки, сердцу дорогие,
Пишу я до восхода солнца,
Чтоб крылышки свои тугие
Они омыли в пивнях солнца.*

*Раст зæрватычы лæппынтау,
Зилгæ февзæрынц мæ сæрмæ.
Хъæлдзæг уалдзыгон рæуфынтау,
Семæ атæхы мæ зæрдæ*

*Как ласточки они взлетают,
Взмывают в небо надо мною.
И с ними сердце улетает,
И сердце больше не со мною*

[23, 3].

[14, 272].

Переводчик, как легко заметить, зеркально отражает все структурные компоненты текста. Художественно-эстетическая сторона была доминирующей для творческих личностей, вовлеченных в коммуникативный процесс, поэтому текст в переводе соответствует оригиналу по своей образности. Ввод авторских метафор и другой оценочной лексики положительно влияет на осуществление прагматического воздействия на получателя.

Такое же эстетическое впечатление оставляет перевод стихотворения «*Суадæттæ*» – «*Родники*». Передача образных средств оригинала удалась переводчику и в этом произведении. Сравним первую строфу:

<i>Нæ хъуытазхъуыр суадæттæ,</i>	<i>Скажите, родники звонкоголосые,</i>
<i>Зæгъут, чи сты уæ уарзæттæ?</i>	<i>Кто люб вам? Луг ли в лучиках травы?</i>
<i>Кæд худæндзаст уæздан чызг у,</i>	<i>Девчонки ль молодые, длиннокосые,</i>
<i>Уæ донгæй фаст – йæ сау дзыкку?</i>	<i>Чьи волосы расчесывали вы? [14, 275]</i>

[23, 23]

Нельзя не обратить внимание на плавный переход описываемого автором отрывка с одного языка на другой. Р. Казакова не просто переводит текст, а создает художественный образ аналогичный тому, что предложил нам Г. Дзугаев. Отрыв от буквы подлинника позволил поэту-переводчику проявить свои возможности при поэтической реализации текста уже в другой культурной среде. Там, где возможности языка перевода не позволяли подобрать полный эквивалент, Казакова использовала другой, близкий по своей функциональности («*хъуытазхъуыр суадæттæ*» – «*родники звонкоголосые*»). Адекватность перевода проявляется не только в правильной подаче переводчиком смысла, но и в отражении колорита, художественной специфики текста:

<i>Нæ Иры сау суадæттæ,</i>	<i>У темных родников моей Осетии.</i>
<i>Цæссыгрæсуг – уæ сагдæттæ.</i>	<i>Вода чиста, как капля слез из глаз.</i>
<i>Æрттивæнт дæрд уæ айдæнтæ,</i>	<i>Вы, родники, как зеркала, мне светите,</i>
<i>Мæ риуыл уæнт уæ узвæдтæ</i>	<i>Я днем и ночью отражаюсь в вас...</i>

[23, 23].

[14, 275]

Ритм стиха оригинала в этом отрывке, как нам кажется, динамичнее за счет четкой рифмы и используемой ямбической стопы. В переводе чередующиеся строки совпадают, но повествование более статично. Переводчик отдает предпочтение образному обыгрыванию слов оригинала, не отдаляясь при этом от их смысла. С этой целью используются сравнительные конструкции «*Вода чиста, как капля слез из глаз*», «*родники, как зеркала*». Для отражения художественного мира, запечатленного в стихотворении, Казаковой достаточно было четырех строф в противовес пяти оригинала.

Голос талантливой поэтессы в полной мере зазвучал и в других ее художественных переводах с осетинского языка.

Таким образом, успех осетинской поэзии на международной арене достигается благодаря скрупулезному и кропотливому переводческому труду известных русских писателей. При переводе они стремились в основном сохранить несущую информацию исходного текста в единицах переводящего языка или, видоизменяя формальную организацию стиха, передать лишь общий смысл. Адекватность стихотворного перевода во многом зависела и от созвучности поэзии автора и переводчика.

-
1. Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 27. М., 1953. 342 с.
 2. Сабаев С.Б. Очерки русско-осетинских литературных связей. Орджоникидзе: Ир, 1982. 150 с.
 3. Фидарова Р.Я., Кайтова И.А. Социалистический реализм в осетинской литературе 60-80-х годов XX века: вопросы теории // Известия СОИГСИ. 2019. 32 (71). С. 81-91.
 4. Антокольский П.Г. Художественные переводы литератур народов СССР / П. Антокольский, М. Ауэзов, М. Рыльский // Вопросы художественного перевода: сборник статей. Сост. Вл. Россельс. М.: Советский писатель, 1955. С. 5-45.
 5. Хугаев И. Почтовые лошади постмодерна: не перевелись бы переводчики // Литературная газета. № 2018. №26. 13.07.2018.
 6. Цориева И.Т. Культура Северной Осетии во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. (образование, наука, литература и искусство). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 542 с.
 7. Дзапарова Е.Б. Автоперевод как вид художественного перевода в осетинской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (16). С. 65-69.
 8. Найфонова Ф.Т. Анна Ахматова – Переводы из осетинской поэзии // Известия СОИГСИ. 2014. 11 (50). С. 67-74.
 9. Плиты Грис. Атакæ. Æмдзæвгæтæ. Кадджытæ. Балладæтæ. М.: Менджер, 1995. 216 ф.
 10. Осетинская литература. Сост. Х. Ардасенов, Т. Епхиева, Д. Мамсуров. М., 1952. 362 с.
 11. Ирон литературæ (1917–1956 азтæ). Хрестомати (II хай). Сарæзтой йæ Джыккайтæ Шамил, Хъантемыраты Римæ æмæ Хозиты Барис. Дзæуджыхъæу: ЦИПУ, 1998. 759 ф.
 12. Поднимаясь на перевал. Из осетинской поэзии. Переводы Льва Озерова. Орджоникидзе, 1981. 181 с.

13. Мамиева И.В. Основные вехи развития осетинской поэзии: имена и тенденции // Известия СОИГСИ. 2016. 22 (61). С. 120-139.
14. Антология осетинской поэзии. Сост. Х.-У. Алборты, А. Кодзаев, С. Хугаев. Орджоникидзе: Ир, 1984. 638 с.
15. Джикаев Ш. Звездное небо поэтической души. 19 января – 40 лет со дня трагической гибели талантливого осетинского поэта Хазби Дзаболова // Осетия – Квайса. 19.01.2009. <http://osetia.kvaisa.ru/> (дата обращения 09.08.2019).
16. Дзаболатаы Х. Уацамонгæ: Уацмыстæ. Дыккаг баххæстгонд рауагъд. Дзæуджыхъæу: Ир, 1992. 399 ф.
17. Чибирова М.Л. Художественный перевод и проблема национального колорита (на материале русских переводов осетинской поэзии второй половины XX века). Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2006. 156 с.
18. Леонид Вересов. Еще раз о переводах Николая Рубцова, неожиданные выводы // https://www.rubtsov-poetry.ru/others_3/perevody_rubtsova_2.htm (дата обращения 09.08.2019).
19. Рубцов Н.М. Стихотворения. Переводы. Проза. Литературно-критические работы. Письма. Сост.: Л.А. Мелков, Н.Л. Мелкова. М.: Воскресенье, 1999. 647 с.
20. Шуткевич В. Журавлиный зов. Раздумья о творчестве Хазби Дзаболова и Николая Рубцова // Молодой коммунист. 1979. 22 ноября.
21. Дзугаев Г. Земля. О, радость – быть поэтом! Переводы Р. Казаковой // Литературная Грузия. 1966. №11. С. 64.
22. Дзугаев Г. Стихи. Переводы Р. Казаковой // Советская Осетия. 1966. №28-29. С. 56-57.
23. Дзугаты Георги. Зардамон: æмдзæвгæтæ, балладæтæ. Цхинвал, 1967. 97 ф.

**Л.Б. Моргоева,
кфн, снс
СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)**

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ЕДИНИЦ
В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ**

Статья посвящена звукоизобразительной лексике осетинского языка, представленной номинациями различного рода звуков живой и неживой природы, образной передачей звуковых эффектов движения, ударов, световых явлений посредством звуковой символики собственно речевой деятельности и других фонетических процессов. При анализе обширного языкового материала, репрезентирующего звуковые и шумовые эффекты объективной действительности, внимание концентрировалось на их структурном оформлении и семантическом разнообразии в осетинской речи/тексте. Активность их использования, морфологическая продуктивность и фонетическая вариативность диктуют необходимость в особом внимании к вопросам адекватности терминологического обозначения, разработанным классификациям и их соответствию применительно к осетинской лексике данного пласта. В работе приведена условная классификация лексем по их структурным и семантическим признакам. С опорой на фиксированную в лексикографических источниках семантику лексик, характерную для данного класса, рассмотрено их контекстное использование, анализ которого показал способность к замещению одних номинаций другими вариантами, в том числе имеющими иную «закрепленную» семантику. Это позволяет утверждать об определенном рода синонимии внутри данного пласта осетинской лексики, способности к расширению семантических границ и морфологических возможностей. Контекстуальное использование при этом является основным механизмом в формировании семантической многозначности данных единиц языка.

Ключевые слова: осетинский язык, звукоизобразительная лексика, ономапон, контекстная семантика.

The article is devoted to the sound-expressive words of the Ossetian language, represented by nominations of various kinds of sounds of animate and inanimate nature, figurative transmission of sound effects of movement, strokes, light phenomena through the sound symbolism of speech activity itself and other phonetic processes. When analyzing the vast linguistic material representing the sound and noise effects of objective reality, attention was focused on their structural design and semantic diversity in Ossetian speech/text. The activity of

their use, morphological productivity and phonetic variability dictate the need for special attention to the issues of the adequacy of terminology, the developed classifications and their relevance in relation to the Ossetian vocabulary of this formation. The paper provides a conditional classification of lexemes according to their structural and semantic features. Based on the semantics of vocabulary fixed in lexicographic sources that are characteristic of this class, their contextual use is examined, the analysis of which showed the ability to replace some nominations with other options, including those with different "fixed" semantics. This allows us to claim a certain kind of synonymy within this layer of Ossetian vocabulary, the ability to expand semantic boundaries and morphological capabilities. Contextual use is the main mechanism in the formation of the semantic polysemy of these language units.

Keywords: *Ossetian language, sound-expressive words, onomatop, contextual semantics.*

Традиционное понятие языковой картины мира подразумевает способ концептуализации мира при единстве универсального и идиоматического, представленного в строгой системности, конкретности и целостности, но при этом основанный в разумной степени на субъективности, выраженный в наглядности и образности (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, В.А. Маслова, А.Д. Шмелев, С.Е. Кубрякова, О.А. Корнилов, Н.Ф. Алефиренко и др.), наравне с которыми появляются частные категории его описания. Вместе с тем формируется фоносемантическая звуковая картина мира, основанная на природе возникновения и механизмах функционирования звукоподражательных единиц языка [1; 2, 181-184; 3, 183-192; 4 и др.].

Звук как одно из основных универсальных средств коммуникации имеет зону действия, равную области своего распространения, и несет в себе императивное начало [5, 76-81]. В народной культуре звуковое пространство играет большую роль и имеет свое вербальное прочтение, основанное на осмысленном уподоблении звуков человеческой речи и разделением их самостоятельной семантикой.

В осетинском языке слов, основанных на звуковом символизме и звуковом подражании, достаточно много. Впервые пристальному вниманию данный пласт осетинской лексики подвергся в работах В.И. Абаева, который использовал для их обозначения, термин «мимео-изобразительные слова» при наличии таких терминологических обозначений как «идеофоны», «мимемы», «образные слова», «дескриптивные слова» [6, 135-140]. Выбор такого термина ученым объяснялся тем, что «элемент звукоподражания наличествует в большинстве этих слов и является, по-видимому, исходным в их генезисе» [7, 409].

С точки зрения В.И. Абаева, «мимео-изобразительные слова должны быть безоговорочно отнесены к именам существительным» [7, 419], однако особенности грамматического строя осетинского языка позволяют

говорить о грамматической омонимии [8, 1171-1175], при котором слова могут быть существительными, междометиями и именной частью сложного глагола. При этом семантика может варьироваться, приобретая характерные в каждом конкретном случае специфические семантические оттенки, мотивированные частеречным статусом лексического образования, а также условиями его контекстного использования.

Итак, в основе звукоизобразительных слов лежит непосредственная связь звуковой формы с его значением. «Поскольку их значение может быть «звуковым» или «незвуковым», данный класс слов подразделяется соответственно на подклассы звукоподражательных и звукоимитационных (образоподражательных) слов» [9, 34].

При наличии достаточно большого количества классификаций данного пласта лексики в соответствии с источником звучания, его характером и соотносительностью с действительностью и познавательной способностью человека [10; 11, 117-121; 12, 157-163; 13; 14 и др.], все они в достаточной степени уязвимы, и ни одна из существующих классификаций, по нашему мнению, не может быть универсальной и способной полностью раскрыть природу возникновения данных слов и дать им однозначную семантическую характеристику.

Не вдаваясь в подробное описание каждой классификации, отметим, что сложность любой классификации связана с субъективным восприятием звука, лежащего в основе возникновения любого звукоизобразительного слова, с его символическим соответствием знаку и индивидуальной идентификацией. И, тем не менее, опираясь на двучленную классификацию С.В. Воронина [1], состоящую из акустических и артикуляционных ономатопопов, и дополненную С.С. Шляховой [15] группой ономатопопов говорения, попытаемся провести свою классификацию данного класса слов в осетинском языке.

1. Звуковой образ действия-движения: *тæбæртт* «топот, галоп», «мигание, мерцание»; *зыввытт* «бросок, вскидывание»; *зыгъгуытт* «швыряние, бросок»; *тæпп* «толчок, рывок»; *чъыллпп* «лягание, брыканье, прыганье»; *пæррæст* «порхание, взлет (птицы)»; *цъыввытт* «быстрое движение»; *сæххæтт* «быстрое выливание, выплескивание» и др.

2. Номинация явлений в соответствии с их звуковым восприятием, которые можно условно отнести к акустическим образованиям: *къæпп* «щелчок»; *къæрци* «треск, стук, удар»; *пъæртт* «удар, разрывание, треск»; *тъæлланг* «звон, окрик (злой)»; *хенц* «резание»; *хæкъуырци* «икота, прерывистый звук»; *хиртт* «фырканье, сморканье»; *хыррытт* «скрип, скрежет»; *хъуыртт* «глоток»; *хъыллист* «писк, визг»; *цъыкк* «удар острым, тонким предметом»; *цъыртт* «плеск, прысканье, брызганье, капля»; *цъыгъуытт* «плеск (рыбы в воде), скольжение»; *цъыбыртт* «ныряние, полоскание (в воде)»; и др.

3. Фонетическое оформление звуков, издаваемых человеком или животными: *къуыззитт* «свист»; *бухъхъ* «отрыжка»; *фыррыкк* «фыркание»; *чъыртт* «плевок (сквозь зубы)»; *хиртт* «сморкание»; *сыллып, хуыллып* «хлебание (воды, жидкой пищи)»; *хъуыдатт* «кудахтанье»; *мехъхъ* «блеяние»; *фыррыкк* «храп (лошади)» и др.

Практически во всех ономатопах в осетинском языке наблюдается геминация согласных звуков, главным образом, смычно гортанных и фрикативных согласных звуков как внутри слова, так и на конце. Само присутствие в звукоподражательных словах в достаточной степени «агрессивных» и «активных» звуков объясняется генетическим стремлением к звуковой имитации, то есть к непосредственному подражанию. Удвоение же этих звуков мотивировано желанием усилить реалистичность передаваемого звука и его символическое соответствие, поскольку «напряженная артикуляция этих согласных делает их особенно «выразительными» для этих целей» [16, 522-523].

Семантическое толкование ономатопов в осетинском не имеет строго закрепленных значений ввиду специфики происхождения и субъективности звукового восприятия каждым индивидом в отдельности. Именно по этой причине можно наблюдать варианты звукового оформления отдельных звукоизобразительных слов с одинаковым значением (*сыллып* – *хуыллып* «хлебание»; *сæххæтт* – *пæххæтт* «выплескивание»), и наоборот, такое звуковое расхождение может дать разные значения (*хырыртт* «скрип, скрежет» – *хуырыртт* «храп»; *пæххæтт* «выплескивание» – *бæгъæтт* «нараспашку» и др.).

Таким образом, фонетическая вариативность, о которой идет речь, может иметь одинаковое толкование и не отражаться на внутренней семантике слова, но способна кардинально изменять значение ономатопа. Контекстное использование устраняет возникающие неточности и, кроме того, определяет характер передаваемого звучания, передает субъективную характеристику описываемого действия говорящим.

Отдельного внимания заслуживают ономатопы, способные подвергаться редупликации, которая призвана передать не только характер издаваемого звука, но и его интенсивность, продолжительность и непрерывность (ср.: *хуыртт* «глоток» – *хъуыртт-хъуырт* «глотание»; *тъæпп* «хлоп, удар, толчок» – *тъæпп-тъæпп* «топотание, шлепанье (о ходьбе)»). Здесь следует сказать, что в некоторых случаях редупликативный вариант слова может получить дополнительные смысловые оттенки и новые варианты лексической сочетаемости; Пр.: *Æвиппайды зæххыл йæ тъæпп фæцыды*. – «Внезапно послышался его хлопок об землю», или *Хадизæты йæ тъæпп-тъæппæй базонæн вæййы*. – «Хадизат можно узнать по ее шлепанью». Более развернутый контекст может смоделировать некоторые семантические отклонения в слове.

В осетинском языке часть ономастопов имеет только редурикативную форму. Их, в свою очередь, также можно поделить на два вида: 1) абсолютные повторы асемантических частей и 2) «частичные» повторы.

К первой группе смело можно отнести слова *хæр-хæр* «скрип, хрип, волочение (по земле)»; *хым-хым* «сопение»; *хуыр-хуыр* «храп»; *хырт-хырт* «чесание, царапанье»; *хъым-хъым* «гнусавое произношение»; *тыр-тыр* «шум, рокот»; *сыр-сыр, сæр-сæр* «журчание, бурление, шуршание»; *сыф-сыф* «шум, шипение, шелест»; *хъыс-хъыс* «скрежет, хруст»; *пыф-пыф* «пыхтение»; *хъуыр-хъуыр* «ворчание, ропот»; *лæф-лæф* «одышка, пыхтение, тяжелое дыхание»; *цъыс-цъыс* «шипение»; *цъыр-цъыр* «стрекотание»; *цъуых-цъуых* «свист пули»; *цъуу-цъуу* «щебетание»; *цъипп-цъипп* «писк (цыплят)»; *цъиах-цъиах* «карканье»; *цъыс-цъыс* «шипение, писк»; *пыс-пыс* «шипение»; *пæлхъ-пæлхъ* «плеск, бурное кипение»; *пæх-пæх* «звук сильно льющейся жидкости»; *тыррыкк-тыррыкк* «трепет» и др.

Пр.: *Буцкыйæн фескъуыди йæ хуыр-хуыр, ракасти æмæ йæ фыды куы федта, уæд йæ цæсгом къулырдæм аздæхта æмæ йæхи биноныгдæр æрæмбæрзта.* (Токаты А.). – «Храп Буцки оборвался, проснулся и увидев отца, повернул лицо к стенке и сильнее укутался»; *Хæмæты хъустыл уайыныц цъыс-цъыс, пæлхъ-пæлхъ, дзингтæ 'мæ къуппытæ.* (Сечъынаты Л.). – «До Хамата доносятся звуки шипения, бурного кипения, звон и удары».

Особенность этой группы ономастопов состоит в том, что части таких слов, как правило, не употребляются в отдельном виде с сохранением внутреннего денотата. В редких случаях отмечаются фонетические совпадения самостоятельных слов с частями редурикатов, которые можно отнести к одной из форм проявления полисемии (ср.: *цъуу* «птенец» и *цъуу-цъуу* «щебетание»; *сыф* «лист» и *сыф-сыф* «шелест, шипение»; *хъуыр* «горло» и *хъуыр-хъуыр* «ворчание»; *хуыр* «щебень, гравий» – *хуыр-хуыр* «храп»; *гуыр* «грудь» – *гуыр-гуыр* «грохот»).

Ср.: *Æрмæст цугæндзонæй хъуысти машииæйы моторы гуыр-гуыр æмæ цæлхыты сыф-сыф* (Токаты А.). – «Только непрерывно слышался грохот мотора и шипение колес»; *Йæ бæсты йе 'фсин Цъæли фæрссагæй йæ гуыр ракъæдз кодта* (Сечъынаты Л.). – «Вместо нее свекровь Цали выгнула (выпятила) с окна свою грудь».

Несмотря на просматриваемые в приведенных примерах смысловые сходства и отдаленные связи причинно-следственного характера, мы не склонны характеризовать подобные совпадения больше, чем «случайную» омонимию. В противном случае такие «связи» наблюдались бы и в других дублированных звукоподражательных единицах. Отсутствие какой-либо закономерности заставляет нас отказаться от мысли о проявлении метафоричности и рассматривать их как варианты случайного совпадения или созвучности.

К другому виду ономастопов мы относим слова, вторая часть которых

при редупликации подвергается фонетическим изменениям, которые отмечал еще В.И. Абаев [7], указывая на чередование согласных и гласных в повторяемой части. Однако наблюдения показывают, что к ранее описанным видам фонетических особенностей можно добавить еще несколько, продолжив эту систематизацию. Так, чередование согласного звука происходит по следующему принципу:

а) согласный звук во второй части редупликативного ономатопа меняется на *м*: *хылы-мылы* «смешение, путаница», *хыртт-мыртт* «волоки-та», *дзолгъо-молгъо* «сумятица, шум, гам, галдеж»; *цъыллинг-мыллинг* «плескание», *чыллон-миллон* «муть, грязь», *рæдзæ-мæдзæ* «дремота» и др.

æ) гласный звук при повторе изменяется на *у*: *къыбар-къыбар* «треск, хруст при разгрызании чего-либо твердого», «бойкая болтовня», *цъыбар-цъыбар* «щебетание (с переливами)», «барахтанье в воде»; *сыбар-сыбар* «шелест, шепот», *тыбар-тыбар* «порхание, трепыхание на верту»; *дыбал-дыбул* «болтовня, лепет невнятный», *хыбар-хыбар* «шорох, шуршание, возня с шумом»; *талф-тулф* «спешка» и др.

б) одновременно происходит изменение согласного на *м* и гласного на *у* в повторяемой части: *дзыгъал-мыгъул* «лязг, дребезжание»; *тъылланг-тъыллунг* (*тъылланг-мыллунг*) «плескание жидкости в сосуде», *зыланг-мылунг* «звон, дребезжание, перезвон» и др.

в) в отдельных случаях отмечается изменение начального согласного на *б* или его добавление в повторяющейся части: *сусу-бусу* «шепот, сплетни», *ис-бис* «имущество, состояние, достаток», *хырттын-бырттын* «несвязное бречание на музыкальном инструменте» и др.

г) встречаются единичные случаи редупликаций, когда обе части потенциально могут быть частями других самостоятельных удвоенных ономатопов близкими по значению: *хъыпп-сыпп* «еле слышный звук, шепот» (допустим, от *хъып-хъып* и *сып-сып*). Такое образование, должно быть, мотивировано стремлением указать «любой» звук, и, несомненно, относится к разряду стилистических приемов, так же, как и использование в речи одной части редупликанта, лексикографически зафиксированного как удвоенная единица. Пр.: *Иууылдæр – хъуынтъызæрфыг. Дæргъæй-дæргъ-мæ фæндагыл сæ хъыпп-сыпп никæмæй схауди (Токаты А.).* – «Все нахмуренные. На протяжении всей дороги ни у кого и звука не вырвалось».

Этот же прием усматривается в словах, где каждая из частей является самостоятельным звукоизобразительным словом (*тæппытæ-мыхъхъытæ* «хлопанье, топанье, выражение недовольства и злобы»), или, при наличии собственного значения первой части редупликанта, вторая представляет собой искаженное и полностью асемантичное «добавление» (*аллон-биллон* «названия нартов мифологическими уаигами», *зыланг-мыланг* «дребезжание, перезвон», *зылын-мылын* «кривой-косой», *къæдз-мæдз* «зизгагообразно, криво» и др.).

Стилистическая оправданность таких образований подтверждается фиксированностью их семантики в языке. Кроме того, эмоциональная эффективность и экспрессивная эффективность такого приема способна спровоцировать окказиональное употребление слов, не относящихся к звукоизобразительной лексике [17]. Принципами таких образований могут служить описанные выше способы фонетического изменения.

Семантика звукоизобразительных слов, помимо передачи различных видов звучания или характерных шумов, особенностей движения и некоторых световых явлений [7, 410], в известной степени связана с субъективной оценкой этих звуковых явлений. Между тем, феномен лексических единиц этой группы заключается в том, что, обладая несравнимо высокой степенью образности и экспрессивности, в сравнении с другими экспрессивными единицами, данный лексический пласт всем своим разнообразием обязан стремлением к конкретности передаваемого звука. На этом основано образование множества зоологических терминов [18, 165-169] топонимов [19, 94-112], фоносемантика которых весьма очевидна: *цъысцъысаг* «сверчок», *гакк-гукк* «кукушка», *зырзырагг* «мак», *цъиах* «галка», *дзэггьдзэггьгъәнәгг калм* «гремучая змея», *дзэггьын-дзәгг* «сорока» и др. Однако, по той же самой причине, семантическое толкование слов, не относящихся к терминам, оказывается достаточно размытым и многоплановым. Происходит это за счет того, что восприятие звука, шума, оптических явлений и возникающих с этим ассоциаций весьма индивидуальны, так же, как индивидуален ассоциативный ряд возникающих образов при восприятии подобных слов. Поэтому становится возможным обратный ряд слов, обозначающих одно и то же действие. Скажем, для передачи процесса воспроизведения речи, говорения используются такие ономатопы, как *къәр-къәр*, *пъәр-пъәр*, *бәртт-бәртт*, *пыс-пыс*, *сыф-сыф*, *бәггь-бәггь*, *къәу-къәу*, *дзәггь-дзәггь*, каждый из которых имеет в своем значении дополнительные семантические оттенки, характеризующие этот самый признак. Эти характеризующие признаки обозначаемого действия, главным образом, связаны с субъективной реакцией на наблюдаемое действие «говорения» и несут информацию об интенсивности, темпе речи, тембре голоса, манере говорить, о смысловой бесполезности или неуместности воспроизводимой речи, праздности и бестактности и, наконец, об отношении коммуникантов друг к другу и к речевой ситуации. Схожий набор лексических вариантов можно выстроить для обозначения плача (нытья, хныканья), смеха, отдельных видов движения (ходьбы, бега, удара и т.д.).

Несомненно, при выборе того или иного лексического варианта для обозначения одного и того же явления присутствует определенный символизм и образное восприятие на основе которых появляется метафорическое использование конкретного слова. Пр.: *Кәцәйдәр*, *хәстәггәй*

райхъуысти цъысцъысаджы цъист-цъист (Токаты А.). – «Откуда-то поблизости слышалось стрекотание сверчка».

Здесь «звукоизобразительное» название сверчка (*цъыс-цъыс* «шипение, стрекотание» – *цъысцъысаг*) образовано по аналогии с издаваемым звуком, но само стрекотание автор передает удвоенным словом (*цъист* «давка»), зафиксированным с иным значением, не связанным с воспроизведением звука. Контекстуальное окружение и прием удвоения выбранного слова вполне четко отображает издаваемый звук и характеризует его как контекстный оноματοп. Это объясняется звуковым символизмом, возникающим в процессе восприятия и производства речи и мотивированным психолингвистикой развития, этнолингвистикой и др. [20]. Субъективное восприятие звукоизобразительных слов часто провоцирует расхождение между лексикографическим описанием и фактическим использованием их в речи. Добавим пару примеров использования уже упомянутого *цъыс-цъыс* «стрекотание»:

Мысты тарст хъæлæс хъусты цъыс-цъыс кодта «мæ хо дæр æй нæ зоны», «мæ хо дæр æй нæ зоны»...(Хъайтыхъты А.). – «Испуганный голос мыши пищал «и моя сестра не знает», «и моя сестра не знает»; *Джеоргуы-байы бæрæгбон-уу уыдис уу дыццæггæй иннæмæ, æмæ кæд алкæй хæдзарæй дæр бурфых физонæджы цъыс-цъыс æмæ сау бæггæныйы сæр-сæр цыд, уæд-дæр йæ кусарты сæр æмæ бæрзæй иунæггæй ничи хордта* (Хъайтыхъты А.). – «Праздник Джеоргуба проходил с одного вторника до другого, и, если из каждого дома доносилось шкварчание (шипение) жареного шашлыка и шипение темного пива, все же голову и шею своего ритуального жертвоприношения в одиночку никто не ел».

Контекстуальное использование оноματοпов часто основывается на звуко-символической метафоре, которая возникает при незвуковых ассоциациях, связанных с теми или иными звуками [21,88-89].

Сравним: *Сæ кæрæдзиимæ-уу (цъиутæ) сдыггал-дыггул кодтой цъам-мартæ (Сечъынаты Л.).* – «Друг с другом (птицы) начинали лепетать негодники» – о щебетании птиц; *Афицертæ хъæлдзæгхуызæй дыггал-дыггул кæнынц æмæ та бахудынц (Сечъынаты Л.)* – «Офицеры с веселым видом болтают и посмеиваются» – о речи людей;

Хъæды зæхх уыди гобану фæлмæн, къæхты бын сыбар-сыбур кодтой хус сыфтæртæ (Токаты А.). – «Земля в лесу была мягкой словно перина, под ногами шелестела сухая листва» – о листве; *Сыстадысты, сæ чъыл-дымтæ раздæхтой Хъæриу æмæ Фаризæтмæ, сбадтысты, сыбар-сыбур кæнынц (Хуыгаты Г.).* – «Встали, развернулись спиной к Хариу и Фаризат, сели, шепчутся» – о речи людей;

Цыдæр хыбар-хыбур мæ хъустыл ауад. Кæд сауджын у, мыййаг. Акæсон æм æз (Темыраты Д.). – «Какой-то шорох мне слышался. Может,, это священник. Выгляну к нему» – о внешних шумах; *Дæ уу фарсыл ма*

уæд та æрхуысс æмæ де 'нæрайы фындзы хыбар-хыбур мауал цæуа (Сечь-ынаты Л.) – «Ты хоть на один бок повернись, чтоб прекратилось (шуршание) твоего ненавистного носа» – о звуке, воспроизводимом человеком (о храпе).

Противопоставленные пары контекстного употребления звукоизобразительных лексем демонстрируют широкий спектр семантических пересечений между собой, который обеспечивается благодаря ряду факторов, в числе которых – стремление к точному и образному описанию звука; субъективное восприятие звуков и их ассоциативного ряда, соотносимого с действительностью; звукосимволическая метафора, используемая как стилистический прием; устоявшийся звуковой символизм.

-
1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006. 248 с.
 2. Демидова К.И. «Словарь лексики говоров Среднего Урала» как лингвокультурологический источник // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2012. Вып. 1 (39).
URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/demidova-12.htm>
 3. Шляхова С.С., Вершинина М.Г. Фоносемантическая картина мира: к постановке проблемы // Филологические заметки. 2014. № 1.
 4. Шестакова О.В. Мир сквозь призму ономотопеи. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2016. 302 с.
 5. Пашина О.А. Мир живых и мир мертвых в музыкальных звуках // Голос и ритуал: материалы конф. (май 1995). М., 1995.
 6. Койбаева Т.Х. Исследования осетинской звукоизобразительной лексики в работах В.И. Абаева /Проблемы осетинского языкознания, Вып.2. Орджоникидзе, 1987.
 7. Абаев В.И. Мимео-изобразительные слова в осетинском языке. Труды Института языкознания» М., 1956, Т.6.
 8. Тарелкина Т.И. Междометия и другие части речи: грамматическая омонимия // Молодой ученый. 2015. № 8 (88).
 9. Колева-Златева Живка. О статусе звукоизобразительных слов в языке. / ANNALES INSTITUTI SLAVICI UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS, SLAVICA XXXVII, 2008.
 10. Силаева О.Л. Звукоподражание: наука и практика. М.: Сельсин АСБ. 2008.
 11. Стефановская С.В. Звуковая картина мира // Вестник ИГЛУ. 2009. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zvukovaya-kartina-mira>.
 12. Шаронов И.А. Семантический анализ звукоподражательных слов // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 111.

13. Шляхова С.С. «Другой язык». Опыт маргинальной лингвистики. Пермь, 2005. 350 с.
14. Тишина Е.В. Русская ономотопея: диахронный и синхронный аспекты изучения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 22 с.
15. Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику: учеб. пособие / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2003. 216 с.
16. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949, Т.1.
17. Моргоева Л.Б., Экспрессивность разноуровневых единиц языка (на материале осетинского и русского языков). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. 248 с.
18. Цаллагова И.Н. Зоонимическая лексика дигорского варианта осетинского языка: морфологическая характеристика //Всероссийские Миллеровские чтения: Вып. VI /Под ред. З.В. Кануковой. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018.
19. Дзиццойты Ю.А. Словообразовательные типы осетинской топонимии /Известия СОИГСИ. Вып. 27 (66) 2018.
20. Шляхова С.С. Исследование звукоизобразительности в пермских языках: проблемы и перспективы. Часть 3. Вестник пермского университета, 2012. Вып 1(17), 10-16 (12)
21. Выгузова Е.Ю., Евсиенко Е.В. Звукосимволическая метафора как средство определения симметрии звукоизобразительной связи между звучанием слова и его значением (на материале английского языка). Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2017. №6 (72): в 3-х ч. Ч.2.

**А.Б. Бритаева,
кфн, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)**

**ПОЭТИКА ПОВЕСТИ Ч. АЙЛАРОВА
«МАЛЕНЬКИЙ МИКРО ИЗ РОДА АНГИНАЕВЫХ»:
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АСПЕКТ**

В статье рассматриваются специфические особенности познавательной литературы. На материале сказки-повести Ч. Айларова «Маленький Микро из рода Ангинаевых» анализируется научно-популярное направление детской литературы. Особое внимание уделяется оригинальности замысла «медицинской» повести, в которой автор в сказочной форме, совмещая медицинские знания и писательский талант, акцентирует внимание читателей на анатомических знаниях, на правилах личной гигиены, на мерах профилактики различных инфекционных заболеваний.

Ключевые слова: осетинская детская литература, научно-популярная литература, познавательная литература, «медицинская сказка».

The article discusses the specific features of cognitive literature. Based on the material of the fairy tale-story by Ch. Aylarov "Little Micro from the Anginaev Family", the popular science direction of children's literature is analyzed. Particular attention is paid to the originality of the concept of the "medical" story, in which the author in a fabulous form, combining medical knowledge and writing talent, focuses readers on anatomical knowledge, on the rules of personal hygiene, on measures to prevent various infectious diseases.

Keywords: Ossetian children's literature, popular scientific literature, educational literature, "medical fairy tale".

Осетинская детская литература, как и любая другая, отражает литературные процессы, происходящие во «взрослой литературе». Как отечественная, так и мировая детская литература изобилует произведениями, популяризирующими различные научные знания. Подобная литература определяется исследователями следующими терминами: научно-популярная, познавательная, научно-художественная. Специфика познавательных произведений заключается в том, что, занимая промежуточное положение между наукой и искусством слова, они существенно отличаются и от тех и от других. В самих терминах отражается «двойственная сущность познавательной литературы: средствами

художественного слова давать представление читателю об отдельных научных фактах или явлениях» [1, 497]. В научном произведении автор не имеет права отступать от фактов, установленных наукой, подаваемый материал должен быть максимально точен, объективен, в то время, как в произведениях научно-художественных, субъективность играет не последнюю роль – любой, даже самый сухой материал подается через субъективное видение автора, через его эмоции и личное отношение к предмету повествования. Субъективность проявляется в эмоциональной окрашенности, образности, присутствии художественного вымысла [1,497].

Если обращаться к опыту русской литературы, то нужно сказать, что история познавательной литературы для детей уходит своим корнями в глубь XVII-XVIII веков. Авторами первых познавательных книг становились отнюдь не мастера пера, а именно ученые, «в поисках путей популяризации знаний». С детства нам знакомы имена В.Ф. Одоевского, М. Ильина, Н.Сладкова, Б. Житкова, В. Бианки...

Ранее, в статье о познавательном аспекте осетинской детской литературы, мы обращались к природоведческому направлению научно-художественной литературы – это цикл рассказов В. Гаглоева «О чем плакал горный родник?», рассказы и сказки М. Дзасохова, М. Купеева, Г. Чеджемова [2]. Вполне правомерно пополнить этот список именем Чермена Габлаевича Айларова, который представляет другую область осетинской познавательной литературы – медицинскую.

Ч. Айларов – врач по образованию, имел звание заслуженного врача Северной Осетии, но и писательский труд не оставлял на протяжении всей жизни – был Членом Союза писателей Российской Федерации, автором более двадцати поэтических и прозаических сборников. Сам он говорил: «врачи называют меня писателем, а писатели – врачом».

*Дыууæ фæндаджы равзæрстон мæ царды,
Дыууæ цæстау у фидæнмæ сæ каст.
Мæн бафтыдтой дыууæ дывыдон артыл,
Мæ риуы мын ысдывæр кодтой уарзт,* – писал Чермен Айларов

Он творил и для взрослых, и для детей. Писал и стихи, и прозу. «Чермен Айларов пишет о детях и для детей. Глубокое знание детской души, психологии, умение рассказывать просто и увлекательно об обыденном и невероятном, чистый и образный язык – характерные особенности его детских стихов и рассказов. Именно этими качествами обусловлен их успех: многие из них вошли в книги для чтения и стали хрестоматийными» – читаем о нем [3].

В традициях русской познавательной литературы написаны рассказы-сказки «Туасфындз», «Бындзи-бæхы барæг» [4], в которых автор популяризирует медицинские знания, рассказывает о некогда свирепство-

вавших эпидемиях чумы, оспы, холеры, о механизмах заражения ими и мерах профилактики, о достижениях медицины и т.д. Продолжением и развитием этой темы в его творчестве стала повесть «Ангинæты чысыл Микъро» («Маленький Микро из рода Ангинаевых») [5].

Для осетинской детской литературы второй половины XX века повесть-сказка Ч. Айларова – это весьма оригинальное, новаторское произведение, в которой автор соединил два мира – мир сказки и мир науки, медицины.

Повесть смело можно отнести к научно-познавательной литературе для детей, настолько достоверно, хотя и в сказочной форме, в нем подан анатомический материал, а также механизмы заражения вирусами, различными болезнями... Главные герои повести – маленький Микро из рода Ангинаевых и его собратья-микробы – отправились в путешествие с целью заразить как можно больше людей. Что из этого получилось, и как им можно и нужно противостоять – вот сюжет и предназначение повести.

Какие познавательные сведения почерпнет ребенок из повести Ч. Айларова? Прежде всего, анатомические: строение человеческого организма, механизм работы кровеносной системы, внутренних органов; кроме этого ребенок многое узнает о строении микробов, вирусов, о механизмах заражения респираторными, кишечными инфекциями, о способах профилактики этих заболеваний и даже о технологии производства вакцин... Причем, все это – в доступной для детского восприятия форме. Произведение характеризуется обилием профессиональной, медицинской лексики (микробы, вирусы, стафилококк, стрептококк, пенициллин, вена, артерия, аорта, витамин, лаборатория и т.д.), но это несколько ее не усложняет, делая непонятной для детской аудитории.

Автор дает волю воображению и фантазии, придумывает персонажей – микробы, многие из которых имеют имя и фамилию (Ангинæты Микъро, Стафылыхъо, Стърипылыхъо), а также занимательный сюжет. Выбор формы изложения зависит от того, какие задачи ставил перед собой писатель, а именно: популярно изложить материал, выразить эмоциональную оценку или предложить практические рекомендации.

Эмоций в повести – через край, моментами произведение напоминает фильм ужасов: «Стърипылыхъойы къорд хæлоф кодтой хуыл-фыдзауматыл. Сæ цыргъ дæндæгтæй кусынмæ бирæгътæ фесты. Тъанг тынгдæр кæцыран ссырх, уым-ма Микъро йæхи маргæй æртагъта, æмæ тугдадзин фегом <...> Микъро йæ цотимæ фæмидæг сты уыцы кулдуарыл. Куыройы нучы аирвæзæгау, суыхсуыхгæнгæ йæ ных сарæзта суанг зæрдæмæ <...>» (*«Группа Стрипилико набросилась на внутренние органы девочки. Они словно волки рвали плоть своими острыми зубами. В месте, где кишка покраснела, Микро еще капнул своего яда и сосуд лоп-*

нул, Микро со своими детьми ринулся в эти открывшиеся ворота кровеносного русла. Словно по мельничному жёлобу, они стремглав летели по направлению к сердцу – здесь и далее пер. наш. Б.А.) [5, 13]. Далее ужасы нагнетаются: «Микъро æрхæцыд зæрдæйы хъусыл. Кардæй дзы иу комдзаг æркъуырда. Æрæууылда йæ. Хистæры бафæзмидтой иннæтæ дæр. <...> Йæ бинонтæй æгъатырдæр чи у, уыдонæй Микъро сарæзта хицæн къорд. Сæ бар сын ныуагъта Уæлбикъоны хъыгдард зæрдæ. Йæхæдæг иннæ 'мбæлттимæ туджы сырх зиллæччытыл аленк кодта дарддæр. Фæмидæг рæуджыты, ногæй та – зæрдæйы. Аортæйыл фæуырдыгмæ. Къæхты бынæй та æндæр тугдадзыныл фæуæлæмæ. Игæрмæ фæкомкоммæ, йæ дæндæгтæ дзы фæсагъта» («Микро взялся за сердце, отрезал своим острым ножом кусочек и, положив в рот, принялся пережевывать. Ему последовали и остальные <...> Из наиболее свирепых своих сородичей Микро создал особую группу – им было поручено атаковать и без того ослабленное сердце Уалбикон. А сам он с остальными, погрузившись на красные кровяные тельца, поплыл по руслу сосуда дальше. Он добрался до легких... Вернулся снова к сердцу. По аорте проплыл вниз, затем по другому руслу – наверх... Увидев печень, он вонзил в нее свои острые клыки...») [5,13].

Но все это делается не для того, чтобы ввергнуть в ужас читателей, автор прибегает к гиперболизации лишь с единственной целью – чтобы его юные читатели осознали, насколько важно соблюдать элементарные требования гигиены: мыть руки перед едой, тщательно мыть фрукты и овощи, тепло одеваться в холодное время года, а уж если заболел, стараться не распространять инфекцию, заражая других.

Врачи вовремя оказали помощь маленькой обжоре, которая съела торт, пролежавший долгое время не в холодильнике, как это положено, а в шкафу (она сама его туда спрятала от матери). «Рынчындоны хабæртæ Микъройæн амонин, мыййаг, куынаæ хъæуы. Хосты тæф куыддæр йæ фындзыл ауад, афтæ къахæй сæрмæ ныррызт, йæ хъæлæсы дзаг нырдиаг лафта <...> Донласт гæдыы лæппынау Микъро федде йæ замманай цæрæн бынатæй. Бинонтæй йын йæ фæдис чи айхъыста, уыдон-ма куыддæртæй арвæзтысты. Хабар æрæгмæ кæмæ байхъуыст, уыдон æнæ цæстытыл хæцæгæй сæ лыстæг къæхтæ радаргъ кодтой» («Больничные дела были известны Микро не понаслышке. Почуввав запах лекарств, он задрожал всем телом, завопил что было мочи <...> Словно мокрый котенок Микро выскочил со своего насиженного, теплого местечка. Тем из его сородичей, кто услышал его тревожные крики, еще удалось спастись, остальные же протянули свои тонкие ножки. И уже некому было даже закрыть им глаза ...») [5, 16].

Пришлось врачам спасать и непослушную, своенравную девочку – лентяйку и неряху Уалбикон Фалвыхаеву (говорящие имена – еще один

прием дополнительной характеристики героев, который был применен автором). Девочка уже чихала, была больна, но, не послушав бабушку, все же пошла в кино. Бабушка наставляла ее, чтобы она хотя бы надела повязку-маску, чтобы не заражать окружающих. «Я что, как наша собака, кого-то покусую?» – недовольно пробурчала девочка.

Многих она заразила: одетую не по погоде Марджану, которая, в свою очередь, полетев на самолете в Москву, распространила инфекцию еще больше; лодыря и лежебоку Руслана; девочку Аллу, которая категорически отказывалась есть полезную пищу...

Но не всех ребят одолели старый Микро и его собратья-микробы. Не удалось заразить спортсмена Арсена, любителя фруктов и овощей Андрюшу и им подобных ребят, ведущих здоровый образ жизни. На вопрос старого Микро, каковы его успехи в деле распространения эпидемии, один из его потомков жалуется: «Мæ уарзон дада! Мæ дыууæ уæрадзы мæ уæлæ нал сты. Ахæм фыдмитæ мын бакодта уыцы бурдзалыг æмæ цъæхдзаст Андрушæ. Куыддæр йæ улæфæнты фæмидæг дæн, афтæ æваст мæхи улæфæнтæ ахгæдтой. Дуне витаминтæ, дуне дыргътæ бафтърдта уыцы къулбадæджы сæныкк æмæ, марадз зæгъ, кæд мæ иунæг комдзаг скæныны бар дæр фæци. Бæргæ-иу фæлæбурдтон мæ цыргъ дæндæгтæй, бæргæ-иу ныссагътон мæ даргъ дзæмбытæ, фæлæ мæхи сæр над баййæфта. Æгады здæхтæй фæстæмæ куы нæ здæхтæн, уæд мæм тугдадзинæй кæфхъуындары хуызæн цæрæгой рагæпп ласта... Мæ къабæзтæ мын сæрдасæнæй цæгъдæгау... Гъи-гъи-и, – райхъуыст Микъилы æрдиаг» (*Дедушка, любимый! Я лишился обеих ног, так изувечил меня этот белобрысый, голубоглазый Андрюша. Как только я попал в его гортань, у меня у самого перехватило дыхание – море витаминов... Этот негодник просто объелся фруктов и не оставил мне ни одного шанса перекусить. Конечно же, я все еще пытался вонзить свои острые зубы и когти, но сам оказался побит. Я решил не сдаваться, чтобы не возвращаться оттуда побежденным, и вот тогда из русла кровеносного сосуда на меня выскочило нечто, похожее на чудовище. Я еле ноги унес, – завопил он») [5, 36].*

Далее подробно и понятным языком писатель рассказывает, как врачи и ученые стали работать над созданием вакцины против быстро распространяющейся эпидемии, о том какую важную помощь ученым в этом деле оказывают животные, и в частности – кони. Война между вирусами и лейкоцитами описывается автором как настоящее побоище: «Микъройы алыварс хъæр, хъæлæба сси, сæ бынат фестад хæстон быдыр. Хъаматæ æмæ æхсаргæрдты цъыччытæй хъустæ рæдувынц...» (*«Вокруг Микро поднялся шум и гвалт, все вокруг превратилось в поле битвы. Уши разрываются от лязга мечей и свиста сабель...»*) [5, 43].

Включение эмоций при чтении научно-познавательной литературы делает мысль более напряженной, восприимчивой. Находясь на острие чувств, читатель (и уж тем более – читатель-ребенок) глубже вникает в познавательный материал книги. Ч. Айларов в полной мере смог донести в своем оригинальном произведении до юных читателей новые знания, а также напомнил об очевидном – необходимости соблюдать элементарные правила гигиены, чтобы уберечь себя и окружающих от различных инфекционных заболеваний. Симбиоз двух профессионалов – врача и писателя – позволил Чермену Айларову создать произведение, которое стало новаторским, знаковым для осетинской детской литературы.

В процессе развития и взросления ребенок нуждается в самой разнообразной информации об окружающем мире, и его интерес к разным областям знания в большой мере удовлетворяет именно научно-познавательная литература, произведения, подобные повести Ч. Айларова. Этот вид литературы разительно отличается от всех остальных прежде всего своими целями и, как следствие, особенными средствами для их достижения. Занимая промежуточное положение между художественными произведениями и учебными текстами, научно-познавательная литература выполняет одновременно следующие функции: «обеспечивают читателя необходимыми знаниями о мире и упорядочивают эти знания, с другой стороны, делают это в доступной форме, облегчая понимание сложных явлений и закономерностей» [6, 193].

Характерной особенностью детской познавательной литературы второй половины XX века, к коим относится и повесть Ч. Айларова, является сложность научного материала, который в ней излагается. Она изначально была рассчитана на грамотного и эрудированного читателя. А если уж говорить о современных детях, то ребёнок XXI века получает информации в разы больше, чем юные читатели 80-90-х гг. прошлого века – большинство из них уже в раннем возрасте из мультипликационных фильмов, из интернета знают, что такое лейкоциты, вирусы, бактерии и т.д. За основу повести-сказки Айларовым взят популярный в детской литературе прием – остросюжетное повествование, живая беседа, увлекательный рассказ. Автор, не смотря на всю фантастичность, сказочность повествования, не искажает факты науки. Сказочная фантастика не является для писателя просто развлекательным приемом, в понимании Чермена Айларова художественно-поэтическая форма познания мира не менее важна, чем научно-реалистическая. В доступной и образной форме писатель поведал о такой сложной науке, как медицина, расширяя кругозор своих читателей.

1. Костюхина М.С. Познавательная литература для детей. В кн.: Детская литература Денисова А.В., Днепров И.Л., Костюхин Е.А., Костюхина М.С., Путилова Е.О., Тиманова О.И., Шолпо И.Л. учебник для использования в учебном процессе образовательных учреждений, реализующих образовательные программы среднего профессионального образования. Сер. «Среднее профессиональное образование. Педагогическое образование». Москва, 2008.
2. Бритаева А.Б. Вопросы экологии в осетинской литературной сказке // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2010. № 3.
3. Чермен Айларов. [Электронный ресурс] URL: <http://tmweb.ru/karta/digora.html>. (дата обращения: 14.07.2019).
4. Айларты Ч. Бындзи-бæхы барæг: радзырдтæ æмæ аргъæуттæ. Орджоникидзе: Ир, 1971.
5. Айларты Ч. Ангинаеты чысыл Микъро: Уацау. Орджоникидзе. Ир, 1989.
6. Савушкина Е.В. Мишина С.В. Влияние детской литературы на развитие познавательной активности старших дошкольников. В сборнике: Актуальные проблемы образования и науки: традиции и перспективы Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию Института дошкольного воспитания и 110-летию со дня рождения А.В. Запорожца. Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования». 2016.

**И.Н. Цаллагова,
кфн, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)**

КОМПОЗИТ КАК ЭЛЕМЕНТ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДИГОРСКОГО ДИАЛЕКТА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

В словообразовательной системе осетинского языка особое место занимают композиты. Однако на сегодняшний день открытыми остаются многие вопросы, связанные с этим языковым феноменом, что обусловило пристальное внимание лингвистов к данной проблеме. Исходя из того, что в осетиноведении недостаточно разработаны теоретические вопросы композитного словообразования, множество образований сохраняют свое промежуточное положение между сложными словами и словосочетаниями. Данная статья посвящена вопросам, связанным с проблемами идентификации композита в словообразовательной системе дигорского диалекта осетинского языка.

Ключевые слова: осетинский язык, дигорский диалект, композитное словообразование, словосложение.

In the word-building system of the Ossetian language, complex words occupy a special place. However, today many questions related to this linguistic phenomenon remain open. This is due to the close attention of linguists to this problem. Since theoretical issues of complex words formation are not sufficiently developed in Ossetic Studies, many formations retain their intermediate position between complex words and phrases. This article is devoted to issues related to the identification of the complex words in the word-formation system of the Digor dialect of the Ossetic.

Keywords: Ossetic language, Digor dialect, complex word formation, compounding.

Основной функцией словообразования является пополнение словаря того или иного языка. Словообразование формирует обозначение тех или иных понятий, являясь неким связующим звеном между элементами окружающего человека внешнего мира и приобретенным им опытом.

В осетинском языке словосложение является очень распространенным способом словообразования, представлено оно во всех частях речи. Сложные слова (композиты) осетинского языка разнообразны по своей структуре, по способу образования, по своим грамматическим и стилистическим особенностям. Они представляют собой различные словообразовательные модели, что затрудняет их систематизацию и классификацию.

Композитное словообразование (т. е. словосложение) в современной лингвистической науке определяется как один из способов образования лексических единиц; Имеется место различное понимание данного определения. Однако наиболее распространено отождествление словосложения с чистым сложением (основосложением) [1, 426; 2, 416; 3, 469].

В осетинском языке композитное словообразование всегда привлекало внимание лингвистов, но, к сожалению, на сегодняшний день комплексное многоаспектное исследование словосложения не проводилось. Исследования освещены отдельные аспекты этой проблемы осетинского языка [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. В частности актуальны изыскания данной проблемы в дигорском диалекте, композитное словообразование освещено лишь в общих чертах [14; 15].

Исследования осетинских языковедов посвящены решению общетеоретических вопросов осетинского словообразования, вопросам их типологии и классификации, определению общих границ композитов, что не всегда просто. Сложности возникают при составлении различных словарей. Встает проблема идентификации композита из-за недостаточно разработанной теоретической базы, из которой вытекает слитное или раздельное написание того или иного слова. При исследовании вопросов, связанных с композитным словообразованием, на наш взгляд, необходимо рассмотреть три смежные категории – *слово, сложное слово, словосочетание*.

Композиты образуются в результате того, что человек связывает в своем сознании различные предметы и явления окружающей действительности с другими предметами и явлениями. Элементы композитов, обозначающих предметы и явления и вызывающих ассоциации у человека, можно назвать номинативными центрами. К тому же один и тот же номинативный центр может формировать разные композитные модели [16, 95].

Композитное образование является промежуточной категорией. Основным условием отнесенности той или иной конструкции к отдельному слову, либо же к словосочетанию является характер взаимосвязи нескольких основ. Для определения статуса того или иного образования, необходим учет признаков, как отдельного слова, так и словосочетания. Особо важно это при изучении тех конструкций, которые в зависимости от контекста могут быть то словосочетаниями, то сложными словами [9, 110].

Сходство композитов по своей структуре со словосочетаниями обусловлено тем, что обе эти категории включают в свой состав целые слова (основы), что дает возможность определить композит (сложное слово) как слово, имеющее некоторые черты словосочетания, главной из которых является наличие как минимум двух корней. Определяется сложное слово с опорой на морфологическую и семантическую соотносительность со словосочетанием. Лишь последний компонент сложного слова может иметь флексию для согласованности с другими композитами.

Композит чаще всего имеет в своей основе в виде исходного словосочетания синтаксическую базу. По характеру синтаксического отношения между компонентами существует два основных типа сложных слов: сочинительные – комбинация равноправных компонентов; подчинительные – комбинация компонентов, среди которых различаются синтаксически главные и зависимые [17].

Композитные модели и модели словосочетаний представляют собой своеобразную структурно-семантическую соотносительность, наличие которой не означает, однако, тождества или прямой аналогии конкретного словосочетания тому или иному сложному слову. Соотносительность этих двух систем не снимает, а скорее подчёркивает структурное и семантическое своеобразие сложного слова, в отличие от словосочетания [18, 178-180].

Между компонентами сложного слова существует произвольная связь, которая обусловлена значением входящих в композит частей, их лексической сочетаемостью и грамматической структурой. Некоторые признаки композита сближают его с простым словом, а другие – со словосочетанием. Под словосочетанием принято понимать словарную конструкцию, которая является результатом реализации подчинительных связей, в основе которых лежат лексические и грамматические свойства слова [17].

Композиты, будучи образованными из двух полнозначных основ, развивают особый вид словообразовательного значения, специфичный именно для сложных слов. О.Д. Мешков рассматривая субстантивное словообразование в английском языке, называет словообразовательное значение сложных слов композитным и подчеркивает, что «по существу композитное значение – это значение, формирующееся как фактор отношений между компонентами сложного слова» [19].

Компонентный состав композита имеет определенную фиксированную последовательность, изменение которой приводит к изменению семантики данного слова. Структурные и семантические связи между компонентами сложного слова эксплицитно не выражены и, по сравнению со связями между компонентами словосочетания, более спаяны. Цельнооформленность сложного слова зачастую находит своё выражение в стирании грамматического значения первого компонента; фиксированном порядке компонентов, изменение которого ведёт к изменению значения сложного слова; наличии одного главного ударения; морфонологических особенностях; особом графическом облике сложного слова (слитное или дефисное написание) [17].

Главным признаком сложного слова по отношению к словосочетанию является цельнооформленность, которая может выражаться морфологически, фонетически, графически или семантически. Существуют сложные слова, в которых эти факторы сочетаются, но есть и слова, цель-

нооформленность которых определяется лишь по одному из этих факторов. Наличие общих для всей конструкции грамматических значений и форм обуславливает морфологическую цельнооформленность сложного слова. Известно, что при склонении падежные формы принадлежат всему сложному слову, хотя они и расположены в основе, располагающейся в слове последней. Однако изменение грамматических форм в словосочетаниях происходит по тому же принципу, т.е. в словосочетаниях формоизменение прикреплено также в последнем компоненте. Так, при склонении *бонæмбес* «полдень» и словосочетания *бони æмбес* «половина дня» изменения грамматических форм будет происходить в обоих случаях в последнем компоненте. Из этого следует, что падежные формы, а также формы числа не могут быть достоверным признаком для различения сложного слова и словосочетания.

Морфологическая цельнооформленность сложного слова в осетинском языке (как в иронском, так и в дигорском диалекте) можно продемонстрировать на примере образования сравнительной степени сложных прилагательных. Образование сравнительной степени в сложных прилагательных, образованных как из одних существительных, так и из других частей речи, происходит с помощью прибавления суффикса *-дæр* к последней основе. Так, композит *фуддæстæ* «недоброжелательный, ненавистный» состоит из двух компонентов: *фуд* «1) зло, неприятность; недостаток; вина; 2) дурной, злой» и *цæстæ* «глаз». При образовании сравнительной степени мы получаем *фуддæстæдæр* «недоброжелательнее, ненавистнее». Как видим, суффикс = *дæр* присоединяется к последней основе *дæст* (*цæстæ*), суффикс присоединен к чему-то цельному, т.е. к сложному слову, причем суффикс сравнительной степени *дæр* прикрепляется не к определяющему слову (прилагательному), а к определяемому, служит здесь морфологическим показателем сложного слова [9,110-111].

Фонетическая цельнооформленность композита определяется единством его звукового состава. Показателем полного слияния двух или более основ в составе сложного слова являются изменения звуков, которые происходят в компонентах сложных конструкций.

В композитах дигорского диалекта осетинского языка наблюдаются следующие звуковые изменения: ослабление *a* в *æ* в первом компоненте: *рæствæндаг* «имеющий прямой путь»; *хуæрзконд* «стройный»; *дæргъдæсгом* «длиннолицый» и т.д.; подъем *æ* в *a* во втором компоненте: *бæгъæнсар* «с непокрытой головой»; *хуасдзау* «косарь» и т.д.; в начале второго компонента происходит озвончение глухих согласных: *рæстдæвин* «меткий», *къохдæг* «браслет», *дуаргæрон* «у дверей», *ахургæнаг* «учитель» и т.д.; часто, в случае, когда компонентом композита становятся слова с суффиксом *-ойнæ*, *-й*– выпадает: *куронгæс* «мельник» (*куройнæ* / мельница); *стонуат* «загон для скота» (*стойнæ* / стойло) и т.д. [15, 120]:

Показателем цельнооформленности слова может выступать и ударение. Следует отметить, что ударение в осетинском языке у каждого слова может иметь место в том случае, если слово берется изолированно от других. В осетинской речи ударение фразовое, т.е. в сочетании из нескольких слов ударение может быть только у одного из слов [6, 529]. Именно по этой причине в осетинском языке для решения вопроса определения сложного слова ударение не имеет значения.

Пожалуй, в осетинском языке, самым важным фактором в определении статуса сложных образований является их семантическая цельнооформленность. Семантическая целостность подразумевает идиоматичность лексического значения композита. Например, в таких словах, как *лæггæд*, *цæсгом*, *сæрдар*, *æхсаргард*, *хæргæфс*, *фудзунд*, *реугудур*, *залгъæдæ*, *коммæгæс*, *фæсевæд*, *æрдзæф* общее значение уже не соответствует отдельным значениям компонентов, во многих из них совершенно утрачены признаки семантического родства сложного слова и составных элементов. Но так как семантическое содержание сложного слова обычно идиоматично, то сложное слово и устойчивое словосочетание по неразложимости своего лексического значения оказываются сходными [9, 112-114]. Следовательно, идиоматичность смыслового содержания можно считать одним из основных критериев различения сложного слова от свободного синтаксического сочетания, но, к сожалению, это обстоятельство оказывается недостаточным для дифференциации сложного слова и идиомы. Безусловно, необходимо, думаем, привлечение к решению вопроса и других факторов.

Таким образом, главным признаком сложного слова, который отличает его от словосочетания, является цельнооформленность, она может выражаться морфологически, фонетически, графически или семантически. В осетинском языке (как в иронском, так и в дигорском диалектах) основными критериями, по которым можно определить композит это или словосочетание, являются семантический и формально-структурный; падежные формы, а также формы числа сложных образований не могут считаться достоверными признаками различения сложного слова и словосочетания.

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е издание Москва: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.

2. Розенталь Д.Э. Словарь лингвистических терминов. Москва: «Промсвещение», 1976. С. 416.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва, Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

4. Миллер В. Ф. Язык осетин. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1962. 189 с.
5. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. 168 с.
6. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1949. 597 с.
7. Ахвледиани Г.С. Грамматика осетинского языка. Том I. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство 1969. 361 с.
8. Ахвледиани Г.С. Новые вопросы в связи с изучением озвончения согласного в композите осетинского языка // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Том. XXVIII. Выпуск 6. Москва, 1969. С. 528-530.
9. Габараев Н.Я. Об основных типах сложных слов в современном осетинском языке // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР. Выпуск XII. Грузинская ССР, Цхинвали: Издательство АН 1963 г. С. 107-142.
10. Габараев Н.Я. Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси: Издательство «Мецниереба», 1977. 175 с.
11. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Часть I., Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. 486 с.
12. Дзиццойты Ю.А. Словообразовательные типы осетинской топонимии // Известия СОИГСИ. 27 (66). 2018. С.94-110.
13. Грещенков П.В. Осетинские сложные предикаты в типологической перспективе: общие черты и характерные особенности // Известия СОИГСИ. 22 (61). 2016. С.105-113.
14. Исаев М.И. Дигорский диалект осетинского языка., Москва: Издательство «Наука», 1966. 221 с.
15. Таказов Ф.М. Грамматический очерк осетинского языка. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2009. 164 с.
16. Вашунин В.С. Субстантивные сложные слова в немецком языке. Москва: «Высшая школа», 1990. 169 с. с. 95
17. Маковей Р. Г. Соотношение сложного слова и словосочетания // Вестник ХНАДУ. 2009. №45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-slozhnogo-slova-i-slovosochetaniya> (дата обращения: 24.05.2019).
18. Мамонтова В.В. Типологические особенности сложносоставных слов в английском и русском языках // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета: Сборник научных трудов. №6. Гуманитарные науки. Ставрополь, 2008. С. 178 -180.
19. Мешков О.Д. Проблемы композитной семантики (на материале субстантивного словосложения английского языка). // Автореферат доктора филологических наук / Москва, 1988. С. 17.

**Ф.О. Абаева,
кфн, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)**

**О ДОМИНАНТЕ СИНОНИМИЧЕСКОЙ
ПАРАДИГМЫ СЛОВ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА
С СЕМАНТИКОЙ АРЫНГ 'КОРЫТО'**

В статье определяются лексико-семантические особенности синонимической парадигмы слов осетинского языка, объединённых общностью выражаемого ими значения; анализируется лексическая сочетаемость главного члена синонимического ряда; выявляются лингвокультурологические особенности доминанты рассматриваемой группы слов.

Ключевые слова: осетинский язык, лексика, семантика, синонимический ряд, признаки, реалия.

This article defines the lexical and semantic features of the synonymous paradigm of the Ossetic language words, combined on the basis of the commonality of the meaning expressed by them; the lexical compatibility of the main member of the synonymic series is analyzed; linguistic and cultural features of the dominant of the considered group of words are revealed.

Keywords: Ossetic language, lexis, semantics, synonymic series, features, realia.

Известно, что сущность слова репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека, связанного с абстрагированием от реальной вещи всеобщих признаков, преобразованием их в идеальную сущность [15, 81]. Таким образом, установлено, что в семантике слова отображается и закрепляется не весь предмет в целом, а лишь небольшое число его признаков или свойств, или даже одно из множества присущих ему свойств.

Необходимость нашего исследования вызвана тем фактом, что сведения о реалиях, их значении в жизни народа и форме выражения позволяют глубже проникнуть в логику самого знания, в богатстве содержания источников, их содержащих. Слова, обозначающие понятия материальной и духовной культуры народа с их вариантами, так необходимы для пополнения терминологических словарей, одновременно и материал для специальных изысканий отдельных лексико-семантических групп слов [7, 63].

Исследование различных сторон семантики слов в их взаимодействии и взаимозависимости даёт возможность получения более полных и объективных данных. Проиллюстрируем.

Лексема **арынз** 'корыто' в осетинском языке имеет как широкое – универсальна для обозначения любого корыта, так и узкое предметное значение – открытая продолговатая ёмкость для замешивания теста, выдолбленная из цельного куска дерева. В то же время считать данное слово стилистически нейтральным в рассматриваемой парадигме, по нашему разумению, не представляется совсем верным.

Собственно реалия **арынз** ещё до недавнего времени являлась неотъемлемым компонентом осетинского традиционного быта, функционировала и в качестве кухонной утвари, и в обрядовой практике народа, обладала специфическими лингвокультурологическими особенностями.

Синонимический ряд, связанный с реалией **арынз**, представлен группой слов, объединённых общим понятием, что даёт возможность установить сходства и различия в оттенках значений при употреблении, расширяет лексико-семантические характеристики.

Группа существительных со значением **арынз корыто** состоит из двенадцати лексем с учётом включения форм иронского и дигорского диалектов осетинского языка, выделяемых на основе наличия в ней общей семы, объединяющей значения лексем, входящих в неё: **арынз/амгэнтгэн корыто для замешивания теста**; **кæрдзынгæнгэн** квашня; **сивыр/себур корыто с отверстием**; **кæвдæс/кæвдæс корыто-кормушка для сена**; **бæлæггъ/бæлæггъ корыто-кормушка**; **тæггæна/тæггæна корыто-кормушка**; **къоди/къоды корыто для сбора воды**. Приведённые термины являются разнокорневыми синонимами семантического (идеографического) типа, что требует осуществления более подробного исследования оттенков их семантики, а также – привлечение этнокультурологических сведений о реалиях, обозначаемых ими.

Термины, приведённые выше, относятся к бытовой лексике, куда также входят названия продуктов питания, наименования предметов домашнего обихода, разного рода строений и жилищ, предметов одежды, украшений и т.п. Лексико-семантический анализ бытовой лексики даёт возможность представить развитие слова и изменение его значений в пределах одного языка. В связи с этим заметим, что термины представленного ряда в современном осетинском языке либо практически вышли из употребления, либо вовсе перешли в разряд архаической лексики, либо стали функционировать в других значениях.

Доминантным словом в ряду синонимической парадигмы, объединённой значением **арынз корыто**, определена лексема **арынз**, поскольку именно она является наиболее общей по смыслу, но то же время, более узкое её значение – 'деревянное корыто с широким открытым вер-

хом для замешивания теста' – определяет особенности её лексической сочетаемости.

Этимология слова, согласно В. И. Абаеву, исходит от иранского *ar-* 'молоть', 'мука' с помощью отмершего суффикса *-yng* < *-anga-*, самостоятельно основа *ar-* в значении 'мука', 'молоть' в осетинском не сохранилась [2, 75]. Для обозначения муки существует в современном осетинском языке лексема *ссад*, восходящая к **han-sā-* от индоевропейской базы **kō-*, где *an* → *in*, соответственно, и для глагола *ссын* 'молоть' [3, 278]. В. И. Абаев, анализируя суффикс *-ynʒ|-inzæ*, указывает на его употребление для отымённых образований с уменьшительным значением, утверждает, что он близок суффиксу *-yng|-ingæ* [1, 574]. Данные сведения служат основой для предположения, что изначально подобное корыто использовалось не только для замешивания теста и приготовления хлеба, но и для перетирания и размола зёрен в муку. Относительно семантики слова **арынг**: оно обозначало корытце, корыто небольшого размера, откуда 'мучница', 'корытце для муки'.

Думаем, что есть необходимость указать на сближение способов образования лексем **арынг** 'корыто' и **уылынг** 'мера длины', 'пядь', этимологически рассматриваемого учёным в качестве вторичной ареальной скифо-европейской изоглоссы [3, 114], что, в свою очередь, обращает наше внимание на древность как предмета, им обозначаемого, так и самого слова.

Лексема **арынг** в качестве словообразовательной производящей основы – весьма продуктивна в осетинском языке.

Ср.: **арынгмæрзæн** щётка-метёлка для обметания основания корыта от муки. По словам информантов, изготовлялась из части высушенного гусиного крыла, представляет собой сложение < сущ. *арынг* + субстантив от глаг. *мæрзын* 'подметать' + суфф. *-æн*, указывающего на орудие;

арынгæвæрæн 1) подставка для корыта, 2) место хранения корыта; сочетание < сущ. *арынг* + субстантив от глаг. *æвæрын* 'класть, ставить' с суффиксом *-æн*, придающим слову значение орудия;

арынгхафæн лопатка из дерева или металла для соскабливания (удаления) с рук и корыта оставшегося на них теста; сложение < сущ. *арынг* + глагольный субстантив *хафæн* (от глаг. *хафын* 'скоблить') + суффикс *-æн*;

арынгсæрфæн щётка для чистки корыта; сложение < сущ. *арынг* + глагольный субстантив *сæрфæн* (от глаг. *сæрфын* 'чистить') + суффикс *-æн*;

уæларынг за мучным корытом (букв. над корытом) – сложное слово, срощеся из префикса древнеиранского происхождения *уæл-* и сущ. *арынг*;

фæсарынг позади корыта, за корытом – сложное слово, образованное срощением древнеиранского предлога *фæс-* с сущ. *арынг*.

Из представленных сложных слов с участием форманта *арынг-*

большинство уже не используется в настоящее время, а слово *уагларынг* используется в некоторых случаях в другом значении – ‘печь хлеб, пироги’.

Названия частей *арынг*'а составляют самостоятельную подгруппу слов:

арынджы былтæ, букв. *губы арынг*'а, выступающие края (ручки) корыта, отогнутые вбок, за которые можно было его держать;

арынджы лагъз, букв. *ящик арынг*'а, выдвижной ящик в кухонном шкафу, где хранилось корыто для теста;

арынг æмбæрзæн, букв. *покрывало арынг*'а, холст домотканого сукна, которым укрывали мучное корыто;

арынджы къæхтæ, букв. *ноги арынг*'а, ножки корыта (иногда к корыту прикрепляли ножки);

арынджы къуым, дальний угол в традиционном осетинском жилище на женской половине, где хранился *арынг*;

арынджы сæр, верхушка (крышка) корыта;

арынджы бын, дно корыта, под корытом;

арынджы скъапп, шкаф-корыто.

Дефиниции к слову *арынг* варьировались в зависимости от размера корыта: для домашнего пользования – меньшего размера, а для приготовления пирогов на различных общественных мероприятиях – большего.

Ср.: *къаннæг арынг* малое корыто;

уæрæх арынг широкое корыто.

Словосочетания с лексемой *арынг* употребляются также в переносных значениях, напр.: *комарынг* / *комы арынг*, букв. *корыто рта, небо*; *арвы арынг*, букв. *корыто неба, небосвод*.

Изготавливали ёмкости в виде корыт из различной древесины, вошедших в следующую группу слов:

æнгузхъæд древесина орехового дерева;

тæрсхъæд буковая древесина;

тулдзхъæд дубовая древесина;

сусхъæд древесина липы.

Изготавливались деревянные корыта способом выдалбливания из половины цельного ствола дерева сердцевины, при этом, как правило, выбиралась наиболее крепкая порода дерева среди мягких и гладких её видов.

Лексический ряд, связанный с названиями инструментов для изготовления корыта, не менее богат.

Ср.: *пъæнæз тесло* (топорик с лезвием, перпендикулярный к топищу);

фæрæт топор;

хъæдкъахæн кирка;

хъæдфадагн топор для расщепления древесины;

рæс напильник;
бырау сверло;
лæгъзгæнæн рубанок;
духъ молоток для насечек, кирка;
сарт долото;
мысалгъ/мæсалгъ киянка (цельный молот из дерева);
тадзин/дзагур стамеска.

Слова представленной лексико-семантической группы в основном составляют исконный фонд осетинского языка, что говорит о раннем возникновении отрасли деревообработки у осетин.

Слова, с которыми лексически сочетается лексема **арынг**, объединяясь, дают определённые семантические характеристики.

Ср.: *арынг ныххæфын* *выскоблить корыто*;
арынджы цур уын *находиться у корыта*;
хъæдын арынг *деревянное корыто*;
дурын арынг *каменное (глиняное) корыто, которое использовалось для размягчения кожи*;
зæддон арынг *корыто для солода, предназначенного для варки пива*;
хыссæ арынгыл нындæгъди *тесто пристало к корыту*;
арынг бампъузын *залатать корыто*;
æмпузинаг арынг *корыто, которое необходимо залатать*;
скъуыд арынг *лопнувшее корыто*;
уæларынг балæууын *встать за корыто* (т.е. начать замешивать тесто для выпекания хлеба);
æнтауæн арынг *корыто для сула*;
æфтауæн арынг *корыто для солода*.

Языковое поведение слова **арынг**, его сочетаемость и ограничения отражают особенности семантических его свойств и шире – языковую картину мира осетин. По этой же причине отметим табу и некоторые запреты *нæфæтчиаг*, связанные с реалией **арынг**: нельзя было сидеть или стоять на нём; оставлять его пустым (оставляли в уголке квашни горку муки или кусочек теста для следующей закваски); переворачивать вверх дном; одалживать кому-либо; подходить к нему без головного убора; запрещалось делать уборку и издавать лишний шум за работой за ним; корыто можно было чистить лишь солью; запрещалось также переворачивать его вверх дном (ставили ребром или подвешивали на крючке) и др. [4, 9, 11, 14, 17].

Арынг составлял неотъемлемый атрибут приданого осетинской невесты, поскольку «все ритуальные предметы, используемые в обряде, призваны обеспечить новой семье благополучие, богатство, хорошее потомство, они же позволяют характеризовать свадебный обряд как переходный. Круглый столик на трёх ножках **фынг** символизирует мироздание,

а корыто для замешивания теста **арынг** у осетин, возможно, олицетворяет место творения мира» [5, 101].

Корыта в быту осетин являлись часто используемыми предметами, из чего исходит, что **арынг** для замешивания теста был известен с давних пор, о чём свидетельствуют и поговорки.

Фразеологизмы, включающие лексему **арынг**, обладают национально-специфическими чертами, а их семантика отражает её роль в традиционном быту осетин.

<i>Маггуыры арынг – мыстытæн кафæн</i> [8, 103]	Корыто бедняка – танцевальная площадка для мышей (перевод наш.—А.Ф.)
<i>Фарн сасир æмæ арынгæй цæуы</i> [8, 111]	Благополучие от сита и корыта исходит (перевод наш.—А.Ф.)
<i>Хыссæ арынды фыцын хъæуы</i> [8, 111]	Тесто в корыте готовить (печь) нужно (перевод наш.—А.Ф.)
<i>Чидæр й’ арынды фæстæ йæ сасир дæр куд фехста, уыйау</i> [8, 171]	Подобно тому, как кто-то за своим корытом и сито своё метнул (перевод наш.—А.Ф.)
<i>Иæ синтæ æрдæгкъахт арынды хуызæн</i> [8, 271]	Бока его похожи на наполовину выдолбленное корыто (перевод наш.—А.Ф.)
<i>Кæрдзын фыццаг арынды сфыцы</i> [6, 176]	Хлеб сначала в квашне выпекается (перевод наш.—А.Ф.)
<i>Арынг бæркадарм у</i> [12, 55]	Корыто для теста изобильно (перевод наш.—А.Ф.)
<i>Арынг бынаты фарн у</i> [12, 55]	Корыто для теста – благодать места жилища (перевод наш.—А.Ф.)
<i>Арынг – бынаты фыццаг мигæнæн</i> [12, 55]	Квашня – первая посуда жилища (перевод наш.—А.Ф.)
<i>Арынг цы бынаты нæй, уым хæдзар дæр нæй</i> [12, 55]	Где нет корыта для теста, там нет и самого дома (перевод наш.—А.Ф.)
<i>Арынгæй цæуы хæдзары бæркад</i> [12, 55]	Изобилие дома исходит от корыта для теста (перевод наш.—А.Ф.)
<i>Арынгыл баст у хæдзары фарн</i> [12, 55]	С корытом связана благодать дома (перевод наш.—А.Ф.)

Анализ реалии **арынг** в контексте поговорок, с ним связанных, выявил, что корыто для замешивания теста являлось символом благополучия, фарн’а, изобилия, поскольку содержание языка «посредством его формы всегда отображало действительность. При этом в начале, в период господства наглядно-образного мышления, в самой форме языка сочетались обозначающие и отображающие черты. Но постепенно соотношение указанных черт в форме языка изменялось в направлении систематизации и все большего ослабления образных черт, пока, наконец, с утверждением понятийного мышления форма языка не приобрела целиком обозначающий характер» [18, 115].

В осетинском быту, по наблюдениям Р. Г. Дзаттиаты, кустарные изделия из дерева были наиболее разнообразными и по количеству превосхо-

дили изделия из других материалов (камень, металл, кость), чему «способствовало не только наличие древесины в неограниченном количестве, но и лёгкость обработки этого материала» [10, 229]. Именно с этим, на наш взгляд, связано большое разнообразие корыт в осетинском быту и, соответственно, названий, с ними связанных.

Корыта, наряду с другими посудинами, использовались и в обрядовых практиках осетин. К примеру, во время лунного затмения. Стуча по ним, издавали громкие звуки, таким способом пытались противостоять той опасности, которая исходила от затмения [19, 376].

Отметим, что деревообработка у осетин находилась на достаточно высоком уровне, получила дальнейшее своё развитие на кавказской почве.

Но среди названий предметов быта и домашней утвари, изготовленных из дерева, обнаруживаются слова, относящиеся в основном к исконному фонду осетинского языка, этимологизируются древнеиранскими основами. К ним относят почитавшийся в быту осетин круглый деревянный столик на трёх ножках (*фынг*), разнообразные, часто украшенные национальным орнаментом, деревянные пивные бокалы (*нуазæн*) и кресло (*бандон, къæлæтджын*) для главы семьи, не встречавшиеся у соседних народов. Эти предметы, включая люльку (*авдæн*), корыто (*арынг*), судя по их древнеиранским названиям, были известны ираноязычным предкам осетин [13, 19].

Итак, анализ лексико-семантических характеристик главного слова синонимической парадигмы с базовым семантическим компонентом *арынг* 'корыто' подвёл нас к следующим выводам:

- актуальность исследования пласта лексики осетинского языка, связанного с бытовой материальной культурой, представляет собой богатый материал для изучения, пополнения и сохранения терминологических систем национального языка;
- поскольку к середине XIX века деревянная утварь практически вышла из повседневного обихода, уступив место ёмкостям и посуде из металла, керамики и пластмассы, практически постепенно перестали употребляться и слова, связанные с ней, что, соответственно, обеспечивает переход такой лексики в пассивный фонд осетинского языка;
- термин *арынг* относится к исконному словарному фонду осетинского языка, что говорит о древности и самобытности обозначаемой им реалии;
- согласно фразеологическому материалу, реалия *арынг* олицетворяла изобилие и благодать дома, представляя особую ценность и для отдельной семьи, и для народа в целом;
- лексема *арынг*, доминирующая составляющая синонимического ряда слов со значением «корыто», в прежнем своём значении оказав-

шись не востребованной, вошла в архаическую лексику осетинского языка. Но одновременно с этим продолжала функционировать в переносном значении в составе сложного слова *комарынз* 'нёбо' и словосочетании *арвы арынз* 'небосвод';

– в хозяйстве осетин корыт насчитывалось от 5 и более; их наименования различались от предназначения – для замешивания теста, с отверстием для отварного мяса или рассольного сыра, для сена, для сбора воды; использовались в качестве ёмкостей для кормления животных, стирки белья, купания младенцев, при изготовлении традиционного пива и др.

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1. 601 с.

2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л.: Наука, 1958. Т. I. 656 с.

3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1989. Т. IV. 326 с.

4. Абаева Ф.О. О названиях пахотных орудий труда (на материале «Осетинско-русско-английского словаря» Т.А. Гуриева) // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2018. № 19. С. 199-207.

5. Абаева Ф.О. Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика): монография. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. 251 с.

6. Айларты И. Ирон фарн: Обычаи, традиции и быт осетинского народа. Владикавказ, 2012. 392 с.

7. Бесолова Е.Б. Отражение системы мировоззренческих знаний осетин в языке и его когнитивной структуре // Известия СОИГСИ. 2014. № 14 (53). С. 63-72.

8. Гутиев К.Ц. Осетинские пословицы и поговорки. Орджоникидзе: Ир, 1976. 352 с.

9. Дауева Т.Т. Нормы поведения враждующих сторон в допримирительный период кровной мести // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2014. № 12. С. 184-190.

10. Дзаттиаты Р.Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ: Ир, 2002. 434 с.

11. Дзлиева Д.М. Осетинские песни с припевом «алай», связанные с почитанием покровителя домашнего очага Сафа // Нартоведение на рубеже XX-XXI вв. Владикавказ, 2012. С. 156-170.

12. Казиев М.Р. Осетинский клад: пословицы. Цхинвал: Цыкура-Владикавказ: Орион, 2013. Кн. I. 352 с.

13. Калоев Б.А Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. 393 с.
14. Канукова З.В., Гутиева Э.Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). С. 71–82.
15. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
16. Кокиев С. Записки о быте осетин //СМЭДЕМ. М.: 1885. Вып. 1. С. 217-234.
17. Кусаева З.К. Арфæтæ (благопожелания) в системе эпического повествования осетинской Нартиады // Нартоведение на рубеже XX-XXI вв.. 2013. № 2. С. 52-65.
18. Резников Л.О. Понятие и слово. Л.: ЛГУ, 1958. 124 с.
19. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2008. 711 с.

**И.А. Кодзати,
снс Института истории и археологии РСО-А
(г. Владикавказ)**

ОБ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА, ОБУСЛОВЛЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫМИ РЕАЛИЯМИ

Концепты «ард», «сомы», «уасхæ» (клятва) и связанные с ними устойчивые сочетания рассматриваются в статье сквозь призму духовной культуры осетин. Во фраземах с выраженными национальными реалиями обнаруживается связь с историей, обычаями и обрядами народа. Формирование большинства этих ФЕ произошло на основе переносно-образного употребления обиходно-бытовых оборотов.

***Ключевые слова:** осетинский язык, клятва, проклятие, клятвоприношение, идиома, фразеологические единицы.*

The concepts «ard», «somy», «uashæ» (an oath) and set expressions, connected with it, are viewed through the prism of the spiritual culture of the Ossetians. The phrasems with marked national realities reveal the bonds with history, traditions and ceremonies of the people. The formation of the majority of these phraseological locution took place on the base of metaphoric use of extraoccupational colloquial phrases.

***Keywords:** Ossetic, oath, curse word, oath-taking, idiom, phraseological units.*

В течение многих тысячелетий осетины свято ценили обычай *клятвоприношения*, ибо клятва (присяга) служила «залогом к открытию истины».

В современном осетинском языке слово *ард*, дигорское *арт*, *ард* означает 1) клятва, присяга: *не 'хсæн ард ис 'нас связала клятва'* (3, с. 179); *дæ ард – мæ ард 'твоя клятва – моя клятва'* (5, с. 18); 2) проклятие, немилость: *ард – дæ хæдзары!* 'да будет проклят твой дом!' (6, 2000, 11–12, 42). Существуют и другие синонимы слова *ард*: *ирон. сомы: искæй сомыйæ сомы нæй* 'чужая клятва – не клятва' (5, с. 62); *диг. уасхæ* 'клятва', 'клятва небом' *уасхæ не 'хсæн æй* 'нас связала клятва' (9, с. 379).

По В. И. Абаеву, лексема *ард* восходит к древнеиран. **rta, *arta*, первоначальное значение – «божество, которым клянутся»; культовый термин Авесты, олицетворяющий 'небесный свет', 'благодать', 'правду'. Последующие значения подчеркивают религиозное происхождение термина *ард* – это топоним Феодосия (*Ардавда*) – 'город семи богов', древнеперсидские личные имена, среди которых, например, *Artaxšassa*)

– *Артакеркс'* [1, 61]. *Ардæхсар* – имя состоит из двух слов – *ард* и *æхсар* (др. перс. *xšassa*– ‘царство’) – ‘царство небесного света, благодати, правды’) [2, 224].

Клятвенная формула *ардыстæн, стæн* – ‘клянусь’, ‘ради’, выражающая обещание, заверение в верности, встречается как отдельно, так и в сочетании с такими понятиями, как *фарн, Бог, Уастырджи, Коран, покойник, земля* и др.: *Хуыцауыстæн* ‘ей-Богу’, *Хуыцауардыстæн* ‘клянусь Богом’, *Уастырджийыстæн, Лæгтыдзуарыстæн* ‘клянусь Уастырджи (покровителем мужчин)’, *Чырыстийыстæн* ‘клянусь Христом’, *пехуымпарыстæн* ‘клянусь пророком’, *Хъуыраныстæн* ‘клянусь Кораном’ (у мусульман); *Хетæджы дзуарыстæн* ‘клянусь святилищем Хетага’, *Хетæджыстæн* ‘клянусь (святым) Хетагом’, *нæртон фарныстæн* ‘клянусь фарном нартов’, *дæ зæд, дæ фарныстæн* ‘заклинаю тебя твоим зэдом, твоим фарном’, *зæххыстæн* ‘клянусь землей’, *ацы рæхысы ардыстæн* ‘клянусь этой надочажной цепью’, *мæ фыдыстæн* ‘клянусь отцом’, *мæ мадыстæн* ‘клянусь матерью’, *мæ (судзгæ) мæрдтыстæн*, ‘клянусь моими (букв. жгучими) покойниками’, *ме ‘дзард лæппуыстæн* ‘клянусь моим безвременно умершим сыном’, *мæ зæнæджыстæн* ‘клянусь моими детьми; (6, 1997, 6, 102), *мæ кæуинæгтыстæн* ‘клянусь моими покойниками’ (букв.: подлежащих оплакиванию) [8, 683], максимально усиливающими клятвенные заверения. *Уастырджийыстæн, тохы дæ фарсмæ чи æрлæууа, уый – мæнæ дæ цуры* ‘Клянусь Уастырджи, кто в бою станет рядом с тобой, он вот около тебя’ (1, 334); *Фал не ‘ссерун, Хуцауистæн, уæхæн тагæ, кæбæл ниххуæцон æз* ‘Но я не найду, клянусь Богом, такой веревки, за которую бы мне хватиться’ (7, 1179); *Мæ мадыстæн, нæ хъæубæсты уымæй хуыздæр лæппу нæй, хъаруджын, сабыр, мæлдзыг йæ къахы бын нæ фæкæндзæн* ‘Матерью клянусь, в нашем селе нет юноши лучше него: храбрый, сильный и добрый, он и муравья не обидит (букв.: не раздавит) (3, 210); *Мæ фыдыстæн, уæдæ æз дæр сымахæй нал фæцæудзынæн, – загъта Уазы фырт Дзех æмæ семæ рацыди* ‘Клянусь отцом своим, если так, то я не покину вас, – сказал Дзех, сын Уаза, и поехал с ними’ (11, 321); *Мæ фыд Бибойыстæн, æз дæу хæссын никæмæн ауадздзынæн, цалынмæ æгас уон, уалынмæ* ‘Клянусь отцом своим – Бибо, я никому не отдам тебя, пока жив’ (3, с. 190); *Æлдар, æлдар, де ‘зæд, де ‘зæд, дæ фарныстæн!* ‘Алдар, алдар, клянусь твоим ангелом, твоим ангелом, твоим счастьем!’ (7, 1340); *Дæ мæрдтыстæн, сæ лæг ризæггæй куыд афæлахс и* ‘Клянусь твоими мертвыми, как их мужчина похудел от лихорадки’ (7, 63–64); *Мæ мæрдтыстæн, афтæ у, кæд дæ уырны, уæд* ‘Клянусь своими покойными, все это правда, можешь мне поверить!’ (3, 231).

С древних времен лексема *ард* определенно подвергалась семантическим изменениям. В общелитературном языке развились также переносные значения слова: *Хуыцауы ард* ‘ард Бога’; *адæмы ард* ‘ард народа’; *ард дæ байафæд* ‘да постигнет тебя ард’ и *дæ ард дæ фæдыл æфтыд*

фæуæд! 'твой ард тебя да преследует!', где *ард* здесь – «магическая» сила; *æрдхорд* – «названный брат», обряд побратимства; *æрдаг* – очень значительный, ценный, драгоценный, то чем клянутся; *æрдамонгæ (хæдзар)* – нартовский дом для приема чужестранных гостей и устройства обще-нартовских пиров, а также для принесения клятвы; *æрдхæрæны куывд* – чудесный пир, ср. русск.: *пир горой; пир на весь мир*; *æрдхæрæн фынг* – роскошный стол; *æрдхæрæн бынат* – райское, благодатное место; *æрдхæрæн бон* – благословенный, превосходный, чудный день; *æрдхæрæны бæх* – волшебный, прекрасный конь.

Обычай *клятвоприношения*, благодаря своей регулярной повторяемости, стойко вошел в жизнь, стал источником фразеологизма *ард хæрын* 'клясться': *ард дын хæрын нæртон лæджы номæй...* 'клянусь тебе именем нарта...' (6, 2005, 3, 107); *æз сын нæртон ард бахордтон* 'я присягнул именем Нарта' (14, 35); *искæй номыл ард макуы бахæр* 'никогда не клянись за кого-то' (5, 62), ср. русск. посл.: *За чужую душу не божись!* *ард бахордтай, уæд фидар лæуу* 'дал клятву – не нарушай ее' (букв.: дал клятву – «стой крепко») (5, 20); *уугæр ард бахордтай, уæд æй адзалмæ хæсс* 'дал клятву – будь верен ей до смерти' (5, 20); *дæ цæрайæ, дæ рухс æмæ дæ тавсæй цæрдзынæн æз æмæ хæрдзынæн ард* 'буду жить и клясться твоею жизнью, твоим светом и теплом' (19, 388).

Обыкновенной формулой клятвы *ард хæрын* являлась присяга именем Бога (*Хуыцауы ард*). Человек, приносивший присягу, призывал в свидетели «имя высшего существа – *Хуыцау*» (Бога) в том, что говорит правду. Обряд завершался, а клятва считалась нерушимой. *Ард* (клятва) выступала как магическая сила: *Хуыцауæй дын ард бахæрдзыстæм...* 'поклонюсь тебе именем Бога' (16, 62); *Хуыцауы ард* – не 'хсæн 'между нами божий ард (клятва)' (5, 18); *Хуыцауы ард йæ фæдыл æфтыд фæуæд!* 'да преследует тебя ард (клятва) Бога!' (14, 247); *Хуыцауæй дын ард бахæрдзынæн, куыд Барсæджы цалх мæхи нал схондзынæн: хондзынæн мæхи Тотырадзы цалх* 'поклонюсь тебе клятвой божьей, что я не буду называть себя больше колесом Барсага, буду называть себя колесом Тотрадза (7, 1151).

С именем другого мифологического божества *Са́фа* – покровителя очага и надочажной цепи – (*рæхыс*) – связан обряд принесения клятвы, данной именем Сафа, она считалась незыблемой, священной. Держась за цепь, осетин произносил: «Клянусь этим пречистым золотом Сафы!» (8, 433). Часто ритуальный акт сопровождался вербальной формулой: *ацы рæхысæй дын ард хæрын* 'клянусь тебе этой надочажной цепью'.

Огнем (*арт* или *зынг*), «священной стихией древних иранцев, началом и основой человеческой культуры» [3, 52], как и очагом, клялись осетины. «Если скифы желают принести особо священную клятву, – пишет Геродот, – то обычно торжественно клянутся богами царского очага» [9, 203].

Нартæ цæхæр зынг сæ фынгмæ æрхастой æмæ райдыдтой ард хæрын 'Нарты принесли к своему столу искрометный огонь и стали им давать клятву' (17, 7); *Нарт зынгæй гуырды ысты, зынгæй ард бахордтой æмæ зын сæттæн ысты* 'Нарты рождены из огня, поклялись огнем, и их трудно покорить' (12, 107).

Очаг являлся местом проведения всех религиозных обрядов и праздников, символизировал единство и сплоченность семьи. Затухание огня и угасание человека отождествлялись, и поэтому всё делалось для поддержания огня в очаге. Непрерывное горение огня, очевидно, воспринималось как символ «непрерывности рода и благополучия семьи».

Испокон веков наши предки клялись землей (*зæххы ард*), и такая клятва считалась нерушимой. Обычай клясться землей закрепился в языке во фразеологической единице, например: *ард дын хæрын ацы зæххæй* 'клянусь тебе этой землей' (3, 190); *Цалынмæ мын Хуыцауæй сомы ракæнай æмæ мын сьджытæй ард бахæрай, уæдмæ дыл нæ баууæнддзынæн* 'Пока мне не поклянешься Богом и землей, до тех пор я не поверю тебе' (5, 18).

В русском языке выражение встречается в двух видах: как клятвенная формула *провалиться мне сквозь землю, если я лгу*, означающее 'острое желание исчезнуть, скрыться куда-либо от стыда, страха и т. д.' и как гневное заклятие: *провались ты сквозь землю!* «Оба варианта восходят к древним представлениям об аде, подземном обиталище усопших грешников, где их души испытывали страшные мучения», – так определяется в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» [7, 249]. Если возникали споры, землю клали в рот (ср.: *Батырадз бæхæй æрхызти, сьджыт систа æмæ йæ йæ дзыхы бакодта, Хуыцауæй йын сомы ракодта* 'Батраз спешился, поднял горсть земли и, положив ее в рот, дал клятву именем Бога' (15, 396)), на спину, за пазуху и произносили: «Пусть эта Земля меня задавит!» И в русской традиции в древности во время клятвы, замечает В. А. Маслова, «ели землю, изображая породнение с ней, как бы жертвуя собой при этом» [15, 36]. Тот, кто клялся, падал на землю и захватывал ртом землю, которую съедал. Это было одно из самых страшных заклинаний. «Обращающийся к этому заклинанию, сам произносит над собою приговор лишения вечного успокоения» [13, 289]. Народное поверье гласит: умирая, дурной человек, грешник, долго не находит успокоения, земля не хочет принять его, отказывая ему в вечном покое.

'Клятва небом' – ещё одно заверение в вечной дружбе: *'сомы дын кæнын бæрзонд цæхх арвæй, куйд æз æмæ дау ацы сьджыты йеддæмæ ничи ахицæн кæндзæни* 'клянусь тебе высоким синим небом, что только земля сможет нас разлучить' (3, 190).

В дигорском варианте осетинского языка лексема *уасхæ* означает 'клятва' и 'клятва небом' (18, 562; 2, 370): *уасхæ дин дæттун* 'клянусь тебе небом' (2, 370); *кæрæдземæн нæртон уасхæ равардтонцæ* 'мы присягнули

именем нарта' (2, 127); *дæ уасхæ дæ фæсте æфтуд фæууæд!* 'твоя клятва тебя да преследует!' (2, 77); *дæ уасхæ ма фæссайæ!* 'не нарушь свою клятву!' (2, 155). Уасхо – святой-покровитель дружбы, клятвоприношения. Праздник в его честь отмечали 4 ноября в с. Кани.

В лексике многих народов Северного Кавказа встречается древний религиозно-мифологический образ под именем «уасхо». Так, в абхазском языке «уашхуа» выражает самую сильную, верную клятву, в абазинском – *уашхва* – клятва; *уашхва хлвара* – клясться, давать клятву, а в убыхском «уашхуа» можно найти в значении гром, молния, бог. С именем «уашхва» или «уашха *Татартуп*» произносили самую сильную клятву – окончательную и нерушимую ни при каких обстоятельствах [11, 146-148].

По Б. Х. Балкарову, каб. *уашхъуэ* «бог, клятва» – *Уашхъуэ, сынхуэмей* «клянусь богом, ты мне не нужен!», *Уашхъуэу си тхъэмыгъэпцI, игъацIэм сымыгъэпцIа уащхо* «Мой верный Бог, всю жизнь никому не изменил»; адыгейск. *уашхъо* «клятва, бог, небесный свод», *сшIэрэ ослонкэ, мы уашхъуэр тикъан* «расскажу тебе, что знаю, наш кан уашхо».

В адыгских формах отмечается звуковое соответствие щ=ш, явившееся следствием разрушения системы первичных шипящих спирантов в кабардинском.

Слово *уасхо* распадается на две части: *уа* и *схæ*. Срав. каб. *уэ* «град», *щхъуэ* «голубой, серый, зеленый, синий». Первая часть присутствует в таких словах: каб. *уафэ* «небо», *уэс* «снег», *уэшх* «дождь», *уей* «непогода», *уэсэпс* «роса», *уэлбанэ* «дождь», «дождливость», *уэлбанэрилэ* «дождливый», *уэгу* «небо», адыгейск. *уашъо*, *осы*, *ошьхы*, *уае*, *осэпс*, *огу* и др. Следовательно, слово *уасхæ* || *уашхъуэ* || *уашхъо* буквально означает «синее небо». Оно относится к древнейшему слою лексики адыгских языков и отражает верования адыгов в небо как в главного бога. Это подтверждается и тем, что слово *уафэ* || *уашъо* «небо» употребляется в значении бога, клянута им. Например, адыгейск.: *мы уашъор тикъан, Дэпчэным къеIэрэм ылышI телэжьынкIэ, – алу тхъэрыло ашыгъ* «небо, наш кан, кто тронет Дапчана, схватим за горло, – сказав, поклялись» [5, 45]; *Клянусь Уашхо – моим Богом, если не вернёшь мои альчики, убью тебя, – сказал Ашмаз* (10, 301).

В серьезных жизненных испытаниях сильные, волевые, мужественные люди, поддерживая, помогая друг другу, проявляли свои лучшие качества. Клятва в верности, взаимоподдержке, взаимопомощи лежит в осетинском обряде побратимства, ср. концепт *æрдхорд* < *ард* 'клятва' + *хорд* < *хæрын* 'есть') 'названный брат', 'побратим', 'связанный клятвой'. Выражение *бахордтой æрдхæргæны ард* 'связали себя клятвой побратимов' (12, 40); *уæ фыдимæ уыдон æрдхорд-æфсымæртæ уыдысты* 'с вашим отцом они были названными братьями' (12, 85) – демонстрирует еще одну из форм клятвоприношения.

До середины XX века этот обряд широко распространен в быту осетин, имеет древнейшую историю и, конечно, не мог не сохраниться в языке. Скифский обряд побратимства описывается Геродотом, изображен на археологическом памятнике и сводится к следующему: при свидетелях в бокал с вином и каплями своей крови опускают оружие, обращаясь к Богу, произносят клятву и выпивают содержимое бокала в знак верности данному слову.

У осетин существовал устойчивый ритуал: побратимы трижды выпивали из одного бокала, наполненного аракой или пивом. Предварительно в стакан бросали золотую или серебряную монету, после чего произносились клятвы: «Пусть этот напиток станет для меня отравой, пусть эта монета напоится злобой, если я не буду любить тебя, как своего брата!», или «Я клянусь в верности на этом серебре и этом золоте» [12, 299].

Серебро, украшения из золота клали в воду и напитки для силы, чистоты, здоровья и долголетия. Символический смысл обряда – при нарушении клятвы серебро обладало способностью карать.

На протяжении веков менялись формы данного обряда, но оставалась неизменной по своей внутренней, жизненной силе и магическому значению словесная клятва.

В Нартовском эпосе встречается чудесная чаша Уацамонгæ (Ацамонгæ, Амонгæ, Нартамонгæ) – одно из величайших сокровищ Нартов. Содержимое чаши никогда не иссякало, сколько бы из нее ни пили. Она обладала удивительным свойством подниматься к устам того, кто говорил правду о своих воинских доблестях, и не сдвигалась с места, если человек лгал. Так, с помощью волшебной чаши, «указующей героя», сразу обнаруживался лжец или герой: *Нарт сæ Ацамонгæйæ хордтой ард* 'Нарты клялись своей Ацамонга' (13, 551).

Упоминание о «кубке героев» мы находим также у Геродота. «Обряды принесения клятвы у скифов и осетин настолько похожи, насколько позволяет интервал во времени и различие цивилизаций», – считает Жорж Дюмезиль [10, 47].

В осетинском народном творчестве встречается традиция принесения клятвы на бычьей шкуре – *галдзармыл ард хæрын* (ср.: *кæд ма дын галдзармыл бахæрон ард, æндæр дын ма бон ницыуал* у... 'кроме как еще клятвой на шкуре быка (вола), ничем другим, очевидно, я убедить тебя не смогу') [4, 64-76; 6, 70].

Это еще один обычай, пришедший из седой древности, описанный Лукианом. Скифский воин, готовясь в поход или собираясь отомстить обидчикам, приносил в жертву быка, варил мясо, садился на расстеленную на земле шкуру, заложив руки назад, подобно тем, кто связан по локтям. Это считалось самой сильной мольбой. Все пожелавшие участвовать в походе давали клятву верности, ставя правую ногу на шкуру жертвенного живот-

ного и взяв по куску мяса. Отведать мясо, поставив ногу на шкуру, значило поклясться. «Собирается иногда с помощью шкуры большое число воинов. Такое войско чрезвычайно стойко и непобедимо, ибо оно связано клятвой» [14, 279].

Вышеописанный обычай принесения клятвы еще в недавнем прошлом существовал в Южной Осетии, о чем читаем у Ю.С. Гаглойти: «Когда какой-нибудь человек нуждался в срочной помощи, причем не только военной, то он, как правило, резал быка и приглашал на застолье желающих оказать ему посильную помощь. Если приглашенный становился на шкуру жертвенного быка, то это означало его согласие принять участие в заявленном мероприятии. На застолье приглашались не только односельчане» [8, 692].

В. С. Уарзиати, опираясь на этнографические материалы известного осетинского бытописателя М. К. Гарданти, описывает осетинский обряд массового побратимства, совершаемый под пестрым шестом – *хъулон хъил*. Перед военным набегом друзья, прикоснувшись к шесту правой рукой, произносили клятву. Будущие друзья-побратимы давали обещание выручать друг друга в тяжелых ситуациях, жертвовать своей жизнью, не бросать раненых, а убитых предавать земле. Взявшись за руки, они произносили: «Будем братьями, и защитим себя как дети одних родителей» [18, 109].

Существовали определенный этикет, правила поведения в святых местах. Обряды посещения святилищ, подготовка к этим ритуалам включали пост, омовение и приготовление ритуальной пищи, напитков. Если человека обвиняли в каком-либо преступлении, он, чтобы доказать свою правоту, в сопровождении трех мужчин из трех фамилий с тремя пирогами и тремя восковыми свечами входил в заветный храм. Там, обращаясь к Богу, они просили, разобрав обстоятельства дела, выявить правду: если честен – пусть живет себе на здоровье, если нет – пусть его постигнет божья кара (4, с. 58). Значение 'доказывать свою правоту, подтверждая присягой' передается ФЕ *æртæ кæрдзынимæ дзуары хуылфмæ цæуын*. В данной фраземе *æртæ кæрдзыны* – «три вертикально расположенных пирога, включенные в ритуальный контекст, – поясняет В. С. Уарзиати, – организовывали мифологическое пространство <...> число три связано с тремя важнейшими категориями жизни: «Хуыцау – Бог, хур – солнце и зæхх – земля» [17, 135-136]. Так приумножалось значение устойчивого выражения: святость места и смыслообразующая значимость ритуальных пирогов упрочивали семантику выражения.

Следующий устойчивый оборот поддерживает вышеназванную тему и является средством разрешения споров и способом доказательства истинности уверения. Выражение *дзуары хуылфмæ цæуын* (букв.: входить в святилище) имеет семантику «входить в святое место, где пребывало

божество», где «общались» со святыми, молились им, где само место внушало чувство благоговения и преклонения. Переносно-образное значение словосочетания привело его к употреблению в смысле 'убеждать (кого-либо) в своей правоте': *Дæ сыгъдæг уарзт ахæсдзынæн мæрдтæм! Бæцæудзынæн уый тыххæй дзуары хуылфмæ дæр æз!* 'Твою чистую любовь я унесу с собой на тот свет. Ради нее войду и в святилище, т.е. дам клятву в храме' (4, 114). Фразеологический оборот *дзуары хуылфмæ цæуын* сформировался на основе эллипсиса фразеологической единицы *æртæ кæрдзынимæ дзуары хуылфмæ цæуын*.

Современный осетинский язык сохранил такие устойчивые выражения, как: *мæнг ард* 'ложная клятва', откуда мы имеем лексику *мæнгард* 'клятвопреступник', 'бесчестный', 'вероломный': *мæнгард лæг уæлæуыл дæр сæфт æмæ мæрдты дæр; ма басæтт дæ ард, фæлæ мæн дæр ма ферох кæн* 'клятвопреступник – вероломный человек и на этом свете и на том; не преступи своей клятвы, но и меня не забудь' (3, 168); *мæнгæн нæ фæзæгъынц; мæнгард лæггæй дæрдмæ лидз: йæ азар дæ басудздæн* 'не напрасно говорят: избегай далеко клятвопреступника' (7, 804); *ард фæсайын / ард фесафын* 'нарушить клятву' *ард макуы фесаф* 'не нарушай («теряй») никогда клятву' (5, 20); *мæ ард мын ма фæсайын кæн* 'не вынуждай меня нарушить клятву' (13, 122); *ард халын, ард (ба)сæттын* 'нарушить присягу, клятву', 'совершить клятвопреступление' *уыдон сæ дзырд фæсайдтой, сæ ард басастой* 'они не сдержали свое слово, совершили клятвопреступление' (14, 2007: 62); *ард басæттын мæлæт у* 'нарушение клятвы равносильно смерти'; *сомы басæттын – мæлæтгæй фыддæр* 'нарушение клятвы хуже смерти' (5, 20). «С ложной клятвой, – читаем у М. М. Ковалевского, – осетины связывают смерть: представление о гибели целого рода, о муках предков в загробной жизни и о ряде несчастий, которые неизбежно должны постигнуть как самого присягнувшего, так и его близких» [13, 133].

Итак, как свидетельствует материал, народ присягал самым священным: Богом, святыми, землей и небом, огнем, культовыми предметами. Одним словом, тем, во что свято верил, и носила клятва религиозный, символический характер. Бесчестие настигало обманувшего и нарушившего клятву. Осетины верили в то, что за клятвопреступлением следует болезнь, несчастье, что божественная кара может настигнуть как в момент принесения присяги, так и годы спустя: не только в мирской жизни, но и на том свете. Эти воззрения, выявленные нами, нашли отражение в малых фольклорных жанрах – проклятиях, пословицах и поговорках, а также в устойчивых выражениях, что проиллюстрировали примеры.

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.: Наука, 1989.
3. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
4. Алборов Ф. Ш. Об одном фразеологизме в осетинском // Кавказ, 1992. № 1.
5. Балкаров Б. Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965.
6. Бесолова Е. Б. Об общекавказском субстрате в обрядово-фольклорной жизни северокавказских народов // Известия СОИГСИ. Вып. 7(46). Владикавказ, 2012.
7. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005.
8. Гаглойти Ю. С. Избранные труды. Том. 1. Цхинвал: Полиграфическое производственное объединение РЮО, 2010.
9. Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972.
10. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
11. Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми: Алашара, 1976.
12. Калоев Б. А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. 3-е изд., испр. и перераб. М.: Наука, 2004.
13. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. II. М., 1886.
14. Лукиан. Избранное. М.: Гослитиздат, 1962.
15. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2010.
16. Уарзиати В. С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / Сост. В. А. Цагараев, Е. М. Кочиева. Владикавказ: Проект-пресс, 2007.
17. Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе: Ир, 1987.
18. Шанаев Дж. Присяга по обычному праву осетин // ССКГ. Выпуск 7. Тифлис. 1873.

Источники:

1. Беджызаты Ч., Хъуылаты С. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1995.
2. Гарданов М. К. Произведения / Сост. Э. Б. Скодтаев. Владикавказ: Ир, 2007.
3. Гæдиаты С. Азау: Уацмыстæ. 2-аг æххæстгонд, рауагъд. Орджоникидзе: Ир, 1988.

4. Дзабиты З. Т. Ирон æвзаджы фразеологон дзырдуат. Цхинвал: ППО-РЮО, 2003.
5. Ирон æмбисæндтæ / Æрæмбырд сæ кодта 'мæ чиныг сарæзта Гуытъяаты Хъ. Орджоникидзе: Ир, 1976.
6. Миллер Вс. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. – Л.: Издательство АН СССР. Т. I., 1927; т. II, 1929; т. III, 1934.
7. Миллер Вс. Ф. Осетинские этюды. Ч. 2. Владикавказ, 1992.
8. Нартае – Нарты. Мифология и эпос на дигорском языке // Сост. А. Я. Кибиров, Э. Б. Скодтаев. – Владикавказ. 2005.
9. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974.
10. Нарты кадджытæ. Орджоникидзе: Ир, 1975.
11. Сказания о нартах в пяти томах / Сост. К.Ц. Гутиев. Кн. 1. – Орджоникидзе: Ир, 1989.
12. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдуат сарæзта Хæмыцаты Т. Фыццаг чиныг. Дзæуджыхъæу: Ирыстон, 2003.
13. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдуат сарæзта Хæмыцаты Т. Дыккаг чиныг. Дзæуджыхъæу: Гаситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2004.
14. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ Гаситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2005.
15. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдуат сарæзта Хæмыцаты Т. Цыппæрæм чиныг. – Дзæуджыхъæу: Гаситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2007.
16. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос / Тексттæ бацæттæ кодта, чиныг æмæ дзырдуат сарæзта Хæмыцаты Т. Æвдæм чиныг. Дзæуджыхъæу: ИПЦ СОИГСИ, 2012.
17. Таказов Ф. М. Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь. Владикавказ, 2015.
18. Хъодзаты Æ. Зынджы бардуаг. Æмдзæвгæтæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2003.

Т.А. Ёлборты,
 нс Национальный музей РСО-А
 (г.Владикавказ)

**ЭПОСЫ ФÆЛГОНЦТÆ ÆМÆ СЮЖЕТОН МОТИВТÆ
 ХУГАТЫ СЕРГЕЙЫ РОМАН «НАРТЫ ФАРНАГ»-Ы**

В статье на примере романа-мифа «Нарт Фарнаг» Сергея Хугаева рассмотрены особенности функционирования мифоэпических традиций в современной осетинской прозе. Выявляются сюжеты и мотивы эпических текстов, степень их влияния на идейно-художественную архитектуру романа. Особое внимание уделяется структуре образа главного героя, новаторской интерпретации ее автором. Установлено, что идейно-смысловая роль романного Фарнага, в отличие от его эпического прототипа, соотносится с актуальной идеей толерантности и диалога как способа выживания в современном мире.

Ключевые слова: С. Хугаев, миф, эпос, история, фольклорные традиции, романное мышление, структура образа.

The article, using the example of the myth-novel "Nart Farnag" by Sergey Khugaev, examines the features of the functioning of mythoepic traditions in modern Ossetian prose. The plots and motives of epic texts, the degree of their influence on the ideological and artistic architectonics of the novel are revealed. Particular attention is paid to the structure of the image of the protagonist, an innovative interpretation by its author. It is established that the ideological and semantic role of the novel Farnag, in contrast to his epic prototype, correlates with the actual idea of tolerance and dialogue as a way of survival in the modern world.

Keywords: S. Khugaev, myth, epic, history, folklore traditions, novel thinking, image structure.

Ирон фольклоры тæккæ сæйрагдæр æмæ ахсжиагдæр хæзна – Нарты кадджытæ æнгом баст сты нæ рагфыдæлты цардыуаг æмæ историимæ. Уыдон кæддæриддæр сæхимæ здæхтой ирон аив дзырды дæсныты цæстæнгас (Туаты Дауыт «Нарты Сырдон», Хъазбегты Хъазбег «Нарты Батырадз» æ. æнд). «Эпосы нывæфтыд æрцыд "ирон цард" йæ алы хуызты: мифтæ, уырнынад, бæрæгбонтæ æмæ мардыкæнд æд ритуалтæ, историон цаутæ, аивад æмæ хæстон дæсныиад, куыст, куывд æмæ æндæр æгъдæуттæ» [1, 62], – фыста Джыккайты Шамил. Ирон дзырдаивады суанг йæ фыццаг къæхдзæфтæй фæстæмæ эпикон сюжеттæ æмæ фæлгонцтæн стыр нысаниуæг кæй уыдис, уым диссагæй ницы ис, хатдзæг кæны æндæр иртасæг дæр: «Нартиада – часть духовной куль-

туры, воспринимаемой с молоком матери, та естественная почва, на которой воспиталось не одно подрастающее поколение в регионе» [2, 304].

Ирон литературæйы мифоэпикон традицитæм хъусдард ног къæпхæнмæ схызт ивгъуыд æнусы 80-æм азты. «Фæстаг рæстæджы таурæгъон дзырднывæзты арæнтæ зынгæ фæуæрæхдæр сты. Уынаем дзы ног аивадон сгарæнтæ, фæзындис мифты, эпосы, æмбисонды бындурыл амад уацмыстæ» [3, 287], – зæгъы Мамиаты Изетæ. Кæд æмæ райдианы фысджытæ сæ уацмысты уæлæнгай хуызы пайда кодтой кадджыты сюжеттæ æмæ мотивтæй, фылдæр хатт сæ хуымæтæг хуызы фæлхатт кæнгæйæ, уæд ныр хъуыддаг цæхгæр фæивта. Ног сфæлдыстадон æнтыстытæн сæрæвæрæн систы Джусойты Нафийы «Сырдоны цæссыгтæ» (фыццаг чиныг), фæстæрæр та – Булкъаты Михалы «Нарты Сосланы æвдæм балц». Ацы уацмыстимæ бæтты Фидараты Риммæ ирон литературæйы роман-мифы жанры фæзынд. «...Ныне сформировался новый тип философского романа – роман-миф как своеобразная «энциклопедия» национального духа в осетинской литературе. Осетинский роман-миф – такой жанр, в котором существуют все фольклорные и этнически самобытные пласты национального бытия и сознания, где живы миф, мифомышление, конечно же, в трансформированном виде» [4, 5], – зæгъы уый.

Фæлæ рæдыд нæ уыдзæнис афтæ зæгъын дæр, фольклорон-литературон бастдзинæдты ног æмвæзад романы размæ дæр кæй фæбæрæг ис ирон уацауы агурæнты. Фысджытæ сæ персонажты, хуымæтæг адæймæгты, хайджын кодтой эпикон-мифологион хъайтарты æууæлтæй. Уыцы æнгæсдзинад тынг аивæй зыны, зæгъæм, Дзесты Куыдзæджы фæстаг уацау «Фæндагсар Уастырджы»-йы. Автор дзы нывæфтыд мадзæлтты руаджы Лæгтыдзуар æмæ æфцæгвæндагмæ зилæг Дзаххойы 'хсæн цы æнгæсдзинад æвдисы, уымæй литературон сурæт кæны арфдæр, зæххон лæджы архайд райсы цавæрдæр уæлвæткон бæрзонд мидис [5, 86].

Эпосы сюжетты æмæ мотивты бындурыл фыст у Хуыгаты Сергейы роман «Нарт Фарнæг» дæр. Нæ дард мифон фыдæлты ивгъуыды цаутæ нывæндгæйæ, фыссæг сагъæс кæны абоны царды судзаг фарстытыл. Романы нæртон гуыппырсартимæ иумæ бирæ ис авторы æрхъуыдыгонд фæлгонцтæ. Уацмысы сæйраг хъайтар у Нарты Фарнæг. Зæрдыл æрлæууын кæнын хъæуы уый, æмæ эпосы Фарнæг зынгæ гуыппырсарты æмрæнхъ нæ архайы, æмбæлæм ыл æрмæст иу хицæн кадæджы [6, 290–301].

Романы архайд цæуы Нæртон бæстæйы, Борæты хъæуы. Автор аивадон уацмысы пайда кæны æрмæст Фарнæджы кадæджы сюжеттæй нæ, фæлæ ма эпосы иннæ хъайтартимæ баст мотивтæй дæр. Зæгъ-

æм, Сослан кард куыд скæнын кодта, Чынты Хъобайы уæнгуыты куыд фесæфта, Сатанайæн Сослан куыд райгуырд æ. æнд. Фыссæг эпосы сюжеттæ арæхстджынæй бæтты йæхи æрхъуыдыгонд цаутимæ æмæ афтæмæй æвдисы йæ хъайтарты миддиуне æххæстæй. Эпикон Фарнæг нæу хъуыдыгæнæг герой, уынæм ын йæ цардæй иу уысм, усгур куыд фæцыд Хуыцауы уарзон æртæ æфсымæры хомæ. Эпос Фарнæджы хоны «адæмæн хæлар адæймаг, знагæн – æфсымæр, хионæн – сæрхъуызой» [7, 298]. Хуыгайы-фырты хъайтар Нафийы Сырдонау у хъуыдыгæнæг, тох кæны адæмты æхсæн хæлардзинад æмæ кæрæдзиуарзондзинад фидар кæныныл. Фæлгъауы царды алы фæзилæнтæ, зоны хорз æмæ фыд, уарзы адæмы, тыхсы сын сæ сомбоныл. Уый зоны, тых æмæ карды коммæ кæсын кæй нæ хъæуы, йæ хъуыдымæ гæсгæ, уыдонæй фидардæр у адæймаджы ныхас. Фарнæг зæгъы, зæгъгæ, æвзæр адæмтæ нæй, «æвзæр рацæуы адæмæй, фæлæ, адæмышатт æнæхъæнæй æвзæр уой, уый гæнæн нæй». Йæ хъуыдытæ раст кæй сты, уымæн æвдисæн нарты сыхаг адæмтæм цы Хуыцауысконд адæймæгтæ разыны, уыдон. Ахæмтæ сты уацмысы айгуырон сылгоймаг Мæргъуанæ, айгуырон цуанон Арци, гуымирон лæг Хъæрæмæдз. Фарнæг архайы, цæмæй адæмтæ уарзонæй æмæ æнгомæй цæрой кæрæдзиимæ. Ацы хъуыды актуалон у ныры дуджы дæр. «Тематической пружиной текста является мысль об отказе от тактики нападения в контактах с агрессивным окружением, о диалоге как мудром способе сохранения себя в качестве этноса и как действенном «оружии» при разрешении межэтнических конфликтов и в деле цивилизационного влияния на враждебный мир [6, 267].

Романы хъайтары бæллиц – адæмты æхсæн хæлардзинад æмæ æууæнк фидар кæнын, – хъыгаганæн, нæ сæххæст. Уацмысы кæрон Фарнæг фæмард и йе 'мбæстаг нæртон лæджы къухæй. Ацы цауы фыссæг æвæры арф хъуыды. Ахæм хуызы æвдисы адæмы сæфты нысан. Сæ фарныл систой сæ къух. «Уый иу уды нæ фехстат, нæ – уый уæ фарныл суагътат уæ фат, æмæ цæрдхункъ фæци уæ фарн!» [8, 334], – зæгъы адæмæн Тыхыл. Фыссæг ахæм хуызы æмбарын кæны, Фарнæджы хуызæн адæймæгтæй наци цух куы уа, уæд сæфгæ кæй кæны. Уацмысы Нæртон адæм сæ кæнон нæ ныуагътой, афсæрстой тыхгæнджыты фæстæ. «Таков предложенный С. Хугаевым прогностический аспект проблемы возрождения Нарты, особо острый в свете трагических потрясений и испытаний, выпавших на долю осетинского народа за последние десятилетия» [6, 268]

Сергей йæ уацмысы «...цы арф хъуыдытæ бавæрдта, уыдон тынг актуалон сты нæ ныры дугæн [9, 134]. Фыссæг дзуры нæ дуджы æхсæнады риссаг фарстатыл. Нæ адæм сæхи куыд дихтæ кæнынц, нæй се 'хсæн æнгомдзинад, æмбарынад, алчи йæхи гуылы бын æндзары, нæ ауæрдзы йæ алыварс адæмыл. Романы авторы æрхъуыдыгонд персонажтимæ иумæ

архайынц нэртон гуыппырсартæ Уæрхтæнæг, Уырызмæг, Сатана, Хæмыц, Сослан, Батрадз, Сырдон. Автор нэртон персонажты характертæ раргом кæны эпосы сюжетты руаджы нæ, фæлæ йæхи æрхъуыдыгонд цауты фæрцы. Сослан романы дæр у кæрзмаст, хин æмæ æгъатыр хæстон. Æдзухдæр архайы тыхæй; йæ хъуыдымæ гæсгæ, нэртон адæмæй сæ сыхаг адæмышæттытæ тæрсгæ куы нæ кæной, уæд сæ «фæйнæрдæм карчы цъиутау фæхæсдзысты, стæй ма нартæй баззайдзæн æрмæст уæлмæрд». Эпикон персонажæй хъауджыдæр, Сергейы Сослан архайы йæхи зондæй, кадджыты та йын æххуысгæнæг у йæ мад Сатана. Нэртон лæджы куы амардта, уæд фæфæсмон кодта, йæ цæссыгтæ æркалдысты. Бафиппайын хъæуы уый, æмæ нэртон гуыппырсартæ эпосы бæллынц кадмæ, тæрсынц худинагæй. Сергейы ацы хъайтар нæ тæрсы худинагæй, нæй йæм æфсарм, бахауы йæ монцты уацары.

Романы стыр бынат ахсы кард æмæ фæндыры темæ. Уый у традицион эпикон уацмыстæн. Нэртон адæм иухуызон арæхсынц кард æмæ фæндырæй. Нæ мифон фыдæлты зондахасты кард æмæ фæндыр сты хæст æмæ хъазты символтæ. Сергейы уацмысы архайд райдайы, фæндагыл Уæны фæндыры 'рдынæг куы ссарыц, уæд. Фарнæджы æфсымæр Уæн, рынчын уæвгæйæ, басгуыхти диссаджы фæндырдзæгъдæг æмæ зарæггæнæг. Эпосы нэртон адæммæ фæндыр фæзынд Сырдоны трагедийæ. Гуыппырсартæ иухуызон хорз арæхсынцад кафынмæ. Уæдæ Ацæмæзы уадынзмæ суанг сырдатæ дæр симды бацæуынц. Романы дæр зынгæ бынат ахсы фæндыр, зарын æмæ кафыны темæ. Уымæ уацмысы бærкадджынæй нывгонд цæуынц ирон адæмон æгъдæуттæ. Уыдон сты аивадон фæрæзтæ, ис сын хицæн сфæлдыстадон нысаниуæг æмæ поэтикон функцитæ. Уынæм дзы уазæджы æгъдау, куывд æмæ гаджидау, мардæн кад кæныны фæтк. Æгъдæуттæй æвзæрынц æмæ фидар кæнынц адæмы менталитеты æууæлтæ, йæ удыхъæд, йæ этикон зондахаст, йæ удварн. Романы кæддæр нартæй цы адæм афтыд æмæ ныр гуыйгуынты арæны фæсте чи цæры, уыдонмæ сæ фыдæлты æгъдауæй ницыуал баззад, æрмæст ма мардæн кад кæныны æгъдау.

Куыд уынæм, афтæмæй автор эпосы сюжетты æмæ фæлгонцы фæрцы æрдзырдта нæ дуджы риссаг фарстатыл. Фарнæджы истори ныртæккæ у тынг актуалон. Адæм кæрæдзийы ныхасмæ нал хъусынц, алчи йæхи нымайы хуыздæрыл. Сергейы къухы бафтыд эпосы таурæгъты бындурыл нæ абоны цардыуаг равдисын.

1. Джыккайты Ш. Ныхасы фарн: Зонадон уацтæ æмæ эссе. Дзæуджыхъæу, 1996. 284 ф.
2. Мамиева И.В. Мир нартов в пространстве художественной литературы («Слезы Сырдона» Н. Джусойты) // Нартоведение на рубеже XX–XXI вв. 2012. № 1, С. 304–318.
3. Мамиаты И. Дзырддзæуæны: Автор æмæ хъайтары æмдзæдис. Дзæуджыхъæу, 2008. 368 ф.
4. Фидарова Р. Я. Роман-миф как новый жанровый тип в осетинской литературе. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2007. С.
5. Мамиева И.В. Кудзаг Дзесов: Очерк творчества. Владикавказ, 1990. С. 224.
6. Mamieva I.V. Ontological Motivation of the Myth-Based Novel in Ossetian Literature // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the International Conference «Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences» TRPHD 2018. Editor Kh. Dz. Shambezoda. 2019. С.263–269.
7. Сказания о Нартах в пяти томах. Т. 1. / Составитель К. Ц. Гутиев. Орджоникидзе, 1989. С. 290–301.
8. Хуыгаты Сергей. Нарты Фарнæг. Роман, радзырдтæ. Дзæуджыхъæу, 2005. 447 ф.
9. Сабайты Сулейман. «Нарты Фарнæг». // Мах дуг, 2008, № 2. 134–143 ф.

VI. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

**Б.А. Синанов,
кин, нс ИЭА РАН
(г. Москва)**

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

(Статья выполнена при поддержке гранта РФФ № 15-18-00099 П)

В предлагаемой статье анализируется современная языковая политика в Республике Северная Осетия-Алания. Отмечается, что в республике имеется достаточно развитая нормативно-правовая база, обеспечивающая сохранение и развитие осетинского языка и культуры. Осетинский и русский языки имеют конституционный статус государственных языков РСО-А. Однако при равном правовом статусе позиции языков в республике разные.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, Республика Северная Осетия-Алания, языковая политика, осетинский язык, русский язык, полилингвальное образование.*

This article analyzes the modern language policy in the Republic of North Ossetia-Alania. It is noted that the republic has a fairly developed regulatory framework that ensures the preservation and development of the Ossetian language and culture. Ossetian and Russian languages have the constitutional status of the state languages of North Ossetia-Alania. However, with equal legal status, the positions of languages in the republic are different.

Keywords: *North Caucasus, the Republic of North Ossetia-Alania, language policy, Ossetian language, Russian language, polylingual education.*

В последние годы наблюдается заметный интерес к вопросам, связанным с языковой ситуацией и языковой политикой в Северной Осетии. Не только в научных центрах региона¹, но и в Москве проводятся всероссийские и международные конференции по проблемам осетинского языка и

¹ Например, регулярные: международные «Абаевские чтения»; «Всероссийские Миллеровские чтения»; Международные школы-конференции молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки»; Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Коста Хетагуров в контексте культуры России» (2019) и др.

языковой политики¹. Состояние и перспективы осетинского языка, равно как и развитие общей языковой ситуации и языковой политики, уже который год находятся в сфере внимания не только специалистов в области филологии, этнологии, политологии и социологии, но и всего североосетинского общества [18; 2, 102–211, 223–240; 6; 8; 1; 15].

С 1992 г. в республике широко обсуждался Проект Закона Северо-Осетинской ССР «О языках народов СО ССР». На страницах республиканской газеты «Северная Осетия» свое мнение высказывали видные представители осетинской интеллигенции, среди них: доктор филологических наук, поэт Н.Г. Джусойты, заслуженный учитель России и Северной Осетии В.М. Дегоев, поэт В.Г. Малиев и др. Острые споры в ходе дискуссии вызывал вопрос о статусе дигорского диалекта [14, 134–157]. Однако данная законодательная инициатива до сих пор остается не реализованной.

Позиция осетинского языка как государственного наравне с русским была юридически закреплена статьей 15 Конституции РСО-А, принятой 12 ноября 1994 г. [10]. В пункте 2 данной статьи подчеркивается, что осетинский язык в его иронском и дигорском диалектах является основой национального самосознания осетинского народа. «Сохранение и развитие осетинского языка является одной из важнейших задач органов государственной власти Республики Северная Осетия – Алания». Конституцией также гарантируется право на сохранение родного языка и создание условий для его изучения проживающим в республике народам.

Помимо основного закона РСО-А политика на региональном уровне в сфере языка и национальной культуры регулируется республиканским законом «Об образовании в РСО-А», а также различными целевыми программами, реализуемыми в течение нескольких лет. Так, утвержденная постановлением Правительства республики 5 декабря 2017 г., Государственная программа РСО-А «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2018–2020 гг. [11] имеет в своем содержании подпрограмму «Сохранение и развитие осетинского языка» на 2018–2020 гг. Мероприятиями данной подпрограммы должны стать совершенствование правовых основ использования осетинского языка в качестве государственного; подготовка кадров для работы в условиях функционирования осетинского языка как государственного; совершенствование лингво-терминологической системы осетинского языка для нужд государственного и муниципального управления; формирование материально-технической базы для использования осетинского языка в качестве государственного и др. Основными мероприятиями подпрограммы предусмотрено создание системы дошкольного и общего осетинско-русского (полилингвального) образования, методическая основа для которого уже с 2004 г. разрабаты-

¹ Например, II Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Осетинский язык в условиях глобализации» (Москва, 2012) и др.

вается в Северо-Осетинском государственном педагогическом институте на кафедре ЮНЕСКО под руководством профессора Т.Т. Камболова.

В целях обеспечения необходимых условий для реализации положений статьи 15 Конституции РСО-А, для сохранения и всестороннего развития осетинского языка, являющегося государственным языком республики, культурным достоянием и основой национального самосознания осетинского народа, 23 сентября 1999 г. была образована Комиссия по сохранению и развитию осетинского языка при Главе РСО-А [13]. Ее заседания проходят на осетинском языке. В 2017 г. в обновленный состав Комиссии, под председательством Главы РСО-А В.З. Битарова, вошли видные представители национальной интеллигенции: доктор филологических наук профессор Т.Т. Камболов, заведующая кафедрой осетинского языка и литературы СОГУ кандидат филологических наук доцент А.Ф. Кудзоева, директор Института истории и археологии РСО-А доктор исторических наук профессор Р.С. Бзаров, директор СОИГСИ доктор исторических наук профессор З.В. Канукова и другие.

По инициативе Комиссии 24 марта 2018 г. во Владикавказе состоялся I съезд учителей осетинского языка и литературы, в работе которого приняли участие более 450 делегатов. Среди них – учителя осетинского языка и литературы, воспитатели детских садов, представители общественных организаций, научной интеллигенции, руководители органов исполнительной власти. Основными темами встречи стали проблемы системы образования в области преподавания осетинского языка и литературы, ее дальнейшее развитие, а также научно-методическое обоснование [4].

Несмотря на наличие в республике филиала Всероссийской телевизионной и радиовещательной компании ГТРК «Алания», трансляция которой осуществляется на русском и осетинском языках, многие годы неоднократно поднимался вопрос об учреждении национальной телерадиокомпании, способной решать определенные политические и социальные задачи. В других республиках Северного Кавказа такие проекты были успешно осуществлены. В большинстве республик не только созданы национальные телекомпании, но и налажено транслирование сигнала на спутник, что позволяет значительно расширить их телеаудиторию.

Постановлением Правительства РСО-А от 2 августа 2016 г. было создано Государственное автономное учреждение РСО-А «Национальная телекомпания «Осетия–Ирыстон». 1 декабря 2017 года телеканал «Осетия–Ирыстон» начал вещание на двух языках (осетинском и русском) по спутниковой связи и в интернете. Общий объем вещания в неделю составляет 168 часов. При создании и запуске телекомпании учитывалась ситуация на телерынке, и внимание сконцентрировалось на заполнении культурного телевизионного «вакуума». Вещательная политика состоит из трех главных компонентов: новостей (5 выпусков в день: из них 2 на осе-

тинском и 3 на русском языке), программы социальной направленности и блока культурно-просветительских передач. В первом квартале 2018 г. «Национальная телекомпания «Осетия-Ирыстон»» произвела 21 телепроект, выходящий на осетинском языке [9].

Помимо новостных выпусков на осетинском языке в сетку вещания «Осетия-Ирыстон» в настоящее время входят популярные телепроекты различного формата. Среди них следует выделить программу «Комæй – коммæ» («От ущелья к ущелью»), которая представлена в виде диалога с приглашенными в студию гостями, где обсуждаются актуальные вопросы сельских поселений районов республики. В ином формате представлен телепроект «Фæрдгуйтæ» («Жемчужины»), в рамках которого журналисты сами выезжают в села, в том числе высокогорные, и показывают жизнь простых сельчан от первого лица. Нестандартный подход авторов данного телепроекта, более соответствующий жанру документального кино, погружает зрителя в особую атмосферу сельской жизни с ее повседневными заботами и проблемами, ставшими столь далекими для городских жителей. Среди молодежной аудитории наибольшей популярностью пользуется новый проект «Бæрбæр ис» («Болтовня»), где молодые люди в непринужденной обстановке обсуждают актуальные для их поколения темы. Отдельно следует отметить образовательный телепроект «Æнцон ирон» («Осетинский легко»), необычный формат напоминает реалити-шоу и позволяет участникам не только изучать теорию, но и применять свои знания языка на практике.

Одной из приоритетных задач для многих СМИ Северной Осетии является сохранение национального языка и традиций осетинского народа, развитие культурного и научного потенциала республики. По состоянию на 1 июля 2018 г. на территории республики зарегистрированы 73 периодических печатных издания, в том числе 22 журнала, 49 газет, 2 сборника. Центральной республиканской газетой, выходящей на осетинском языке, является газета «Рæстдзинад / Правда» (на иронском диалекте), недавно отметившая свой 95-летний юбилей [12]. Практически все районные периодические издания двуязычны (в Дигорском и Ирафском районах на дигорском диалекте). Наряду с газетой «Рæстдзинад» важную культурно-просветительскую роль выполняет литературно-художественный и общественно-политический журнал «Мах дуг» («Наша эпоха») (на иронском диалекте) – старейший литературный журнал на осетинском языке. На дигорском диалекте с 1991 г. выходит литературно-художественный и общественно-политический журнал «Ирæф». На детскую аудиторию с возрастным цензом «0+» ориентирован литературно-художественный детский журнал «Ногдзау», выходящий на осетинском языке (с параллельным переводом на русский язык) тиражом от 1600 до 3000 экземпляров. Эти и другие печатные издания на национальном языке, несмотря на наличие

у большинства из них электронных версий и однозначную поддержку со стороны интеллигенции республики, сталкиваются с неизбежными трудностями. Основной проблемой печатных СМИ Северной Осетии является «методологическая и технологическая отсталость большинства редакций, сужение их аудитории, неэффективные подписные кампании, снижение тиража, существование за счет государственной поддержки» [9].

И если подобные проблемы характерны и для русскоязычных печатных СМИ республики, то выходящие на осетинском языке испытывают их наиболее остро. Эти и другие вопросы обсуждались в мае 2018 г. на прошедшей во Владикавказе международной конференции «Современное состояние и перспективы развития национальной печати». Результаты конференции выявили общие для большинства национальных печатных СМИ проблемы, решение которых ее участникам видится в «необходимости помощи государства в деле объявления трехлетнего моратория на рост подписных тарифов «Почты России» для национальных СМИ, особенно в малонаселенных, отдаленных и труднодоступных регионах России, предоставление «Почтой России» 50-процентной скидки на почтовую доставку для национальных газет и журналов на 5 лет» [16, 1-2]. Была отмечена также актуальность повышения статуса и материального стимулирования журналистов, пишущих на национальных языках.

Большое значение в деле сохранения и развития осетинского языка сегодня возлагается на Аланскую гимназию – государственную общеобразовательную школу-интернат, открывшуюся 1 сентября 2017 г. При учебном заведении образован попечительский совет под председательством Главы Республики В.З. Битарова [5]. Функции школы, в первую очередь, образовательные, но при этом особое внимание уделяется родному языку. В основе учебного процесса Аланской гимназии – полилингвальная система.

Как уже было отмечено, методическое обеспечение полилингвальных школ в Северной Осетии осуществляется кафедрой ЮНЕСКО Северо-Осетинского государственного педагогического института. Кафедра ЮНЕСКО, развивающая полилингвальную модель поликультурного образования, является научно-методическим и экспериментальным центром республики, где сконцентрирована основная работа по разработке государственных образовательных стандартов и программ по всем предметам школьного образовательного цикла, созданию учебно-методических комплексов нового поколения и их экспериментальной апробации. В рамках этого направления создаются учебные пособия на осетинском языке по предметам «Осетинский язык», «Математика», «Окружающий мир», «Изобразительное искусство», «Музыка», «Русский язык», «Английский язык», «Литературное чтение», «Осетинское чтение» для начальной школы. Все упомянутые учебные пособия после редактирования и качественного художественного и

компьютерно-графического оформления с начала 2000-х гг. проходили экспериментальную апробацию в школах «Диалог», «Интеллект», «Эрудит» города Владикавказа по русско-осетинской модели, и в школе «Диалог» и школе №2 селения Гизель – по осетинско-русской модели.

На кафедре разрабатываются и учебно-методические комплексы для дошкольных учреждений, которые также проходят экспериментальную апробацию в детских садах «Интеллект» и «Эрудит» по русско-осетинской модели, в детских садах г. Ардон (на восточно-осетинском литературном варианте) и г. Дигора (на западно-осетинском литературном варианте).

По состоянию на 2019 г. в республике полилингвальная модель образования функционирует в 34 детских садах и 10 школах. С сентября 2019 г. еще в 12 дошкольных образовательных учреждениях будут сформированы группы, а в 4 школах – первые классы, образовательный и воспитательный процессы которых будет идти преимущественно на осетинском языке [3]. Во Владикавказе по полилингвальной модели образования работают шесть детских садов, две общеобразовательные школы и Аланская гимназия. Такие учебные заведения есть во всех районах Северной Осетии, больше всего их в Ирафском и Правобережном [17].

Осетиноговорящие первоклассники и второклассники в полилингвальных школах обучаются на родном языке. Т.Т. Камболов отмечает: «В третьем классе часть образовательного цикла уже идет на русском языке – повторение, закрепление материалов. В четвертом классе обучение продолжается на осетинском, но доля русского в процессе урока увеличивается и доходит практически до половины учебного времени. Мы облегчаем переход учащихся в средней школе с пятого класса на русский язык обучения по большинству предметов. На осетинском языке остаются лишь предметы, по которым нет ЕГЭ. С 5 по 11 классы это – осетинский язык и литература, история Осетии, география Осетии, традиционная культура осетин, ИЗО, музыка» [17].

По мнению профессора Т.Т. Камболова, поправки, принятые в Закон об образовании в августе 2018 г., предполагающие изучение государственных языков республик России «на добровольной основе», никоим образом не затронули полилингвальную образовательную систему, поскольку касаются изучения родных языков как учебных предметов. «В нашей полилингвальной системе родной, этнический язык используется в качестве языка обучения, и в этой функции никаких ограничений для языков РФ в новом законодательстве нет. Что касается в целом обычной, традиционной русскоязычной школы, которых в Осетии большинство, то научным сообществом республики, общественными организациями, СМИ на этапе обсуждения поправок в закон «Об образовании» была проведена широкая разъяснительная работа в родительской среде. Была отмечена важность владения детьми родным языком как средством принятия род-

ной национальной культуры, как главным инструментом формирования этнической идентичности» [17].

Таким образом, сохранение и развитие осетинского языка и культуры является безусловным приоритетом в деятельности республиканских властей. Статус осетинского и русского языков как государственных в РСО-А закреплены Конституцией республики. Однако при равном правовом статусе позиции языков в Северной Осетии разные. Русский язык выполняет доминирующую функцию в сфере государственного управления, делопроизводстве, судопроизводстве, науке, технике, образовании, культуре, здравоохранении, сфере коммуникаций, СМИ. В свою очередь, осетинский язык представлен в сфере политики, образования, гуманитарных наук, художественного творчества, в средствах массовой информации, в семейно-бытовой и обрядово-ритуальной сфере. При достаточно развитой нормативно-правовой базе в сфере языковой политики в Северной Осетии отсутствует «Закон о языках народов РСО-А», основной причиной чего являются продолжающиеся дискуссии о статусе дигорского диалекта/варианта осетинского языка.

1. Бесолова Е.Б. О проблемах национального языка в полиэтническом регионе в эпоху глобализации // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14-17 ноября 2018): Доклады и сообщения / Отв. ред. А.Н. Биткеева, М.А. Горячева. Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. – М.: Языки Народов Мира, 2018.

2. Бзаров Р.С. Из истории аланской культуры / Р.С. Бзаров; Институт истории и археологии РСО-Алания. – М: СЕМ, 2014. – 400 с.

3. В Северной Осетии сеть полилингвальной образовательной модели расширяется // Министерство образования и науки Республики Северная Осетия-Алания официальный сайт. <http://mon.alania.gov.ru/node/2525> (дата обращения 21.07.2019).

4. В Северной Осетии состоялся I съезд учителей осетинского языка и литературы // 15-й регион. Информационный портал РСО-Алания. <http://region15.ru/news/2018/03/24/19-57/> (дата обращения 25.03.2018).

5. Вячеслав Битаров провел заседание Попечительского совета Аланской гимназии // Республика Северная Осетия – Алания. Официальный портал. <http://alania.gov.ru/news/7870?fbclid=IwAR33wL203i6wxJ04W0DrfvwkzwTAA2JddZbyJhxjZmXkQBUFvrA0g5PBI> (дата обращения 31.07.2019).

6. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. О государственной языковой политике в Республике Северная Осетия-Алания // Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований: Сборник статей по итогам Междуна-

родной научно-практической конференции (Уфа, 09 декабря 2017). /в 6 ч. Ч.4. Стерлитамак: АМИ, 2017.

7. Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы: Монография / Под редакцией доктора филологических наук М.И. Исаева; Северо-Осетинский государственный университет. – Владикавказ: Издательство СОГУ, 2007. – 290 с.

8. Канукова З.В. Языковая политика и языковая ситуация в Республике Северная Осетия-Алания // Труды Отделения историко-филологических наук РАН, 2018. – (в печати).

9. Комитет по делам печати и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания. Отчет о деятельности Комитета по делам печати и массовых коммуникаций РСО-Алания за I полугодие 2018 года. <http://kpmk.alania.gov.ru/activity/statistics/data> (дата обращения 5.09.2018).

10. Конституция Республики Северная Осетия-Алания. http://constitution.garant.ru/region/cons_oseitiya/ (дата обращения 25.07.2018).

11. О государственной программе Республики Северная Осетия-Алания «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2018–2020 годы. <http://docs.cntd.ru/document/543711830> (дата обращения 25.07.2018).

12. Растдзинад: история газеты в лицах. Сост. З.В.Канукова, Е.Б. Дзапарова. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018. – 242 с.

13. Российские законы. <https://zakon-region3.ru/2/129500/> (дата обращения 20.07.2019).

14. Северная Осетия: этнополитические процессы 1990–1994 гг. Очерки. Документы. Хроника. / сост. и отв. ред. Л.К. Гостиева, А.Б. Дзадзиев. М., 1995. Том 1. 296 с.

15. Синанов Б.А. Языковая ситуация и языковая политика в Республике Северная Осетия-Алания на современном этапе // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2018. № 20.

16. Техов Тамерлан. Национальная пресса будет жить // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета, 2018. № 73 (27552). <http://sevosetia.ru/Article/Index/165815> (дата обращения 27.04.2018).

17. Туаев Магомед. Власти Северной Осетии решили увеличить число двуязычных школ // Кавказский узел. <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/332718/> (дата обращения 2.06.2019).

18. Цориева И.Т. «Языковая» реформа и осетинская национальная школа: от «коренизации» до денационализации // Вестник Владикавказского научного центра РАН, 2009. № 1.

Д.В. Хапсаева,
мнс Лаборатории прикладной социологии и конфликтологии ВЦ РАН
(г. Владикавказ)

БАСЕЙН РЕКИ ТЕРЕК: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается экологическая ситуация в бассейне реки Терек, которая является главной водной артерией для шести субъектов СКФО. Неблагоприятная экология Терека создает и общую проблему для всех субъектов. Данное обстоятельство требует формирования общей региональной политики. Основная задача статьи заключается в том, чтобы обозначить и обосновать необходимость учитывать в формировании региональной экологической политики не только природно-ресурсный и хозяйственный потенциал, но и социально-политические особенности региона, специфику межэтнических отношений, чтобы не допустить политизации экологических проблем, к которым могут привести поиски виновных и некорректные определения, распространяемые СМИ. В сложившейся ситуации участие всех заинтересованных субъектов в общих экологических проектах, федеральных и региональных, а также в общих общественных акциях может решать не только природоохранные задачи, но и объединять людей.

Ключевые слова: экологическая политика, социально-политические риски, загрязнение бассейна Терека, экологические акции.

The article considers the ecological situation in the basin of the Terek River, which is the main water artery for the six subjects of the North Caucasus Federal Area. The adverse ecology of the Terek creates a common problem for all subjects. This circumstance requires the formation of a common regional policy. The main objective of the article is to identify and justify the need to take into account in the formation of regional environmental policy not only natural resource and economic potential but also socio-political characteristics of the region, the specifics of inter-ethnic relations, in order to prevent the politicization of environmental problems, which may lead the search for the perpetrators and incorrect definitions of distributed media. In this situation, the participation of all stakeholders in the common environmental projects, federal and regional, as well as in general public actions can address not only environmental issues, but also unite people.

Keywords: environmental policy, socio-political risks, pollution of the river basin of the Terek, environmental actions.

Экологическая политика представляется как совокупность действий различных экономических, политических и социальных структур, направленных на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. Региональная экологическая политика должна учитывать не только природно-ресурсный потенциал, характер промышленности, здоровье и культуру населения, но и социально-политические особенности региона.

При формировании экологической политики столь сложного региона как СКФО необходимо учитывать и специфику межэтнического взаимодействия. Политизация экологических проблем и движений в современном мире является реальностью, к которой могут привести не только хорошо продуманные провокации, но и некорректные поиски «виновных» в лице целых субъектов, к тому же подогреваемые СМИ.

В связи со сказанным вызывает беспокойство экологическая ситуация, связанная с бассейном реки Терек, и реакция на нее общества и СМИ. Терек – главная водная артерия Северного Кавказа, протекает по территории шести субъектов (Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Ставропольский край, Чечня, Ингушетия, Дагестан) и впадает в Каспийское море, что определяет ее ключевую роль в экономике этих регионов. Бассейн главной реки – это климатообразующая, энергообеспечивающая среда, источник питьевой воды для всего региона. Кроме того, это разветвленная ирригационная система, обеспечивающая орошение свыше 900 тыс. гектаров пахотных земель, выделенных под садоводческие и растениеводческие хозяйства, на которых выращивается миллион тонн риса, пшеницы, огурцов, помидоров, яблок и другой сельскохозяйственной продукции. Именно эта «экологически чистая» продукция считается одним из брендов региона.

Между тем, по степени негативного воздействия бассейн реки Терек относится к числу наиболее напряженных. В последние годы этот вопрос неоднократно становился предметом обсуждения. Например, на 21-ом заседании Бассейнового совета Западно-Каспийского бассейнового округа в числе прочих также был рассмотрен вопрос об экологическом состоянии бассейна реки Терек и разработке проекта «Экологическая реабилитация реки Терек» [1].

Периодически на поверхности воды появляется пена – это «след» от сброса сточных вод с предприятий. Например, на плотине Терско-Кумского гидроузла спиртовые отходы осаждаются, и барда начинает гнить, источая зловонный запах. В 2009 году это уже привело к экологической катастрофе – в реке погибла рыба. Еще одна проблема – это Тырнаусский горно-обогатительный комбинат, который хотя и не работает с 2001

года, но продолжает загрязнять воды Баксана, а вместе с ним и Терека. Вода «вымывает» тяжелые металлы из заброшенного хвостохранилища. Отравленная вода разносится на Ставрополье и далее, через Чограйское водохранилище, в Калмыкию. Ее используют для орошения полей, поэтому пшеница с овощами в буквальном смысле «пропитывается» аммонийными солями, фосфатами, соединениями цинка, железа, молибдена, кобальта, кадмия, свинца. Грязные воды с предприятий Северной Осетии попадают прямо в Терек. Очевидно, что последствия могут быть крайне неприятными для экологии региона, и как следствие – для жизни людей во всем регионе [2].

В марте 2019 года Глава Чечни Рамзан Кадыров остро поставил перед руководством страны вопрос об опасности загрязнения Терека и о создании программы его оздоровления. В Москве откликнулись на просьбу руководства Чечни заняться очищением Терека и связали перспективы решения вопроса с Федеральным проектом «Чистая вода», который входит в нацпроект «Экология». Проект предполагает строительство и реконструкцию объектов для обеспечения качественной питьевой водой из систем центрального водоснабжения 99% городского населения страны. Участниками проекта станут 83 региона, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, его реализация рассчитана до 2024 года. В Минприроды Чечни акцентируется внимание на том, что река загрязняется в основном в Северной Осетии, особенно в Моздоке. Специалисты Минприроды Чечни подчеркивают, что на территории Чеченской Республики нет источников загрязнения реки. Экологи считают, что Терек берет начало в горных ледниках Грузии и загрязняется преимущественно заводами Северной Осетии. Минприроды обвиняет Северную Осетию и в установке плотины в районе Моздока, из-за которой в водоем не поднимается форель. Активно поддерживают эту тему и СМИ публикациями с яркими заголовками «Терек загрязняют отходы заводов КБР и Северной Осетии» [3].

Росприроднадзор Чечни еще 10 лет назад обвинял РСО-Аланию в загрязнении реки. 12 марта 2009 года в Чечне на реке Терек в районе Ищёрского моста был зафиксирован факт чрезвычайной экологической ситуации, выразившийся в помутнении воды и гибели большого количества рыбы. Департаментом Росприроднадзора по ЮФО по инициативе Росприроднадзора Чечни сразу же была создана межведомственная комиссия, которая выявила, что на территории Павлодольской плотины были проведены ремонтные работы, в результате чего донные отложения бардосодержащих и других вредных стоков стали попадать в нижний бьеф плотины. СМИ писали о намерениях решать проблему судебным разбирательством [4].

Росприроднадзор, а вслед за ним федеральные чиновники, неоднократно заявляли, что Терек на территории Чечни не загрязняется, в основ-

ном это происходит на территории Северной Осети и Кабардино-Балкарии. Еще в 2011 году пресс-служба Кремля со ссылкой на главу Росприроднадзора, Владимира Кириллова, сообщала, что причиной загрязнения Терека являются отходы, сбрасываемые в реку заводами и предприятиями ЖКХ Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. К такому выводу чиновники пришли в ходе рассмотрения жалобы, поступившей в мобильную приемную президента РФ от жителя Чечни, который утверждал, что местные власти ничего не делают для предотвращения загрязнения Терека. По словам главы Росприроднадзора Владимира Кириллова, загрязнение реки наблюдается в основном в ее верхнем течении, в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, в самой же Чечне источников загрязнения нет [5]. Аналогичной позиции придерживаются общественные активисты в Северной Осетии, уверяя, что источником заражения Терека является Владикавказ, его металлургические производства – заводы «Электроцинк» и «Победит». «Мы форпост химической войны против Северного Кавказа», – заявляют они [6].

Действительно, по данным отдела водных ресурсов Западно-Каспийского водного управления в Северной Осетии, всего лишь 30 процентов сточных вод республики были очищены в соответствии с экологическими стандартами. Еще в 2010 году исследования проб воды рек Терек и Камбилеевка показали их несоответствие требованиям СанПиН [7].

В РСО-Алания 90 % процентов очистных сооружений попросту не работают или недостаточно качественно очищают. Поэтому вся канализационная вода перед тем, как попасть в реки Осетии, проходит не полноценную биологическую, а только механическую очистку. В республике 12 очистных сооружений, а работает в соответствии с нормами только одно – в Моздоке. В Дигоре, Алагире, Фиагдоне и Чиколе их вообще нет.

Отмечена и другая ситуация: в Правобережном районе очистные сооружения есть, а денег на пуско-наладочные работы и на содержание системы нет. В декабре 2018 года республиканская прокуратура провела очередную проверку по факту сброса сточных вод в Правобережном районе Северной Осетии. Проверка надзорного ведомства была организована по публикации, размещенной в СМИ, о том, что завод по производству спирта загрязняет русло реки Терек. Выяснилось, что загрязняют воду нечистоты, сбрасываемые водоканалом. Превышение норм допустимых сбросов было зафиксировано по четырем параметрам: азоту аммонийных солей, фосфат-ионам, биохимическому потреблению кислорода и нефтепродуктам [8].

С проектом «Оздоровление реки Терек» выступило министерство природных ресурсов и экологии Северной Осетии. По данным мониторинга, состояния поверхностных вод на территории Северной Осетии, качество воды реки Терек на протяжении пяти последних лет не отвечает

нормам для рыбохозяйственных водоемов. Серьезной проблемой для состояния реки Терек является водный объект «Собачья балка», представляющий собой сильно загрязненный также водоток, воды которого впадают в реку Камбилеевка – правый приток реки Терек. Для оздоровления реки в границах Северной Осетии необходимо строительство очистных сооружений канализации на реке Терек и в городах Владикавказ, Беслан и Моздок, локальных очистных сооружений перед впадением водного объекта «Собачья балка» в реку Камбилеевка. Необходимо также строительство обводного рыбоходного канала на реке Терек в районе Павлодольской плотины [9].

Итак, власти и СМИ Чеченской Республики обвиняют Северную Осетию, и не без оснований, Кабардино-Балкарию. Последняя, в свою очередь, указывает на загрязнения реки нефтепродуктами, которые могут попадать в нее только с территории Чечни.

Поиск «виновного» и распространение о нем информации в СМИ не решит экологическую составляющую проблемы, но может создать напряженность между субъектами СКФО, тем более, когда среди вовлеченных в проблему – участники известных «замороженных» конфликтов», застарелых и новых проблем. К сожалению, мы имеем возможность наблюдать, что поводом для обострения межэтнических отношений в регионе становятся ситуации и не столь опасные для человека, общества и природы, как загрязнение воды.

А ведь внешняя опасность может стать для региона и стимулом для объединения всех ресурсов, для выработки совместной экологической политики. В этой связи заслуживает внимания инициатива сенатора А. Тотонова, предложившего в феврале 2017 года на конференции, посвященной вопросам обеспечения экологической безопасности на территории СКФО, разработать федеральную программу, направленную на решение проблем Терека и сопутствующих экологических вопросов: «Ситуация крайне тревожная, учитывая то, что Каспий хоть и воспринимается нами как море, но на самом деле является озером, не имеющим связи с мировым океаном, а, следовательно, и способности к очищению и самогенерации», – заявил сенатор и от имени своих коллег по Федеральному Собранию призвал объединить усилия с общественной палатой и специалистами в этой области и приступить к разработке федеральной программы, направленной на решение проблем Терека и сопутствующих экологических вопросов [10].

Общественная палата РСО-Алания поддержала инициативу регионального министерства природных ресурсов и экологии о включении проекта «Оздоровление реки Терек» в нацпроект «Экология» и обратилась к общественным палатам республик, входящих в бассейн Терека, совместно добиваться решения этой острой экологической проблемы. Экс-

перты Общественной палаты считают, что оздоровлению бассейна реки Терек на территории Северной Осетии способствовала бы реализация таких мер, как очистка от мусора берегов реки, выемка донных отложений из Терека в районе Павлодольской плотины, расчистка русла реки Собачья Балка, строительство очистных сооружений во Владикавказе, Беслане, Моздоке, а также обводного рыбоходного канала в районе Павлодольской плотины [11].

В мае 2018 года во Владикавказе состоялась конференция общественников СКФО, в которой участвовало около 150 гражданских активистов из Чечни, Ингушетии, Дагестана, Карачаево-Черкесии и Ставрополья. На конференции было решено сформировать Координационный совет по экологии в СКФО, в который войдут представители Совбеза России, вице-президент РАН, а также руководители общественных советов, всех министерств и ведомств, имеющих отношение к охране окружающей среды. Правда, СМИ сделали акцент на том, что решения Координационного совета будут носить лишь рекомендательный характер при рассмотрении проектов экологически опасных объектов или разработке программ социально-экономического развития регионов.

В сложившейся ситуации следует обратить внимание и на общественные акции в РСО-Алания. Их трудно назвать многочисленными, но позитивный опыт не должен оставаться незамеченным.

В Северной Осетии под эгидой МЧС еще в 2014 году в России проходила Всероссийская акция «Чистый берег», в которую активно включились сотрудники Специализированной пожарно-спасательной части. Они очищали от мусора пойму реки Терек [12].

В августе 2018 года в РСО-А состоялась экологическая акция «Чистые берега Терека» в рамках общероссийского проекта «Вода России» по уборке водоемов и их берегов, организатором которой выступает Министерство природных ресурсов и экологии России. Как сообщала пресс-служба Минприроды РСО-А, на набережной реки за несколько часов было собрано около 50 мешков мусора. Проект реализовался с 1 июня по 15 сентября 2017 года, ежегодно он привлекал все большее число участников из разных регионов России. Сотни тысяч волонтеров по всей стране выходили дружными командами для очистки берегов водоемов. По завершении акции, как и в прошлые годы, все участники получили дипломы от Минприроды России, а организаторы, принесшие наибольшую пользу своему региону – памятные призы [13].

В 2016 году во Владикавказе волонтеры очистили водопад на Тереке от плавающего мусора. Участники необычной экологической акции на реке Терек выловили с поверхности воды у водопада несколько десятков килограмм плавающего мусора. За 2,5 часа работы вместе с энтузиастами выловили порядка 120 пластиковых бутылок, 15 канистр и даже

11 мячей. Все это уместилось в 10 мешков. Акция прошла в рамках очередного общереспубликанского субботника. Ее организаторы сами изготовили специальные снасти – садок из обручей и сети. Разделившись на две части, волонтеры приступили к весьма сложной операции: с одной стороны держали канат, другие тем временем водили садком по поверхности бурлящей воды, вылавливая плавающий мусор. «Подобный способ был изобретен мной 8 лет назад. Тогда мы очистили два водопада. Сегодня решили провести очередную акцию», – рассказал идейный вдохновитель акции, известный в республике хирург Казбек Кудзаев [14].

В последнее время прошло несколько экологических акций по инициативе молодежного крыла ОНФ РСО – Алания.

Заслуживают внимания и ежегодные акции для восстановления водных биоресурсов бассейна Каспийского моря, куда впадает Терек. В реку выпускают мальков каспийского лосося и форели. В 2016 году во Владикавказе было выпущено 10 тысяч мальков с Ардонского лососевого рыболовного завода. А основная масса выпускается ежегодно в местах, определенных в ходе мониторинга рек, чаще в Моздоке, за плотиной, чтобы этот малек весь уходил в Каспийское море [15].

Выпуск мальков редких видов рыб – часть плана мероприятий по искусственному воспроизводству водных биоресурсов в Кабардино-Балкарии. В начале 2019 года Кабардино-Балкарский филиал РусГидро совместно с Западно-Каспийским территориальным управлением Росрыболовства выпустил в реку Черек, бассейн реки Терек, более 70 тыс. молоди каспийского лосося.

Экологическая ответственность – это важнейший приоритет РусГидро как одной из крупнейших российских генерирующих компаний. Компания реализует масштабные социальные, гуманитарные, просветительские программы, акции и проекты в сфере экологии в регионах присутствия. За 5 лет филиал РусГидро в Республике выпустил в реку Терек и ее притоки более 1,5 млн мальков ценных рыб. Прошлая акция состоялась летом 2018 года. Река Баксан и ее притоки пополнились более 74 тыс. мальков краснокнижной ручьевой форели. Зарыбление водоемов – не единственное мероприятие, направленное на сохранение биоресурсов Республики. Плотины гидроэлектростанций Каскада Нижне-Черекских ГЭС оборудованы рыбоходами, которые позволяют ценным видам рыб свободно проходить на нерестилища. Второй этап экологической акции гидроэнергетиков в 2019 году состоялся в апреле. В течение двух недель в реки Терек, Баксан, Черек, Чегем и Малка выпущено 140 тыс. мальков ручьевой форели – редкого и особо ценного представителя лососевых. До конца текущего года планируется выпустить еще 110 тыс. мальков.

Безусловно, общественные и частные инициативы приносят большую пользу, способствуют и охране природы, и оптимизации социальных

настроений. Но они не имеют системного характера, в них вовлечена незначительная часть общества. Развитие экологического движения тоже должно стать частью общерегиональной политики, должно объединять людей из разных субъектов.

1. www.grozny-inform.ru
2. <http://iryston.tv/ru/80-ochistnyh-sooruzhenij-respubliki-ne-rabotaet/>
3. <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6239146>
4. <http://region15.ru/rosprirodnadzor-chechni-nameren-cherez-sud-vzyskat-uscherb-s-vinovnogo-v-zagryaznenii-reki-terek>
5. <http://region15.ru/terek-zagryaznyayut-othody-zavodov-kbr-i-severnoy-osetii>
6. <https://www.kavkazr.com/29840619.html>
7. <http://region15.ru/issledovaniya-prob-vody-tek-terek-i-kambileevka-pokazali-ih-nesootvetstvie-sanpinu/>
8. <http://gradus.pro/v-severnoj-osetii-vodokanal-slivaet-nechistoty-v-terek/>
9. <http://region15.ru/rosprirodnadzor-chechni-nameren-cherez-sud-vzyskat-uscherb-s-vinovnogo-v-zagryaznenii-reki-terek>
10. <http://region15.ru/aleksandr-totoonov-predlozhil-razrabotat-federal-nuyu-programmu-po-resheniyu-problem-tereke/>
11. https://www.oprf.ru/ru/about/interaction/region_chambers/431/2584/
12. <http://gradus.pro/pozharny-e-ubrali-bereg-tereke/>
13. <http://region15.ru/page/3/?s=%E2%80%94%D0%92%E2%80%93%93%C2%B5%E2%80%94%D0%90%E2%80%93%93%C2%B5%E2%80%93%D0%87>
14. <http://region15.ru/vo-vladikavkaze-volontery-ochistili-vodopad-na-tereke-ot-plavayuschego-musora/>
15. <http://gradus.pro/vo-vladikavkaze-v-terek-vy-pustili-okolo-10-ty-syach-mal-kov-kaspijskogo-lososya-i-foreli/>

**Л.М. Баликоева,
кюпн, старший преподаватель СОГУ им. КЛ. Хетагурова,
А.Э. Гутиев,
магистрант СОГУ им. КЛ. Хетагурова
(г. Владикавказ)**

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ФОРМА МЕСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В рамках системы местного самоуправления выделяются две формы народовластия: опосредованная демократия и представительная демократия. Местное самоуправление не входит в систему органов государственной власти, но наравне с ними составляет единую публичную власть России. У государственных и муниципальных органов власти не может быть разных интересов, поскольку один источник формирования – народ. Интересы государства и отдельных его территорий могут не совпадать. Это связано с различием как государственного, так и публичного профита.

Ключевые слова: *местное самоуправление, власть, государство, народ.*

Within the system of local Authorities two forms of democracy can be distinguished: indirect democracy and representative democracy. Local self-government is not included in the system of State Authorities, but on a par with them is the unified public authority of Russia. State and Municipal Authorities cannot have different interests, since the only source of formation is the people. The interests of the state and its individual territories may not coincide. This is due to the fact that it is necessary to distinguish between state and public interest.

Keywords: *Local Government, Government, State, people.*

Основу организации власти на местах составляют выборные представительные органы и выборные должностные лица местного самоуправления. Выборный представительный орган местного самоуправления по предложению администрации утверждает местный бюджет, вводит или отменяет местные налоги и сборы, а также принимает положение (устав) о местном самоуправлении, контролирует деятельность главы местного самоуправления. Остальные полномочия, предусмотренные законом, реализует местная администрация. Глава администрации вправе выносить на референдум проект положения (устава) о местном самоуправлении, председательствовать на заседаниях представитель-

ного органа; «через образуемые им органы местного самоуправления управляет муниципальным хозяйством, распоряжается имуществом и объектами муниципальной собственности» [1], разрабатывает местный бюджет, обеспечивает его исполнение; может являться членом представительного органа местного самоуправления. И это мотивируется тем, что «глава муниципального образования и иные выборные должностные лица местного самоуправления наделяются собственной компетенцией по решению вопросов местного значения в соответствии с уставом муниципального образования» [2].

Известно также, что, помимо замеченного, глава администрации муниципального образования (или другое выборное должностное лицо местного самоуправления) подотчетен населению непосредственно и представительному органу местного самоуправления (в соответствии с уставом муниципального образования).

В течение длительного времени федеральная власть практически не уделяла внимания проблемам местного самоуправления и муниципальной собственности. В конечном итоге это непосредственно сказывается на уровне жизни населения в российских городах и селах. Одним из источников сложившейся ситуации является, думается, низкое качество законодательной базы местного самоуправления.

В настоящее время приняты и действуют более ста тысяч нормативно-правовых актов, регулирующих организацию и деятельность органов местного самоуправления. Законодательная база, определяющая экономическую и хозяйственную деятельность органов местного самоуправления, безусловно, далека от полноты и совершенства и не обеспечивает самостоятельности местного самоуправления в решении вопросов местного значения.

Федеральный закон от 6 октября 2003г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» прямо предусматривает, что местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации, признается, гарантируется и осуществляется на всей территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 1) [2].

Местное самоуправление является также формой осуществления народом своей власти, которая обеспечивается в пределах, установленных Конституцией РФ, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов РФ. Решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций (ч. 2 ст. 1), – самостоятельно и под свою ответственность; оно же составляет определенный набор прав граждан России, обобщенно закрепленных в ст. 3 ФЗ 2003 г.

В этой связи ясно, что местное самоуправление может, с одной стороны, существовать вне организационных структур муниципальной власти (в рамках государственной модели местного самоуправления), а с другой – воплощаться в муниципальной власти как организационно обособленной от государства относительно самостоятельной формы публичной власти. Именно организационное обособление местного самоуправления от государственной власти – как функции по самоорганизацию и налаживанию совместной деятельности населения, проживающего на соответствующей территории, – придает ему характер муниципальной власти.

Муниципальная власть – особая, уникальная форма организации публичной власти как власти населения, проживающего на территории муниципального образования; она составляет одну из основ конституционного строя России, является обязательной на всей территории России, хотя и не относится к государственной власти. Но, будучи самостоятельной, весьма специфичной формой осуществления публичной власти, она не относится и к власти общественной.

В основе предлагаемого нами подхода лежит анализ более глубоких сущностных характеристик муниципальной власти и понимание сути местного самоуправления как выражения единства власти и свободы населения. Безусловно, это на правовом уровне должно получать свою реализацию в сочетании институтов публичной власти (властных возможностей решать вопросы местного значения) с институтами индивидуальных и коллективных прав граждан на местное самоуправление [3].

Категория «муниципальной власти» является одной из наиболее значимых и ёмких в теории и практике муниципальной демократии. Она не получила формализации в действующем законодательстве, но обоснована и широко используется Конституционным Судом РФ. Кроме этого, Конституционный Суд конституционализировал не имеющую формально-юридического закрепления категорию «публичная власть» в качестве родового понятия по отношению ко всем административно-территориальным уровням организации населения в РФ.

Заметим, что это означает то, что органы власти РФ, субъектов РФ и муниципальных образований организационно и функционально связаны общими конституционными принципами управленческого воздействия на общественные отношения. Соответственно, они образуют единый уровень гарантирования прав и свобод граждан, составляющих территориальные коллективы, выступающих объектом такого воздействия.

Само понимание местного самоуправления как признаваемой и гарантируемой Конституцией РФ территориальной самоорганизации населения обуславливает необходимость учёта природы муниципальной власти как власти местного сообщества и особенностей институтов местного самоуправления как наиболее приближенных к населению.

Местное самоуправление – особая форма публичной власти. Это обстоятельство требует при раскрытии его конституционной природы обращения к конституционным параметрам соотношения государственной власти и местного самоуправления, а также установления места и роли муниципальных структур в общей системе российской государственности.

Различают по сути две противоположные модели местного самоуправления.

Первая – общественная, основана на противопоставлении государства и общества, провозглашении принципа полной автономии и независимости (по отношению к государству и его органам) местных сообществ и, соответственно, органов местного самоуправления в осуществлении ими своих задач. Вторая же – государственная, когда самоуправление рассматривается лишь как одна из форм децентрализации государственного управления на местном уровне его реализации.

Какой же из данных подходов отвечает положениям действующей Конституции? Считаем, что нет необходимости сохранять «стерильную» чистоту сферы муниципального управления в соотношении с управлением государственным; с другой стороны, муниципальная власть нуждается в надежных государственных гарантиях самостоятельности. Мировой опыт свидетельствует, что сказанное может лечь в основу развития местного самоуправления в органическом единстве с системой государственно-властного управления, тем более, если речь идет о государстве с недавним тоталитарным прошлым.

Местное самоуправление и государственная власть, согласно ст.12 Конституции РФ, не могут рассматриваться как изолированные по отношению друг к другу явления. Будучи организационно обособленными публично-властными структурами, они находятся в сложной системе взаимосвязей, характеризующихся социально-целевым единством их предназначения.

Нормативное содержание таких взаимосвязей в принципиальном, обобщенно-систематическом варианте определяется положениями ст. 1, 2, 3, 7, 17 и 18 Конституции РФ.

Из приведённых выше статей исходит, что государство в целом, выступая в качестве сложной организационно-правовой формы управления публичными делами – общенационального, регионального, местного уровня – обеспечивает выполнение своих функций, гарантирует реализацию прав и свобод человека и гражданина на всей территории, независимо от места жительства.

Известен также факт отказа от модели определения состава полномочий органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ в области местного самоуправления, при которой

они закреплялись в качестве исчерпывающих перечней (соответственно, ст.4 и 5 ФЗ). В рамках нового правового регулирования федеральный законодатель использовал принципиально, новый подход, определив круг названных полномочий через указание на их родовые признаки.

Так, к полномочиям федеральных органов государственной власти в области местного самоуправления отнесено следующее:

определение общих принципов организации местного самоуправления в РФ, устанавливаемых ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»;

правовое регулирование по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ прав, обязанностей и ответственности федеральных органов государственной власти и их должностных лиц, органов государственной власти субъектов РФ и их должностных лиц в области местного самоуправления;

правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности граждан, органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления по решению вопросов местного значения;

правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления наделены федеральными законами в порядке, установленном рассматриваемым ФЗ (ч.1 ст.5).

В свою очередь, на органы государственной власти субъектов РФ возложены полномочия по

правовому регулированию вопросов организации местного самоуправления в субъектах РФ в случаях и порядке, установленных настоящим Федеральным законом; правовому регулированию прав, обязанностей и ответственности органов государственной власти субъектов РФ и их должностных лиц в области местного самоуправления в случаях и порядке, установленных федеральными законами;

правовому регулированию прав, обязанностей и ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления по предметам ведения субъектов РФ; в пределах полномочий органов государственной власти субъектов РФ – по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ;

правовому регулированию прав, обязанностей и ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления наделены законами субъектов РФ в порядке, установленном рассматриваемым ФЗ (ч. 1 ст. 6).

Заметим, что уже при первоначальном понимании приведенных законоположений очевидно, что действующий ФЗ об общих принципах

организации местного самоуправления на уровне разграничения предметных сфер и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти фактически вводит презумпцию принадлежности регулятивных полномочий в области местного самоуправления Российской Федерации в целом, а для субъектов РФ установлен, по существу, своеобразный «разрешительный» режим нормотворчества в указанной сфере.

При таких условиях возможности для компетенционного взаимодействия Российской Федерации и ее субъектов в области местного самоуправления оказываются чрезвычайно суженными.

Действительно, по сути компетентное взаимодействие предполагает совместную скоординированную, но при этом самостоятельную реализацию, в частности, федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ своих полномочий в области местного самоуправления. Введение же разрешительно-дозволительных режимов в данной сфере деформирует механизмы компетенционного взаимодействия, превращая взаимодействие в одностороннее нормативное воздействие.

Такое положение актуализирует вопросы, связанные с обеспечением самостоятельности местного самоуправления, четкого определения круга вопросов местного значения, вмешательство в которые со стороны органов государственной власти не допустимо.

Вместе с тем при всех положительных моментах ФЗ о местном самоуправлении 2003 г., связанных с более четкой регламентацией вопросов местного значения, их распределением и дифференциацией по типам муниципальных образований, нельзя не заметить, что федеральному законодателю не удалось последовательно вычлнить сферу компетенционной самостоятельности местного самоуправления.

В таких ситуациях особое значение приобретает конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления, его реализация в законодательной и правоприменительной практике.

Можно выделить три ключевых аспекта принципа самостоятельности местного самоуправления, получивших обоснование, в частности, в решениях Конституционного Суда РФ.

Во-первых, недопустимость нарушения самостоятельности местного самоуправления Федеральным законом.

Системный анализ деятельности федерального конституционного правосудия в данной сфере, безусловно, позволяет отметить, что, признавая названный принцип в качестве значимого конституционного установления с использованием ссылок на него в подавляющем большинстве решений, касающихся вопросов местного самоуправления, Конституционный Суд РФ вместе с тем по общему правилу не исключает ограниче-

ние федеральным законодателем пределов самостоятельности местного самоуправления. Это надо понимать, как фактическое вмешательство в самостоятельность местного самоуправления в пределах ранее признанных ее границ, исходя из интересов обеспечения прав граждан в сфере местного самоуправления.

Во-вторых, недопустимость ограничения самостоятельности местного самоуправления региональными законами. Надо отметить, что на начальном этапе развития местного самоуправления муниципальные образования располагали правом урегулировать многие вопросы институционализации и реализации местного самоуправления самостоятельно.

Не секрет, что большинство из них в силу объективных причин, как-то: отсутствие квалифицированного кадрового состава; недостаточный опыт практического решения муниципальных проблем; отсутствие налаженных каналов информационного обмена между различными муниципальными образованиями и др., не могли способствовать формированию качественной, адекватной потребностям правоприменительной практики, муниципальной нормативной правовой базы, которая отвечала бы требованиям Конституции РФ, федерального и регионального законодательства.

Вместе с тем на начальном этапе развития местного самоуправления в Российской Федерации (впрочем, и в современных условиях его существования) не сложились четкие критерии понимания сущности и значения институтов местного самоуправления, определения их места в системе институтов российской государственности, а также – что более важно в практическом плане – подходы к соотношению местного самоуправления и государственной власти, административно-территориального деления и территориальной основы местного самоуправления.

Существенно и то, что вопросы организации местного самоуправления тесно сопрягаются с проблемами межбюджетных отношений, в том числе и на уровне взаимоотношений субъектов Федерации и муниципальных образований. В подобной ситуации именно региональные законодательные акты порой объективно несли в себе угрозу самостоятельности местного самоуправления.

Правовые позиции о недопустимости ограничения, заметим, именно ограничения, а не только нарушения, самостоятельности местного самоуправления законами субъектов Федерации неоднократно формировались Конституционным Судом РФ применительно к различным вопросам местного самоуправления как общего, так и частного характера, касающихся, например, исключения институтов местного самоуправления из системы организации публичной власти на территории субъекта РФ или правомерности участия органов государственной власти субъектов РФ в механизме формирования органов местного самоуправления. Общим

направлением данных решений Конституционного Суда РФ является отстаивание идеи недопустимости вмешательства региональных властей в сферу самостоятельности местного самоуправления.

Третьим аспектом принципа самостоятельности местного самоуправления является самостоятельность местного самоуправления в пределах своих полномочий.

Данный аспект, в отличие от предыдущих, имеет не негативную (имеет в виду определение степени невмешательства органов государственной власти в сферу самостоятельности местного самоуправления), а позитивную направленность.

Позитивная направленность сказывается в возложении федеральными и региональными органами государственной власти обязанностей по обеспечению реальными возможностями – финансово-бюджетными, экономическими и юридическими – муниципальным образованиям самостоятельно, в пределах их полномочий оказывать решающее воздействие на состояние муниципальных дел.

1. Положение «Об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы» от 26 октября 1993 г. N 17-60 // <http://base.garant.ru/10102781/>

2. Федеральный закон от 28 августа 1995 года №154-ФЗ (в ред. от 17 марта 1997 года) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 19-95. №35. Ст.3-506. // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

**М.Р. Габараева,
мнс лаборатории прикладной социологии
и конфликтологии ВНЦ РАН**

**ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ДАГЕСТАНА К ВЛАСТИ
ПО МАТЕРИАЛАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
(В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 2019 ГОДА)**

В статье рассматривается отношение населения Республики Дагестан к региональному и центральному правительству с помощью контент-анализа таких социальных сетей, как Instagram и Вконтакте. По результатам анализа оценивается общее состояние общества за первое полугодие 2019 года, уровень агрессивности и оценка действий правительства.

Ключевые слова: контент-анализ, социальные сети, Республика Дагестан, общественное мнение, отношение к правительству.

The article examines opinions of citizens of the Republic of Dagestan about the regional and central government by conducting a content analysis of such social media as Instagram and V Kontakte using the posts from the first six months of 2019. The general state of society, the level of aggressiveness and criticism of government actions are analyzed based on the results of content analysis.

Keywords: content analysis, social media, the Republic of Dagestan, public opinion, opinion about the government.

С распространением Интернет-технологий общество получило доступ не только к большому количеству информации, но и возможность выразить свое мнение, объединяться и предпринимать коллективные действия. По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций на апрель 2019 года, количество пользователей Интернета в России достигло 92.8 млн. человек, что составляет 76% населения России [1]. Социальные сети стали частью гражданского общества. Популярность социальных сетей, таких, как Instagram, Twitter, Facebook, Вконтакте, обусловлена поиском единомышленников именно в Интернете. В результате взаимодействия пользователи трансформируются в социальную группу [2, 163-166]. Гражданская активность становится все более неразрывно связана с использованием Интернета и социальных сетей [3, 159-161].

К настоящему времени в западной политической науке создан пласт работ, посвященных влиянию коммуникационных технологий на общество. Джозеф Най делал акцент на «социальных конструкциях» в форме медиа [4]. Клэй Ширки исследует возможность новых медиа мобилизовать

политическую поддержку, показывая, как политически-активные группы координируют свои действия с помощью социальных сетей [5]. Современные формы организации гражданского общества с помощью социальных сетей изучают также М. Кастельс [6], О.Н. Яницкий [7, 113-124], И.В. Мерсианова, Л.И. Якобсон [8]. В своих работах авторы пытаются связать причины активизации общественной деятельности в России и мире с распространением социальных сетей.

Социальные сети также представляют интерес для изучения настроения общества. Контент-анализ позволяет в короткие сроки обработать большое количество постоянно публикуемых пользователями комментариев. Под контент-анализом понимается «методика выявления частоты появления в тексте определенных, интересующих исследователя, характеристик, которая позволяет ему делать некоторые выводы относительно намерений создателя этого текста или возможных реакций адресата» [9]. Такая методика анализа направлена на объективное изучение текстов «с целью исследования социальных процессов (объектов, явлений), которые эти тексты представляют» [9].

В данном исследовании рассматривается отражение отношения к органам власти в социальных сетях в Республике Дагестан за первое полугодие 2019 года. Были собраны посты и комментарии в нескольких крупных сообществах в Instagram (echo_dagestana, dagestan.inform, vestidagestan) и Вконтакте (Голос Дагестана) с января по июнь 2019 года, касающиеся местных и российских депутатов, чиновников и органов законодательной и исполнительной власти в целом. За месяц публикуется приблизительно 8 соответствующих постов в обеих социальных сетях. В среднем под каждым постом публикуется около 150 комментариев. Такое количество комментариев позволяет делать предварительные выводы о реакции общества на действия власти.

Количество постов и общая сумма комментариев

	Посты	Комментарии
Январь	8	1708
Февраль	8	1074
Март	8	1710
Апрель	7	1081
Май	4	566
Июнь	8	1700

Для анализа были выделены следующие категории:

- властные структуры Республики Дагестан и Российской Федерации;
- тип комментариев по содержанию – агрессивные, критические, в том числе и конструктивно-критические, позитивные.

На рис. 1 представлено общее количество комментариев, касающихся деятельности властных структур Российской Федерации и Республики Дагестан.

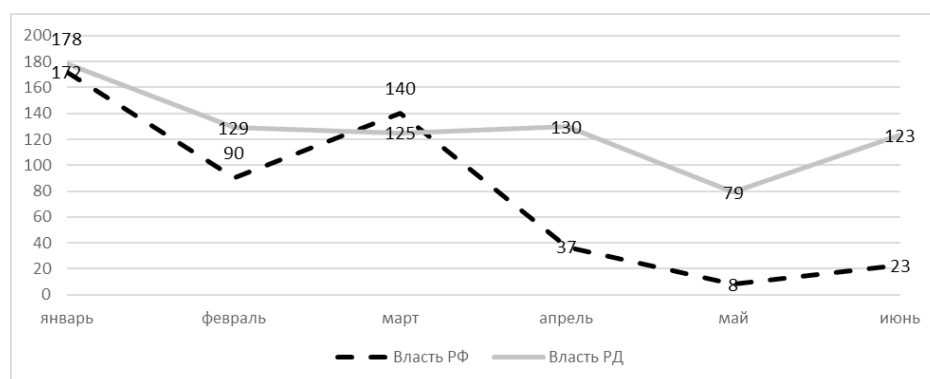

Рис. 1. Общее количество комментариев о правительствах РФ и Республики Дагестан

Эти данные зависят, в первую очередь, от публикуемых новостей. Число комментариев о властных структурах Дагестана остается примерно на одном и том же уровне, поскольку новости о действиях региональных властей публикуются постоянно. Новости же о действиях властей РФ появляются не стабильно. К примеру, в начале года публиковались прогнозы на повышение цен и налогов в новом году, что и стало причиной большого количества комментариев. Всплеск, произошедший в марте, объясняется принятием закона о «неуважении к власти».

Как таковая агрессия в комментариях практически отсутствует (рис. 2). Большая часть комментариев содержит в себе критику правительств Республики Дагестан и Российской Федерации, но при этом остается в рамках сдержанной критики. Агрессивные и провокационные комментарии обычно удаляются администраторами сообществ, однако по оставшимся ответам на подобные комментарии можно говорить о том, что большая часть участвующих в обсуждении проводит своеобразные «воспитательные беседы» с особо агрессивными пользователями. Всплеск агрессивных комментариев по отношению к властям РФ в марте связан с неодобрением закона о «неуважении к власти».

Позитивные комментарии появляются лишь как реакция на негативный пост, в котором изначально присутствует критика власти (рис. 3). Тогда в комментариях многие пользователи выражают свое возмущение таким поведением администратора и призывают дать шанс чиновникам. Особенно часто такие комментарии присутствовали при обсуждении назначения нового мэра города Махачкала, произошедшего в январе. Такой же позитив присутствовал в комментариях под новостью о строи-

тельстве депутатом народного собрания дорог в горных районах республики [10].

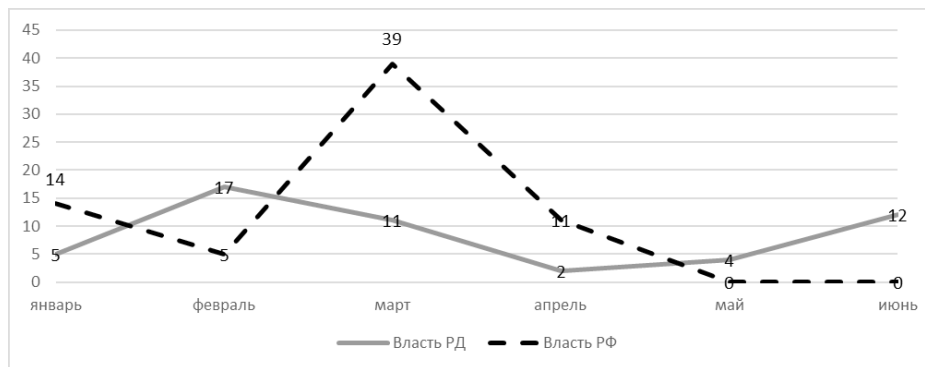

Рис. 2. Количество агрессивных комментариев

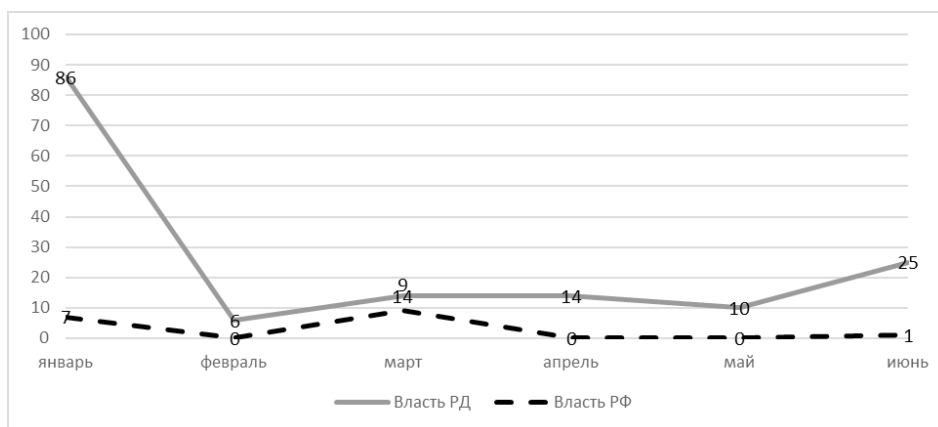

Рис. 3. Количество позитивных комментариев

Большая часть оставляемых комментариев содержит критику действий правительства (рис. 4). Пользователи чаще всего выражают недовольство повышением цен на топливо, повышением налогов и коррупцией. Именно поэтому максимальное количество критики власти России приходится на январь 2019 года, где публиковались прогнозы на повышение цен и налогов.

При критике главы Дагестана Владимира Васильева чаще всего пишут о том, что он, не являясь дагестанцем, не может искренне переживать и заботиться о благополучии республики. Часто его называют инициатором повышения налогов, а также обвиняют в неспособности решить также насущные проблемы республики, как проведение газа и воды в горные села, вопроса о мусоре, загрязнении рек и Каспийского моря.

Максимальной критике Васильев подвергся в ситуации с демаркацией границ между Чечней и Дагестаном. Однако одновременно с этим большая часть пользователей в этой ситуации обвиняла главу Чеченской Республики Рамзана Кадырова, чем и объясняется небольшое снижение критических комментариев в мае-июне (рис. 4).

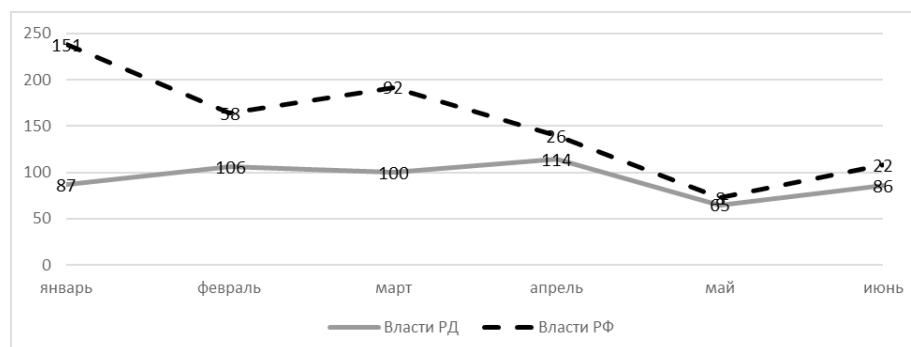

Рис. 4. Количество комментариев, содержащих критику

В небольшом количестве присутствуют обсуждения возможности суверенитета Дагестана и выхода из состава Российской Федерации. Таких комментариев довольно мало. Большая их часть присутствует под постом о нефтяных богатствах Дагестана, из-за чего некоторые пользователи посчитали, что их республика способна существовать и самостоятельно. Однако число несогласных с этой позицией пользователей примерно такое же (рис. 5). Появление подобных комментариев в июне объясняется ситуацией на границе между Дагестаном и Чечней, что, по мнению небольшого количества пользователей, могло быть попыткой центральной власти «сравнить» кавказские народы. Однако ответом на такие комментарии было убеждение, что без Российской Федерации ситуация на Кавказе станет лишь хуже.

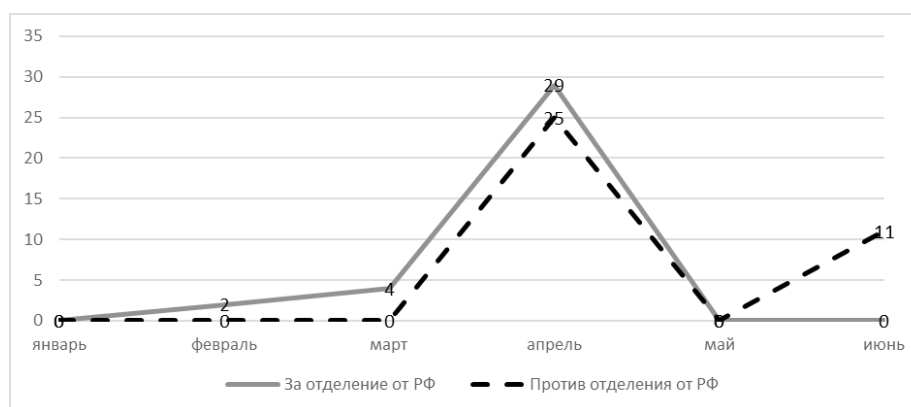

Рис. 5. Комментарии об отделении Дагестана от России

Несмотря на то, что явной агрессии по отношению к власти со стороны населения Дагестана не наблюдается, можно говорить об общем недовольстве действиями власти, а также об отсутствии надежды на положительные изменения. Любые посты о новых совершившихся или возможных назначениях встречаются сомнениями в состоятельности депутатов и чиновников, к которым у дагестанцев нет доверия.

В данном исследовании представлена лишь небольшая характеристика ситуации в Республике Дагестан в первой половине 2019 г. Количество данных, которые можно обработать подобным образом, огромно, что и делает контент-анализ одним из лучших и быстрых способов анализа социальных сетей. Даже небольшой анализ социальных сетей позволяет говорить о формировании в Дагестане гражданского общества и дает возможность власти оперативно отслеживать состояние общества и реакцию на свои действия.

1. РАЭК: Аудитория Рунета достигла 92.8 млн. человек [электронный ресурс] URL:<https://rg.ru/2019/04/17/raek-auditoria-runeta-dostigla-928-milliona-chelovek.html> Дата обращения: 28.09.2019.

2. Маковеева В.В. Сетевое взаимодействие – ключевой фактор развития интеграции образования, науки и бизнеса // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354.

3. Соколов А.В., Маклашин И.С. Сетевая гражданская активность в современной России // Вестник КГУ им. Н.А.Некрасова. 2013. № 6.

4. Nye, Joseph S. The Powers to Lead. Oxford University Press, 2008

5. Shirky, Clay. Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations, 2008.

6. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

7. Яницкий О.Н. Мобилизационный потенциал гражданского общества // Мир России. 2011. № 2.

8. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. 220 с.

9. Федотова Л.Н. Анализ содержания – социологический Ф34 метод изучения средств массовой коммуникации. М.: Институт социологии РАН, 2001.

10. В Дагестане депутат за свой счет строит дороги и ведет воду в села [электронный ресурс] URL: <https://news-r.ru/news/dagestan/275500/>. Дата обращения: 28.09.2019.

**А.М. Янадамов,
студент ЧГУ
(г. Грозный)**

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНСТИТУЦИОННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

В статье анализируются события рубежа XX-XXI веков. Кризисные явления в регионе в этот период неразрывны от общего социально-экономического кризиса в России.

Актуальность данной темы определяется новой системой федеративных отношений на постсоветском пространстве. С распадом СССР Северокавказский регион и, прежде всего Чечня, стал полигоном, где испытывалась на прочность российская национальная политика.

Системная трансформация советской системы особенно остро проявилась в Чеченской Республике, которая в 1990-е гг. оказалась в центре военного кризиса.

Военные действия в Чечне наглядно показали, к чему приводит ослабление централизованной власти. Складывание новых моделей республиканского государственного устройства связано как с общеполитической ситуацией в стране, так и с конкретными региональными особенностями.

Ключевые слова: *Россия, Чеченская Республика, конституция, референдум, государство, общество.*

Abstract: *The article analyzes the events of the turn of the XX-XXI centuries. The crisis in the region during this period is inseparable from the general socio-economic crisis in Russia.*

The relevance of this topic is determined by the new system of federative relations in the post-Soviet space. With the collapse of the USSR, the North Caucasus region and, above all, Chechnya became a testing ground where Russian national policy was tested for strength.

The systemic transformation of the Soviet system was particularly acute in the Chechen Republic, which in the 1990s. It was at the center of a military crisis.

The military actions in Chechnya clearly showed what the weakening of centralized power leads to. The formation of new models of the republican state system is connected both with the general political situation in the country and specific regional features.

Keywords: *Russia, Chechen Republic, constitution, referendum, state, society.*

Трансформации конца 1980-х – начала 1990-х гг. коснулись всех уровней государственной вертикали: федеральной, региональной, субрегиональной, локально-групповой, индивидуальной, побуждая к поиску новых видов институализации.

Транзит от советской системы к либерально-демократическим нормам новой России проходил через этап суверенизации республик. Политико-правовой базой этого транзита стал «Федеральный договор» (1992 г.) и Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г. [1, 50]. Становление современных конституционно-правовых федеративных взаимоотношений Российской Федерации и Чеченской Республики происходило под воздействием изменений периода перестройки советского общества позднесоветского периода. Кризис федеративной государственности СССР и РСФСР, в состав которых входила Чечено-Ингушская АССР, оказал воздействие на последующее развитие общественно-политической ситуации во всем государстве. 27 ноября 1990 г. Верховный Совет Чечено-Ингушской АССР принимает «Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики». В ней Чечено-Ингушская Республика провозглашалась в качестве суверенного государства. При этом суверенитет Чечено-Ингушской Республики рассматривался как естественное и необходимое условие существования государственности Чечено-Ингушетии. Устанавливалось верховенство Конституции и законов Чечено-Ингушской Республики на всей ее территории. Она рассматривалась как основа для разработки новой Конституции Чечено-Ингушской Республики. Декларацией провозглашалась справедливость требований ингушского народа о восстановлении национальной государственности, возврат отторгнутых территорий Ингушетии выдвинуто в качестве условия заключения союзного договора.

В стране отсутствовали четкие критерии федеративного устройства. Последующее развитие событий в Чечне приводит к фактическому сепаратизму [2, 209; 212-213].

Чеченская Республика возникла в сентябре-ноябре 1991 г. в результате развала бывшего СССР. День официального объявления – 1 ноября 1991 г. [3, 287].

Избрание Д.Г. Завгаева первым секретарем обкома КПСС было воспринято как победа национально-патриотических сил и отмечалось как народный праздник. Чеченский народ связывал с этим событием надежды на решение назревших национальных проблем. Русские и русскоязычные жители республики, видя неизбежность избрания на высший пост в республике представителя этнического большинства, также сделали выбор в пользу Д.Г. Завгаева, считая его пророссийским, предсказуемым политиком, способным сохранить власть партаппарата, мир и стабильность в ЧИР [4, 32]. Вместе с тем в «Декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики» содержалось ряд важных фундаментальных

положений, а именно: многопартийность, разделение властей, недопустимость дискриминации личности, необходимость вступления в договорные отношения с другими республиками на основе равноправия.

Следует также отметить, что «Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики» была принята одной из самых последних [5, 163]. Современная теория считает, что конституционализм представляет собой, во-первых, общественно-политическую систему, опирающуюся на конституционные методы правления, во-вторых, сложную общественно-политическую и государственно-правовую категорию, основу которой составляют идеалы конституционной демократии. Конституционализм включает в себя: наличие определенных институтов власти, соответствующих конституции политического режима и системе ценностей.

Конституция Чеченской Республики 12 марта 1992 года: в нее вносились изменения и дополнения дважды – Законом от 11 ноября 1996 года и Законом от 3 февраля 1997 года. Чеченская Республика по форме правления провозглашалась президентской республикой, в первой редакции Конституции ЧР объявлялось создание светского государства [5, 217-218]. Важнейшим фактором, который способствовал бы упрочнению мира и согласия в Чеченской Республике, декларировалось обеспечение безопасности гражданского населения, неукоснительное соблюдение прав и свобод представителей всех национальностей, проживающих в ней, а также дальнейшее развитие демократических институтов и гражданского общества [6, 128].

Но в 90-х годах XX века в Чечне потерпели полный провал две попытки создания независимого государства – как светского, так и государства, базирующегося на идеологии «ваххабизма».

В 2000 г. Чеченская Республика имела пессимистичный экономический прогноз и полный набор характерных черт слаборазвитого региона: с низким уровнем развития промышленности; массовой безработицей; слабой инфраструктурой и т.д. В первое время относительная стабильность в Чеченской Республике достигалась за счет ресурса федерального центра, но для окончательного выхода Чечни из общественно-политического кризиса необходимо было усилие самого чеченского общества.

Москва сделала ставку на укрепление чеченской элиты, концентрации политической власти в руках одной личности, т.е. создание авторитарной модели управления в лице А.А. Кадырова, а затем и Р.А. Кадырова. В управление субъектом Федерации была включена местная националистическая элита, которой была оказана силовая и экономическая поддержка, что привело к позитивному результату: завершению конфликта в Чечне и превращению республики в образец «Нового Кавказа».

На Референдуме 23 марта 2003 г. была принята Конституция Чеченской Республики, которая заложила основы дальнейшего общественно-политического развития чеченского народа.

Продолжением позитивного национально-государственного строительства, начатого мартовским референдумом, были выборы Президента Чеченской Республики 5 октября 2003 г.

Референдум по Конституции Чеченской Республики был успешно проведен 23 марта 2003 г., он явился переломным событием в новейшей истории Чечни. Согласно официальным данным, в Референдуме участвовало 89,48% граждан, внесенных в списки для голосования. За новую Конституцию высказались 95,37% избирателей.

Развитию государственной национальной политики в Чеченской Республике способствует Концепция, утвержденная Указом президента Чеченской Республики от 09.04.2007 г. Она (Концепция) представляет собой систему взглядов, принципов и приоритетов в сфере общественно-государственных отношений; способствует также «гармонизации межнациональных отношений, обеспечению широкого развития языков и культур многонационального народа Чеченской Республики, интеграции чеченского общества в российское социокультурное пространство».

1. Эльбуздукаева Т.У., Изрипова Е.А. Национально-государственное строительство в Чеченской Республике в конце XX – первом десятилетии XXI в. М.: Парнас, 2018. 208 с.

2. Послевоенная реконструкция в Чеченской Республике и мировой опыт (1-е Кадыровские чтения). //Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Дня республики (Дня гражданского согласия и единения, г. Грозный, 3-4 сентября 2012 г.). Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2013. 560 с.

3. Жабраилов Р.Н. Чечня и чеченцы: прикосновение к исторической правде. (XIX-XX вв.). Махачкала, 2004. 302 с.

4. Гакаев Д.Д. Чеченский кризис: истоки, итоги, перспективы. В двух частях. М: изд. ЧКЦ, 1999. 128 с.

5. Конституционное и государственное строительство на Юге России: история и современность (2-е Кадыровские чтения) //Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Референдума 23 марта 2003 года и принятия Конституции Чеченской Республики (г. Грозный, 20 марта 2013 г.). Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2013. 672 с.

6. «От беззакония и хаоса – к порядку и закону (об исторической роли Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики)» // Материалы региональной научно-практической конференции (г. Грозный, 10 июня 2010 г.). – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2010. – 316 с.

**А.М. Дедюлина,
студентка ИСТиД СКФУ
(г. Пятигорск)**

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНОВ СКФО В ИНДУСТРИЮ 4.0

Развитие в современном мировом контексте приравнивается к трансформации в эпоху четвертой промышленной революции или Индустрии 4.0. Под понятием «Индустрия 4.0» понимается комплекс проектов, направленных на внедрение цифровых технологий и сети Интернет в производственные процессы, а именно автоматизацию производственных процессов, внедрение киберфизических систем в производство и наделение производственных мощностей искусственным интеллектом.

Ключевые слова: СКФО, Индустрия 4.0, информация, цифровизация, ИТ.

Development in today's global context is equated to transformation in the era of the fourth industrial revolution or Industry 4.0. The term «industry 4.0» refers to a set of projects aimed at the introduction of digital technologies and the Internet in production processes, namely the automation of production processes, the introduction of cyberphysical systems in production and the provision of production capacity with artificial intelligence.

Keywords: North Caucasus Federal District, Industry 4.0, information, digitalization, IT.

Процесс модернизации социально-экономического уклада государств, в контексте регионального развития преломляется к динамике научно-технического прогресса, по средствам которого формируется инновационное пространство. Разработка и реализация современных технологий, т.е. инноваций, позволяет создать концептуально новые способы коллаборации для достижения стратегически важных целей в рамках территориального развития. В результате чего страны-лидеры на мировой арене закладывают в базу своего развития инновационную траекторию движения, в основе которой лежит формирование нового технологического пространства.

На протяжении развития человечества, начиная с 1784 года и до современного этапа, происходят четыре промышленные революции, каждая из которых характеризуется своими специфическими параметрами, представленными на рис. 1.

Рис. 1. Специфические параметры промышленных революций

Компьютеризация и цифровизация, а также открытия в данных областях открывают эпоху третьей промышленной революции, или «цифровой революции», которая начинается с 1970 года.

На сегодняшний день происходит постепенный переход от третьей промышленной революции к четвертой, начало которой берет начало с государственно-частной программы Германии «Индустрия 4.0», разработанной в 2011 году, т.е. основной целью данной стратегии является развитие экономики посредством автоматизированных производств, имеющих взаимосвязи с внешней средой, а также персонализированных цифровых производств. В рамках грантовой поддержки со стороны государства немецкими компаниями разрабатываются различные технологии.

По темпам реализации основных направлений четвертой промышленной революции основным лидером является Германия, однако и в других странах разработаны такие программы, как: «Connected Factories» (Япония), «Industrial Internet» (США), «Сделано в Китае 2025» (Китай). Данная тенденция актуализируется и в российской действительности, что является следствием принятия Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.08.2017 года программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

В результате анализа тенденций трансформации мирового сообщества в новую информационную эру предполагается поиск концептуально новых, т.е. инновационных, путей развития в различных сферах деятельности.

Рис. 2. Индустрия 4.0 и ее основные элементы

Основанием четвертой промышленной революции является процесс формирования цифрового пространства по средствам цифровых технологий и сети Интернет в производственные процессы, а именно внедрение киберфизических систем и автоматизацию производственных процессов, оснащение производственных мощностей искусственным интеллектом.

Индустрия 4.0 в своей совокупности состоит из нескольких ключевых элементов, или так называемых проектов, которые постепенно реализуются на практике (рис. 2).

Исходя из рисунка 2, переход в Индустрии 4.0 осуществляется по средствам реализации 9 основных ее компонентов, к которым относятся:

1. Интернет вещей (англ. Internet of Things);
2. Искусственный интеллект (англ. Artificialintelligence);
3. BigData (большие данные);
4. Облачные технологии (англ. Cloudcomputing);
5. Моделирование;
6. Дополнительная реальность (англ. AugmentedReality);
7. Интеграционная система;
8. Аддитивное производство (англ. Additivemanufacturing);
9. Кибербезопасность.

На сегодняшний день каждый третий житель России имеет доступ к сети Интернет и пользуется различным функционалом для определенных нужд. Однако следует отметить, что не вся территория страны оснащена «точками доступа». Существующий дисбаланс инновационного развития регионов становится главной угрозой для перехода в новое индустриальное пространство.

По статистическим данным известно, что основной объем пользователей сети Интернет приходится на Центральный федеральный округ – 86,2% (рис.3).

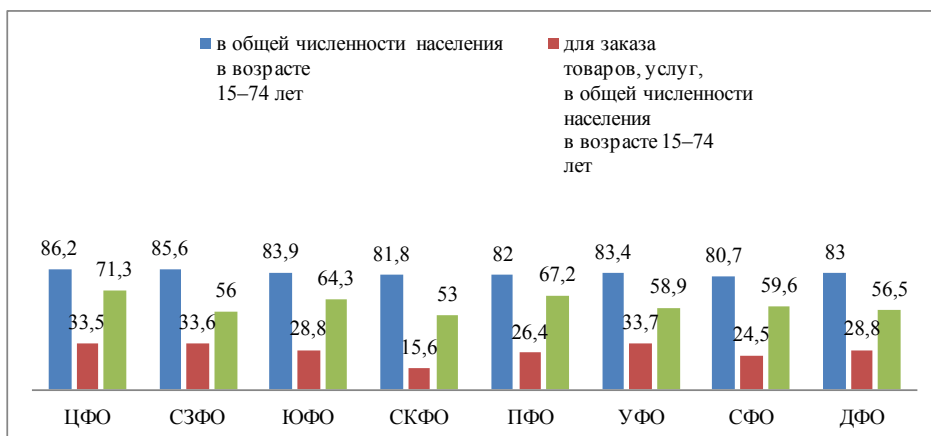

Рис. 3. Объем пользователей сети Интернет в субъектах РФ на 2017 год

Согласно статистическому сборнику Высшей школы экономики, в которой обозначены основные показатели развития цифровой экономики в субъектах Российской Федерации в 2017 году общая численность населения в возрасте 15-74 лет, пользующихся сетью Интернет в СКФО составила – 81,8 %. Среди регионов СКФО по данному показателю лидирует Республика Северная Осетия-Алания – 88,8% (рис. 4).

На сегодняшний день в регионах Северного Кавказа активизируется деятельность, направленная на цифровизацию экономики. Как следствие, переход в новую индустриальную эру по средствам цифровизации, относительно регионального развития разрабатываются пилотные проекты по созданию «умных городов», которые входят в концепцию Интернет вещей.

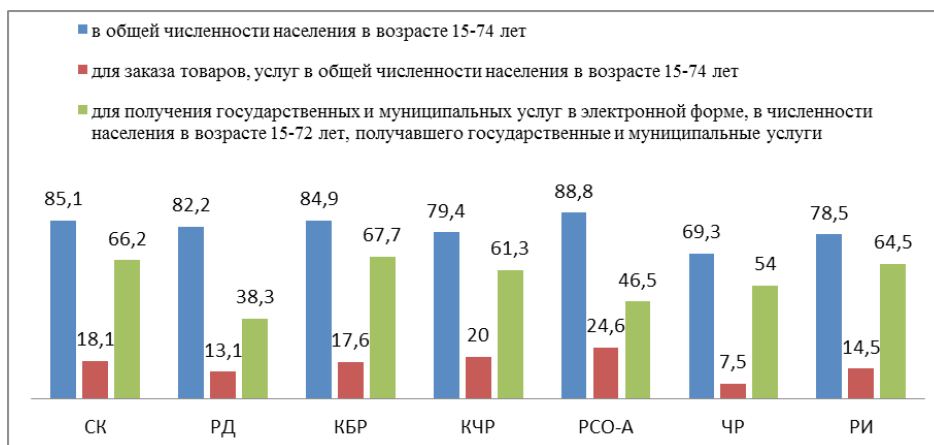

Рис. 4. Объем пользователей сети Интернет в субъектах СКФО

Однако реализация пилотных проектов «умных городов» обособляет проблему развития периферийных территорий, которые до сих пор не оснащены сетью Интернет, и для которых трансформация в новую технологическую эру практически невозможна в виду традиционного уклада жизнедеятельности. Как следствие, в рамках программы «Цифровая экономика Российской Федерации» возникает необходимость разработки подпрограммы, направленной на внедрение цифровых технологий в развитие периферий.

Данная тематика имеет особое значение для трансформации регионов Северо-Кавказского федерального округа в Индустрию 4.0, так как данная территория в большей части состоит из периферий.

В результате заданной тематики подробно рассмотрим территориальное развитие одного из регионов Северо-Кавказского федерального округа – Республики Северная Осетия.

Северная Осетия – одна из наиболее развитых республик Северного Кавказа. Хозяйство республики представляет собой целостное сочетание отраслей промышленного и сельскохозяйственного производства, строительного комплекса, транспорта, рекреационного хозяйства и социальной инфраструктуры. Важным показателем развития республики является валовой региональный продукт.

РСО-Алания – одна из крупнейших в России производителей цинка, свинца, кадмия, индия, серной кислоты, медного купороса, твёрдых сплавов, тугоплавких металлов, постоянных магнитов, некоторых электронных приборов и материалов, полимерных изделий, генераторов переменного тока, газовых плит, электроламп, гардинно-тюлевых изделий, гофрокартонной тары, водки, спирта, крахмала, патоки, овощеконсервной продукции, кукурузы на зерно, минеральной воды.

В структуре промышленного производства на первое место выходит цветная металлургия – 24,5 %. На втором месте стоит продукция машиностроения (16,2) и лёгкой промышленности (5,7%). На третьем месте – электроэнергетика – 15,2 %, на четвёртом пищевая промышленность – 13,9%. На долю промышленности стройматериалов приходится 6,6%. И другие отрасли – 20,4 %.

Агропромышленный комплекс не обеспечивает население большинством продуктов питания, а лёгкую и пищевую промышленность – сырьём.

Следовательно, для развития данной территории в эпоху индустриальных преобразований необходимо уделить особое внимание сельским территориям, которые в большинстве своем «отрезаны» от современных технологий и не обладают доступом к сети Интернет. Для решения данной проблематики становится необходимым создание цифрового пространства по средствам реализации облачных технологий и киберфизических систем в агропромышленный комплекс региона.

Таким образом, для перехода в новое экономическое пространство необходима не «точечная» цифровизация, а комплексная переориентация отраслевой структуры региональных экономик, предполагающая внедрение современных технологий не только в городскую среду, но и на периферийные территории. Цифровизация отраслей промышленности всех территориальных единиц региона способствует трансформации страны в новое промышленное пространство Индустрии 4.0.

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (от 28.07.2017 года №1632-р.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.government.ru/docs/28653/> (дата обращения: 20.11.2018 г.).

2. Мошкин И.В., Хубулова, В.В. Экосистема информационной экономики // Модернизация современного российского общества: взгляд молодежи. Ростов-на-Дону, 2011.

3. Мошкин, И.В., Романов В.А., Хубулова В.В, Губиева З.А. Облачные технологии в контексте проектного менеджмента // Вестник ЗабГУ. 2018. Т. 24. № 9.

4. Хубулова В.В., Хачиров А.Д. Промышленность в контексте цифровой экономики // Вестник Академии знаний, 2018. № 25 (2).

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

26-29 июня 2019 г. в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева прошла ежегодная Школа-конференция молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки».

Программа Школы-конференции включает лекции, мастер-классы, семинары, круглые столы и секционные заседания по актуальной проблематике в области истории, этнологии, культурологии, археологии, язы-

кознания, фольклористики, литературоведения, социологии и других гуманитарных дисциплин. Основные научные направления Школы-конференции: этногенетические и этнокультурные процессы на территории Центрального Кавказа в эпоху древности и средневековья; сохранение и изучение археологического, историко-культурного и документального наследия; социально-экономическое, политическое и этнокультурное развитие Кавказа в периоды российских общественных модернизаций; фундаментальные и прикладные исследования теории, структуры и исторического развития осетинского и других языков, языковой ситуации и языковой политики; духовные и эстетические

ценности фольклора; историко-сопоставительные исследования языка, мифологии и фольклора осетин, кавказских и иранских народов; литература народов Кавказа в контекстном пространстве региональной и общероссийской художественной культуры; анализ, мониторинг и прогнозирование модернизационных социальных, политических и этнокультурных процессов на Северном Кавказе.

Приветствуя участников форума, директор СОИГСИ **Залина Владимировна Канукова** отметила, что в этом году Школа-конференция проводится совместно с Министерством РСО-Алания по вопросам национальных отношений в рамках Государственной программы Республики Северная Осетия-Алания «Национально-культурное развитие осетинского народа на 2018-2020 годы». Финансовая поддержка позволила пригласить для проведения мастер-классов ведущих ученых России: представителей **Института археологии РАН, Института этнологии и антропологии РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова**, и др. Активными участниками Школы-конференции стали молодые ученые **Южной Осетии, Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Кабардино-Балкарского и Чеченского государственных университетов, исторического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова**, а также стажеры СОИГСИ – представительницы осетинской диаспоры Турции: **Дидем Кылыч** из Эгейского университета (Турция) и **Эмина Шагингез Цориты** из Франкфуртского университета Гёте (Германия).

«За свою 13-летнюю историю Школа-конференция СОИГСИ стала одним из флагманских международных научных форумов института, заняв свою нишу в требовательной кавказоведческой среде, ежегодно собирая как постоянных, так и новых участников на своих площадках. Мы по праву гордимся тем, что через нашу Школу-конференцию прошли путь от стажеров и аспирантов до кандидатов наук многие ныне состоявшиеся исследователи. Это дает нам стимул развиваться и расширять форматы нашей работы, предоставляя молодежи авторитетную площадку для научного общения, а

также содействовать важной задаче межэтнического взаимодействия в регионе», – подчеркнула **З.В. Канукова**.

Важность мероприятия для поддержки научной молодежи, для укрепления научных контактов с Южной Осетией и регионами Северного Кавказа отметил в своем выступлении министр Республики Северная Осетия-Алания по вопросам национальных отношений **Аслан Аркадьевич Цуциев**, курирующий Государственную программу РСО-А «Национально-культурное развитие осетинского народа на 2018-2020 годы».

Директор ВНЦ РАН **Алексей Львович Чибиров** выразил благодарность Правительству РСО-А, а также гостям за поддержку столь важного в условиях модернизирующегося северокавказского региона мероприятия и призвал и впредь принимать активное участие в работе научного форума. «Приезжали, приезжаем и будем приезжать», – заверил руководитель кабардино-балкарской делегации, постоянный участник Школы-конференции **Петр Абрамович Кузьминов**.

Пленарную часть Школы-конференции продолжила серия-мастер-классов ведущих ученых: «**Корпусные методы в исследовании осетинского языка**» кандидата филологических наук, доцента МГУ **Олега Игоревича Беляева** – создателя проекта «**Корпус текстов осетинского языка**», мощного и перспективного инструмента, который, несомненно, будет способствовать сохранению и развитию осетинского языка;

«**Хронология древностей Центрального Кавказа в VII – X вв. по материалам Даргавского катакомбного могильника**» кандидата исторических наук, научного сотрудника Института археологии РАН **Зарины Хаджи-Муратовны Албеговой**; «**Источники по изучению истории судебных преобразований на Центральном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв.**» доктора исторических наук, руководителя НОЦ КБНЦ РАН **Алексея Хасановича Абазова**; «**Актуальные проблемы современной фольклористики**» доктора филологических наук, старшего научного сотрудника СОИГСИ **Дианы Вайнеровны Сокаевой**; «**Объективная субъективность в исторических исследованиях кавказоведения**» доктора исторических наук, профессора КБГУ им. Х.М. Бербекова **Петра Абрамовича Кузьминова**; «**Проблемы современной исторической науки**» кандидата исторических наук, доцента ЮОГУ **Роберта Петровича Кулумбегова**.

По традиции теплая и по-кавказски добрососедская атмосфера Школы-конференции в этот раз была дополнена еще и особой торжественностью в связи с подготовкой СОИГСИ к своему 100-летию юбилею. Перед участниками форума выступили **Таму Берозты** и **Максим Дубровин**, исполнившие на национальных инструментах старинные мелодии. Сильнейшее впечатление на гостей произвело выступление ансамбля «**Уацамонгæ**». В рамках форума в институте работала книжная выставка научных трудов в области кавказоведения, которая включает редкие издания

– труды авторов 18-19 вв. или их репринты, советские кавказоведческие работы и современные издания.

Первый день Школы-конференции завершился экскурсией в Национальный музей РСО-А.

27 июня, второй день Школы-конференции, прошел в горном Даргавсе, где у молодых ученых была возможность побывать на месте археологических раскопок, послушать лекции непосредственных участников Даргавской археологической экспедиции СОИГСИ: докторов исторических наук **Аслана Ахсаровича Туаллагова** и **Руслана Георгиевича Дзаттиаты**. Участникам была проведена экскурсия по историко-архитектурному комплексу «Даргавс», где они смогли увидеть знаменитый Некрополь и ознакомиться с памятниками каменного зодчества – семейными башнями и замками.

28 июня в СОИГСИ им В.И. Абаева прошли секционные заседания: с докладами выступили молодые ученые из Чеченской Республики, приехавшие на конференцию во главе с научным руководителем, кандидатом исторических наук, профессором Чеченского государственного университета **Бирлант Борз-Алиевной Абдулвахабовой**; молодые ученые из Кабардино-Балкарской Республики – представители научной школы **П.А. Кузьминова**, участники делегации из Южной Осетии под руководством **Р.П. Кулумбегова**.

29 июня в СОИГСИ им. В.И. Абаева состоялось торжественное подведение итогов летней Школы-конференции молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки». Доклады участников, рекомендованные экспертами, публикуются в данном выпуске научного журнала «**Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых**», входящем в Российский индекс научного цитирования.

В Северной Осетии шесть студентов и молодых ученых стали обладателями стипендий им. Гриша Плиева и Васо Абаева в 2019- 2020 учебном году. Стипендия им. Васо Абаева назначена кандидату филологических наук, старшему научному сотруднику отдела фольклора и литературы СО-ИГСИ **Елизавете Борисовне Дзапаровой**. Мы поздравляем Елизавету и желаем ей дальнейших творческих успехов!

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 22, 2019

Научный журнал

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*

Компьютерная верстка — *А.В. Черная*

Дизайн — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 10.12.2019.

Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆, Бум. 80 гр.

Печать цифровая. Гарнитура шрифта «Mugiad»

Усл.п.л. 27,9. Тираж 100 экз. Заказ 93.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

362040, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.

362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3

e-mail: rio-soigsi@mail.ru